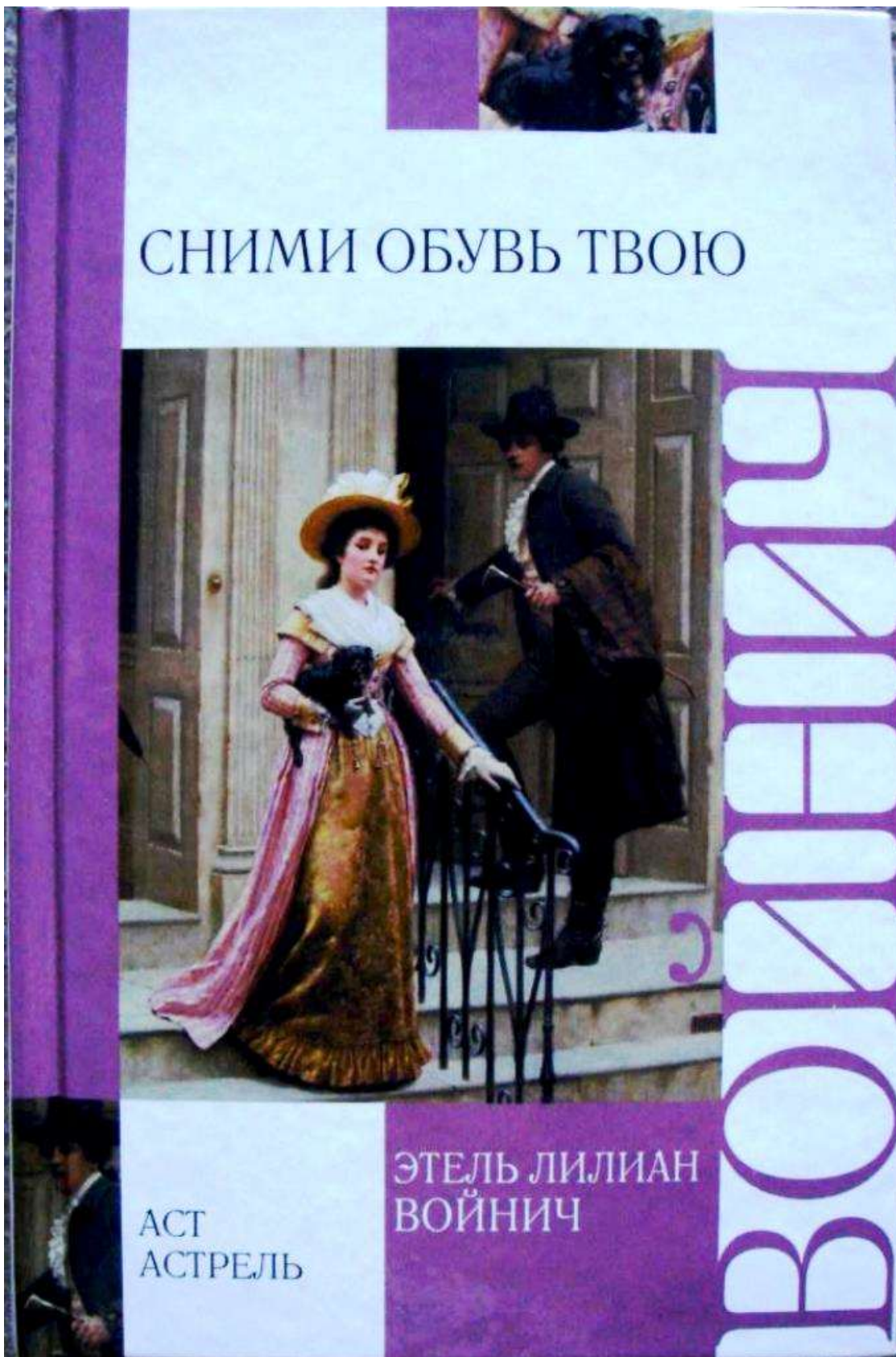

Этель Лилиан Войнич

СНИМИ ОБУВЬ ТВОЮ

СНИМИ ОБУВЬ ТВОЮ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН
ВОЙНИЧ

ВОЙНИЧ

*...Итуриэль своим копьем
Легко коснулся, ибо никакая ложь
Не сохранит свой облик перед ним,
Но против воли станет правдой вновь*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя «Сними обувь твою» и представляет собой вполне законченный роман, на самом деле он должен был бы открывать семейную хронику, охватывающую историю четырех поколений. Но серия этих романов – спутник всей моей жизни рождалась не в хронологическом порядке.

«Овод», действие которого происходит в Италии во время политических и идеологических конфликтов, приведших к революции 1848 года, был написан в 1897 году, когда я еще почти ничего не знала о предках его главного героя, наполовину итальянца. «Прерванная дружба» (1910 год) рассказывает об одном эпизоде из жизни того же героя. В 1911 году я оставила литературу и стала писать музыку. И два промежуточных романа – о юноше и девушке, детство и отрочество которых описаны в этой книге, и о их дочери, которая уехала в Италию и стала матерью Овода, – так никогда и не появились. О судьбе этих людей говорится в ПОСЛЕСЛОВИИ к роману «Сними обувь твою».

И вот после двух попыток показать духовную и эмоциональную жизнь вымышленного человека, после двадцати лет, отданных музыке, я в конце концов снова взялась за перо, чтобы проследить некоторые черты этого никогда не существовавшего характера в его предках. Этот обратный ход мысли удивляет меня больше, чем кого-либо. Если бы меня спросили, почему я решила на склоне лет заняться давно умершими английскими предками итальянского бунтаря, которые были для него в лучшем случае лишь ничего не значащими именами, моим единственным ответом было бы, что я не могла иначе и знаю об этом не больше, чем о других сторонах процесса появления на свет детей человеческого воображения. Я знаю только, что на протяжении всей моей долгой жизни эти и другие бесплотные создания моего духа, некоторые в человеческом образе, другие в форме музыкальных звуков, приходили и уходили, не спрашивая моего разрешения, и мне оставалось лишь одно – по мере своих сил поспевать за ними.

Многие читатели во многих странах интересовались, почему Овод при тех или иных обстоятельствах думал, чувствовал и поступал именно так, а не иначе. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что некоторые противоречия, которые удивляли или – совершенно справедливо – раздражали их, были просто моими ошибками – промахами и неточностями незрелого мышления, ошибочного видения или недостаточного умения молодого автора, едва справлявшегося со слишком трудной первой книгой. Однако многие из них и сейчас кажутся мне неотъемлемыми от всего духовного склада этого человека – такого, каким он мне представлялся. Частичное объяснение этих противоречий, которое можно найти в позднем и далеко неполном описании его наследственности с материнской стороны, откладывалось так долго, что большинство из тех, для кого оно предназначалось, либо умерли, либо давно забыли о своих недоумениях. Тем, кто еще жив и еще не утратил интереса к этому, я хотела бы сказать, что в настоящей книге я постаралась – хотя и с большим опозданием ответить на некоторые из их вопросов.

Я должна просить читателя извинить мою заведомо несовершенно попытку передать исчезающий диалект Корнуэлла. Воспоминания далеких дней моей юности, воспоминания о путешествиях пешком по дикому побережью Корнуэлла, о разговорах – в кухнях с земляными полами или среди плетенки для ловли раков – с бедняками, которые были стары, когда я была молода, слишком туманны, чтобы на них можно было положиться. Много лет спустя я провела три зимы в Сент-Айвс, но к этому времени старинный диалект помнили только старики на уединенных фермах среди вересковых равнин. Филологи, к трудам которых я обращалась, не всегда придерживались единого мнения о том, как лучше передать мягкие, певучие, редуцированные гласные корнуэльского наречия, или в том, насколько далеко распространились по каменным грядкам некоторые девонские речевые формы. Весьма возможно, что кое в чем я ошиблась, но избежать этого риска было нельзя. Без их характерной речи мои рыбаки не принадлежали бы Корнуэллу, который я любила.

Э. Л. В. Нью-Йорк, ноябрь 1944 г.

Названием романа являются слова из фразы, с которой, по библейским преданиям, бог обратился к Моисею: «Не подходи сюда: сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Эти слова вспоминает перед смертью героя романа Беатриса Телфорд.

Эпиграф к роману взят из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай». В четвертой песне описывается, как Сатана, решив искушить человека, проник в рай, где жили Адам и Ева, и принял образ жабы. Расположившись около самого уха Евы, он старался вдохнуть в нее свой яд и затуманить ее мозг фантастическими видениями. Сатана надеялся возбудить в ней недовольство, беспокойные мысли, необузданные желания. Но в то время как Сатана приводил в исполнение свой замысел, один из посланных богом ангелов – Итуриэль коснулся Сатаны копьем, и Сатана тотчас принял свой настоящий облик, так как прикосновение небесного оружия разоблачает всякий обман. Сатана вступил в спор с архангелом Гавриилом, после чего был вынужден удалиться.

В романе говорится, что, когда Беатриса впервые увидела Артура Пенвирна, он напомнил ей сначала архангела Гавриила, а потом – Итуриэля.

Беатрисе кажется, что одним своим присутствием Артур разоблачает всякую ложь и обман.

Роман «Сними обувь твою» был опубликован в Нью-Йорке издательством Макмиллана весной 1945 года.

На русском языке впервые роман опубликован в 1958 году.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

В начале лета 1763 года Генри Телфорд, молодой сквайр Бартона в Уорикшире, стоял вечером в своей лондонской квартире перед зеркалом, поправляя жабо своей лучшей рубашки. Он совершал туалет очень тщательно, но без всякой охоты.

На этот раз он предпочел бы остаться дома и лечь спать пораньше, так как светские разговоры уже успели ему надоест, а кроме того, он не привык засиживаться далеко за полночь, но старая леди Мерием упомянула в своем письме, что среди ее приглашенных будет некая благородная девица, с которой она очень хотела бы его познакомиться. Он понимал, что ему следует поехать на этот бал хотя бы в знак благодарности за ее хлопоты, несмотря на то, что он был убежден в их бесполезности.

Если она и не сумела подыскать ему жену, то уж никак не по своей вине.

Столько же по доброте душевной и из любви ко всяческому сватовству, сколько из-за просьбы сестры она приложила много стараний, чтобы помочь ему; но до сих пор ни одна из юных леди, с которыми она его знакомила, не показалась ему подходящей для роли хозяйки Бартона. У большинства из них манеры были так же прелестны, как и платья, и некоторые были прелестны и сами. Красивые женщины нравились ему не меньше, чем всякому другому, – так же, как ему нравились вьющиеся розы на стенах Бартона; однако выбор матери для его сыновей – вопрос серьезный, даже более серьезный, чем выбор быка для его коров, и этот вопрос нельзя решать легкомысленно, основываясь только на том, что ему понравилось хорошенькое личико. Избалованные лондонские барышни слишком изнежены, чтобы рожать и вскармливать здоровых детей, и слишком пусты, чтобы разумно воспитывать их в страхе божьем.

Сам он, даже не говоря о Бартоне, мог предложить многое. В зеркале отражался

очень представительный молодой человек, правда чуть-чуть провинциальный и полнокровный, но зато великолепно сложенный, здоровый и телом и духом, широкоплечий, крепкий и достаточно высокий для того, чтобы выглядеть внушительно верхом на лошади. Его волосы, золотисто-рыжие, цвета спелой пшеницы, круто вились над лбом, как у античного борца; широко расставленные простодушные серые глаза позволяли забыть о тяжелой нижней челюсти. К шестидесяти годам ему, вероятно, предстояло приобрести благодаря неумеренности и старому портвейну апоплексическую внешность и бешеный нрав, столь обычные среди богатых сквайров центральной Англии. Можно было ожидать, что уже в сорок лет он начнет полнеть, если не будет следить за собой. Но до этого было еще далеко, ему было двадцать шесть, и его здоровая англосаксонская красота была в самом расцвете.

Хотя ему не удалось достигнуть той цели, ради которой он, собственно, и приехал в Лондон, он все-таки не жалел о том, что доставил себе это удовольствие. Несомненно, оно стоило ему дорого – так дорого, что второй подобной поездки он не сможет себе позволить, ибо Бартон, конечно, превосходное поместье, но все же не золотое дно. Однако, если даже ему придется уехать домой ни с чем и за неимением лучшего жениться на дочери приходского священника, он будет знать, что хоть раз повеселился как следует мужчине, прежде чем остепениться и возложить на себя высокие обязанности отца семейства. Никогда больше он не будет красивым молодым холостяком со свободными деньгами в кармане.

Он положенное время, искренне горя, носил траур по любимому отцу, составил завещание и убедился в том, что все справедливые претензии удовлетворены и что поместье в полном порядке. Затем он воспользовался случаем и в течение девяти недель приобщался к веселой жизни столицы. Будучи благовоспитанным юношей, он приобщался к ней большей частью в домах и под покровительством почтенных великосветских дам, но дважды – нет, трижды, – не забывая, однако, о своем здоровье и репутации, знакомился с ней и в других местах. Теперь развлечения уже начали ему приедаться, и он затосковал по Бартону и коровам.

А все-таки жаль... Он хорошо знал, какая жена ему нужна, и знал также, что ему вряд ли удастся ее когда-нибудь найти, если его поездка в Лондон окажется бесплодной. В Уорикшире, даже если он и встретит такую девушку, он все равно не сможет добиться ее руки.

Рекомендательными письмами в Лондон местная знать снабдила его с большой охотой. Лично против него никто ничего не имел, и его вельможные соседи были очень любезны с нравственным и состоятельным юношей, который щедро жертвовал в предвыборные фонды и на достойные благотворительные учреждения, хорошо ездил верхом и стрелял и когда-то учился вместе с их сыновьями, – но не настолько любезны, чтобы отдать за него одну из своих дочерей. Ему тактично намекнули, что в Лондоне, где никто не помнит его отца, он скорее успеет в своем намерении.

В глубине души его давно уже злила доброжелательная снисходительность местных лордов и сквайров. С тех пор как он начал думать об этом, он всегда чувствовал, что он, сын *parvenu*¹, имеет больше права на землю, теснее связан с ней,

¹ Выскочка (франц.).

чем любой Мерием или Монктон. Правда, его отец принадлежал к «вульгарным нуворишам», к наглым чужакам, присутствие которых в графстве терпели только по необходимости. Но правда и то, что как человек – Да и как хозяин – он был лучше любого из этих надменных сквайров, которые презрительно его сторонились. Разумеется, он скверно ездил верхом, боялся собственного ружья и был легкой мишенью для насмешек. Но тем не менее у всех его арендаторов было вдоволь чистой питьевой воды, и крыши у них не текли, чего нельзя было сказать о многих других поместьях. И кроме того, он любил в Бартоне каждый прутик, каждый камешек.

Однако у человека, кроме отца, есть еще и мать, а мать Генри носила фамилию Бартон. Впрочем, и с этой стороны его кровь не была голубой – предки его матери снимали шляпу перед герцогом. Но они владели своей землей гораздо дольше, чем герцогская семья своей; они так долго работали, жили и умирали на этой земле, что в конце концов она завладела ими.

Она завладела и Генри. Этого нельзя объяснить, это можно либо понять, либо не понять. Жизнь фермы, ее звуки, ее запахи – сваленного в кучу навоза и скошенного сена, лошадиного пота, вспаханной земли и пенящегося в ведрах парного молока – стали частью Генри, вошли в его плоть и кровь. Бартон был смыслом и – чего он не знал – причиной его существования.

Богатство Телфордов было нажито торговлей, и далеко не всегда почтенной. Даже отец Генри в молодости был ливерпульским работорговцем, хотя и не по своей воле. Его семья издавна занималась торговлей с Вест-Индией, и другого ремесла он не знал. Когда он был еще подростком, отец, зверскими побоями и грубыми насмешками давно уже сломивший его волю, сделал его своим агентом в деле. Когда он был юношей, они от торговли товарами постепенно перешли к торговле людьми, и он – сам безвольный раб – покорно выполнял свои обязанности. Освобожденный наконец неоплаканной смертью старого тирана от ненавистной работы, которой он с отвращением занимался в течение двадцати лет, робкий пожилой холостяк навсегда оставил Ливерпуль и все, что было с ним связано. Потом он отправился покупать за свои деньги право на вход в волшебный мир, о котором грезил все тяжкие и постыдные годы своей растоптанной юности. В этом мире субботнею покоя, резвящихся ягнят и выращивания роз изысканность должка была идти рука об руку с добротой, светскость с великодушием.

Одно за другим ему предлагали «подходящие имения», от которых он печально отказывался. Наконец, проезжая через глухой уголок западного Уорикшира, он увидел воплощение своей мечты: старинный дом из красного кирпича – длинный и низкий, фруктовый сад, рощицу с фиалками и амбар времен первых Стюартов. Квадратная серая колокольня нормандской деревенской церкви виднелась сквозь зелень сада; перед усадьбой сочные луга спускались к извилистой речке. Едва увидев ферму Бартонов, он уже не мог думать ни о чем другом. Он робко навел справки.

Нет, усадьба пока еще не продается, но, как ни печально, всем известно, что этого не избежать. Семья Бартонов всегда пользовалась большим уважением в здешних местах, хотя род их и не был, что называется, благородным. Ну, пошли всякие несчастья... А теперь все они поумирали, кроме одной барышни, которая и думать не хочет о том, чтобы расстаться с фермой, хотя и не может справиться с хозяйством. Бедняжка морит себя голодом, но все-таки у нее не хватает денег, чтобы выплачивать проценты по закладным. Уж лучше бы она согласилась продать усадьбу, пока есть возможность, все равно кредиторы скоро продадут ее за долги. Они сделают это хоть

сейчас, если предложить им подходящую цену. Очень неплохое местечко для джентльмена, у которого найдутся деньжонки, чтобы нанять лесничего для охраны своих фазанов.

Намек не пропал даром. Но когда он увидел нежное лицо мисс Бартон, услышал ее тихий голос, почувствовал исходивший от нее запах лаванды, щепетильная совесть бывшего работорговца восстала против того, чтобы лишить ее последнего достоинства. Ей было лет тридцать, в ней уже проглядывала увядающая старая дева, но тем не менее, несмотря на раннюю седину на висках, она была трогательно привлекательна. Он не мог выгнать бедняжку из дома, где она родилась, где умерли все ее близкие. Дело кончилось тем, что он женился на ней. А она – она согласилась бы выйти замуж за самого Князя тьмы, лишь бы не расставаться с Бартоном.

Оба вступили в брак скорее со старой усадьбой, чем друг с другом, и все-таки этот брак был достаточно счастливым. После семи лет мира и спокойствия миссис Телфорд умерла, оставив мужа неутешным вдовцом.

Милый добряк отец так старался быть настоящим джентльменом! Ради Генри, а не ради себя. Более нежного отца нельзя было и желать, и теперь, когда все кончилось, когда он уже не мог вызвать краску смущения на лице сына, не умевшего скрывать свои чувства, легко было вспоминать о нем с глубокой благодарностью и любовью. Собственно говоря, поставить ему в вину можно было только отдельные вульгарные выражения, промахи на званых обедах, бесконечные смешные неудачи на охоте и судорожную, словно извиняющуюся манеру держаться, как будто он всегда немного стыдился себя.

В детстве все эти мелочи очень раздражали Генри, и теперь он жалел, что не всегда умел скрыть свою досаду. Рожденный наследником такого превосходного поместья, каким стал Бартон после того, как закладные были выкуплены и в хорошо охраняемых рощах снова в изобилии появилась дичь, выросший среди любимых собак и лошадей, он не должен был отвыкать от ланкаширского акцента или бороться с мучительными воспоминаниями. Ни разу в жизни он не видел ни Ливерпуля, ни невольничьего корабля и не вкладывал денег в работорговлю. Даже его двоюродные братья давно переехали в Лондон и теперь торговали только сахаром. Ужасный дед, который заложил основу семейного богатства, скончался много лет назад, и о нем начали благополучно забывать. Нужно было еще только одно поколение. Если найти для них, соответствующую мать и отдать их в соответствующую школу, сыновья Генри смогут быть на равной ноге с кем угодно. Но им нужна соответствующая мать: аристократизм Телфордов был еще слишком непрочным, чтобы можно было позволить себе спуститься хотя бы ступенью ниже. Им нужна мать, которая займет подобающее ей место в обществе Уорикшира, которую жены его бывших школьных товарищей не смогут ни опекать, ни игнорировать. А где он ее найдет?

Как он объяснил симпатизировавшей ему вдовствующей графине, в отношении приданого он всегда пойдет на уступки. Даже красота будущей невесты – хотя приятная внешность была бы очень желательна – не составляет обязательного условия. Попросту говоря, единственно, что ему требуется, – это хорошая (как в буквальном, так и в переносном смысле) кровь, хорошая нравственность и хороший характер; при наличии этих качеств ему подойдет любая девушка разумеется, не запятнанная папизмом, сектантством или каким-нибудь скандалом. У которой хватит благоразумия полюбить деревенскую жизнь и оцепить доброго мужа и превосходное положение в

обществе. Ведь быть хозяйкой Бартона...

Дойдя до этого, он порозовел и смутился. Ему было очень трудно говорить о Бартоне; его поместье не блистало показной роскошью, но оно было таким прелестным, неиспорченным, истинно английским: огромные вязы, грачи, вьющиеся над старинными коричневыми крышами, богатая, плодородная почва, усыпанные цветами луга, сады, шпалеры фруктовых деревьев. и великолепный красный бык, родоначальник замечательной породы молочного скота, лучшей в Уорикшире.

Неудача следовала за неудачей, а лондонский сезон уже подходил к концу.

Бродя по пышным комнатам леди Мерием и подхватывая обрывки сведений о присутствующих на балу молодых гостях. Генри гадал, о какой из них шла речь в ее письме. Среди приглашенных, разумеется, было довольно много девиц на выданье. Некоторые, как он уже выяснил, ему не подходили, другим не подходил он – простому джентльмену из провинции нечего мечтать о дочерях герцогов и министров. Оставались только замужние женщины, старые девы, вдова набоба, сверкающая изумрудами, ее сухопарые болезненные дочери...

Когда наконец занятая хозяйка улучила для него минуту, она представила его очень живой, миниатюрной даме со звонким голосом и лихорадочно блестящими глазами, которая поспешила сообщить ему, что с ней «только что начавшая выезжать» дочь.

На мгновение нижняя губа Генри упрямо выпятилась, и его лицо стало некрасивым. Неужели он ждал девять недель только для того, чтобы ему предложили дочь этой накрашенной Иезавели? Девчонку, наверное, с начала сезона безрезультатно таскали по всем балам – иначе откуда такая назойливость? А теперь ее собираются навязать ему!

Какова бы ни была дочь, мать представляла собой поучительное зрелище.

Когда он только начинал ходить, она, вероятно, была хорошенькой, как котенок, но кокетливые ужимки и детское сюсюканье теряют прелесть, когда женщина стареет. И так одеваться в ее возрасте!

Неприятнее всего его поразила фамилия – Карстейрс. Полчаса назад у ломберного стола он был вынужден резко оборвать какого-то мистера Карстейрса, который без стеснения пытался навязать ему сомнительное пари.

Разумеется, ее родственник, хотя слишком молод, чтобы быть ее мужем, а для сына слишком стар. Гнусного вида субъект. Несмотря на уродливый шрам, пересекающий веко, – красив, но какой-то неприятной красотой. Леди Мерием может считать его неотесанным провинциалом, но должна же она понимать, что у него хватит здравого смысла держаться подальше от подобной компании. В Уорикшире этой парочке нелегко было бы проникнуть в дом ее сестры.

Лондонское общество, кажется, не слишком разборчиво.

Он вежливо прекратил излишние словоохотливой дамы, сославшись на тут же изобретенное обещание посетить еще один дом, и оглянулся, ища хозяйку, чтобы попрощаться с ней. В пустом углу одиноко сидела девушка – так же, как час тому назад. Он уже не раз с мимолетным сочувствием поглядывал на нее. Не то, чтобы его могло заинтересовать такое хрупкое, безжизненное, бесцветное создание, но ему показалось странным, что с ней никто не танцует. Бедняжке, очевидно, суждено

просидеть так весь бал.

Но теперь, взглянув на нее, он почувствовал изумление. Однако не красота привлекла его внимание. Девушка была недурна собой – стройная, тонкая, с правильными чертами лица и изящно очерченными бровями.

Присмотревшись, можно было заметить в ней своеобразную неяркую прелесть. По контрасту с бесконечными пышными локонами ему понравились эти мягкие, пепельные волосы, которые были только чуть темнее ее лица и обрамляли его словно тень. Но молодой девушке не идут худоба и темные круги под глазами.

Трудно было найти что-нибудь менее похожее на веселую, розовощекую племенную кобылу, за которой он приехал в Лондон. Собственно говоря, его заинтересовала лишь ее полная неподвижность. Он никогда не видел, чтобы человек сидел так неподвижно. «Словно кошка у мышины норки», – сказал он себе и посмотрел на нее взглядом опытного охотника, стараясь понять, каким образом ей удалось стать почти невидимой. Он поглядел еще раз. Да, именно невидимой. Словно застывший без движения пугливый лесной зверек, который старается, чтобы его не заметили. Если бы не белое платье, выделявшееся на темной стене, она слилась бы с окружающим фоном, как лежащий заяц сливается с бурой землей.

Охваченный любопытством, он ждал, пока наконец она не пошевелилась.

«Какое благородство движений!» – подумал он. Заметив хозяйку дома, он попросил, чтобы она его представила.

Мисс Беатриса Риверс в ответ на его приглашение сразу встала.

Чувствовалось, что она училась у хорошего танцмейстера и была способной ученицей, – но что за удовольствие танцевать с девушкой, которая никогда не улыбается? Когда он предложил ей посидеть и поболтать, она согласилась с тем же покорным равнодушием. Сперва разговор никак не клеился. Она знала о светской жизни Лондона даже меньше, чем он, да и вообще, насколько он мог понять, мало что знала. Из всех сил стараясь разбить лед, он шутливо сказал, что театральная публика поднимает грачиный грай.

– Грай? – с недоумением переспросила она.

– Ну, когда грачи весной собираются и обсуждают друг с другом, что делать летом.

– Неужели? Я читала об этом, но разве это правда?

– Правда? Да я каждый год слышу их у себя на заднем дворе.

На ее лице впервые появилось выражение интереса. Он начал рассказывать ей о парламенте пернатых на старых вязах, и ему очень понравилось, что она по крайней мере хорошо умеет слушать.

Он пригласил ее на следующий танец, а потом на следующий, просидел их с ней в оранжерее и вскоре уже поверял ей свой заветный план улучшения кормовых трав. Описывая ей свое любимое, бесценное сокровище – старое пастбище, где росла лучшая во всем Уорикшире трава, он впервые увидел ее улыбку. И тогда же она произнесла те три слова, которые за весь разговор были единственной фразой, не являвшейся ответом на его вопрос:

– Я люблю траву.

Отвратительная миссис Карстейрс в слишком пестром, слишком девичьем наряде колышущейся походкой приблизилась к ним и 'прощебетала:

– Беатриса, милочка, нам пора.

Генри растерянно смотрел им вслед. Ее мать! А тот субъект? Какое отношение может он иметь к подобной девушке? Дядя? Сводный брат? Не удивительно, что у нее такой подавленный вид.

Он заснул, все еще стараясь найти ответ на эти вопросы, а утром проснулся, вспоминая еле заметный пепельный отблеск, упавший на дымку волос, когда она повернула голову, чистую линию щеки от лба до подбородка и серьезную улыбку, с которой она слушала его рассуждения о траве. Она сама, подумал он, похожа на цветок травы на гладком стебле – изящный и такой скромный, что его трудно заметить. Но вот на него упал случайный солнечный луч, и пышные алые розы, казавшиеся столь восхитительными, – леди Томпкинс, например, или эта новая актриса, – вдруг превращаются в растрепанные кочаны капусты.

ГЛАВА II

Явившись на следующий день с визитом к леди Мерием, Генри не мог побороть любопытства и спросил, действительно ли миссис Карстейрс и мисс Риверс – мать и дочь? Они так непохожи.

В ответ на него обрушился целый поток сведений. К величайшему сожалению, это правда. Леди Мерием сделала внушительную паузу и затем прибавила, что хотела бы рассказать ему печальную историю. Она полагается на его скромность.

Дорогой мистер Риверс, сын известного судьи, старейший друг их семьи, умер четырнадцать месяцев тому назад, после долгих лет болезни и страданий, которые он безропотно переносил, а его вдова с совершенно неприличной поспешностью вышла замуж за Джека Карстейрса – человека хорошего происхождения, но с очень скверной репутацией и к тому же моложе ее на одиннадцать лет. Настоящего скандала, который вынудил бы общество закрыть перед этой парой свои двери, еще не произошло. По крайней мере некоторые двери пока открыты перед ними из уважения к покойному мистеру Риверсу: все жалеют трех сирот, которых он оставил. Только одна эта несчастная не знала, почему Карстейрс женился на ней. Судебные приставы гнались за ним по пятам, а его родственники на этот раз решительно отказались уплатить его долги. Ему пришлось выбирать между женой с кое-какими деньгами и долговой тюрьмой. Судя по тому, как идут их дела, он ее все-таки не минует. Хорошо еще, что большей частью имущества, оставленного ее первым мужем, она может распоряжаться только с согласия своего сына.

Да, у нее есть сын. Он на пять лет старше Беатрисы, и теперь служит в лиссабонском посольстве. В университете он получил несколько наград, а по окончании Оксфорда его рекомендовали на дипломатическую службу, потому что он знает необыкновенно много языков.

– Любая крестная, – с чувством сказала старая дама, – может гордиться таким крестником.

Мистер Риверс в молодости тоже был дипломатом. Его ждала блестящая карьера, но после болезни он ослеп, и его здоровье постепенно совсем расстроилось. Он был вынужден подать в отставку и все последующие годы жил на свои скромные доходы неподалеку от Лондона, занимаясь переводами древних авторов. Их семья еще со времен Стюартов была известна своей ученостью. Его легкомысленная жена порхала в поисках развлечений, Уолтер из-за своих занятий почти не жил дома, Эльси – младшая – была еще совсем ребенком.

Бедный слепой оказался бы в мучительном одиночестве, если бы не преданная любовь Беатрисы. С двенадцати лет она не выходила из библиотеки и спальни больного отца, развлекавая его, заменяя ему секретаря и сиделку. Они обожали друг друга, и он забавлялся тем, что обучал ее латыни и другим неженским наукам.

Конечно, эта неестественная жизнь сделала бедняжку сдержанной и замкнутой. Она страшно застенчива и, надо признаться, стала настоящим синим чулком. Однако такая милая, скромная девушка скоро избавится от этих недостатков. Легко представить, как она страдает оттого, что ей навязывают сомнительное общество приятелей ее отчима. Остается только надеяться, что какой-нибудь достойный человек вырвет ее из этого невозможного окружения и сделает счастливой.

Генри тоже от души пожелал того же, но с мысленной оговоркой, что этим человеком будет не он. Ему было искренне жаль бедную девушку, очевидно очень хорошую и ставшую жертвой незаслуженно жестокой судьбы. Но одно дело жалеть ее, даже немножко увлечься ею, и совсем другое – погубить свое будущее, повесив себе на шею вдобавок к собственному предку-пирату еще и таких родственников, как Карстейрсы. Телфордовских невольничьих кораблей и чудовищного деда, который, как паук, жирел на чужих страданиях, более чем достаточно для ни в чем не повинного потомка. Нужно немедленно возвращаться в Бартон.

Он приступил к прощальным визитам и во втором же доме наткнулся на сияющую улыбкой миссис Карстейрс, за которой равнодушно следовала ее молчаливая дочь с усталыми глазами.

Ах, мистер Телфорд! Она только что спрашивала, где его можно найти.

Завтра у них небольшой званый вечер – о, совсем простой, скромный! И муж никогда не простит ей, если она не убедит мистера Телфорда посетить их; муж был так очарован... Они живут за городом, близ Кейтерема, совсем недалеко от Лондона. Быть может, мистер Телфорд захочет провести у них день, чтобы прогуляться верхом по холмам Северного Даунса, – такие прелестные места! К его услугам будет превосходная лошадь. Чистокровные кони – это единственная роскошь, которую они себе позволяют. А может быть, он доставит им удовольствие погостить у них неделю?

Ну уж нет, черт побери, подумал Генри. Какая наглость – приставать к нему, хотя он ясно показал и ей и ее мужу, что не желает иметь с ними никакого дела. А затем он с изумлением услышал, что благодарит ее и принимает приглашение.

Он ушел, бесясь, что позволил этой трещотке поставить себя в такое дурацкое положение, и подыскивая благовидный предлог нарушить обещание.

Однако следующее утро застало его на склоне Северного Даунса, – он с отвращением растерянно и угрюмо выслушивал любезности своих хозяев, горячо желая очутиться где-нибудь подальше.

Черт дернул его приехать к этим людям! Что за отвратительный дом вечное безделье, злобные сплетни, грязные намеки, бессмысленное мотовство и полный беспорядок в хозяйстве! Они попросту погубили хороший английский сад всякими итальянскими «улучшениями», ни одно из которых, судя по всему, не будет доведено до конца. А кругом – покосившиеся изгороди и заросшая сорняками истощенная земля, которая просто плачет по хорошей, честной лопате. И этот Карстейрс еще лезет рассуждать о деревенской жизни и правильном ведении хозяйства, когда у него не хватает ума вылечить собственных собак от глистов! От всего, чем владела эта парочка, так и разило хвастовством и фальшью; даже своих лошадей они выбирали за родословную, а не за хорошие стати., Нетрудно было догадаться, что их деньги – вернее, чужие деньги – будут потрачены скорее на какую-нибудь заморенную клячу, чей предок когда-то стоял в конюшне герцога, чем на крепкого коня, который сможет, не захрипев, взбежать со своим всадником на холм.

А развязность этой избалованной шестнадцатилетней девчонки! Хотя ее винить особенно не приходится. В подобном доме ей трудно было научиться приличным манерам. Очень хорошенькая и отлично знает цену своему личику!

После очередной дерзости взглянет на тебя из-под ресниц, засмеется, и, как бы ты ни сердился, тебе ни за что не удержаться от смеха. Но тут мимо, словно печальное видение, скользнет Беатриса, чьи глаза разрывают тебе сердце и даже не замечают тебя; и когда ты снова посмотришь на Эльси, окажется, что это просто хихикающая вертушка. Будь она его дочерью, он отшлепал бы ее как следует, чтобы не изводила свою старую глухую гувернантку и не называла отчима Джако.

Джако!

А гости! Шумная компания разошлась только на рассвете, и все были вдребезги пьяны. Кроме него – он сам не понимал, зачем это делает, ночевать осталось еще трое: любитель пари по имени Триг – субъект с очень неприятным лицом, и две разодетые особы – откровенные наглые шлюхи, которые не скрывали своего презрения к глупой женщине, чей хлеб они ели, кокетничали с ее мужем прямо у нее на глазах. а за ее спиной издевались над ее ревностью. Фу! Зачем он здесь? Надо уезжать.

Но он не уехал. Ему по крайней мере нечего было стыдиться, что он ест хлеб людей, которых презирает: он заплатил жалованье их слугам. Он не прожил здесь еще и двух дней, как хозяин дома занял у него денег «до субботы», и нетрудно было догадаться, куда они пошли. С этого дня слуги стали гораздо вежливее. Несомненно, они сговорились и пригрозили устроить скандал в присутствии гостей, если им не заплатят хотя бы половину. Если он уедет раньше, чем ему вернут долг, он наверняка больше не увидит своих денег.

Однако это лучше, чем быть обязанным подобным людям. Десять гиней – очень щедрая недельная плата за довольно скверный стол и пользование хромой лошадью; пусть забирают. Но кому понравится, чтобы его надували? Он нарочно останется до субботы, чтобы проучить этого мошенника.

Кроме того, раз уж он примирился со всеми этими неприятностями и с бессмысленной тратой времени и денег, почему бы и не остаться еще на день-два, если они так настаивают? Может быть, ему повезет и он опять увидит, как Беатриса улыбается, – пусть даже котенку. Ее улыбка напоминала робкий солнечный луч в пасмурный день. Но она улыбалась редко, а ему никогда.

Что с этой девушкой? Может быть, она все еще горюет об отце? Или – и это было бы вполне естественно – ее мучит позор семьи? Вчера он увидел, что она сидит одна в беседке, и направился было туда, надеясь поболтать с ней.

Затем он заметил судорожно сжатые руки, неподвижный взгляд, словно устремленный на что-то ужасное, и прошел мимо, не потревожив ее. Она не поблагодарила бы его, если бы он вздумал совать нос в ее печали.

Да и вообще он начинал бояться, что внушает ей отвращение. Она с ним почти не разговаривала; хотя трудно было на нее за это сердиться – ведь мать и отчим открыто навязывали ее ему. От их старания поймать его в зятя, от болезненного смущения и стыда бедной девушки ему было так же не по себе, как если бы ему в руку насильно засовывали холодную рыбку, которая слабо трепыхается, пытаясь выскользнуть на свободу. Ясно, что для нее будет лучше всего, если он немедленно покинет этот дом. Ну ладно, в субботу он уедет.

Прошла суббота, за ней воскресенье, но по-прежнему хозяин не заговаривал о долге, гость – об отъезде, а Беатриса по-прежнему не улыбалась.

В понедельник, когда они отправлялись на обычную утреннюю прогулку верхом, он протянул девушке руку, чтобы помочь ей сесть в седло, и заметил, как она, вздрогнув, уклонилась от его прикосновения.

– Беатриса! – прикрикнула мать.

А! Вот наконец ее настоящий голос. Этот злобный визг заставил Генри быстро оглянуться. Карстейрс, стоявший рядом с женой, посмотрел на Беатрису со снисходительным отеческим неодобрением, но это выражение на секунду опоздало.

Беатриса немедленно приняла протянутую руку. Ее пальцы дрожали.

Нет, хватит! Если из-за него ее мучат и запугивают, ему остается только одно. Сославшись на первый пришедший ему в голову предлог, он уехал в тот же день, не слушая любезных уговоров своих хозяев и не обращая внимания на сердитое разочарование в их глазах. Может быть, они примутся избивать девушку, едва он скроется из виду, но если бы он остался? Это было бы для нее еще хуже. Чем скорее он вернется домой и женится или хотя бы станет женихом, тем лучше для них обоих.

Дочка священника будет ему подходящей, благоразумной женой, а в ее согласии можно не сомневаться – такой партии она ни за что не упустит. Жаль только, что у нее редкие зубы и неприятная привычка громко их высасывать. Но что поделаешь? Больше недели садясь за один стол с уличными девками, возблагодаришь творца за любую добрую христианку. И по крайней мере она не будет шарахаться от прикосновения честного человека, как от чумы.

Вот, значит, и конец. Ну, что же, он получил хороший урок и больше никогда не будет принимать приглашения людей с такой репутацией. Ему повезло, что он вовремя выбрался из этой ловушки. Еще два-три дня – и они воспользовались бы какой-нибудь его оплошностью или что-нибудь подстроили бы, чтобы скомпрометировать его или Беатрису, и принудили бы его к несчастному браку с девушкой, которая смотрит на него с ненавистью и может принести ему только горе.

Приехав в Лондон, Генри написал прощальные благодарственные письма леди

Мерием и другим светским дамам, в чьих домах он был принят, ссылаясь на дела, которые заставляют его немедленно уехать. Он лег спать сразу после ужина, предупредив своего слугу, что они выезжают рано утром. Как всегда, он заснул, едва только лег; но на рассвете проснулся и, повинуясь внезапному порыву, встал, оделся, разбудил слугу, приказал оседлать лошадь и, отложив отъезд до следующего дня, поскакал в Кейтерем. Он вспомнил, что Беатриса встает рано и, если утро ясное, уходит гулять с собаками прежде, чем просыпаются ее мать и отчим. Конечно, к дому он не подъедет, но ведь есть тропинка, по которой можно подняться на холм с другой стороны. Он доедет до вершины, спустится в лесок, и когда Беатриса начнет подниматься по холму, встретит ее там, только чтобы убедиться, что с ней ничего не случилось.

Пожалуй, лучше не заговаривать с ней. Он ничем не может ей помочь и только оскорбит ее своим участием. Он просто посмотрит на нее издали – один раз. В этом нет ничего плохого: ведь она даже не узнает. А потом он уедет, женится и забудет о ней.

У нижней опушки он привязал лошадь к изгороди, сел на упавшее дерево и стал грустно смотреть на чудесную холмистую равнину, на тропинку, извивавшуюся по крутому склону, на дом в четверти мили от него. Он ждал долго, но она не появлялась. Все это так глупо! Наверное, он опоздал и пропустил ее. Теперь, пожалуй, все уже встают, а в такое ясное утро ярко-синяя куртка его нового костюма для верховой езды, который вчера прислал портной, видна издали...

Нет, вот она. Выходит из дома с двумя собаками. Он поспешил укрыться в лесу. На полпути тропинка пересекала солнечную полянку. Рядом с ней из густых кустов поднималось огромное дерево. Он встал позади ствола и осторожно посмотрел сквозь темную листву кустов. Здесь она его не увидит.

Но он не подумал о собаках. Когда она, не заметив его, проходила мимо, одна из них остановилась, понюхала воздух и с лаем кинулась к нему.

Проклятый пес!

Она обернулась на шум, и ее лицо мгновенно превратилось в застывшую маску ужаса. Да ведь она приняла его за...

– Беатриса! Мисс Риверс! Не пугайтесь, это я, Генри Телфорд.

Когда он вышел из своего тайника, она вздрогнула, свистнула собакам и замерла, прижав стиснутую руку к вырезу платья. Страх на ее лице сменился настороженностью. Он подошел, бормоча извинения:

– Дорогая мисс Риверс, ради бога, простите меня! Я так огорчен, что испугал вас. Я не хотел... Я приехал только...

– Почему?

– Ну, потому что... Просто еще раз поглядеть на вас. Я не хотел вам надоедать; если бы не собака... Я ведь больше никогда вас не увижу, никогда... Если только... Согласны вы стать моей женой?

Он остановился, сам не зная, какого ответа больше боится – «да» или «нет». Как она побледнела! И почему она так страшно неподвижна?

Рука на груди медленно разжалась и бессильно упала. Девушка несколько раз судорожно глотнула и наконец снова спросила:

– Почему?

– Почему... что?

– Почему вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж?

– Ну... потому что я люблю вас.

Все эти дни он ждал, чтобы она улыбнулась. Теперь она улыбнулась, и он пожалел об этом. Это была не такая улыбка. Она сделала юное лицо старым, как вечность. На один краткий миг тревожного просветления он понял, что боится Беатрисы.

– Хорошо, я выйду за вас замуж.

И все. Словно он пригласил ее пройти с ним до вершины холма. Только через секунду растерявшийся молодой человек осознал, что теперь он счастливый жених.

– Вы согласны? Я – я буду хорошим мужем. Я обещаю... Он завладел уже совсем ослабевшей рукой. На этот раз она не дрожала, но по-прежнему была ледяной. Странная мысль пришла ему в голову: когда рыбка умирает, она перестает трепыхаться.

– Я понимаю, – растерянно пробормотал он, выпуская ее руку. Это немного неожиданно.

– Да. Я полагаю, что нам следует пойти домой и сказать им. Это ваша лошадь там, у изгороди? Ровер, Ровер! Пэтси! Домой!

Он шел рядом с ней, как щенок, которого окатили холодной водой. Если это называется быть женихом, то...

Выйдя из леса, они заметили вдалеке миссис Карстейрс, которая разговаривала на лужайке с помощником садовника. Она увидела их прежде, чем Генри успел отвязать свою лошадь, удивленно и радостно помахала ему и, выйдя из сада, поспешила к ним навстречу.

«Конец, – подумал Генри. – Теперь возврата нет».

О чем спрашивает его Беатриса?

– Вы завтракали?

– Я... да... нет; я выехал совсем рано.

– Из Лондона? Вы, должно быть, очень голодны. Завтрак, наверное, скоро подадут: когда я выходила, на кухне уже затапливали плиту.

Эта женщина всего в пятидесяти ярдах от них, а она говорит о завтраке!

Еще минута, и он должен будет сказать... сказать то, что полагается говорить жениху: сделала меня счастливейшим из... Нет, так говорят только в книгах.

Дала свое согласие... О черт! Что говорят в подобных случаях?

Но говорить ничего не пришлось. Беатриса подошла к матери и поглядела ей прямо в глаза.

– Мама, я выхожу замуж за мистера Телфорда.

Все остальные события дня слились в один нелепый, путанный кошмар такой, в котором одно невысказанное следует за другим и все кажется естественным и само собой разумеющимся. Он ясно сознавал только одно – его обманули, лишили того, на что он имел неоспоримое право. Когда предложение принято, жених целует свою невесту – так заведено, а ему не дали поцеловать Беатрису.

Зато миссис Карстейрс не скупилась на поцелуи. Она то и дело целовала их обоих с шумной нежностью, а в промежутках подносила к глазам кружевной платочек. Фу! Хоть бы она не душилась этими мерзкими духами. Тошнотворный запах! Как бишь они называются? Он вспомнил, что много лет тому назад кто-то говорил ему их название...

Ах да – та рыжая, с которой он ездил вверх по Темзе...

С этим покончено. С тех пор прошла вечность – неполных три недели, но тогда он еще и не слышал о Беатрисе. А теперь он уже почти женат...

Когда они входили в дом, к ним навстречу сбежала по лестнице Эльси, оживленная, как сорока. Услышав новость, она тоже кинулась целовать его. Ну, ее поцелуи еще можно было стерпеть – она была веселым, здоровым ребенком и, кажется, ласковым, несмотря на свою распущенность. Очень милая, должно быть, если узнать ее поближе. И во всяком случае, ничем хуже мыла от нее не пахнет – чисто плотный запах.

Вскоре они сели завтракать, и обе шлюхи тоже. К счастью, Трига не было: он ночевал в Лондоне. Но женщины встретили новость таким визгом поздравлений, что сверху донесся злобный рев, – хозяин дома желал узнать, с чего они раскудахтались. Эльси захихикала.

– У Джако, наверное, голова с похмелья раскалывается. Я вчера слышала, как его рвало. Сколько раз я ему советовала пить поменьше ершей. Если он не перестанет, то скоро облысеет, как наш поп.

В шестнадцать-то лет!

Наверху хлопнула дверь, по лестнице прошлепали шаги, затем из коридора донесся шум сердитой перебранки. Карстейрс опять сцепился с кем-то из слуг.

Следует поставить в известность и его, но как сообщить такую новость человеку в подобном состоянии? Единственное, что пришло Генри в голову, было: «Забудьте об этих десяти гинейх». Он посмотрел на Беатрису. На ее помощь рассчитывать не приходилось – она словно окаменела.

На этот раз положение спасла Эльси. Когда дверь распахнулась и показался Карстейрс с пожелтевшими белками глаз и злобно искривленным ртом, дерзкая девчонка вприпрыжку подбежала к нему и воскликнула:

– Джако, ты мне должен полкроны! Мистер Телфорд все-таки женится на Би.

Что я тебе говорила?

Карстейрс несколько секунд, выпучив глаза, смотрел на невероятно глупую муху, которая, вырвавшись из паутины, добровольно вернулась в нее; затем, выпив залпом рюмку неразбавленного спирта, которую ему подала жена, он взял себя в руки.

– Чудесно! Я в восторге, мой милый, в восторге! Поздравляю от всего сердца!

Последовали бесконечные рукопожатия.

– Но, Джако, – захлебывалась Эльси, которая просто плясала от возбуждения, – ты же не поздравил Би! Ты должен поцеловать ее и...

Ее сестра отступила к столу.

– Мама, завтрак стынет, а мистер Телфорд, вероятно, страшно голоден: он выехал из Лондона в четыре часа утра.

– Боже мой, так не годится, – поспешно сказал Карстейрс. – Рюмочку коньяку, Телфорд? Не хотите? Да садитесь же... Как, Дора, снова ветчина и яйца? Неужели у тебя не нашлось рыбы?

Когда завтрак окончился, супруги обменялись взглядом и встали из-за стола.

– Ну, – сказал Карстейрс, – пойдемте в библиотеку и поговорим. Нет, Эльси, к тебе это не относится. Беги-ка ты к мисс Смизерс. И Беатриса нам тоже не нужна. Идемте, дорогой Телфорд.

В библиотеке Генри отразил все настойчивые попытки выведать у него подробности о его денежных делах. Когда на него нажимали слишком сильно, он упрямо выпячивал нижнюю губу. О брачном контракте говорить пока еще рано, сказал он. Им незачем беспокоиться о Беатрисе: у него неплохое состояние, и он может и готов прилично обеспечить жену и детей, но прежде чем решать частности, ему нужно съездить в Уорикшир и посоветоваться со своим банкиром и поверенным.

Нижняя губа опять сказала «стоп», и Карстейрс, отказавшись от своего намерения вырвать у Генри какое-нибудь обещание, вместо этого предпочел попросить у него займы. Ему еще не прислали деньги, какая-то необъяснимая задержка; он вернет оба долга сразу. К счастью, в карманах Генри почти ничего не оказалось, но он выложил в качестве выкупа еще две гиней и ушел из библиотеки. Затем будущая теща увлекла его «поговорить по душам» в нелепый хаос недоделок, который она называла итальянским садом. Она хотела обсудить приготовления к свадьбе, и выполнение хотя бы половины ее планов означало закладную на Бартон. Он долго не мог от нее избавиться. Затем в него вцепилась Эльси. Он должен пойти с ней на задний двор и объяснить, как вылечить щенка, который сопит. Казалось, все искали его общества – все, кроме Беатрисы, которая совсем не показывалась.

Рассказав, что делать со щенком, он посоветовал Эльси вернуться к мисс Смизерс и заняться уроками. Она сделала гримаску, а потом, услышав голос вернувшегося Трига, помчалась еще раз сообщать великую новость. Наконец-то Генри освободился и мог отправиться на пояски неуловимой Беатрисы. Так и не найдя ее, он уныло вернулся на задний двор и решил заглянуть в конюшню, чтобы проверить, задан ли овес его коню. В подобном доме ни на кого нельзя положиться.

В конюшне было темно. Когда он открыл дверь, впусив туда поток солнечных лучей, кто-то звонко хлопнул его по плечу.

– Ну, милый мой Джако, фокус все-таки удался. А я уж подумал, что он от тебя улизнул. Помни, первый заем – в мою пользу. Ведь это я надоумил тебя пригласить... О черт!

Когда Генри, подняв кулак, одним рывком повернулся к нему, Триг выдавил:

– Извините... ошибся... – и исчез.

Генри глядел ему вслед с угрюмой улыбкой: этот мерзавец догадался, что надо бежать, пока у него цела челюсть. Но почему он принял его за Карстейрса? Они же совсем не похожи. Оба высокого роста, но...

Ах да! У Карстейрса тоже есть модная синяя куртка для верховой езды.

Яркий свет, вероятно, ослепил Трига. Что ж, теперь он по крайней мере предупрежден.

За весь этот несчастный день ему так и не удалось поговорить с Беатрисой наедине. Он был совершенно уверен, что она сознательно избегает его. Даже мерку для обручального кольца он снимал под аккомпанемент назойливых замечаний и советов всей семьи. Он – спросил ее, какой камень она предпочитает. Она сказала, что равнодушна к драгоценностям, пусть он выберет что хочет. Но Эльси была не так сдержанна.

– Купи бриллиант, Генри.

– По-моему, самый романтичный камень – сапфир – сказала ее мать. – Когда я обручилась с моим первым мужем, он выбрал сапфир. Он сказал, что сапфиры похожи на мои глаза.

– Дороже всего сейчас ценятся изумруды, – заметил Карстейрс. – Запомните это, мой мальчик. Если вам срочно понадобятся деньги под залог этого кольца, вы увидите, что с хорошим изумрудом ничто не сравнится. Уж я-то знаю, как выгодно поместить деньги.

Черт бы их всех побрал. Он не спрашивал их мнения. Он спрашивал, чего хочет Беатриса, а она, по-видимому, ничего не хочет.

Вечером, выводя свою лошадь из конюшни, он улучил минуту и шепотом спросил Беатрису, не хочет ли она еще чего-нибудь, какого-нибудь подарка.

– Нет, ничего. Я вам очень благодарна.

Он возвращался в Лондон грустный и растерянный. Если бы у него в кармане не лежала мерка для кольца, ему трудно было бы поверить, что он и в самом деле жених.

ГЛАВА III

Первые крохи утешения он получил от леди Мерием. Когда на следующий день он зашел к ней сообщить о своей помолвке, ее радость была так искренна, что его настроение немного поднялось. Она откровенно призналась, что очень тревожилась, но теперь он ее успокоил: скоро Беатриса будет под надежной защитой. За него она тоже рада: девушка, которая была такой преданной дочерью, несомненно будет хорошей женой.

В этом он не сомневается, сказал Генри, но будет ли она счастлива другой вопрос. Он опасается, не потому ли она приняла его предложение, что ее к этому принудили.

Как подобная мысль могла прийти ему в голову?

Он попытался объяснить. Но он не умел объяснять, а она еще меньше умела понимать. До нее дошло только одно: молодой человек обижен, потому что девушка не выказала достаточного восторга. В ее голосе зазвучал оттенок доброжелательной снисходительности, который был так хорошо знаком ему по Уорикширу.

– Не забывайте, что Беатрису воспитывал отец, который, если бы не его несчастье, давно уже был бы послан. Девушки ее круга не выказывают открыто свои чувства после столь короткого знакомства.

Она сделала презрительную гримасу и прибавила:

– Неужели избыток скромности – такой уж непростительный недостаток для девятнадцатилетней девушки?

В другое время Генри, возможно, и не стерпел бы такого щелчка по носу.

Но теперь он был слишком встревожен, чтобы обижаться на то, что на него смотрят сверху вниз. Он снова пустился в бессвязные объяснения, и выражение сдержанной надменности, появившееся было на пухлом лице старой дамы, сменилось добродушием, которое шло ей гораздо больше. Услышав о встрече в лесу, она всплеснула толстыми руками, пальцы которых были унизаны кольцами.

– Но, мой милый, нельзя же так пугать молоденькую девушку. Прятаться за деревом в пустынном месте! Бедняжка, наверное, приняла вас за бродягу с дубиной. И вы еще хотите, чтобы она через пять минут стала веселой и оживленной.

Генри был полон раскаяния. Да, теперь он понимает, что поступил опрометчиво, и очень сожалеет. Но ведь этим нельзя объяснить ее равнодушие к выбору кольца. Он продолжал свой рассказ. Когда он дошел до случая с сапфиром, леди Мерием засмеялась.

– Ох уж эта мне Дора и ее глаза! И как похоже на Беатрису – ничего не хотеть. Истинная дочь своего отца! Она потрепала его по руке.

– Вы оба просто младенцы. Ну, а теперь отправляйтесь покупать кольцо, какое вам понравится. Она будет ценить его за то, что это ваш подарок, а не за камень.

Он ушел от нее утешенный и после долгих колебаний выбрал наконец кольцо с бриллиантом, которое было ему не совсем по карману. Временное уменьшение его счета в банке само по себе не страшно, но ведь предстоят еще значительные расходы. Надо заново отделать дом, чтобы достойно принять ее; надо будет оплатить брачный контракт; супруги Карстейрс, вероятно, найдут лазейку, чтобы уклониться от оплаты своей доли свадебных расходов; и ему уже ясно дали понять, что он должен свозить Беатрису в Париж по крайней мере на месяц. Может быть, лучше было потратить на кольцо только пятьдесят гиней?

Нет, то кольцо было бы слишком дешево для такой изумительной руки.

Прелесть лица Беатрисы то вспыхивала, то угасала, но ее руки всегда оставались прекрасными – прекрасными, как руки величественной красавицы на портрете, который висел в гостиной в Кейтеремс, – ее бабушки или прабабушки.

Кроме того, свадьбу можно устроить поскромней, да и медовый месяц тоже, Беатриса поймет; она не захочет, чтобы он рубил старый лес или нарушил обещание, которое дал умирающему отцу, – всегда жить по средствам и не залезать в долги. Года два им придется немного экономить. Но раз уж он так дорого заплатил за кольцо,

пусть оно и ему доставит удовольствие. Он хоть на минуту останется с Беатрисой наедине. Жадные глаза не будут глядеть на кольцо, прикидывая цену, – уж об этом-то он позаботится!

На этот раз ему повезло: он застал ее в саду, и она была одна.

– Пойдемте в библиотеку, – сказал он, – я хочу вам кое-что показать.

Она молча открыла футляр и так долго и внимательно смотрела на кольцо, что он испугался.

– Оно вам не нравится?

– Очень нравится. Оно прекрасно. Но... – Она подняла на него глаза. – Генри... пожалуйста, не считайте, что вы должны покупать мне дорогие подарки. Мне... они не нужны... правда, не нужны...

В первый раз он видел на ее лице такое выражение, словно она собирается заплакать.

– Но, дорогая, каждой девушке нужно хорошее обручальное кольцо. Ведь это бывает раз в жизни.

– Да, но... Генри, они говорили вам? У меня мало денег.

– Ну и что же? Нам хватит и моих. Разве вам так много нужно на булавки?

– Ах, дело не в этом! Тех денег, которые я получу, когда стану совершеннолетней, мне, наверное, хватит на платья. Но за мной ничего не дают. Если вы об этом знаете, то...

Неужели она думает, что он охотится за приданым? Пожалуй, самое правильное будет обратить все в шутку. Он засмеялся:

– Не огорчайтесь. Мне нужны вы.

Что он такого сказал? Почему у нее стало такое лицо? Почти безобразное.

Она протянула левую руку, чтобы он надел ей кольцо. Но когда он попытался поцеловать ее, она отшатнулась, отталкивая его обеими руками.

– Нет, нет!

Потом она овладела собой.

– Простите, Генри, я не хотела... Да, поцелуйте меня. Но ему уже совсем не хотелось целоваться. Он поглядел на нее, растерянно хмурясь.

– Послушайте, Беатриса. Вы уверены, что любите меня? Я не хочу жениться на девушке против ее воли. Если вас кто-нибудь заставляет...

– Нет, Генри, меня никто не заставляет.

– Вы уверены? Если ваша мать или... кто-нибудь еще настаивает, чтобы вы...

– Разумеется, они настаивают, но это не имеет никакого значения. Они не могли бы меня заставить, если бы я сама не хотела.

Она медленно подняла на него глаза.

– Я... я рада, что нужна вам. Я сделаю все, чтобы вы не пожалели.

Просто это... немного неожиданно. Я скоро привыкну.

Последовал первый поцелуй, если это можно было назвать поцелуем. Потом они вышли из библиотеки и увидели, что их ожидает все семейство. Эльси жаждала поскорее увидеть кольцо и просто места себе не находила от нетерпения.

– Ты его привез? Покажи! Ох, какая прелесть! Ну, Би, теперь ты должна выбросить засохшие цветы, которые тебе подарил тот, другой, раз Генри привез тебе такое кольцо.

– Какие цветы? – резко спросила миссис Карстейрс.

– Ну, цветы... или письма, а может, еще что-нибудь. Во всяком случае, Би что-то прячет за корсетом, а по ночам кладет под подушку, – я сама видела. Да, Би, видела! Ты думала, что я сплю...

– Придержи язык, Эльси, – сердито перебил Карстейрс. Беатриса отвернулась и молча вышла из комнаты. Немного позже миссис Карстейрс подошла к Генри.

– Мой дорогой, я боюсь, что наша плутовка Эльси сегодня утром вас расстроила. Она всегда шалит и не может обойтись без шуток. Не ревнуйте; кроме вас, Беатрисе еще не нравился ни один мужчина. Я догадываюсь, что это: медальон с портретом ее отца. После его смерти он исчез, и мне не хотелось расспрашивать бедную девочку, хотя я с самого начала знала, что медальон у нее. Вы знаете, как она любила отца. Но, может быть, вы подумали...

Генри вне себя от ярости перебил ее:

– Я ничего подобного не думал! Я сам знаю, что Беатриса не из тех девушек, которые способны носить кольцо одного человека и прятать в своей постели письма другого. Раз уж вы спрашиваете, я скажу, что я думаю: по-моему, Эльси заслуживает хорошей порки, и я сам готов отшлепать ее как следует. Я не считаю, что подобные шутки приличны для девочки, которая только-только вышла из детской.

Он ушел совершенно взбешенный. Еще минута, и он высказал бы этой женщине все, что о ней думает. Она смеет уверять его, как будто он сам не уверен...

А уверен ли он? Он был совершенно уверен, что Беатриса не сделала ничего постыдного. Но как знать – вдруг она тайно оплакивает первую любовь, которая увяла, не успев расцвести? Это объяснило бы многое...

Чепуха! Портрет ее отца – и больше ничего. Как только ему удалось застать ее одну, он заговорил о свадебном путешествии. Ему не хотелось бы, объяснил он, выходить из бюджета, потому что тогда придется тратить деньги, которые его отец отложил для непредвиденных починок на фермах или на случай болезней среди арендаторов, – хорошие арендаторы заслуживают хорошего хозяина. Если бы вместо Парижа они съездили на какой-нибудь ближний курорт, это обошлось бы гораздо дешевле. Он слышал о прекрасной гостинице в приморском городе Брайтхелмстоне, который считается приятным и здоровым местом. Ее очень огорчит, если они пока отложат поездку в Париж?

Конечно нет; и она хочет, чтобы свадьба была поскромней.

Потом он задал ей еще один вопрос: не обидится ли она, если он теперь же уедет в Бартон, чтобы все приготовить. Он так долго не был дома, что его присутствие там, вероятно, необходимо. Он вернется первого сентября. И тогда, как только будет готово

ее приданое, можно будет сделать оглашение.

Разумеется, пусть он поступает, как сочтет нужным. Это было все, что она сказала, но облегчение, которое она почувствовала при мысли о его отъезде, было до боли очевидным. Тем не менее он тоже почувствовал облегчение. Теперь, когда она наконец надела его кольцо, эти гарпии на некоторое время успокоятся и не будут ее мучить; а чем дольше он задержится в Бартоне, тем меньше будет у Карстейрса возможностей выманить у него деньги. Кроме того, у этой странной застенчивой девушки будет время свыкнуться с мыслью о замужестве.

Дома у него оказалось столько дел, что ему некогда было раздумывать о том, что хранится у нее под подушкой, хотя, впрочем, все это может быть просто злокозненное воображение ее сестры. Ее чрезмерная скромность тоже перестала его тревожить. В конце концов что здесь удивительного? Какой девушке понравится, если ее навязывают, – пусть даже человеку, которого она любит? Когда они поженятся и он увезет ее из этого отвратительного дома, все будет по-другому.

Из Бартона он иногда отваживался посылать ей маленькие подарки. Ее ответные письма содержали только выражения благодарности и уверения, что она здорова и ни в чем не нуждается.

Вернувшись в Лондон, он в тот же вечер поехал в Кейтерем с брачным контрактом в кармане. К счастью, там не оказалось никаких неприятных гостей – только незнакомый молодой человек необычайно привлекательной наружности, с мягким голосом и очень похожий на Беатрису.

Миссис Карстейрс и ее муж были чем-то встревожены.

– Мой сын, Уолтер Риверс, – сказала она. – Он неожиданно приехал вчера из Португалии в короткий отпуск. Мы так рады, что он здесь.

Ну, кажется, среди родственников его жены нашелся хоть один, которого можно будет не краснея представить уорнкширскому обществу. Немножко женоподобный, правда, – наверное такой же книжный червь, как и его отец.

Побольше мужественности ему не помешало бы, но это по крайней мере джентльмен. Генри почувствовал облегчение.

– Я надеюсь, вы сможете задержаться до нашей свадьбы? – спросил он.

– Я должен уехать в четверг.

– Как! Неужели в следующий четверг?

– Да. К сожалению, я могу пробыть в Англии только неделю.

Генри был поражен. Стоило ли приезжать из Португалии на одну неделю?

– Ужасно мало, не правда ли? – сказала миссис Карстейрс. – Но такова уж судьба дипломата: никогда ничего нельзя знать заранее.

Вскоре она приказала Эльси идти спать и после обычных пререканий выпроводила ее наверх. Затем она повернулась к Генри.

– Мы хотели спросить вас, может быть вы согласитесь поторопиться со свадьбой? Для того чтобы Уолтер мог быть посаженным отцом милочки Беатрисы.

Ведь вы понимаете, он теперь глава семьи Риверс...

– Но ведь он уезжает в четверг.

– Да, конечно, это несколько неожиданно, но Уолтер очень хочет присутствовать при церемонии. Беатриса не огорчится, если ее приданое будет еще не совсем готово. Не так ли, дорогая?

– Да, – сказала Беатриса. Она сидела опустив голову и не принимала никакого участия в разговоре. Ее мать торопливо продолжала:

– Мы успеем приготовить простенькое подвенечное платье... ведь вы и сами говорили, что предпочли бы свадьбу поскромнее.

– Но это же невозможно! Только на оглашение потребуется три недели.

– Если взять специальное разрешение... Генри нахмурился. Они ведь не убегают в Гретна-Грин. В уорикширском обществе так не принято.

– Отчасти это ради Эльси, – добавила миссис Карстейрс. – Она уезжает с Уолтером, а мы обещали ей, что она будет подружкой. Бедняжка будет так разочарована!

Генри хмурился все сильнее. Ему лгали – сейчас или прежде, – а он ненавидел ложь.

– Эльси только что мне сказала, – ответил он, – что она через неделю уезжает погостить к подруге в Эпсом.

– Она еще ничего не знает; это было решено только час тому назад. Мы скажем ей обо всем завтра.

– О чем именно?

– Мы отдаем ее во французский пансион. Уолтер считает, что она уже слишком большая, чтобы заниматься с мисс Смизерс, и... и что ей следует усовершенствоваться во французском языке. К счастью, он возвращается через Париж и сможет отвезти ее туда и оставить...

– В Париже, этого ребенка? С кем?

– Уолтер подыскал для нее превосходный пансион; он навел справки через английское посольство. Супруга посла очень любезно предложила свои услуги.

Все так удачно складывается.

Генри посмотрел на Уолтера. Что за человек этот изнеженный юноша, который как снег на голову является из Португалии и решает все за всех?

Посмотреть на него – тише воды, ниже травы, но это не помешало ему единым махом устроить свадьбу одной сестры, отдать в пансион другую и по дороге заручиться помощью незнакомой дамы, прежде чем он соизволил сообщить матери свои планы.

Уолтер встал.

– Я хочу пройтись. Не составите ли вы мне компанию? Когда они отошли от дома, он повернулся к Генри.

– Могу я говорить с вами откровенно?

Генри, у которого к этому времени уже голова шла кругом, осторожно ответил, что

будет очень рад. Но Уолтер, казалось, вдруг утратил дар речи.

– Мне кажется, – начал он наконец, – вы уже довольно близко познакомились с мужем моей матери?

– Ближе, чем мне хотелось бы, – пробормотал Генри. Раз уж дело дошло до откровенности, он тоже умеет быть откровенным.

– Во всяком случае, достаточно, чтобы понять, насколько этот дом теперь – неподходящее место для двух молоденьких девушек?

Генри угрюмо кивнул. Это по крайней мере прямой разговор.

– Вы можете себе представить, как я беспокоился о сестрах с тех пор, как умер мой отец? Ведь Португалия очень далеко. Затем я узнал о втором браке моей матери... Я попросил отпуск, но мне отказали. Я чувствовал, что не могу объяснить всего. Она же... моя мать, вы понимаете.

– Понимаю, – сказал Генри.

– Тогда я написал нашему поверенному, мистеру Уинтропу, прося его навести справки о Карстейрсе. На это потребовалось много времени. Когда наконец они были собраны... они оказались малоутешительными.

Оказалось, что прошлой зимой родственники окончательно отреклись от него. Тогда его кредиторы дали ему сорок восемь часов, чтобы расплатиться с долгами. Это означало Маршалси. В тот же день он сделал предложение моей матери. У нее были кое-какие собственные деньги – немного, но достаточно, чтобы на время выручить его.

Мистер Уинтроп написал, что он узнал о случившемся, только когда они пришли в его контору с брачным свидетельством и потребовали еще денег.

Видимо, они оба полагали, что мама может продать часть имущества Риверсов.

Когда он объяснил, что согласно условиям завещания ничто, кроме коллекции редкостей, собранной моим делом, не может быть отчуждено, она впала в истерику, а Карстейрс разразился бранью. Он жаловался, что его «обманом женили на старухе».

Мистер Уинтроп не стал сообщать мне остальные его выражения. В конце концов он предложил им оставить его контору. Позже моя мать пришла к нему одна, чтобы извиниться. Она горько плакала.

Я написал леди Мерием – она моя крестная – и попросил ее приглядеть за девочками.

«Вот отчего вспомнили обо мне», – подумал Генри.

– Потом я получил еще несколько писем – положенные были тревожными. А потом несколько строчек от Беатрисы, которая писала, что боится за Эльси. и умоляла меня приехать как можно скорее. Вы бы поняли почему, если бы видели Эльси год назад. Когда умер отец, она была хорошей девочкой. О себе Беатриса ничего не писала, но нетрудно было догадаться, что она очень несчастна.

Затем от матери пришло радостное письмо с сообщением, что Би выходит замуж за джентльмена, с которым она знакома меньше двух недель. Сначала я решил, что вы – один из знакомых Карстейрса. Как бы вы поступили на моем месте?

– Сбежал бы, – сказал Генри, – если бы не удалось получить отпуск.

– Конечно. К счастью, посол дал мне отпуск по семейным обстоятельствам и письма к влиятельным лицам в Париже и Лондоне, на случай если придется применить крутые меры.

– Вы не теряли времени.

– У меня его просто не было; я не знал, что с Беатрисой. Вы можете себе представить, какое облегчение я почувствовал, когда моя крестная сказала мне вчера, что это она познакомила вас с Беатрисой.

– Вы виделись с ней?

– Да, и с мистером Уинтропом тоже. Она сказала мне, что ее сестра знает вас с детства и очень высокого мнения о вас.

– Я учился вместе с младшими Денверсами.

– Да, она упомянула об этом. Так вот, хотите вы помочь мне? Я... не думаю, что для моей матери можно что-нибудь сделать, по крайней мере сейчас.

Я говорил с ней... Подробности, вероятно, вам не нужны. Она... не хочет расстаться с ним, а он не уйдет, пока у нее есть хоть какие-нибудь деньги.

– А вы не могли бы его припугнуть?

– Я сделал, что мог; в дела девочек он вмешиваться не будет. Нам нужно удалить их из этого дома прежде, чем я уеду. Взяв специальное разрешение, вы сможете увезти Беатрису тогда же, когда я заберу Эльси. Вы согласны?

– Да.

– Ну так давайте завтра же поедem в Лондон и все устроим. Спасибо, Телфорд.

Они обменялись рукопожатием и повернули к дому.

– Еще одно, – сказал Уолтер, останавливаясь под фонарем на крыльце. – Моя сестра говорила, что боится, не занимали ли у вас... Пожалуйста, не давайте больше. Моя мать, конечно, не хочет вас обманывать, но... – Он мучительно покраснел.

– Не беспокойтесь, – сказал Генри, – я одолжил не больше, чем могу позволить себе потерять, и не ей, а Карстейрсу.

– Беатриса очень расстроена. Она надеется, что вы позволите мне возратить вам этот долг.

– Нет, нет. Пусть она считает, что это плата за мой стол и постель.

Они вошли в дом. Карстейрс, угрюмо хмурясь, читал вслух длинный список, ставя кое-где галочки, а его жена, нервно посмеиваясь, вставляла замечания.

Беатриса, которая сидела, разглядывая свои стиснутые на коленях руки, не подняла глаз, когда вошли молодые люди. Они сели и стали слушать.

– Минуточку, Уолтер, – сказала миссис Карстейрс. – Мы просматриваем список редкостей и безделушек, чтобы решить, какие из них мои и какие она возьмет с собой. Две китайские статуэтки из слоновой кости. Беатриса, ты помнишь? Мне кажется, они мои, не так ли?

– Хорошо, мама.

– Что дальше, Джек?

- Большая нефритовая чаша.
- Ах, да. Она тоже из Китая.
- Конечно возьмите ее, мама.

Перечисление продолжалось: золото, горный хрусталь, слоновая кость, малахит, бериллы, статуэтки, мозаика, вышивки... В свое время редкостей, по-видимому, было немало, но в доме Генри их почти не видел. Скорее всего большая часть коллекции существовала теперь только на бумаге; половина предметов уже давно отправилась к аукционистам и ростовщикам, остальным в ближайшем будущем предстоял тот же путь. Судя по всему, Беатриса принесет ему в приданое только то, что будет на ней. Впрочем, какое это имеет значение? Он подарит ей новые безделушки. Уолтер не отрываясь глядел в пол.

Его уши горели.

– С этим все, – сказал Карстейрс. – Теперь картины. «Портрет высокородной Доры Понсефоут». Эта, конечно, останется здесь.

Вслед за миссис Карстейрс Генри посмотрел на портрет в золоченой раме – она в восемнадцать лет. Кроме этой, в комнате была еще только одна картина, хотя грязноватое пятно на стене показывало, что не так давно здесь висела третья.

Белый муслин, голубые ленты, ребячливая улыбка; а вот и обручальное кольцо с сапфиром, которого больше нет на ее руке. Право, можно простить ее тщеславные воспоминания о былой красоте – она, кажется, была на редкость хорошенькой.

Но все равно он рад, что Беатриса не унаследовала эту бело-розовую прелесть, – она плохо сохраняется.

- «Портрет маркизы де Файо» кисти Лели. Он, разумеется, тоже остается.
- Разумеется, – сказала Беатриса.

Портрет со знаменитой подписью висел на противоположной стене. Когда Генри впервые вошел в эту комнату, он сразу же обратил на него внимание и с тех пор часто пытался понять, почему он напоминает ему Беатрису, хотя сходства никакого нет. На нем была изображена женщина, скорее всего иностранка, с большими темными глазами. Она была пышно одета; в пудренных волосах сверкали драгоценные камни; в белой руке она держала розу. Да, руки похожи – такие же изящные, и в то же время сильные и ловкие; но лицо совсем другое. У Беатрисы, слава богу, нет и следа этой пугающей, властной красоты, этого эффектного контраста угольно-черных ресниц и алебастровой кожи. Ее краски скромны, как у мышки. Кроме того, овал лица на портрете совсем другой, глаза посажены ближе, и рот тоже непохож. И все-таки... эта улыбка в лесу...

– Кто это? – шепотом спросил он Уолтера.

– Бабушка моего отца, француженка... ужасная женщина. Портрет был написан вскоре после ее приезда в Англию, до того, как мой прадед на ней женился.

Генри передернуло. Француженка! Не удивительно, что она с первого взгляда внушила ему отвращение, несмотря на все ее прелести. Нет, сходства нет ни малейшего. И если приглядеться, то видно, что она вовсе и не красавица. Но все-таки в

ней что-то есть... Когда он снова взглянул на портрет очаровательной, как дрезденская фарфоровая пастушка, мисс Понсефоут, даже его неискушенному взгляду стало ясно, насколько она проигрывает при сравнении.

– Вот и все, если не ошибаюсь, – с облегчением сказала миссис Карстейрс. – Может быть, тебе хочется взять что-нибудь на память, дорогая моя?..

– Нет, спасибо, мама.

Миссис Карстейрс начала складывать список.

– Дора, – сказал ее муж.

Она бросила на него быстрый взгляд и провела платком по губам.

– Да... еще одно. Ты помнишь миниатюру твоего отца в золотом медальоне с бриллиантом? Я... мне кажется, что она у тебя. Я об этом не заговаривала, пока ты жила здесь, но теперь, я думаю, тебе следует вернуть ее мне.

– Она не может этого сделать, – сказал Уолтер. – Медальон в Лиссабоне.

– Он по-прежнему глядел в пол.

– Ах, вот как? Я... я не знала.

– Отец подарил миниатюру ему, – сказала Беатриса. – Я выбрала портрет углем. Это было, когда он умирал. Он хотел, чтобы эти два портрета были у нас. Я думала, что вы об этом знаете.

– Нет, я не знала... Конечно, Уолтер, если ты убежден, что отец действительно подарил его тебе...

– Не понимаю, как это может быть, – сказал Карстейрс. – Насколько мне известно, медальон принадлежал тебе, Дора. Она облизала пересохшие губы.

– Ну... да, мне казалось... Но это было так давно. Я... Я точно помню, как выбирала этот бриллиант...

Уолтер поднял голову и посмотрел на мать. Когда он заговорил, голос его был холоден и негромок, как у его сестры.

– Если вы хотите получить бриллиант, мама, я с удовольствием прикажу вынуть его для вас из оправы. Но, с вашего разрешения, я хотел бы сохранить миниатюру. Она не имеет никакой ценности.

Он встал.

– Если вы извините меня, я пойду спать: мне предстоит трудный день.

Доброй ночи. До завтра, Телфорд.

Так, значит, у этого юноши есть характер. У Генри мелькнула мысль, что ему, возможно, еще доведется увидеть в таком гневе и Беатрису. И какая сдержанность, – что было еще страшнее.

А впрочем, не удивительно: кто угодно вышел бы из себя. Беатриса продолжала молчать. Наверное, она боится новых пререканий из-за золотой цепочки или жемчужной запонки отца – из-за того, к чему бедная одинокая девочка по ночам прижимается щекой.

ГЛАВА IV

Следующие пять дней были так заполнены всякими делами, что он совсем не видел Беатрису. Она занималась своим приданым, которое спешно шилось к свадьбе, а он с утра до ночи либо бегал по городу, либо торопливо писал необходимые письма. Нотариус, банкир, портной, священник, сапожник, ювелир; распоряжения экономке Бартона и письма знакомым; хлопоты о специальном разрешении и подготовка к свадебному путешествию – все это нагромождалось одно на другое, приводя его в полную растерянность. Если бы не деятельная помощь всегда спокойного, уравновешенного Уолтера, он не успел бы закончить все вовремя.

Когда Генри спросил его совета, что подарить невесте, Уолтер смешался.

– Генри, – сказал он, – Беатриса поручила мне поговорить с вами. Она просит вас как об одолжении – обойтись совсем без подарка. Он необязателен, а ей это было бы тяжело... и мне тоже.

– Как вам угодно, – ответил Генри.

Он не мог решить, объяснялась ли эта щепетильность безобразной сценой из-за бриллианта в медальоне, или бедняжек все еще мучили те пустяковые долги, которые ему так и не вернули. Но как бы то ни было, надо уважать их гордость. Он ушел от ювелира, купив только гладкое венчальное кольцо.

Его будущий шурин – такой скромный и сдержанный-с каждым днем нравился ему все больше, особенно после того, как он своими глазами увидел, с каким уважением и восхищением относятся к этому юноше леди Мерием и почтенный семейный поверенный. Тем не менее он все еще чувствовал некоторую настороженность.

– Откуда у вас взялась бабушка-француженка? – ни с того ни с сего спросил он Уолтера, когда они однажды сидели в лондонской кофейне.

Для него было большим потрясением узнать, что в жилах его возлюбленной течет хотя бы капля презренной французской крови. Он считал Францию страной бесстыдных женщин и безмозглых щеголей в кудрявых париках – безнравственных папистов, которые пожирают лягушек и улиток.

Его угрюмое лицо заставило Уолтера улыбнуться.

– Всего только прабабушка, Генри. Неужели вы не можете простить одной восьмой? Я думаю, что случилась самая обыкновенная вещь: прадедушка Норсфилд влюбился в нее.

Генри незачем было проглатывать свое «вот дурак!», потому что Уолтер, по-видимому, разделял его мнение.

– При дворе Карла Второго она славилась умом и красотой и, без сомнения, очаровала беднягу. Потом у него были все основания пожалеть об этом. Кончилось тем, что он спился. Она была жестокой женщиной.

– Это сразу видно, – сказал Генри, – да и распутницей к тому же.

– Судя по всему, да. Впрочем, быть может она не так уж в этом виновата.

Все твердые нравственные принципы Генри встали дыбом от такой преступной

снисходительности.

– Плохая жена – и не так уж виновата? Я вас не понимаю.

– Сперва был плохой муж. О ее юности мне почти ничего не известно, но я слышал, что в пятнадцать лет она была взята из монастыря и стала третьей женой развратника, который был втрое старше нее. Чего же можно было ждать после этого? Ей не исполнилось еще и восемнадцати, когда он дрался из-за нее на дуэли и был убит.

– И тогда она вышла замуж за вашего прадеда?

– Нет, гораздо позже – лет через двенадцать. Прежде чем стать леди Норсфилд, она была причиной множества дуэлей почти при всех дворах Европы, и говорят, что одно время она считалась счастливой соперницей прекрасной Авроры фон Кенигсмарк. Потом она принялась за политические интриги сомнительного сорта и была связана с иезуитами и якобинцами, которых, как подозревают, затем предала из корыстных побуждений. Насколько можно судить, она презирала своего мужа и ненавидела свою единственную дочь. Бедняжка заикалась, а мать издевалась над ее недостатком в присутствии посторонних.

После смерти второго мужа она переехала в Лондон и предалась азартным играм, а ее дочь осталась в деревне и жила в такой нищете, что стыдилась показываться на людях. В конце концов дедушка Риверс пожалел ее и женился на ней.

– Гм, – сказал Генри, – хорошенькая история, нечего сказать!

– Да. Боюсь, что эта часть семейной хроники не делает большой чести нашему роду. Но следующее поколение жило иначе. Родители моего отца были образцовой любящей парой, и он всегда благоговейно чтит их память, особенно память матери. Она, кажется, была необыкновенно милым, но, к сожалению, больным человеком. Спасение пришло слишком поздно. Она умерла, когда моему отцу было тридцать лет, и все его детство и юность были омрачены припадками меланхолии, которыми она страдала. Ей казалось, что ее мать стоит у нее за спиной и нашептывает, чтобы она повесилась. Однажды, когда он был еще мальчиком, к ним неожиданно приехала его бабушка, и он говорил мне, что никогда не мог забыть выражения лица матери в ту минуту.

Об этом портрете сложилась своего рода семейная легенда. Когда Беатриса была маленькой, он иногда ей снился, и она просыпалась в испуге. Я помню, как она расплакалась, когда кто-то сказал, что она унаследовала знаменитые руки. По-моему, сходство этим и ограничивается, да еще может быть, в посадке головы у них есть что-то общее. Эльси совсем непохожа на леди Норсфилд, она вся в маму.

«Ничего, – подумал Генри, немного утешенный, – в четвертом поколении это еще терпимо». Наверное, в каждой семье есть своя паршивая овца. Если уж на то пошло, заключил он, ему тоже не приходится особенно гордиться дедушкой Телфордом.

В среду вся семья приехала в Лондон и остановилась в гостинице.

Венчание было назначено на следующее утро. Приглашены были только леди Мерием, гувернантка и один из лондонских кузенов Генри. После семейного завтрака новобрачные уезжали в Брайтхелмстон, а Уолтер и Эльси – в Париж.

Генри зашел вечером в гостиницу, чтобы договориться о последних мелочах. Ему

показалось, что Беатриса бледнее и молчаливее обычного, но он решил, что это вполне естественно – оно, вероятно, очень устала.

– Мне хотелось бы поговорить с вами наедине, – сказал он ей перед уходом.

Она провела его в соседнюю комнату: – Что-нибудь случилось, Генри?

– Ничего, любимая. Просто я без ума от тебя. Жена моя... Он неожиданно крепко обнял ее и впервые поцеловал в губы, затем отшатнулся и растерянно посмотрел на нее. Она не противилась его объятьям, но он снова увидел на ее лице выражение, которое так испугало его тогда в лесу.

– Беатриса! – с трудом выговорил он. – Что я сделал? Почему вы так боитесь меня?

– Нет, ничего... Я... Пожалуйста, не надо... завтра... Я устала.

Спокойной ночи. Она ушла.

Он вернулся к себе; никогда еще за все время своего странного жениховства он не испытывал такой тревоги. Леди Мерием легко говорить! Нет, это не просто сдержанность или девичье смущение, – это был ужас, черный, ничем не прикрытый ужас, словно он какое-то чудовище. Неужели простая мысль о браке может так подействовать на девушку? Ведь все женятся! Мужчиной и женщиной сотворил их...

Лучше не ломать над этим голову. Надо ложиться спать, иначе завтра он будет бог знает в каком состоянии.

Глубокой ночью его разбудил звук собственного голоса:

«Что они скрывают?» Он сел на постели, и по коже у него пробежали мурашки, когда ответ вдруг вспыхнул в его мозгу. Да, ей есть чего бояться.

Рогоносец! Так вот почему ее братец примчался из Португалии и под благовидным предлогом настоял на немедленной свадьбе. Все читанные или слышанные им истории о пойманных в ловушку ничего не подозревающих молодых мужьях, получающих в придачу к жене чужого ребенка, вихрем пронеслись у него в голове.

Он соскочил с кровати и дрожащими руками нащупал огниво. Который час?

Только начало четвертого. У него еще много времени.

Он зажег свечу и начал одеваться. До рассвета далеко; он прикажет своему слуге оседлать лошадь, оставит деньги для хозяев вместе с распоряжением переслать его вещи в Бартон и уедет из Лондона, прежде чем его хватят. Куда? Не важно. Важно уехать, и как можно скорее.

Не кончив одеваться, он присел к столу и начал писать к ней:

«Я любил вас и верил вам. Я думал, что чище, непорочнее вас нет...»

Генри разрыдался. Он не мог продолжать это письмо.

Он разорвал его и начал другое – к Уолтеру:

«Ваш план был задуман хитро, но все-таки вы просчитались. Если бы я не заметил, что ваша сестра боится смотреть мне в глаза, я попался бы в вашу ловушку...»

Он разорвал и это письмо. Он уедет; просто уедет. И пусть они сами догадываются – почему.

Но ведь так нельзя! Нельзя без всяких объяснений бросить невесту у алтаря. Так не

делают! Как же ему поступить? Написать мистеру Уинтропу?

Священнику? Поехать в церковь и там публично отказаться от нее? Нет, он не в силах встретиться с ней еще раз.

А не ошибается ли он? Что если она ни в чем не повинна? Ему придется застрелиться. Нанеся такое оскорбление своей невесте, человек не имеет права жить. Не ошибся ли он? Может быть, это только плод его воображения?

Он начинал письмо за письмом, но так и не дописав ни одного из них, опустил гудящую, уже ничего не сообщающую голову на руки...

В дверь стучал его слуга.

– Девятый час, сэр, и вас спрашивает джентльмен-мистер Роберт Телфорд.

Генри растерянно поднял голову. Что случилось? Почему он спит, сидя за столом? Ему что-нибудь привиделось?

Тут он заметил догоревшую свечу и неоконченные письма. Нет, он просто сошел с ума.

Он быстро сгреб исписанные клочки, бросил их в камин и зажег. Какие бредовые мысли приходят человеку в голову ночью!

Теперь ему было вообще не до мыслей. Сегодня его свадьба, а он проспал.

Надо торопиться, чтобы не опоздать в церковь. Он приказал передать кузену свои извинения и просьбу садиться завтракать без него, а сам с лихорадочной быстротой принялся одеваться.

Совсем растерявшийся жених, в сбившемся на сторону жабо, проглотил полчашки остывшего шоколада и влез в карету, где его уже ждал полурассерженный, полусмеющийся кузен, которому предстояло быть его шафером.

Затем он судорожно схватился за карман, насмерть перепугавшись при мысли, что позабыл кольцо. Всю дорогу он думал только об одном – не опоздают ли они. И как это он не приказал Джерри разбудить его! Но ведь он рассчитывал проснуться рано, дома заря всегда заставляла его уже на ногах.

Стоя на коленях перед алтарем, он задумался было над тем, действительно ли у него был бред, но вскоре его внимание поглотил более существенный вопрос – что отвечать священнику дальше?

Он кое-как выдержал и всю церемонию и унылый свадебный завтрак. Потом последовали поцелуи, рукопожатия, чаевые слугам. Наконец карета тронулась, и он остался наедине с Беатрисой. Слава богу, он, наверное, никогда больше не увидит супругов Карстейрс. Все это миновало, как дурной сон. И тут он вспомнил другой дурной сон. Он посмотрел на свою жену. Она сидела в углу выпрямившись, глядя перед собой неподвижным взглядом. Словно кролик, на которого натравили хорька... Но все-таки – был ли это сон?

Во время пути он несколько раз пытался завязать разговор, но безуспешно. Затем Брайтхелмстон и темные волны, вздымающиеся за домами, затем – ужин...

– Может быть, пройдемся по берегу? – спросил он.

– Хорошо.

Они ходили по набережной взад и вперед, взад и вперед. Генри стал было что-то рассказывать, но тут они прошли под фонарем, и он, похолодев, умолк, когда увидел лицо девушки, на которой женился. Да, именно такое лицо может быть у женщины, готовящейся принести в честную постель мужа вместе с собой чужого ребенка. С каждой минутой сердце его сжималось все сильнее. Ведь он видел ловушку – видел, закрыл глаза и вошел в нее.

Еще час, и он узнает все. Если это окажется правдой – убьет ли он ее?

Нет; что бы она ни сделала, у него не поднимется на нее рука. Но он прогонит ее, отошлет назад к ворах и шлюхам, туда, где ее настоящее место. Он не позволит, чтобы Бартон – его Бартон, его бесценный кусок английской земли перешел к ублюдку какого-то подлого соблазнителя. Невыносимо!

– Пойдем, Беатриса.

Собственный голос показался ему злым и грубым.

– Генри... мне хотелось бы дойти до конца пристани. Можно?

Да, она старается оттянуть время. Пусть так, он не будет ее торопить.

– Ладно.

Они дошли до конца пристани. Там никого не было, хотя фонари еще горели. Она оперлась, о тумбу и устремила взгляд вниз на колышущуюся воду.

Был полный прилив. Генри смотрел на нее, и кровь шумела у него в ушах.

Впервые он по-настоящему понял, как сильно ее любит.

– Ну, пойдем же, – снова сказал он. Она повернулась к нему.

– Если можно, оставьте меня на десять минут. Мне хотелось бы немножко побыть совсем одной.

Он поглядел ил часы и зашагал назад, чувствуя, что больше не в силах сдерживаться. Теперь он уже почти не сомневался. Через десять минут он вернется. И тогда, если она еще что-нибудь придумает, он, пожалуй, свернет ей шею.

Но ведь она может броситься в море! Он кинулся обратно, остановился, и горячие слезы обожгли его веки. Разве это не лучший выход для бедной девочки? Затем он увидел, как она быстро шагнула к воде, снова побежал – и снова остановился. Она не собиралась бросаться в море; она опять отошла к тумбе и по-прежнему смотрела на воду.

Она не бросилась в море. Она только вынула из-за корсажа нож и уронила его в воду. Это был небольшой нож, но очень острый, с узким отточенным лезвием.

Больше он ей не понадобится. Теперь Генри, наверно, будет защищать ее от всех самцов, кроме самого себя; в обмен на эту защиту она и продала ему свое тело. Теперь она должна выполнить условия сделки. Ее физическая девственность, если это то, что ему нужно, принадлежит ему, раз он ее купил.

А для нее она утратила всякую святость, всякий смысл. Она стала товаром.

Только один-единственный принцип, дающий право на самоуважение, уцелел

после крушения ее юности: честные люди платят свои долги, не увиливая и не хныча. Генри, бледный и суровый, подошел к ней.

– Теперь ты готова, Беатриса?

Она медленно повернулась и подняла на него серьезный, внимательный взгляд.

– Да, Генри, я готова.

ГЛАВА V

Исполненный глубочайшего смирения и раскаяния новобрачный медленно спускался по лестнице.

Час тому назад его разбудил скрип открывающейся двери, и он увидел, как его молодая жена тихонько выходит из комнаты. Такой жгучий стыд он испытал только один раз в жизни, когда его наказали в воскресной школе и он в слезах прибежал домой.

Что на него нашло? Откуда взялись эти чудовищные подозрения? Как он мог подозревать девушку, чистую, как снежинка? Но еще ужаснее этих подозрений было то, чего он чуть-чуть не сделал. «Уолтер убил бы меня, – твердил он себе, – и был бы прав; я бы и сам схватился за пистолет, если бы у меня была сестра и кто-нибудь так оскорбил ее».

Какое счастье, что он заснул над этими гнусными письмами! И благодарение богу, он ничем не выдал себя на пристани прошлым вечером. Никто ничего не узнает. Ни она, ни другие не догадаются о его отвратительных мыслях, а он посвятит всю жизнь тому, чтобы искупить свою вину перед ней.

Лучшего мужа не сможет пожелать ни одна женщина.

Она была на берегу и следила за чайками тем серьезным непроницаемым взглядом, который так не вязался с ее девятнадцатью годами.

– Ты пойдешь завтракать? – вот все, что он нашелся сказать.

Не прошло и недели, а многое уже изгладилось из его памяти. Он еще смущался и у него начинали гореть уши, если что-нибудь вдруг напоминало ему о его глупых подозрениях, но он был не из тех, кто способен долго укорять себя за сделанные ошибки. В конце концов он, наверное, не единственный жених, который накануне свадьбы вел себя глупо, – а эти приготовления хоть кого выбьют из колеи. И во всяком случае все сошло благополучно: он женат, у него чудесная жена, и он очень счастлив с ней, вернее, скоро будет счастлив.

Если бы только она не была такой покорной ледышкой... Надо дать ей время, она, возможно, тоже выбита из колеи. Кто-то говорил ему, что если новобрачная очень молода и невинна, медовый месяц часто приносит некоторое разочарование. В Бартоне она станет такой же, как все.

Потом пошли дожди и принесли с собой скуку. Дома дождь ему не мешал; в любую погоду он бодро объезжал поместье, отдавая распоряжения, или, усевшись со

своими собаками у пылающего камина, листал любимую книгу своего отца «Досуг джентльмена», или проверял счета, или разговаривал о политике, охоте и видах па урожаи с кем-нибудь из соседей-сквайров, или приглашал приходского священника сыграть робберок-другой. Но чем заняться в незнакомом месте, где не с кем даже поговорить, кроме женщины, которая целыми днями читает книги на чужих языках? Когда он отрывал ее от этого занятия, она отвечала ему ласково, но разговор не завязывался, и она снова возвращалась к своим французам или итальянцам.

Через две недели он спросил ее, очень ли она огорчится, если они поторопятся с отъездом. Им надо еще остановиться в Винчестере, чтобы осмотреть собор, а в Бартоне накопилось множество дел. Кроме того, может быть ей хочется поскорее увидеть свой новый дом?

– Да, конечно, очень. Поедем завтра?

Она начала укладывать вещи; он вынимал из шкафов и передавал ей одежду, которую она аккуратно складывала. На пол упал небольшой томик. Генри поднял его и рассмеялся.

– Латынь! Милая моя девочка, неужели ты еще думаешь об уроках? Не очень подходящее чтение для медового месяца.

Она замерла; в ее неподвижности была смутная угроза, и ему стало немного не по себе. Тут он вспомнил о покойном ученом и ласково обнял ее за плечи.

– Прости, любимая; я забыл, что ты читала римских авторов своему отцу.

Конечно, они тебе дороги как память о нем.

– Это были другие авторы, Генри, Я привезла книги, которые никогда не читала ему. Очень интересные – и подходящие.

Он взглянул на открытую страницу. Хотя в детстве он потратил много времени на изучение латыни, теперь он помнил только ежедневную зубрежку и довольно частые наказания. Отдельные слова были знакомы, но сочетания их ничего ему не говорили. Он посмотрел на титульный лист: T. Petronii Arbitri, «Satyricon»², Какая-нибудь глупая сказка о сатирах – козлоногих существах, которые играют на свирелях, если он чего-нибудь не спутал. Что же, жаловаться он не имеет права. Его предупреждали, что она немного синий чулок. Но по крайней мере у нее хороший характер – не всякая жена стала бы так легко и просто подчиняться всем его желаниям. И все-таки – странный выбор чтения для новобрачной.

Она сунула томик Петрония к другим: «Путешествия Гулливера», «Pantagruel», «Il Decamerone»³, Ювенал. Все они были взяты из одного и того же книжного шкафа ее отца, – того, который он всегда держал закрытым. На мгновение сардоническая усмешка искривила красивую линию ее губ. Той Беатрисе, которую знал ее отец, подумала она, и в голову не пришло бы брать книги, которые он не считал для нее полезными. Но с этой сентиментальной дурочкой давно покончено.

² ТПетроний Арбитр. «Сатирикон» – (лат.).

³ Пантагрюэль (франц "Декамерон (итал).

После сцены в конторе мистера Уинтропа Карстейрс и его жена в течение первых трех месяцев своего брака то осыпали друг друга упреками, то нежно ворковали.

Карстейрс на время спасся от долговой тюрьмы, однако ценой не менее тяжелого лишения свободы. Он был обречен на жизнь вдали от Лондона и игорных домов, в скучном деревенском доме, где все его общество составляли ревнивая жена, которая годилась ему в матери, и две сверхблаговоспитанные падчерицы.

Даже здесь кредиторы не оставляли его в покое, и редкости из быстро уменьшавшейся коллекции распродавались только для того, чтобы как-то удовлетворить их требования.

В начале марта он с большим трудом вырвал у жены разрешение заложить ее кольцо с сапфиром. Камень был прекрасный; он собирался продать его, сказать жене, что заложил кольцо за половину полученных денег, а разницу прикарманить и с помощью этой, по его расчетам, значительной суммы хоть немного отвести душу подальше от Кейтерема. Он подыщет благовидный предлог, чтобы остаться в Лондоне на пару ночей, и с пятьюдесятью гинеями, о которых его жена ничего не будет знать, сможет на свободе еще раз попытаться счастья за карточным столом. А затем выяснилось, что она собирается сопровождать его к ростовщику и на других условиях отказывается расстаться с кольцом.

Почти целую неделю он откладывал эту поездку, ссылаясь то на одно, то на другое. Наконец он согласился, что им следует принять приглашение лондонских друзей, устраивавших карточный вечер, переночевать в городе и утром заложить кольцо. Как только письмо с их согласием было отослано, он начал жаловаться на зубную боль. Когда наступил назначенный день, он настоял, чтобы она ехала без него.

В этот вечер Беатриса в своей комнате в самом конце коридора долго сидела над неоконченной работой отца. Еще и года не прошло с тех пор, как его долгая болезнь окончилась роковым припадком; но ей казалось, что он в своем собственном доме забыт так прочно, словно умер столетие назад. Было уже далеко за полночь, когда, наплакавшись, она наконец уснула.

Она проснулась от мучительного удушья: муж ее матери одной рукой сжимал ей горло, а другой пытался засунуть ей в рот кляп.

Ему давно уже надоели податливые женщины, а за последнее время более чем надоела стареющая и ненасытная жена. Сопrotивляющаяся девственница могла приятно пощекотать его до тошноты пресыщенные чувства.

Сопrotивляющаяся – да; но к тому же насмерть перепуганная и беспомощная, а не отбивающаяся, как дикая кошка. Девушка защищалась так яростно, что он растерялся. Его уверенность в успехе была столь велика, что даже о кляпе он подумал только в последнюю минуту, испугавшись, как бы острый слух Эльси, которая спала через три комнаты от спальни сестры, не уловил случайно какого-нибудь крика. Все должно было пройти гладко: неожиданно разбуженная, она испугается, а он слегка придушит ее и вывернет ей руку приемом, которому научился еще в школе. Очень действенный прием – к нему редко приходилось прибегать дважды, и среди его младших товарищей не было ни одного, который не смирился бы после двух раз. Девчонка сдастся на

первой минуте, а потом страх и стыд превратят ее в его покорную рабыню.

Собственно говоря, его соблазняла сама победа, а не эта бледная немочь.

А главное, она была желанна ему как сладкая тайная месть ненавистной женщине, которая связала его по рукам и ногам. Ее родная дочь!

Правда, Эльси была красивей сестры, но слишком похожа на мать и поэтому совсем его не привлекала. Кроме того, слишком рискованно связываться с такой глупой девчонкой. Того и гляди устроит истерику и все выболтает. Безопаснее будет заняться синим чулком: она поймет, что следует держать язык за зубами.

И заодно будет приятно отплатить маленькой ханже за то, что ее передергивает, стоит ему оказаться в трех шагах от нее. Он ей покажет, как напускать на себя чистоту и невинность, черт побери! А когда он ее обломает, она будет ему очень полезна. Позже, когда она будет ходить по струйке, ему, пожалуй, удастся заставить ее выманить у своего брата разрешение заложить дом. А уж тогда – ищи ветра в поле.

Она долго отбивалась и наконец глубоко вонзила ноготь в его правый глаз. Он взвыл и выскочил из комнаты, а она, с трудом освободившись от кляпа, успела только запереть дверь, прежде чем все кругом провалилось и черноту.

Когда на следующий день миссис Карстейрс вернулась домой, у дверей ее встретили сообщением: «С хозяином случилась беда, сударыня; доктор только что ушел. А у мисс Беатрисы разболелось горло, и она слегла». Ее муж стонал и ругался; лицо его было исцарапано, а правый глаз закрывала наложенная доктором повязка. Истории о том, как бешеная кошка прыгнула на него в конюшне, она не поверила, но заподозрила только, что какой-нибудь разгневанный фермер – отец или брат – наконец отдал его по заслугам.

Доктор, хотя профессиональная этика не позволяла ему высказать это вслух, настолько явно разделял ее недоверие, что негодование миссис Карстейрс перешло все границы. До ушей Беатрисы донеслись обрывки злобной перебранки на лестнице.

– И ты хочешь, чтобы я поверила этой чепухе? – кричал визгливый голос.

– Я думала, что у тебя хватит ума, чтобы...

– Сколько раз мне повторять, Дора, что эта кошка вцепилась мне в глаза, прежде чем я успел...

Беатриса сунула голову под подушку и больше ничего не слышала.

Через двадцать минут раздраженная миссис Карстейрс вошла в комнату со спущенными гардинами, чтобы нетерпеливо и рассеянно осведомиться о здоровье дочери, которую всегда недолюбливала.

Почему она не попросила доктора осмотреть ее горло, пока он был здесь?

Теперь он уже ушел.

Беатриса, которая лежала, натянув одеяло до подбородка и закрыв мокрым носовым платком большой синяк на лбу, сдавленным шепотом ответила, что доктор ей не нужен, что она скоро поправится.

– Ты что, простудилась? Грудь у тебя болит? Только горло? Может быть, дать тебе

молока? Или приложить горячий кирпич к ногам?

– Ничего не надо; только покой. У меня болит голова.

– Ну, так не ворочайся и постарайся заснуть. Я распоряжусь, чтобы тебе потом принесли чай и гренки.

Царапина на глазу опасно воспалилась, и почти три недели миссис Карстейрс было некогда думать о чем-либо, кроме собственных неприятностей.

Непрерывные стоны и брань мужа доводили ее до истерики, а неуклюжая ложь, которую она слышала в ответ на свои расспросы, разжигала ее ревнивую ярость.

В конце концов, измученная бессонными ночами, напуганная безобразной опухолью, закрывавшей его глаз, она прониклась глубокой жалостью к себе.

Неужели она погубила свою репутацию и оттолкнула друзей только ради этого? А если воспаление перейдет на другой глаз и Карстейрс совсем ослепнет? Так значит, она принесла такие жертвы, терпела измены, пренебрежение, оскорбления в собственном доме только для того, чтобы опять оказаться осужденной на безрадостную жизнь жены слепого?

Прежде чем доктору удалось убедить ее, что Карстейрсу не угрожают ни слепота, ни уродливые шрамы, она успела совсем забыть, что бессердечной девчонке взбрело в голову в эти страшные дни простудиться и слечь в постель.

Пока с ее горла и лба не сошли синяки, Беатриса старалась никому не попадаться на глаза. Едва оправившись, она стала целые дни проводить в библиотеке, куда теперь никто не ходил, и попросила, чтобы еду ей подавали туда. Первую неделю она кутала горло и голову в шаль, пила горячее молоко с вином и чай из черной смородины, чтобы вылечить несуществующую простуду, и дрожала, услышав за дверью шаги Карстейрса. Она не знала, что ей больше ничто не грозит: он боялся ее едва ли меньше, чем она его. Он получил хороший урок, а кроме того, не знал, что она собирается предпринять дальше.

Жертву насилия запугать было бы нетрудно, но можно ли надеяться, что девушка, сумевшая защитить себя от такого решительного и тщательно продуманного нападения, никому ничего не скажет? Что она написала брату? И в каком настроении этот молодой человек того и гляди явится сюда из Португалии? Лучше всего отделаться от нее: выдать замуж за кого придется – и поскорее.

Его жена, хотя она даже не подозревала о происшедшем, тоже – и еще больше, чем раньше, – жаждала избавиться от своей старшей дочери. Дора отчаянно цеплялась за остатки былой красоты и давно уже чувствовала, как безнадежно она проигрывает в сравнении с юностью, бессознательно бросающей ей вызов. По ее мнению, смерть мужа в самом начале предыдущего лондонского сезона была лишним незаслуженно жестоким ударом судьбы: если бы противная девчонка начала выезжать на год раньше, выдать ее замуж было бы гораздо легче, – за это время перед ними закрылись двери многих нужных домов. К счастью, хотя леди Мерием упорно отказывалась бывать в их доме, с тех пор как его хозяином стал Карстейрс, она сохранила достаточно уважения к памяти своего покойного друга, чтобы по-прежнему оказывать покровительство его дочери и ради нее даже принимать ее отчима. Но и она достаточно ясно дала понять, что ее снисходительность имеет границы.

Нельзя было терять ни минуты, или для Беатрисы никогда уже не удастся подыскать подходящего мужа. Наступающий сезон был последней надеждой и одеть ее нужно было прилично, как бы ни страдала ее бедная мать, бегая повсюду в поисках кредита. А она? Сидит себе одна в библиотеке и дуется, проявляя полную бесчувственность и к бедам, обрушившимся на их дом, и к прелестным платьям, стоившим стольких хлопот и унижения. Дни идут, а она даже палец о палец не ударит: читает с утра до ночи, откладывает поездки к портнихам и модисткам под вечным предлогом головной боли и упрямо не желает показаться доктору. Будь это другая девушка, можно было бы подумать, что ей есть что скрывать, но у Беатрисы просто скверный характер. С ней всегда было трудно ладить. Вдруг возьмет и посмотрит на тебя так, словно ты последняя тварь. А ночь, когда умирал ее отец...

Миссис Карстейрс поспешила отмахнуться от невыносимого воспоминания о том, как собственная дочь не пустила ее в комнату отца и яростно прошептала:

«Уйдите! Оставьте его Уолтеру и мне. Что вам до него?» Она захлопнула дверь перед родной матерью!

Мисс Смизерс все время жалуется, что Эльси эгоистична и дерзка.

Конечно, у Эльси, как у всякого ребенка, есть свои недостатки, но, слава богу, на Беатрису она не похожа.

Тем временем Беатриса обшарила чулан в поисках подходящего ножа, нашла повод перенести свою кровать в комнату Эльси и написала брату, умоляя его приехать домой ради младшей сестры. О себе она ничего не писала: для того, что с ней произошло, слов не было, а все остальное не имело значения.

День за днем она сидела в библиотеке совсем одна, и мысли ее снова и снова возвращались к ужасам той ночи, и каждый раз перед ней вставал вопрос, на который не было ответа: что же дальше?

Самоубийство? Если бы можно было сразу... Отец так страдал, умирая. А кроме того, умереть – значит, оставить без всякой защиты Эльси – хорошенькую Эльси, которой едва успело исполниться шестнадцать лет и которую она обещала оберегать. Но оставаться в этом доме...

Уйти некуда. Ни денег, ни друзей... Правда, есть леди Мерием. Она добра... но глупа. И хуже того – любопытна. Легче умереть, чем рассказать кому-нибудь об этом.

Она попробовала читать. Одну за другой она брала книги, которые чаще других читала отцу и любила ради него – да и ради них самих, – и ставила их обратно.

Пресные, поверхностные, бесполезные. Утонченные девы Горация, Лисиди Титир с их тростниковыми свирелями. Астрофель и Стелла, Окассен и Николет какая все это чушь, какая чушь.

Но чтобы не сойти с ума, надо читать. Ее взгляд упал на запертый шкаф.

Отец доверил ей все свои ключи, но много лет тому назад попросил не читать книг, хранящихся в этом шкафу. «Это знаменитые книги и по-своему очень значительные, но ты их не поймешь, и, кроме того, в них есть много безобразного, вредного для тебя».

Защищать ее от «безобразного»! Что же, если ей известно еще не все безобразие мира, то чем раньше она узнает остальное, тем лучше.

Она открыла дверцу и пробежала взглядом по незнакомым названиям. Одно из них заставило ее удивиться.

«Путешествия Гулливера»! Как очутилась здесь эта детская сказочка?

Когда она была еще совсем маленькой, отец сажал ее к себе на колени и читал ей смешные истории о лилипутах и бробдингнегах. Но здесь есть какое-то продолжение. Что такое Лапута? Она начала читать – сначала рассеянно, но скоро уже горько смеясь над философами и их хлопальщиками. Она тоже спала до тех пор, пока ее как следует не хлопнули. Но теперь она проснулась.

Затем она дошла до йеху, и внутри нее что-то поднялось, салютуя.

Так вот наконец правда, обнаженная, ужасная, омерзительная – но правда.

А она-то думала, что познала зло. Неужели все люди такие, как мама?

А она сама – какова она на самом деле? Даже а ее отце когда-то жил йеху, – иначе как можно объяснить ее появление на свет? Йеху призывает йеху-и возник новый йеху. Сколько порочной материнской крови течет в ее жилах?

На что намекали эти женщины в тот день, когда она, проходя мимо окна, услышала, как они издеваются над ревностью мамы?

«Доре долго его не удержать».

"Разве только она докопается до чего-нибудь, за что ссылают в колонии.

В таком случае она, конечно, сможет его припугнуть".

Припугнуть?

Она принялась рыться в юридических книгах своего деда. Отчеты об уголовных процессах, в которых она вначале просто ничего не понимала, постепенно становились все яснее. После долгих недель терпеливого труда и обдумывания улик она скроила для своей матери лапутянский костюм – очень логичный, но совсем не по фигуре. Она сделала только одну ошибку, объяснявшуюся отчасти ее молодостью и неопытностью, а отчасти непрерывным анализом тонкостей латинской грамматики, – но ошибку роковую: она приписала бестолковой Доре Карстейрс безжалостную ясность и логичность собственных рассуждений.

Насилие над несовершеннолетней. Да, и особенно если несовершеннолетняя – *virgo intacta*⁴ и падчерица насильника. Кроме того, это было бы сочтено кровосмешением. Если донести на того, кто совершил подобное насилие, его наверняка сошлют в колонии.

– Я думала, что у тебя хватит ума, чтобы...

– Эта кошка вцепилась мне в глаза...

Значит, мама так рассердилась потому, что он потерпел неудачу.

Наверное, она нарочно уехала в Лондон, чтобы дать ему возможность воспользоваться удобным случаем, а потом угрожать доносом. Он сразу стал бы ягненком.

⁴ Девственница (лат.).

Самка йеху устроила западню своему самцу, сделав приманкой собственного детеныша.

Не успел еще сойти последний синяк, как начался лондонский сезон. Дебют Беатрисы в свете был очень неудачным. С нее сняли ее дешевый старенький траур и, облачив в белое одеяние выставленной на продажу девушки из хорошего круга, принялись таскать по балам, но надежда, что кто-нибудь женится на ней прежде, чем все растущая скандальная репутация семейства Карстейрс лишит ее доступа в приличное общество, с каждым днем становилась все меньше.

Она знала, что леди Мерием старается найти ей мужа. Если ей сделают предложение, она должна будет принять его, каков бы ни был жених, должна будет заключить сделку: ее тело – для удовлетворения его похоти, его дом чтобы укрыть ее и, если возможно, Эльси. Брак-это отвратительно; но ведь вся жизнь отвратительна. И кто она такая, чтобы жаловаться на осквернение, когда оскверняется все? Очевидно, тому, кто создал мир, это нравится. Тоже йеху, только побольше .

Но женихи все не являлись. Да и понятно. Она не была ни богата, ни особенно красива, и нашлось бы много девушек не старше и гораздо привлекательнее ее, на которых можно было жениться, не рискуя тем, что тебя заставят платить карточные долги Карстейрса. Люди сторонятся девушек с такой родней.

В последнюю минуту ее познакомили с Генри. Для йеху он был не так уж гнусен. Он не ухмылялся плотоядно, как тот человек, который пытался поцеловать ее в оранжерее леди Мерием, и говорил о коровах и траве, вместо того чтобы рассыпаться в сальных комплиментах.

Потом он вдруг уехал – несомненно, полный отвращения. И не удивительно.

Весь вечер мама бушевала, рыдала и бранилась. А потом, на следующее утро, фигура в синей куртке для верховой езды, прячущаяся за деревом... И вдруг оказалось, что это не новое нападение, а глупый молодой сквайр, который любит коров. Он что-то бормотал, краснея и заикаясь – делал ей предложение.

Конечно, она должна считать, что ей повезло. Если бы только это не значило, что придется терпеть его прикосновения... Может быть, со временем она привыкнет.

В Уорикшире она будет в безопасности, но за это надо платить. Даром ничего не дается. Зато она больше никогда не увидит ни мамы, ни этого человека.

И вот теперь она – замужняя женщина. Как бы то ни было, этот ужасный медовый месяц пришел к концу. В Бартоне у Генри будет о чем думать, кроме нее; будут какие-то передышки. Может быть, наступит день, когда он будет наконец удовлетворен или она надоест ему, и он найдет себе Других женщин, как это полагается мужчинам, а ее оставит в покое.

Хотя, наверное, сначала придется рожать детей. В жизни женщины неподдельны, кажется, только пол и деторождение, все остальное – мишура. И то и другое ужасно, и то и другое неизбежно. Но если другие женщины терпят...

ГЛАВА VI

– Вот Бартон, – сказал Генри.

Беатриса выглянула из кареты, и у нее захватило дыхание: какая прелесть!

Он рассказывал ей о тех улучшениях, которые сделал его отец, и весь последний час она старалась представить себе, во что бывший ливерпульский торговец и его деньги могли превратить скромный старый дом и сад. Не придется ли ей восхищаться дрянной подделкой под пышную усадьбу Монктонов, мимо которой они только что проехали? Быть может, он скопировал чванных грифонов или чудовищные, подстриженные в виде разных фигур деревья, которые даже в соседстве с величественными зданиями и широкими газонами замка Денверсов едва можно было терпеть?

Он ничего не испортил. Это был просто чудесный фермерский дом приветливый, милый, мирный, утопающий в зелени фруктовых деревьев и до старинной черепичной крыши увитый гирляндами ползучих роз и жасмина, жимолости и ломоноса.

На мгновение ее глаза затуманились. Отец полюбил бы этот дом. И она тоже полюбила бы его, если бы еще могла что-нибудь любить.

Дом принадлежит Генри. И для нее он может быть только тюрьмой. Ее сердце снова оледенело.

Они вошли в дом. Он что-то говорит. Надо слушать, надо придумать подходящий ответ.

– Любимая, если тебе захочется что-нибудь изменить, только скажи. Здесь все твое.

Все, кроме ее собственного тела. Но ведь он сказал это от чистого сердца. Ей было легко ответить:

– Вряд ли мне захочется что-нибудь менять – во всяком случае из того, что я уже видела. Здесь все так прекрасно!

Зачем, зачем она это сказала? Ведь нетрудно было догадаться, что снова начнутся поцелуи и объятия.

Беатриса надела свои самые грубые башмаки и накинула на плечи шаль.

Генри ждал ее, чтобы показать ей всю усадьбу. Он хотел сделать это в утро их приезда, но она попросила у него разрешения провести первый день в доме. «Я многому должна научиться, – сказала она, – и хочу все делать постепенно».

Вчера она встала рано и целый день изучала дом, разбиралась, как ведется хозяйство, и знакомилась со слугами. После ужина она достала записную книжку с карандашом и тщательно занесла в нее, какое жалованье получают слуги, что и по какой цене надо покупать, какие запасы есть в кладовой, а также все пожелания Генри относительно расходов по дому. Он пришел в восторг от добросовестности, с которой она отнеслась к своим новым обязанностям, но теперь настало время показать ей свои сокровища.

Октябрьское утро было великолепно, и когда она увидела изумрудный после долгих дождей выгон, а за ним сад с румяными яблоками, на ее губах появилась улыбка, в которой не было горечи. Впервые она сама повернулась к мужу.

Через выгон и заливные луга они прошли к речке, которая струилась под развесистыми старыми ивами среди густой чащи ежевики и усыпанного багряными

ягодами шиповника. От кувшинок остались только листья, но боярышник еще не отцвел, а среди осоки там и сям голубели незабудки.

Назад они пошли через рощицу, чтобы она поглядела гигантские вязы, на которых гнездились хлопотливые грачи. Потом он повел ее на скотный двор, познакомил с управляющим и с улыбающимися работниками и показал ей амбар, конюшни и коровник. Он радовался, видя, что ее любовь к животным не ограничивается породистыми лошадьми и комнатными баловнями. Ей, по-видимому, нравились все четвероногие существа, даже Бабуся – огромная старая свинья, которая, похрюкивая, блаженствовала в пролитых помоях, взирая на мир умными глазками, прячущимися за буграми сала.

– Ей, наверное, тяжело таскать на себе столько жира, но у нее совсем не такой глупый вид, как я ожидала, – заметила она.

– Глупый вид! – смеясь, повторил он. – Попробуй-ка заставить ее сделать что-нибудь, чего она не хочет! Увидишь, какая она хитрюга. Правда, старушка?

Он нагнулся и ласково почесал чудовищную тушу за ухом.

А ведь он по-настоящему любит животных, удивилась Беатриса.

В течение следующего часа она с еще большим изумлением обнаружила, что и животные любят его.

– Я со всеми познакомилась? – спросила она, узнав клички, погладив и похвалив каждую лошадь, корову, собаку и кошку в усадьбе.

Генри улыбнулся. Лучшее он приберет под конец.

– Со всеми, кроме одного. Он вон там.

В его голосе зазвучала сдержанная гордость любящего отца.

– С ним приходится быть осторожным. Характер у него дьявольский.

Он отпер дверь отдельного хлева, очень светлого и безукоризненно чистого. Там стоял огромный красный бык с кольцом в носу и цепью на шее.

– Настоящий тисдейл. Отец привез его из Нортумберленда еще теленком. Во всем графстве нет второго такого красавца.

– Но... его всегда приходится держать взаперти?

– Нет. Мы каждый день выводим его гулять на цепях, а когда есть кому за ним присмотреть – пускаем пастись на западный выгон. Но это можно делать только изредка.

– Почему?

– Эти крупные нортумберлендские быки очень легко возбуждаются. А кроме того – слишком сильны. За ними нужен глаз да глаз.

– Но если они так опасны, зачем их держать?

– Милая, да ведь это лучшие производители в Англии. Посмотри, какие плечи! Не подходи так близко – он тебя еще не знает. Как поживаешь, старина?

Мухи досаждают? Ну, ну, ничего.

Он шагнул в узкое пространство между рыжевато-бурым боком и стеной и

принялся поглаживать могучую шею быка. Беатриса почувствовала, что ее сердце забилось чаще.

– Генри, а это не опасно?

– Для меня – нет. Никому другому он этого не позволит. Но мы с ним друзья, а, старик?

Он медленно поглаживал животное вдоль хребта. Бык не торопливо повернул голову, кося круглым глазом, моргая и тихо посапывая.

– Слышишь? Он любит, когда его почесывают. Знаю, милый, знаю. Я... А, рыжий дьявол, вот ты как!

Он быстро отскочил, потому что посапывание слегка изменилось и бык чуть заметно задвигал плечом.

– Ты видела? С ним надо держать ухо востро. Он один раз уже пробовал проделать со мной эту штуку. Она дрожала.

– Что случилось?

– Он пытался оттеснить меня вперед. А потом мотнул бы головой и в одну секунду проткнул бы мне грудь вот этим рогом. Его, наверное, рассердило незнакомое лицо. Эти бестии очень коварны. Говорят, слоны-самцы тоже такие... Любимая, что с тобой? Бедняжка моя, ты побелела как полотно.

Он бросился к ней, чтобы поддержать ее, но она отшатнулась и оперлась о стену.

– Нет... Пустяки. Пожалуйста, выйдем на воздух. Здесь... так душно.

Он был взволнован, огорчен и смиренно просил прощения. Это он виноват.

Ему следовало бы сообразить, что бык ее напугает. А кроме того, она, должно быть, очень устала – он слишком долго водил ее по усадьбе.

Она молча шла рядом с ним. К счастью, он не может догадаться, что привело ее в ужас.

Когда бык повернул голову, она вдруг увидела, что он похож... Не на Генри. Не на Генри, каким он был в эту минуту, а на Генри под фонарем пристани в Брайтхелмстоне. Рыжеватые волосы, низкий лоб, широко расставленные глаза; и рот... животный, плоский и жадный. Словно они братья.

Бык приближается, как в кошмаре... И нельзя бежать...

– Наверное, я немного устала, – сказала она.

Утром в воскресенье Беатриса вместе с мужем отправилась в приходскую церковь Бартона. Он гордо и немного смущенно подвел ее к скамье Телфордов, рядом с плитой, на которой были начертаны имена его родителей. На секунду он преклонил колени, подобающим образом закрыв лицо руками, потом аккуратно расправил полы своего кафтана, уселся и стал смотреть на входящих. Глаза большинства присутствующих были устремлены на молодоженов; а сам Генри исподтишка поглядывал на огороженную родовую скамью Денверсов. Несколько второстепенных светил местной династии усаживались на свои места, по лорд Монктон был в отъезде, и широкая парчовая подушка властной самодержицы тоже оставалась пустой. Причетник шепотом сообщил, что ее сиятельству немного нездоровится и она не

сможет почтить своим присутствием сегодняшнее богослужение. Генри начал молиться, чувствуя неожиданное облегчение: общество пока подождет со своим приговором. Никто не рискнет высказывать свое мнение, пока деспотичная старуха, которая делает погоду в западном Уорикшире, не выскажет своего.

Он бросил на Беатрису ободряющий взгляд, но она витала где-то в облаках. Благоговейно рассматривая величественный нормандский свод, некогда венчавший монастырскую часовню, она не замечала того, что происходит на земле. Ему пришлось объяснить ей вес по пути домой, но и тогда она, казалось, не сразу поняла его.

Три дня спустя весь Бартон пришел в смятение оттого, что на дороге, ведущей к дому, показалась громоздкая карета Монктонов. Вдовствующая графиня оправилась от последнего вполне заслуженного приступа печени и теперь готовилась сдержать данное сестре обещание: обласкать осиротевшую – и более чем осиротевшую – дочь их старого друга.

Генри не было дома, но и без него нашлось кому волноваться. Все слуги от миссис Джонс, экономки, до младшего конюха хорошо понимали, что положение, которое займет в обществе новая хозяйка Бартона, зависит главным образом от матери лорда Монктона.

Беатриса все еще возилась со счетами, когда в дверь постучала экономка.

– Войдите.

Миссис Джонс вошла. Каждая складка ее черного платья из жесткого шелка была исполнена торжественной внушительности.

– Их сиятельство из замка в гостиной, сударыня.

Она умолкла с неодобрительным видом.

– Но я никого не ждала, – сказала Беатриса. Она растерянно посмотрела на свое темно-синее шерстяное домашнее платье – единственное из ее нового гардероба, которое ей позволили выбрать самой. Оно отражало ее вкус, а не вкус миссис Карстейрс и было простым и строгим.

– Нельзя заставлять ждать их сиятельство, сударыня, да только вот одеты вы... Может, мне вам что-нибудь быстренько принести? Зеленое люстриновое, а то тафтяное винного цвета?

– Благодарю вас, миссис Джонс, но мне не хочется заставлять пожилую женщину ждать. Я спущусь не переодеваясь.

Негодующий взгляд сверлил ее спину, пока она шла по лестнице, а сердце, непонятно почему, сильно билось. Плохое начало. Пожалуй, лучше было бы послушаться экономки:

Генри будет очень разочарован, а может быть, даже рассердится на нее, если этот трехбунчуный паша в юбке изволит обидеться.

Миссис Джонс вернулась к своим делам. Новобрачная и в таком виде! Что подумают их сиятельство?

В первую минуту их сиятельство подумали, что это какая-нибудь приживалка, «компаньонка из благородных», которую хозяйка послала сказать, что сейчас сойдет. Конечно, Генри не так скуп и черств, чтобы его молодой жене приходилось встречать

незнакомых посетителей в шерстяном платье, словно какой-нибудь гувернантке, без серег, без броши – и с такими испуганными глазами. Затем она увидела узкую руку со сверкающим бриллиантом и вспомнила строки последнего письма своей сестры: «Надо бы немножко ободрить... страшно застенчива и молчалива... Но я убеждена, дорогая Эмилия, что она скоро узнает, какое доброе сердце бьется в груди моей сестры».

Леди Монктон поднялась и, ласково протянув полные руки, вся сияя добродушием, сделала несколько шагов навстречу вошедшей.

– Какая скромная мышка! Не бойтесь меня, дорогая моя; я знала вашего мужа еще совсем крошкой.

Беатриса внутренне вся сжалась. Кажется, эта толстуха собирается ее поцеловать? Что же, ей приходилось терпеть поцелуи и похуже. Если Генри нужно, чтобы она подчинилась, – хорошо, ведь это входит в условия сделки.

Медленная улыбка появилась на ее губах, когда она послушно наклонилась и подставила бархатистую щеку.

Генри, возвращаясь после разговора с управляющим заметил у дверей августейший экипаж и ускорил шаги. В передней его перехватила экономка, исполненная трепетного возмущения.

– Их сиятельство в гостиной. А на хозяйке домашнее платье. Я просила, чтобы она позволила мне помочь ей переодеться, а она не захотела. Не дай бог, сэр, как бы их сиятельство не подумали, что им не хотят выказать уважение.

Его сердце упало. Если первая встреча окажется неудачной... Леди Монктон умела быть очень доброй, если вздумает; иногда просто удивительно доброй. Но у нее был острый язык, и она беспощадно замечала любой промах, любое нарушение хорошего тона. В его голове мелькнуло не относящееся к делу, но тем не менее мучительное воспоминание о происшествии еще его школьных времен: анекдот о парадном обеде по случаю выборов, когда – единственный раз в жизни – его отец был приглашен в гордый замок.

Ему вероятно, было лет двенадцать, когда один из младших Денверсов привез эту историю в колледж св. Катберта. Скверная шутка обошла спальни и площадки для игр, ничего не потеряв от частого повторения, и, пока Генри не расстался со школой, была занозой в его сердце. Каждому новичку непременно рассказывали – шепотом, хихикая и осторожно поглядывая на тяжелые кулаки Генри, – как «поставщик черномазых» (только один раз кто-то рискнул произнести это прозвище вслух) схватил жареного фазана руками, а потом, перепугавшись, так поспешно положил ножку обратно на тарелку, что она подскочила и шлепнулась вместе с подливкой прямо на колени супруги епископа.

Генри стиснул зубы и открыл дверь гостиной.

– ...почва такая жирная, что бояться надо только слизней. Но Макферсон знает от них средство. Так что, дорогая, если понадобится, приезжайте ко мне, и он вас научит. А, вот и ваш муж.

Он наклонился, целуя протянутую ему пухлую руку. Он не верил собственным

глазам и ушам: приветствие леди Монктон было не просто милостивым – оно было почти нежным.

– Поздравляю вас, милый Генри! Для всех нас большая радость, что дочь Стенли Риверса украсит наше общество. Да, да, Беатриса, я хорошо знала вашего отца, когда он был еще юношей. Мой младший брат очень подружился с ним в Оксфорде, и я танцевала с ним менуэт на свадьбе моей сестры. Ну, мне пора. Значит, через понедельник. Моя невестка просила передать ее извинения – она еще не оправилась после родов. Так не забудьте напомнить мне о георгинах.

Все еще сомневаясь, Генри проводил ее до кареты. Она взяла его под руку.

– Ну, плутишка, понятно ли вам, какой вы счастливчик? Она очаровательна. Не такая хорошенькая, как ее мать, но это ей, по-моему, нисколько не вредит. Откровенно говоря, я немножко обеспокоилась, когда услышала о вашем выборе, – испугалась, что она на нее похожа. Я терпеть не могла эту глупую Дору Понсефоут. Бесспорно, она была красива, просто прелестна; мы ее прозвали «Херувимчик». Но ведь одной красоты мало. Мне было бы грустно увидеть, что в доме вашей матери хозяйничает какая-нибудь пустоголовая восковая куколка. Я очень уважала Ханну Бартон; порядочная, благоразумная женщина. Но это настоящая дочь Стенли Риверса – посмотрите, как она держится. Породиста, как скаковая лошадь. И все-таки нужно позаботиться о ее гардеробе. Я была просто поражена: в первую минуту я приняла ее за *demoiselle de compagnie*⁵. Неужели эта дура не могла сделать ей приданое?

– Не было времени, – пробормотал Генри. – Нам пришлось обвенчаться гораздо раньше, чем предполагалось, чтобы ее брат мог быть посаженным отцом.

Он торопился назад в Португалию. Он на дипломатической службе.

– Знаю, знаю. Кто его туда устроил, по-вашему? Монктон конечно. Кстати, что вышло из этого мальчика? Он вам нравится? Я рада этому. В последний раз, когда я его видела, это был прехорошенький мальчуган в синем бархатном костюмчике. Он сидел на скамеечке в нашем парижском посольстве и читал сказки, ужасно благоденствующий и послушный.

Как можно скорее свозите ее в Лондон или в Бат, чтобы она себе что-нибудь сшила. Через понедельник вы обедаете у нас... Есть у нее подходящий туалет? Думаю, что даже Дора сумела сделать ей подвенечное платье. Интересно, кто его шил? Ах, подарок моей сестры! Превосходно. Но пусть его прежде кто-нибудь посмотрит. Последняя новобрачная, которую я представила нашему обществу, забыла, что день ее свадьбы уже прошел. Правда, это не имело большого значения: ему под семьдесят, и он ходит с тростью. Но молодой петушок вроде вас – дело другое, а?

Она, дружелюбно усмехаясь, ткнула его локтем в бок, а он почувствовал, что его передернуло. Он был не более щепетилен, чем любой человек его сословия и его века, но ему не хотелось, чтобы она так шутила о Беатрисе.

Леди Монктон высунулась из окна кареты, грозя ему жирным пальцем.

– Постарайтесь быть ей хорошим мужем, мастер⁶ Генри, или вы будете иметь дело

⁵ Компаньонка (франц.).

⁶ Английское обращение к мальчику из богатой семьи.

со мной!

Придя в себя, он кинулся в гостиную, схватил свою молодую жену в объятия и осыпал ее градом поцелуев.

– Любимая, любимая! Понимаешь ли ты, кого ты покорила? Я еще не видал, чтобы она с кем-нибудь так разговаривала, ни разу не видал! Все графство будет у твоих ног. Красавица ты моя! Как я смогу отблагодарить тебя?

Беатриса до боли прикусила нижнюю губу. Приятно, когда добиваешься цели. Но такой ценой?

Она чуть отодвинулась.

– Не надо, Генри, ты мнешь мне платье.

Он расхохотался и отпустил ее.

– Твое платье! Ну и попало же мне из-за него! Нам пора подумать о пополнении твоего гардероба.

– Но у меня все есть. Я просто забыла переодеться. А леди Монктон всем указывает, как одеваться?

– Наверное всем, к кому хорошо относится. Но боюсь, что очень многих она просто не удостоивает своим вниманием. Я был просто поражен, увидев, что она целует тебя на прощанье так нежно, словно ты ее родная племянница.

Ему, кажется, и в голову не приходит спросить себя: а нравится ли ей, что ее целует, называет милой девочкой и треплет по щеке совершенно незнакомая женщина с поблескивающими свинными глазками. Она быстро опустила ресницы, Что ж, если он доволен...

Все еще сияя, он отправился доканчивать осенний осмотр своих фруктовых деревьев.

Глава VII

На следующее утро управляющему пришлось долго томиться у крыльца.

Генри, узнав, что после завтрака предстоит примерка подвенечного платья, которое переделывали для визита в замок, не мог упустить случая насладиться видом своей возлюбленной в этом белоснежном целомудренном великолепии. В день их свадьбы его мысли были заняты другим.

Миссис Джонс, с полным ртом булавок, ползала по полу, подкалывая шлейф.

Беатриса, тоненькая и стройная, опустив руки, неподвижно стояла перед зеркалом, ожидая, пока все длинные блестящие складки будут подколоты и тщательно измерены. Когда он вошел, она не пошевелилась и продолжала сурово смотреть на свое отражение. В ее ушах звучала строчка из какой-то елизаветинской трагедии, которую любил ее отец: «Почтительно поддерживают шлейф, а душу волокут по грязи».

Когда Генри подошел, экономка, оглянувшись через плечо, заговорила с ним.

Сегодня она была в хорошем настроении. Неожиданное одобрение старой графини сильно подействовало на нее, и она начинала надеяться, что выбор ее обожаемого мастера Генри не столь неразумен, как она опасалась.

– Сидит оно замечательно, но что хозяйка будет с ним носить? Красные розы? На южной стене много бутонов, к будущей неделе они должны распуститься; а если ночью будут заморозки – зима-то уже на носу, – я прикрою их из окна рогожкой. А то, если хотите, я подберу веточку жасмина получше, хоть он почти отцвел.

В дверь постучала судомойка.

– Простите, сударыня, кухарка говорит, пусть миссис Джонс придет посмотреть, уварилась ли смоква. Она никак не вспомнит, сколько ей положено кипеть.

Миссис Джонс поднялась, покачав головой.

– Ах ты господи! Я ей три раза повторяла! Вы меня извините, сударыня? Я сию минуточку ворочусь и помогу вам снять платье.

– Спасибо, миссис Джонс, но вам не стоит лишний раз подниматься наверх.

Я сумею расстегнуть крючки.

– Как хотите, сударыня. Уж очень обидно будет, если смоква переварится.

Вы его положите тогда на стул, а я потом уберу.

Когда экономка ушла, Генри вернулся к разговору о цветах.

– Я думаю – жасмин. Розы носят все.

– Как хочешь.

– Так, значит, жасмин. Но нужно еще какое-нибудь украшение: ожерелье или... Ах, я забыл...

Он смущенно посмотрел на нее, вспомнив список украшений, который читался в Кейтереме.

– Но ведь у тебя же было что-то свое? Как, нет даже и пары сережек?

– У меня уши не проколоты. Отец был против. Ему не нравился этот обычай.

– Ни броши, ни браслета? Совсем ничего? Надо немедленно этим заняться.

Но времени осталось так мало. Она густо покраснела.

– Нет, Генри, пожалуйста не покупай мне больше ничего, – попросила она.

– Я вообще не люблю драгоценностей. А расходов и так уже было слишком много.

Ты сам говорил, что нужно экономить.

Она была права: денег в банке почти не осталось. Лучше подождать мартовской выручки, прежде чем позволяя себе новые расходы, в которых нет настоящей необходимости. Но нельзя же допустить, чтобы его жена впервые предстала перед местным обществом только с веточкой жасмина и без всяких драгоценностей.

– Может быть, удастся найти что-нибудь в шкатулке моей матери? – сказал он. – Правда, там почти ничего нет. Ведь ты знаешь, Бартоны никогда не были знатью. Кроме того, после смерти деда она жила в страшной бедности; ей пришлось расстаться со старинным фарфором. Но когда она вышла замуж за моего отца, он купил ей

несколько недурных вещей. Давай все-таки посмотрим.

Он вернулся со шкатулкой, на которой аккуратным почерком было написано:

«Драгоценности моей любимой жены. Моему сыну Генри после моей смерти». Он сел, открыл крышку и начал выкладывать содержимое шкатулки на стол.

Большинство вещей было ценно только как сувениры: сплетенные из волос цепочки, траурные брошки из оникса и агата, старые истертые венчальные кольца, детское коралловое кольцо и погремушка. Драгоценностей было немного – все тяжелые, дорогие, безвкусные, очевидно из запасов какого-нибудь провинциального ювелира. Генри покачал головой; затем, лицо его прояснилось.

– Вот!

Он поднял плоский золотой медальон, усаженный мелким жемчугом, и ласкающим движением пропустил между пальцами длинную золотую цепочку.

– Он тебе нравится? По-моему, неплохо. Отец купил его матери на другой день после того, как я родился. Стеклышко было вставлено после. Видишь ли...

Он перевернул медальон. Там за стеклом лежали две прядки детских волос.

– Волосы моего брата и сестры – близнецов. Они умерли от дизентерии, когда я был еще совсем маленьким. Одно из самых ранних моих воспоминаний, что я сижу у нее на коленях и хочу схватить медальон. Она отняла его и сказала: «Нельзя». Потом поцеловала его и заплакала. Мне, наверное, было тогда года три-четыре. Мне было только шесть, когда она умерла. Много лет спустя отец рассказал мне, как она горевала по ним.

Беатриса внимательно смотрела на его лицо. Да ведь оно стало совсем другим – в нем нет ничего отвратительного!

Генри все еще колебался.

– Боюсь, что он немножко старомоден, но если все-таки он может подойти...

– Я с радостью надену его, если тебе не будет неприятно, – мягко ответила она и чуть смущенно наклонила голову, чтобы ему легче было надеть ей на шею цепочку. – Спасибо. Мне приятнее носить это, чем какую-нибудь драгоценность.

Она поглядела на крохотные светлые прядки за стеклышком. Ей почему-то стало легче, словно они были счастливым талисманом.

– Лучше спрячь его в шкатулку до понедельника, – сказала она и начала снимать цепочку. Но у самого горла цепочка зацепилась за что-то острое, и Беатриса уколола палец.

– Кажется, здесь осталась булавка, – сказала она. Генри подошел к ней.

– Дай, я посмотрю. Да, прямо в кружевах какая-то изогнутая проволочка.

– Ах да, помню. На ней держались лилии леди Мерием, а то они все падали.

Ее лицо снова стало суровым при воспоминании о том, как ее мать святотатственными руками украшала символом непорочности тело, которая сама предала на поругание. Наверное, когда-нибудь откроют, что Иуда Искариот был женщиной и матерью.

Она дрожащими пальцами перебирала кружево.

– Дай я помогу, – сказал Генри.

Он осторожно отцепил проволочку. Вдруг кровь бросилась ему в голову, он раздвинул мягкий атлас и прижался лицом к ее груди.

– А-ах, какая кожа!

Она рванулась назад с такой силой, что проволочка выскользнула из его пальцев.

– Милая, я тебя оцарапал?

Генри поднял проволочку с пола. И тут он увидел побелевшее лицо Беатрисы, ее руки, судорожно сжавшие платье у горла.

– Любимая, любимая, прости! Я не хотел... Я только...

Когда, исполненный раскаянья, он хотел подойти к ней, она с придушенным криком отвернулась и убежала из комнаты.

Задыхаясь, словно спасающийся от охотников зверек, она заперла дверь спальни и сорвала с себя платье вместе с цепочкой; потом, все еще с содроганием ощущая прикосновение жадного рта, налила воды в таз для умывания и терла оскверненное место до тех пор, пока белая кожа не побагровела. Если бы можно было выжечь его каленым железом!..

Животное! Усыпляет твою осторожность, одурачивает тебя ложью о своей матери и ее умерших детях – только ради этого.

Ночью ты знаешь, чего ожидать. Можно стиснуть зубы, взять себя в руки и как-нибудь терпеть. Но не иметь ни одной спокойной минуты и днем, всегда опасаться ловушек и засад...

А она еще убеждала себя, что он добр, раз ласкает собак. Где была его доброта в ту ночь на пристани? Ты готова? Что ему было до ее муки, до ее ужаса, раз дело шло о его удовольствии!

Она услышала легкий стук в дверь и застыла, словно окаменев.

– Беатриса, любимая, открой мне! Ну, пожалуйста, открой.

Комната принадлежит ему. Если он вздумает выломать дверь – это его дверь. Она облизнула губы и заставила себя заговорить:

– Будь добр, Генри, подожди минутку.

Она подняла подвенечное платье и положила его на кровать, потом подняла цепочку. Одно звено было сломано.

Что толку! Вместо каждого сломанного звена будут выкованы два новых. Ей от него не вырваться.

Она умылась, надела домашнее платье, накинула на плечи шарф, крепко зашпилила его на груди и отперла дверь. Генри переступил порог с видом побитой собаки.

– Любовь моя, прости меня, прости.

Она стояла, глядя на него. Потом с трудом сделала несколько шагов, опустилась на стул, и на лбу у нее выступили капельки пота. Она стиснула зубы, испытывая злобную ненависть к себе.

«Встань, идиотка, встань! Так ты его не остановишь. Встань и не теряй головы. Обморок, тебе не поможет. Он подходит все ближе».

Но комната плыла у нее перед глазами. Что с ней?

Теперь он стоит на коленях рядом с ней, обнимает ее, прижимаясь головой к ее ногам.

– Радость моя, сокровище мое, я не хотел оскорбить твою стыдливость, скромница моя. Я так виноват; как я мог так забыться! У меня такое чувство, словно я растоптал фиалку.

– Генри, – еле выговорила она, – пожалуйста... уйди. Мне надо побыть одной. Нет, я не больна, но мне хочется прилечь... Нет, нет, мне ничего не нужно. Ради бога, уходи скорее! Я – меня тошнит.

Он уже встал и теперь пристально смотрел на нее. Выражение надежды, сомнения и благоговейного страха быстро сменялись на его лице. Потом он на цыпочках вышел из комнаты, и она снова заперла дверь.

Когда приступ тошноты наконец миновал, она кое-как доплелась до кровати и легла. Вскоре она поймала себя на том, что смеется.

Словно он растоптал фиалку! А для чего же еще существуют фиалки?

Ее отец однажды сказал о цветах странную вещь. Кто-то восхищался портретом его бабушки. «Да, – сказал он потом, – наверное, она была красива, но она убивала красоту во всем, к чему прикасалась. В ее присутствии даже полевые цветы становились простыми сорняками».

Скольким еще цветам суждено стать простыми сорняками? В ту ужасную ночь в Брайтхелмстоне была минута, когда Генри сказал: «Моя лилия, моя белая лилия». А потом он стал плакать, плакать над лилией – если это была лилия, которую только что извальял в грязи.

Об этом всегда пишут в стихах. Даже цветам приходится служить тому же.

И вся твоя жизнь от детства и до старости – словно «Пастуший календарь», где у каждого цветка есть свой эпитет: невинная маргаритка, непорочная лилия, стыдливая фиалка, пунцовая роза. А дальше что? «А дальше – плодоносная яблоня».

Она села на постели. Нет, только не это. Пусть женщины – рабыни, но никто не смеет навязывать им это последнее из унижений. За девять месяцев еще будет время, много времени, чтобы найти какой-нибудь выход.

А что если это ложная тревога? Тошнота могла быть случайной. Но даже если нет, каждая женщина имеет право выбирать; стоит только принять яд, и все будет кончено.

«Не обманывай себя. Это следовало сделать пять недель тому назад. У пристани было глубоко, и у тебя в руке был острый нож, а что ты с ним сделала?»

«Разве я не должна была сдержать слово? Как будто я не предпочла бы...»

«Лги кому-нибудь другому. Ты выбросила нож потому, что испугалась смерти. Ты струсила, моя милая, ты струсила».

Что все это значит? В комнате никого нет. Спорит ли она сама с собой, как делают сумасшедшие? Или...

Женщина на портрете! Мать-чудовище, которая уговаривала свою дочь повеситься... Или она вернулась спустя пятьдесят лет, чтобы снова приняться за прежнее?

Отец говорил, что трус... Что он говорил? «Трус-это человек, который говорит себе, что в следующий раз не подчинится». Как страшно он это сказал.

«И теперь ты знаешь – почему. Да, в твоих жилах течет рабская кровь его кровь. Он знал, на какой женщине женился, но до самой смерти оставался ее рабом; и ты сделана из того же теста».

«Ты меня не испугаешь. Я никогда не покорюсь».

«Ты думаешь? О, без сомнения, сначала ты будешь скулить. Что же, скули – кому какое дело? А когда тебе надоест, ты перестанешь скулить. И ты будешь плодоносить столько раз, сколько заблагорассудится твоему хозяину».

А после плодоносной яблони – что? Кислый, сморщенный, никому не нужный старый дичок. И в конце концов – гниющая, пахнувшая падалью поганка.

Она снова рассмеялась – нехорошим смехом.

Нет, она все перепутала! Ведь это его эмблема. Эмблема каждого торжествующего самца: веселка⁷, на которую она недавно наткнулась в орешнике. Сперва ей показалось, что где-то рядом валяется падаль, но потом она чуть было не наступила на эту мерзость.

Она старалась взять себя в руки. Довольно, довольно! Как гнусно!

Вот до чего она дошла. Она льстила себе, что не дала тому, первому, загрязнить себя, раз чуть не выцарапала ему глаза. Но они оба загрязнили ее: один – тело, а другой – ум, если в ее воображении рождаются такие образы.

«Ну, а пока медальон с волосами двух щенят, умерших от дизентерии, понравится леди Монктон своей скромностью и благородством и, кроме того, даст возможность не тратить лишние деньги».

Глава VIII

На званом обеде Генри не раз пришлось удивляться. Сначала он немного боялся и за себя и за Беатрису. Ему приходилось бывать в замке на заседаниях избирательного комитета и на других деловых собраниях, но к обеду он был приглашен сюда впервые.

Войдя в большую гостиную, он увидел знакомые лица, не раз приводившие его в трепет. Томас Денверс лорд Монктон, фэгом⁸ которого он был в школьные годы, стал теперь молчаливым молодым человеком с тяжелой челюстью, но маленькие глазки, которые в колледже св. Катберта так часто проникали в самые тайные помыслы Генри, остались прежними. В этот вечер он впервые встретил их взгляд без прежнего

⁷ Веселка – гриб *Phallus impudicus*, споры которого смачиваются темной жидкостью, имеющей запах падали.

⁸ Фэг – в английской школе ученик младших классов, состоявший при каком-нибудь ученике старших классов.

ощущения беспричинной неловкости и сознания собственного ничтожества. С этого дня он принадлежит к избранным.

Вдовствующая графиня, в тяжелом бархатном платье и сверкающих драгоценностях похожая на толстого восточного идола, поманила его пальцем, оторвав от разговора со своим сыном.

– Генри, пойдите скажите Беатрисе, что она мне нужна.

Во время обеда он краешком глаза следил за тонкой белоснежной фигуркой рядом с седовласым доктором богословия Паркинсоном, добродушным и благообразным епископом. Соседкой Генри по столу была молодая жена местного баронета всего год как вышедшая замуж. На ней было роскошное платье с пышными розовыми оборками и, пожалуй, слишком много бриллиантов. Она пользовалась репутацией остроумной женщины, и местные сплетни в ее изложении было бы приятно слушать, если бы не ее захлебывающийся визгливый голос, которого он, впрочем, и не заметил бы несколько месяцев назад. Но теперь, привыкнув к спокойному, серебристому голосу Беатрисы, он недоумевал, как может баронет терпеть болтовню своей супруги.

Леди Крипс любила не только делиться пикантными новостями, но и собирать их.

– Ах, скажите мне, – чирикала она, – это правда, что миссис Телфорд ужасно ученая? Я слышала, что в письме к леди Мерием вы описывали, как она дни и ночи напролет читает книги по-гречески и по-латыни.

Отеческая улыбка сбежала с лица доктора Паркинсона. Он бросил на Беатрису испепеляющий взгляд. Хозяйка дома оторвалась от блюда, над которым трудилась, и шутливо сказала:

– Берегитесь, ваше преосвященство. Вы сидите рядом с весьма ученой дамой.

– Ну вот видите! – воскликнула леди Крипс. – Я буду ее бояться!

Генри просиял. Теперь, когда он немного свыкся с необычайной начитанностью своей возлюбленной, это ее качество уже казалось ему столь же восхитительным, как и все остальные.

– Насчет греческого я не уверен, – ответил он со скромной гордостью, но латынь она, правда, знает как свои пять пальцев.

– Неужели? А какие книги она читает?

– Ну, это немножко не по моей части. Я никогда не увлекался латынью.

Слишком много доставалось за нее в школе, а, Монктон? Я лучше разбираюсь в лошадях. Но как-то в Брайтхелмстоне мне случилось взять одну из книг моей жены. Про сатиров и всякое такое. Какой-то древний автор, забыл – какой.

Петро... Как там его.

Тут он заметил, что все внимательно слушают его, а епископ побагровел.

Что он такое ляпнул?

Ах да! Паркинсон! Ведь это тот самый епископ, чья проповедь в осуждение женского образования вызвала такой скандал прошлой весной. Какая-то герцогиня встала и удалилась из Виндзорской церкви в знак протеста, когда он начал поносить ученых женщин, называя их «ярмарочными обезьянами» и «нечестивыми

французскими гиенами» и утверждая, что их следовало бы хорошенько выдрать плетью. И леди Монктон не нашла ничего лучшего, как посадить рядом с ним Беатрису!

Он в ужасе бросил взгляд через стол на жену. Она слушала с вежливым вниманием и только чуть-чуть улыбалась.

«А теперь, – думала она, – произойдет взрыв. Я знала, что рано или поздно это должно случиться. Доктор Паркинсон, в отличие от Генри, знает, кто такой Петроний Арбитр».

Ею овладела дерзкая беззаботность. Из-под опущенных ресниц она посмотрела на разъяренного защитника мужской монополии.

«Ты тайком хихикаешь над ним, – подумала она, – и прячешь его под пухлыми богословскими фолиантами. А теперь, йеху, ты покажешь нам, какой ты высоконравственный».

К счастью, епископ не расслышал неоконченного имени. Он оседлал своего конька и уже мчался сломя голову. Мощные раскаты звучного голоса, каким он проповедовал с кафедры, обрушились на Генри.

– Мне грустно слышать это, сэр. Молодой жене более пристало учиться своим домашним обязанностям, нежели заниматься материями, постичь которые она все равно не в состоянии.

Потом он гневно напал на Беатрису:

– Поверьте, сударыня, женщины вызывают гораздо больше восхищения, когда не выходят за пределы назначенной им сферы.

Генри багрово покраснел. Если леди Монктон думает, что он спокойно позволит оскорблять свою жену...

– Ваше преосвященство... – начал он, но леди Монктон перебила его негодующую речь в самом начале.

– Ах, ваше преосвященство, ваше преосвященство! Ведь дочерняя любовь не возбраняется нашему полу. Миссис Телфорд занималась латынью только для того, чтобы читать вслух своему слепому отцу – по примеру дочерей Мильтона.

На мгновение епископ уставился на нее, совершенно опешив; затем он со смущенным смешком укоризненно покачал головой.

– Touche!⁹ Я вижу, что ваше сиятельство по-прежнему любит устраивать засады и ловушки.

Он снова повернулся к Беатрисе, и его доброе лицо сморщилось, как у ребенка, готового заплакать.

– Нижайше молю вас о прощении, мое милое дитя. Мне следовало бы догадаться, что столь очаровательное личико не может быть маской, за которой скрывается отвратительнейшее существо-женщина, претендующая на ученость.

Все ждали ответа Беатрисы.

⁹ Удар, попавший в цель, – фехтовальный термин (франц.).

– О ваше преосвященство, я не претендую ни на какую ученость. Правда, мой отец научил меня немного читать по-латыни, но сейчас я изучаю поваренную книгу, – тут она обезоруживающе засмеялась. – С вашего разрешения, я признаюсь в одном очень вольном поступке: сегодня утром я бросила в камин несколько латинских книг. Мне было очень скучно сидеть над ними, ведь гораздо интереснее учиться печь пирог с дичью.

Епископ расцвел в улыбке.

– Весьма похвально. О, если бы некоторые головы постарше были бы столь же мудры. Он поклонился Генри.

– От души поздравляю вас. В наш развращенный век красота, скромность и здравый смысл – поистине редкое сочетание.

Неожиданно Беатриса заметила, что лорд Монктон буравит ее своими глазками, так похожими на глаза его матери.

«Он понял», – подумала она.

В гостиной старая графиня погладила ее по плечу.

– Умница! Не обижайтесь на беднягу Паркинсона. У него золотое сердце; но, к сожалению, он плохо воспитан. И сердился он на меня, а не на вас. Его мать служила в горничных у одной из моих теток, которая была синим чулком и к тому же настоящей фурией. Она позволяла моим кузенам дразнить его, когда он был стеснительным, неуклюжим мальчишкой, и он не может забыть этого. А теперь его собственные дочери помыкают беднягой, как хотят.

– Я прощен? – спросил епископ, склоняясь над рукой Беатрисы, когда она уезжала. – И вы не откажетесь принять мои искренние пожелания, чтобы ваши труды над пирогом с дичью увенчались полным успехом? Я убежден, что счастливицы, которые будут его вкушать, найдут его столь же достойным всяческого восхищения, как и прекрасную хозяйку, испекшую его.

Она сделала реверанс.

– Может быть, когда дело пойдет у меня на лад, ваше преосвященство окажет мне честь отведать мой пирог? Тогда и я буду знать, что прощена.

Не успела карета тронуться, как долго сдерживаемые чувства Генри вырвались наружу.

– Милая, ты была удивительна, удивительна! Если бы ты знала, как я тобой горжусь! Все говорили только о том, как великолепно ты держалась, когда Паркинсон был с тобой так груб. Как могла леди Монктон подвергнуть тебя такому... Знаешь, еще немного, и я вздул бы его, хоть он и епископ!

– Он не хотел меня обидеть, – ответила она. – Он просто не понял. Ты слышал, как он потом извинялся? Между прочим, я пригласила его как-нибудь пообедать у нас – надеюсь, ты ничего не имеешь против?

– Против? Но, дорогая, он и не подумает приехать!

– Леди Монктон собирается привезти его на будущей неделе. Он гостит у нее, и ему хотелось бы осмотреть старую церковь. Надо приготовить для них обед получше, и чтобы непременно был пирог с дичью: они оба любят поесть. Я уверена, что миссис

Джонс не пожалеет никаких трудов. А ты позаботишься о вине, хорошо?

Минуту Генри сидел молча, открыв рот от изумления, затем снова пробормотал: «Ты удивительна», – и заснул, положив голову к ней на плечо. От него немного пахло вином. Очень осторожно она высвободилась, не разбудив его.

"Итак, – думала она, вглядываясь широко открытыми глазами в сумрак кареты и прислушиваясь к мирному похрапыванию мужа, – на этот раз обошлось.

Но когда-нибудь Генри узнает, что я читаю и что думаю, – нет, то, что я думаю, принадлежит мне. А в будущем – пусть узнает все остальное, когда уже нечего будет узнавать".

Страшный двойник, которого она начала бояться, снова принялся нашептывать беспощадные возражения и предположения.

«Это еще неизвестно. Лорд Монктон понял, что означает „Петро“. Он завтра же может заехать и открыть Генри глаза. А если нет, разве он не захочет, чтобы ему заплатили за молчание? Или ты думаешь, что люди хранят чужие тайны даром?»

«Чепуха. Кругом столько женщин, а я вовсе не красавица».

«Ты не красавица, но достаточно хороша собой. Сегодня за столом не было женщины красивее тебя, ты это знаешь. И он тоже».

«Это еще не так много».

«Достаточно молодости и нежной кожи. Что ты сделаешь, если он начнет тебе угрожать?»

«Наверное, буду отбиваться, как и всякая загнанная в угол крыса. Ах, все это глупости: он ничего не может сделать. Даже если ему удастся убедить Генри, муж не может развестись с женой только из-за того, что, по чьим-то словам, она читает дурные книги. Ни в чем другом меня обвинить нельзя. А от книг остался только пепел. Надо только придумать какую-нибудь ложь. Лгать легко, стоит только привыкнуть. Сегодня вечером это получилось у меня неплохо».

«Да, ты была в своей стихии. Мерзкая лицемерка, какое отвращение почувствовали бы к тебе отец и Уолтер!»

«Они не знают, что значит быть женщиной. Я дорого заплатила за свое убежище и не хочу его лишиться. И потом – у, меня сейчас хватает других забот».

Она снова начала считать: сентябрь, октябрь; и тошнота теперь каждое утро.

«Скулить не из-за чего. Ты всегда можешь покончить с собой, если захочешь. Да нет – где тебе! У тебя будет младенец – милый, невинный младенец-йеху с хорошенькими голубыми глазками, как... ты знаешь, у кого, и со ртом, как у Генри. И все будут поздравлять тебя».

Генри спал с открытым ртом. Она посмотрела на него и пожала плечами.

Могло быть и хуже. Это чудовище, как и Полифем, не слишком сообразительно.

Лорд Монктон сидел в будуаре матери и курил, пока она, как обычно, пила «на сон грядущий» ром с горячей водой. Они были хорошими друзьями, и он часто укрывался здесь от легкомысленной болтовни своей супруги. Порой они могли просидеть так целый час, не промолвив ни слова.

– Не слишком ли сильно вы нынче дергали дьявола за усы? – заговорил он.

– Была минута, когда я думал, что старик Паркинсон вот-вот проглотит бедную девочку живьем. А в следующую минуту, насколько я знаю Телфорда, у его преосвященства был бы расквашен нос.

Леди Монктон продолжала прихлебывать свой пунш.

– Я хотела ее испытать. Должна сказать, что она недурно выдержала экзамен.

– Превосходно. И Паркинсон – неплохая добыча. Но все-таки это было жестоко по отношению к девочке – ее первый званый обед.

– Я следила за ней, – хладнокровно ответила его мать. – Но я знала, что она с ним справится. Понаблюдай за этим ребенком, Том; конечно, она еще малое дитя и к тому же насмерть перепуганное, но она многое унаследовала от судьи Риверса – гораздо больше, чем ты думаешь, да и она сама тоже. И я не удивлюсь, если окажется, что кое-что перешло к ней и от старой ведьмы-француженки. Дай ей три-четыре года, чтобы подрасти, и младенца, чтобы остепениться, и – если только я не очень ошибаюсь, – она сумеет обвести вокруг пальца самого сатану и всех присных его.

Он выбил пепел из трубки.

– Во всяком случае, моя высокочтимая мать, я не сомневаюсь, что к тому времени вы многому ее научите.

– Надеюсь. Сестра Каролина немножко опасалась этого брака, потому что Телфорд неровня Беатрисе. Но за ней ничего не давали, ее мать опозорила семью, а этот негодяй превратил их дом в притон – и предложение любого достойного человека было для нее счастьем. Когда я узнала, что с ней не хотят даже танцевать, я посоветовала сестре познакомить их как можно скорее.

Во всяком случае, он держится вполне прилично, а она сумеет воспитать его.

– Ну, –а пока. я полагаю, большая удача, что он осел.

– Весьма большая.

– Гм. Между прочим, хотел бы я знать, какие это книги она сегодня бросила в огонь.

Леди Монктон допила свой пунш. Когда она поставила стакан, ее сходство с умиротворенным Буддой стало еще больше.

– Женская тайна, мой дорогой. Но она скоро повзрослеет и забудет все эти глупости.

Он встал.

– Ну, это ваше дело. Спокойной ночи, мама.

В дверях он остановился.

– Мне было бы жаль, если бы у Телфорда случилось какое-нибудь горе. Он глуп, как бревно, но добрый малый и был моим фэгом. Человек, которому ты в свое время надавал столько оплеух...

Она кивнула.

– Не беспокойся, я присмотрю за девочкой. Мне нравился Стенли Риверс.

Но всему свой черед. Сначала надо было вырвать ее из этого дома.

ГЛАВА IX

Как-то ноябрьским утром Беатриса принесла мужу еженедельный список расходов, покупок и предполагаемых изменений. Как всегда, он был составлен с большой тщательностью.

– Кое-какие расходы мне кажутся излишними, – заметила она. – Со временем я, возможно, смогу навести некоторую экономию, особенно в молочной, но, пожалуй, лучше подождать с новшествами до рождества. Я сама знаю еще слишком мало, чтобы указывать другим.

– Поступай так, как сочтешь нужным, – сказал Генри. – Ты чудесно со всем справляешься; я бы никогда не поверил, что кто-нибудь сможет так быстро освоиться с порядками в доме. Все слуги ведут себя безупречно. Но ты слишком много работаешь. По-моему, ты хлопочешь весь день напролет.

– Это только пока я учусь, – ответила она, задумчиво закрывая свою записную книжку, и тут же, почти не изменив тона, прибавила:

– Генри, кажется, у меня будет ребенок.

Когда его первые восторги улеглись, он вспомнил, что молодые жены вполне естественно боятся первых родов и что мужьям полагается рассеивать их страхи. Но его попытку успокоить ее она встретила с такой снисходительностью, словно он был ребенком, который боится темноты.

– Не волнуйся. Ничего страшного нет. Я вполне здорова, и все будет как надо.

Конечно, очень хорошо, что она так благоразумна, но эта хладнокровная рассудительность несколько обескуражила его.

Она заговорила о том, что надо сделать в ближайшие месяцы. Он спросил, не нанять ли ей горничную для личных услуг.

– Мне кажется, незачем входить в лишние расходы. Миссис Джонс позаботится, чтобы наши горничные делали все, что потребуется. Она очень добра.

– Правда? Я немножко беспокоился. Мне казалось, что она дуется.

– Так было только в самом начале, пока мы не познакомились поближе. Это вполне естественно – ведь она прожила здесь столько лет. Но теперь у нас прекрасные отношения.

Действительно, хотя и с большим трудом, но ей уже почти удалось завоевать симпатии старой экономки. Миссис Джонс, честная, доброжелательная и хозяйственная женщина, знала Генри еще в пеленках и правила Бартоном с тех давних пор, как овдовел его отец. Сперва она испытывала сильное предубеждение против будущей хозяйки, которая того и гляди, не успев приехать, начнет вводить всякие столичные глупости и перевернет все в доме вверх дном. Застенчивая новобранная с нежным голосом, всецело признающая превосходство ее опыта и знаний и всегда готовая прибегнуть к ее совету, оказалась приятной неожиданностью, и миссис Джонс

уже не раз говаривала слугам, что молодую супругу их хозяина, наверное, вырастила хорошая мать.

Надо будет в течение года осторожно подсказать миссис Джонс различные способы экономнее и лучше вести хозяйство и потом, как только та забудет, что не она их придумала, ввести их от ее имени. Так будет проще всего.

Днем Генри встретил приятеля и, не удержавшись, поделился с ним чудесной новостью. Выслушивая поздравления, он сиял, но эта радость мгновенно исчезла, когда его спросили, скоро ли приедет теща.

У него вытянулось лицо.

– Моя теща?

– Молодые жены обычно предпочитают, чтобы в такое время матери были с ними, особенно если это в первый раз.

Генри направился домой, тоскливо задумавшись. Страшно представить себе, что эта отвратительная женщина завладеет Бартоном. Но раз она нужна Беатрисе, ничего не поделаешь! Теперь нельзя огорчать бедную девочку отказом. Он должен быть очень деликатен.

Она лежала на диване в гостиной, глядя на пляшущее в камине пламя. Он сел рядом и нежно обнял ее, прежде чем коснуться трудного вопроса.

– Ах да! – начал он затем. – Ты уже написала матери? Я полагаю, мы должны известить ее как можно скорее. Беатриса по-прежнему смотрела на огонь.

– А нужно ли ей вообще знать об этом?

– Что ты, Беатриса! – голос Генри стал почти строгим. Он очень обрадовался тому, что она, казалось, вовсе не жаждала приглашать к ним эту ненавистную женщину, но все-таки приличия должны быть соблюдены.

– Что ты, дорогая! Конечно, ты знаешь, что я совсем не... то есть я хочу сказать, что мы с твоей матерью очень разные люди. Но нам следует помнить о своих обязанностях. Ведь она все-таки твоя мать.

– Да. Именно это я и стараюсь забыть.

Она прикусила язык. Как глупо она проговорила!

«Вот именно, дорогая; ты только навредишь себе, выбалтывая все, словно разговариваешь с Уолтером. Погляди, какое у него возмущенное лицо! Еще минута, и он решит, что пригласить ее – ваш священный долг».

«Я не хочу, чтобы она приезжала. Я лучше покончу с собой».

«Ну так останови его; придумай что-нибудь».

Фраза из эссе Бэкона, который она читала отцу перед началом последнего припадка, всплыла в ее памяти:

«Если вы хотите, чтобы человек был в вашей власти, вы должны либо знать его характер и привычки и тем подчинить его... либо его слабости...»

Она бросила на мужа беззаботный взгляд.

– Да, конечно. Я только подумала, не разумнее ли будет это отложить.

Видишь ли, если мы им сообщим, будет невежливо не пригласить их сразу же; а если они прогостят здесь долго... я просто немного испугалась: а вдруг он решит использовать твои связи в обществе? Например, если он займет деньги у лорда Монктона... Но раз ты считаешь, что надо написать немедленно, я, конечно, напишу.

Генри похолодел.

– Нет, нет, любимая. Ты совершенно права. Мы подождем, пока все благополучно кончится. Это лучше и для нее – ей останется только радоваться, не испытав перед этим никакой тревоги.

– Спасибо. Ты всегда заботишься о других.

И снова так же горячо, как каждое воскресное утро в церкви, он возблагодарил создателя, даровавшего ему хорошую жену.

Прежде чем наследник Бартона успел без особого шума и волнений появиться на свет. Генри, так же как и миссис Джонс, были уведены еще дальше по приятной тропе забывчивости: если миссис Карстейрс когда-нибудь и узнала, что стала бабушкой, она узнала это не из первых рук.

Беатриса лежала, глядя на своего новорожденного сына. Такой крохотный, такой незащитный – и в таком мире. Бедняжка, лучше бы ему умереть. Но ведь это было бы лучше для всякого, и, однако, все хотят жить. И она тоже. Зачем?

Ведь жизнь – это мерзость и страх, стыд, боль и ненависть. И все-таки, хотя ей предстоят еще испытания вроде последнего, она цепляется за жизнь потому лишь, что сама жизнь сильна в ней. Она готова по-прежнему служить желаниям Генри, снова и снова переносить ужасы деторождения, плодить новых и новых ненужных и жалких детенышей, таких же отвратительных, как и их родители, – и для чего? Чтобы они в свою очередь могли плодить новых. Бесконечная цепь осквернителей и оскверненных.

Ребенок ткнул ручонкой в ее грудь, и она, содрогнувшись от этого прикосновения, спрятала лицо в подушку.

Бедный, бедный малыш! Что его ждет? Зачатый в отвращении, рожденный в страдании, рожденный матерью, которая никогда, никогда не сможет его полюбить...

Она злобно одернула себя. Плаксивая дура, готовая разреветься оттого, что ее собственному отродью предстоит разделить судьбу всего сущего! Как будто она не знает, что вся эта болтовня о материнской любви – одно лицемерие и ложь! Кошки, возможно, любят своих котят, пока они малы, и некоторые женщины – особенно самые глупые – чувствуют животную привязанность к отпрыскам их собственной гнусной плоти. Но ребенок – естественный враг своей матери: он возникает ценой ее мук, уродует ее, паразитирует на ее теле, ненавидимый и ненавидящий. Если бы она хоть чем-нибудь отличалась от своей чудовищной матери, она убила бы себя, только бы не дать жизнь беспомощному существу, раз жизнь такова. Однако она сделала это, она бросила в воду нож, который спас бы и ее и маленького; и теперь, просто из чувства порядочности, она должна заботиться о нем, пока он не вырастет и не научится в свою очередь презирать и проклипать ее, как она проклипает...

Странный фарс – жить и давать жизнь другим.

Миссис Джонс, которая принесла ей чай, увидела, что она смотрит на малютку, и подумала: «Душечка наша милая».

ГЛАВА X

Гарри уже учился ходить, а Беатриса ждала второго ребенка, когда Уолтер наконец снова приехал в Англию. Слухи о его необычайных лингвистических познаниях достигли министерства иностранных дел, и едва он туда явился, как в него вцепился озабоченный чиновник.

– Мистер Риверс из Лиссабона? Мне говорили, что вы полиглот. Вам случайно не знаком персидский язык?

– Немного.

– Правда? Вы-то мне и нужны. Пройдите сюда, пожалуйста.

Его усадили перед кипой бумаг.

– Между прочим, каким образом вы изучили восточный язык? Ведь вы, если не ошибаюсь, никогда не служили на Востоке?

– Да, но я занимался персидским в последний год моего пребывания в Оксфорде. Я всегда интересовался языками.

– Завидный дар. На скольких вы читаете? Как! На всех-этих, и свободно?

Гм, считая английский и мертвые языки, всего получается четырнадцать. Вы слишком хороши для Лиссабона. Мы, пожалуй, задержим вас здесь на пару недель: у меня лежит несколько бумаг, которые нежелательно отдавать посторонним переводчикам.

Уолтер проработал в министерстве почти четыре месяца. По воскресеньям он обычно бывал у матери, а короткий отпуск провел в Бартоне. Генри и Беатриса приехали в Лондон, чтобы проводить его, когда он уезжал в Португалию.

Генри довольно долго скучал и не мог привыкнуть к его отсутствию. Ему всегда хотелось иметь брата, и он был рад, что нравится Уолтеру. В Бартоне они совершали длинные прогулки, наблюдая за птицами, и оба глубоко, хотя каждый по-своему, восхищались деревенской природой. Но, оставаясь наедине с сестрой, Уолтер становился молчаливым, и иногда казалось, что он чувствует себя с ней неловко.

Это было что-то новое. Он словно считал себя в чем-то виноватым.

Беатриса не осмеливалась признаться себе, что его отъезд был для нее почти облегчением.

С самого детства их дружба была необычайно тесной, а после того как она вышла замуж самая мысль о том, что он живет на свете, служила ей поддержкой в минуты черной тоски, которая все еще овладевала ею время от времени. В своих ежемесячных письмах – как и она в своих, – он писал только о внешней стороне своей жизни или о всяких пустяках, и все же они были драгоценны хотя бы потому, что напоминали ей о единственном человеке, который никогда не лгал и ничего не требовал, о человеке, на чью любовь она могла положиться и на чьем лице даже в самых страшных снах она ни разу не видела проклятой сальной усмешки йеху.

Но вот долгожданная встреча наступила и кончилась, а они так и не нашли, что

сказать друг другу. Да и о чем, собственно, могли бы они говорить, кроме того, о чем лучше было молчать?

Что он увидел в Кейтереме, и так было ясно, а как тяжела и скучна для него жизнь, которую он вынужден вести, она понимала без слов. В Лиссабоне, лишенный возможности заниматься любимым делом, он был обречен на бессмысленную работу среди людей, с которыми у него не было ничего общего.

Она не сомневалась, что он глубоко несчастен. Но несчастье с ее точки зрения, было не переменным и постоянным условием человеческого существования, и чем меньше об этом думать, тем лучше. Исключение составляли только здоровые малыши вроде Гарри и, конечно, такие люди, как Генри.

И все-таки это трагедия. Ведь в детстве Уолтер был таким жизнерадостным, полным кипучего интереса к жизни.

Она всегда была поверенной всех его мыслей и интересов. Еще когда она была совсем крошкой, он переводил ей отрывки из Вергилия и Гомера и рассказывал о неведомых странах и диких народах. Когда она подросла, он без конца делился с ней надеждами, слишком заветными, чтобы говорить о них с кем-нибудь другим. Он станет путешественником; поедет в Перу, Египет, Месопотамию; будет раскапывать развалины древних городов в поисках глиняных табличек и надписей на давно забытых языках.

Постепенно он стал замкнутым. Но все студенческие годы он со страстным интересом изучал языки – новые и мертвые, и она не сомневалась, что профессия, которую он выберет, будет как-то связана с его детскими мечтами.

Она была потрясена, узнав через несколько недель после смерти отца, что он поступает на дипломатическую службу. Когда она узнала об атом, все было уже решено.

– Лорд Монктон был так любезен, что помог мне. – Больше он ничего не сказал.

Взволнованная, сама не зная почему, она позволила себе спросить:

– Но разве ты сможешь быть счастливым среди этих чопорных людей? Отец говорил, что посольства и королевские дворы – самые...

Он только поглядел на нее, и она, спрятавшись в свою раковину, заговорила о другом.

Семнадцати лет Уолтер кончил школу и, вернувшись домой, увидел, что дела там обстоят плохо. На семью неожиданно обрушились серьезные денежные затруднения. Шум, который подняла рассерженная модистка, не получившая в срок денег, привел к проверке расходов, и было обнаружено такое количество неоплаченных счетов, что Стенли Риверс настоял на немедленном принятии самых решительных мер. Он начал с того, что отказался от услуг секретаря, которого нанял за четыре года до этого, когда окончательно ослеп.

Мисс Смизерс взялась вести его корреспонденцию и читать ему вслух. Она была исполнена самых лучших намерений, но не имела ни малейшего представления о латыни, да и с английским справлялась еле-еле. Кроме того, его жена постоянно отрывала ее какими-нибудь поручениями, так что даже и такую помощь она могла оказывать ему только время от времени.

Неделю Уолтер угрюмо молчал, а потом заговорил с сестрой:

– Послушай, Би, мы не можем допустить, чтобы так продолжалось и дальше.

Когда меня нет, некому читать отцу вслух и писать его письма. Он сидит одни весь день напролет без всякого дела и только думает, думает, держа в руках книги. Он... гладит их.

Юноша готов был расплакаться.

– А теперь меня посылают в Оксфорд! Ты знаешь, во что это обойдется? Я не поеду. Уж лучше стать простым деревенским учителем, чем видеть все это.

– Ты с ним говорил?

– Пробовал. Но он отвечает только: «Может быть, позже я смогу нанять секретаря». Он не доживет до этого «позже»!

– Он как-то продиктовал мне письмо, когда мисс Смизерс помогала маме, и сказал, что у меня получилось неплохо.

– Да, он говорил мне об этом. Но большинство ученых, с которыми он переписывается, не знает английского. И почему только девочек не учат латыни! Как по-твоему, ты бы с ней справилась, Би? Она не такая трудная, как говорят.

– Думаю, что справлюсь.

Через два дня она поразила всех домашних, наотрез отказавшись пойти в классную на утренний урок.

– Нет, я вовсе не хочу обидеть мисс Смизерс, мама. Я ей уже все объяснила, и она со мной согласна. Меня будет учить папа; мы вчера обо всем условились. Сегодня утром я начинаю заниматься латынью.

После недолгих, хотя и ядовитых возражений миссис Риверс согласилась на компромисс. Ежедневно, кроме воскресений, Беатриса должна три часа учиться тому, что полагается знать и уметь благородной девице. Первый час она под надзором конюха будет заниматься верховой ездой, другие два (вскоре сокращенные до одного) проводить с мисс Смизерс, которая, как и прежде, будет обучать ее танцам, хорошим манерам и рукоделию. Остальным своим временем она сможет в дальнейшем распоряжаться по собственному усмотрению.

Приехав на рождество, Уолтер, как в былые дни, застал своего отца за работой: он диктовал дочери письма к европейским ученым и переводы от Горация, которые она медленно и запинаясь читала ему по-латыни. Миссис

Риверс не только примирилась с этим нововведением, но даже одобряла его. Она была не такой черствой, какой считала ее Беатриса, и искренне жалела слепого, когда ей случалось вспомнить о его несчастном положении. Она даже собиралась найти какой-нибудь приемлемый выход, но у нее все не хватало времени.

Уолтер учился в Оксфорде первый год, когда случайно узнал, что их мать тайно встречается в Лондоне с каким-то мужчиной. Во время мучительного объяснения она сначала пыталась отрицать это, а потом пустила в ход слезы, оправдания и ласки, жалобно умоляя ничего не говорить Беатрисе.

– Боже милосердный, мама, – вскричал он, – неужели вы думаете, что мне будет

приятно, если она узнает?

Почти три года эта тайна невыносимо тяготила его. Потом наступил день, когда, стараясь отвлечь внимание своей теперь уже шестнадцатилетней сестры от какого-то подозрительного обстоятельства, он заметил, что она поглядывает на него исподлобья.

– Уолтер, милый, – сказала она мягко, – неужели ты полагаешь, что я до сих пор не знаю мамы?

– Би!-с трудом выговорил он. – Би! Как ты думаешь, папа знает?

– Почему бы и нет? Скорее всего – знает. Но нам он этого никогда не скажет. Даже если бы он узнал, что мы оба про это знаем, он все равно промолчал бы.

Через, два года их отец умер, так ничем и не выдав, что знал – если он действительно знал – о постоянных изменах своей жены.

– Уолтер, постарайся заменить меня девочкам, им это понадобится, – было самой большой откровенностью, которую он, чувствуя приближение конца, позволил себе с обожающим его сыном. Но с другой стороны, они были так близки друг другу, что обходились без слов.

Жизнь в Бартоне продолжала катиться на хорошо смазанных колесах. Там поселилась и Эльси, которая оставила пансион, когда ей исполнилось девятнадцать лет. Появившись под крылышком леди Мерием в лондонском свете, она после окончания весьма успешного сезона приехала в усадьбу – совсем уже взрослая барышня с безукоризненными манерами. Ее сестра стала теперь прекрасной хозяйкой, заметной фигурой в местном обществе и матерью двух крепких мальчуганов.

Брак и материнство, казалось, пошли Беатрисе на пользу. Теперь ее неуловимое очарование не исчезало при сравнении с броской красотой младшей сестры. Она была по-прежнему стройна и несловоохотлива, но выступавшие ключицы, которые в дни девичества подчеркивали ее худобу, исчезли вместе с прежней неестественной молчаливостью и скованностью движений. Глаза, раньше такие настороженные, теперь порой бывали чуть сонными, а иногда в них прятался смешок.

Время постепенно стирало следы пережитого потрясения. Она настолько обрела душевное равновесие, что жизнь теперь представлялась ей не преддверием ада, а просто гадкой шуткой. Ее мнение о человечестве и его творце, в общем, не изменилось, но угрюмый цинизм, все еще отравлявший ее мысли, терял свою прежнюю власть над ее нервами. Незаметно она перестала видеть преступные намерения за каждым взглядом или поступком окружающих ее людей. Они были ей неприятны, она их презирала, но больше не видела в них чудовищ.

Это во многом объяснялось тем, что она стала теперь лучше спать. Сны, от которых она просыпалась с придушенным криком, минуты полусонного бреда, когда все лица расплывались в сальной усмешке, а все предметы превращались в фаллические символы, все реже мучили ее. Ее взгляды со времен медового месяца сильно изменились, и она понимала теперь, что Генри, пока им не овладевает по-прежнему ненавистная ей страсть, – добрый и нежный человек, постоянно думающий о том, чтобы ей было хорошо, щедрый с теми, кто от него зависит, и искренне любящий детей.

Ее отношение к сыновьям тоже постепенно менялось. К сожалению, их физическое

сходство с отцом отчасти оставалось барьером между ними и ею, но, хотя они и были плодом ее унижения и позора, все-таки они были детьми. Все чаще их беспомощность и наивность, их неумное любопытство, их бессознательная радость бытия неожиданно заставляли ее сердце сжиматься.

Только иногда глубокой ночью она вдруг снова начинала горький спор с ненавистным призрачным двойником, который во время ее первой беременности превращал в грязь и мерзость все, на что падал ее взгляд. Однако даже в самые черные дни она знала, что этот злобный дух-всего лишь создание ее собственного воображения, и он все больше становился прошлым, как стали прошлым гримасничающие лица ее детских кошмаров. Но она была еще не настолько взрослой, чтобы справиться с ним. Если в часы бессонницы она вдруг вспоминала какую-нибудь похвалу ее материнской любви и заботливости, беззвучный насмешливый дьявольский голос начинал сводить ее с ума.

«Ну– Ну, так, значит, ты становишься примерной матерью, образцом всех домашних добродетелей, которому должны подражать все молодые жены. Чудесам, несть числа. Еще немного, и ты влюбишься в Генри, потому что он – отец твоих драгоценных отпрысков».

"Это ложь! Должна я о них заботиться или нет? Кто произвел их на свет?"

Я – чтобы спасти собственную шкуру. Я хотела жить – и они хотят. Конечно, я не люблю их. Я не могу. Но и ненависти к ним у меня нет. Ведь они ни в чем не виноваты. Я ненавижу только маму. Даже не Генри. Даже не себя. Что мы могли поделаться? Он родился глупым, а я – трусливой. Дети, возможно, унаследуют и то и другое. Конечно, им не следовало бы появляться на свет. Но раз уж они все-таки родились, разве это причина, чтобы о них не заботились или плохо с ними обращались?"

«О, разумеется нет! Все графство восхищается тобой, а Генри клянется, что ты ангел. Прелестно!»

«Перестань! Оставь мне хоть какое-нибудь подобие уважения к себе!»

"А скажи, пожалуйста, что в тебе достойно уважения? Обручальное кольцо?"

Да, ты заключила выгодную сделку".

"Но у меня нет времени раздумывать об этом; у меня хватает других дел.

Разве я даром ем его хлеб? Я ращу детей; я слежу, чтобы между слугами не было ссор, присматриваю за молочной, веду все хозяйство в доме. Я берегаю ему больше, чем он на меня расходует. Если бы я была его экономкой, а не женой, ему пришлось бы платить мне жалованье".

Но такие воображаемые разговоры происходили все реже и реже. Теперь она была постоянно занята; и после хлопотливого дня, заполненного бесчисленными реальными заботами, она обычно чуть не валилась с ног от здоровой усталости и сразу засыпала крепким сном. Жизнь – это жизнь; она старалась по мере возможности приспособиться к ней и порой даже находила ее приятной и интересной. Она пришла к заключению, что, если заставить себя ни к чему особенно не стремиться, а самое главное – никого и ничего не любить по-настоящему, ни взрослого, ни ребенка, ни родной дом, то бояться, собственно, нечего. Насколько вообще возможно в этом предательском мире.

ей больше ничто не грозит. Никого больше она не будет любить – да, да, даже Уолтера! – так, как любила своего несчастного отца; а он, к счастью, умер, и то, что может случиться с его детьми, теперь не причинит ему боли.

Время шло, и роль светской дамы и хорошей хозяйки, в которую она входила с таким трудом, а теперь совершенствовалась с –такой легкостью, постепенно превращалась в самоцель. Слуги были довольны и старательны, дети здоровы, арендаторы не били своих жен, самолюбие дочери священника не страдало, концы с концами сводились так, что можно было щедро жертвовать на благотворительные цели и одеваться, как этого требовало положение Генри в обществе, не вызывая вместе с тем зависти, – на все это приходилось тратить много забот и умения. Она приобретала сноровку опытного жонглера, который без видимого напряжения подбрасывает и ловит десяток мячей одновременно.

ГЛАВА XI

Эльси с удовольствием поселилась в Бартоне. Она легко приспособлялась к обстоятельствам.

Она обещала Уолтеру часа два в день тратить на занятия, а кроме того, по возможности помогать сестре по дому и в детской, но и то и другое вскоре свелось к простой видимости. Пришлось потратить немало труда, чтобы заставить ее хотя бы поддерживать порядок в собственной комнате. Но она была неизменно весела и добродушна, и слуги редко жаловались на лишнюю работу, которую она им доставляла. Она очень заботилась о своих туалетах и много шила для себя, а также вышивала подарки ко дню рождения или к рождеству для тех из своих знакомых, которые могли быть ей полезны. Все остальное время она тратила на светские развлечения. Танцы, званые чаепития на свежем воздухе, прогулки верхом, пикники и шарады перемежались с более серьезными занятиями: украшением церкви, упаковкой в замке корзин с провизией для бедных или участием в спевках церковного хора, проходивших в доме священника под руководством молодой леди Монктон.

Эльси засыпали приглашениями. Она была жизнерадостна, беззаботна и обладала врожденным умением нравиться. Эти свойства в соединении с красивой внешностью делали ее любимицей и молодежи и стариков.

Из всех обитателей Бартона только миссис Джонс относилась к ней с неизменной враждебностью.

– Очень живая барышня, – ядовито сказала она жене кучера как-то раз, когда Эльси с рассыпавшимися по плечам кудрями легко, словно лань, пробежала мимо них.

– Генри! – окликнула она своего зятя. – Генри, подожди меня!

Он обернулся к ней, улыбаясь.

– Ты хочешь обойти со мной усадьбу? А подметки у тебя толстые? В овечьем загоне грязно.

– Ты идешь смотреть овец?

– Да, я буду занят все утро. Если хочешь составить мне компанию милости просим.

– А нельзя ли поручить это Уилкинсу? Я-то думала, что мы сегодня покатаемся. Утро просто чудесное, а мне так хочется попробовать Фиалку.

Он заколебался, глядя на залитые солнцем луга.

– Правда, чудесное... Уилкинс мало понимает в овцах, но Джорам, пожалуй, справится, если я покажу ему, что нужно делать. Ладно, крошка.

Скажи Робертсу, чтобы он оседлал для тебя Фиалку. Я поеду на Принце. А теперь марш надевать амазонку!

– Ох, Генри, спасибо! Ты меня так балуешь! И я очень тебе благодарна.

Она взяла его под руку, потерлась об него как котенок, и промурлыкала:

– Я так рада, что живу здесь!

– Правда? Ну, и мы очень рады, что ты живешь здесь. Он с некоторой грустью посмотрел на поднятое к нему сияющее личико. Ему все еще временами бывало больно, что Беатриса никогда не говорит ему таких милых слов, никогда не ласкается к нему.

Не то, чтобы он находил хоть какие-нибудь недостатки в своей обожаемой и безупречной жене. Все эти три года она была совершенством. Он ни разу не видел ее рассерженной или в дурном настроении, и она никогда не уклонялась от его ласк. Просто нежность была не в ее характере.

– Чем шляться по усадьбе и отрывать людей от дела, – сказала миссис Джонс, – она бы лучше помогла своей бедной сестре, которая всю ночь не спала оттого, что у малыша зубки режутся.

Она злобно посмотрела на тонкую девичью фигурку.

– Могла бы, кажется, застелить свою кровать – ведь сегодня стирка, да и варенье пора варить, и мало ли чего! Лентяйка она, вот что! Только о себе и думает, вертихвостка.

Миссис Робертс, толстая, добродушная женщина, неодобрительно покачала головой.

– Эх, милая! Разве у нее что плохое на уме? Молода еще, многого не понимает, только и всего. Подрстет-научится, красавица наша.

Миссис Джонс презрительно фыркнула:

– Еще бы! Она научится, дай срок, да вот – чему? И то сказать, она уже многому обучена.

Кроме миссис Джонс, во всей округе равнодушной к чарам Эльси осталась только старая графиня. Молодая леди Монктон, которая сначала отнеслась с некоторым недоверием к такой опасной красоте, была теперь, как и ее смиренные друзья из дома священника, в полном восторге от веселой, услужливой и хорошенькой девушки и расхваливала ее всем и каждому. Даже леди Крипс все реже отпускала шпильки по ее адресу. Но старая графиня оставалась при своем мнении столь же упрямо, как и миссис Джонс.

– Вылитая мать, – бросила она как-то раз, когда Эльси верхом на Фиалке и в сопровождении Генри с веселым смехом обогнала их карету.

– Не сказал бы, – ответил ее сын. – Насколько мне известно, дела миссис Карстейрс идут плохо. Я слышал от Джонни Гейлора, что, по словам их доктора, в последний раз, когда он ее навещал, у нее был синяк под глазом.

Она объяснила, что упала и ушиблась, но, по его словам, вся деревня знает, что Карстейрс бьет ее, когда бывает дома. Само собой, если у него заводятся деньги, он уезжает в Лондон к своим шлюхам. Но она, кажется, по-прежнему обожает эту скотину. *De gustibus...*¹⁰ Однако я как-то не могу себе представить, чтобы мисс Эльси покорно позволила кому-нибудь помыкать собой – Даже моему любезному воспитаннику.

– Фил опять что-нибудь натворил? Что на этот раз?

– Ничего нового: пьет, развратничает и бьет ночных сторожей. Вот ему не мешало бы наставить фонарей. Впрочем, толку не будет, а то я бы сам его изукрасил. Он порядочный мерзавец. Не такой, как Карстейрс, но все-таки мерзавец. Между прочим, он, надеюсь, не ухаживает за мисс Эльси? Он ведь на ней никогда не женится.

Леди Монктон пожала плечами.

– Все мужчины ухаживают за Эльси, и она стравливает их друг с другом, как когда-то Херувимчик, только она достаточно хитра и умудряется не вызывать ревности других женщин. Теперь ей, кажется, вздумалось вскружить голову своему зятю. Мне наплевать, что Эльси водит за нос безмозглых юнцов, но я не допущу, чтобы обижали Беатрису, а не то я сумею приструнить эту барышню.

– Я не думаю, мама, что она поступает так со злым умыслом. Во всяком случае, у нее ничего не выйдет, как бы она ни старалась, – Телфорд никогда не разлюбит жену.

– Попробовал бы он ее разлюбить, – пробормотала старуха.

Несколько недель спустя, обеспокоенная слухами, которые доходили до нее со всех сторон, она послала в Бартон лакея с запиской, приглашая Беатрису на чашку чая. Он вернулся с вежливым отказом: у Дика режется еще один зуб и от этого небольшой жар.

На следующий день вдовствующая графиня сама без предупреждения явилась в Бартон. Миссис Джонс в некоторой растерянности выбежала к ней навстречу.

– Прощу прощения, ваше сиятельство; хозяйка в детской с маленьким. Он весь день капризничает. Сверху донесся сердитый детский плач.

– Да и всю ночь тоже, я полагаю. Ну, раз он так шумит, значит нет ничего страшного. Нет, не зовите ее сюда, я сама поднимусь к ней. Господь с вами, моя милая, или я, по-вашему, ни разу не видела ребенка, у которого режутся зубки?

Миссис Джонс, продолжая рассыпаться в извинениях, проводила ее в детскую.

– Их сиятельство, сударыня. Прикажете мне взять маленького?

Беатриса ходила по комнате, баюкая Дика. Его вопли постепенно затихали.

Она обернулась, не проявив никакого удивления.

– Здравствуйте, леди Монктон, – сказала она негромко. – Подождите минутку,

¹⁰ Начало латинской поговорки: «О вкусах не спорят».

пожалуйста. Дик сейчас заснет. Миссис Джонс поставит для вас кресло поближе к камину.

– Не обращайтесь на меня внимания, – ответила гостя. – Я просто заехала к вам поболтать. Чуть подальше от огня, будьте добры. И передайте мне одну из этих книг.

Она начала читать, но вскоре отложила книгу и сидела, поглядывая на молодую женщину. Беатриса по-прежнему ходила взад и вперед, укачивая малыша.

Когда он замолк, она уложила его в колыбель и провела гостью в соседнюю комнату. У двери она остановилась и прислушалась. В детской все было тихо.

– Он уснул, – сказала леди Монктон. – А теперь садитесь и поговорим.

Последнее время вас совсем не видно. Вы вечно заняты.

Беатриса села. У нее был очень усталый вид.

– Но ведь вы знаете, сколько хлопот с маленькими детьми – от них нельзя отойти, даже когда они здоровы.

– Ну, этот – настоящий здоровяк. Да и Гарри тоже. Доктор Джеймс только сегодня говорил мне, что ему еще не приходилось видеть такую заботливую мать и таких красивых мальчуганов. Кстати, позавчера я видела Гарри.

– Правда? Где же?

– На дороге к Эбботс-Марш, в тележке, запряженной пони. С ним сидел еще один мальчик, а позади бежало полдюжины собак. Правила какая-то толстуха.

– Миссис Робертс, жена нашего кучера. Она очень хорошая мать, и дети у нее всегда чистенькие, поэтому я позволяю Гарри играть с ними. Он и маленький Бенни – большие друзья.

– Надеюсь, она не заезжала с ними в Эбботс-Вуд?

– Нет, заезжала. У нее там были какие-то дела. А что? Она сказала мне, что дочка булочника больна. Надеюсь, что ничего заразного?

– К сожалению, корь. Когда я сегодня встретила доктора Джеймса, он как раз возвращался оттуда. В деревне заболело уже трое. Но не надо так пугаться. Возможно, что Гарри вообще не заразился. А если и заразился радуйтесь, что это не оспа. Крепкому ребенку корь не страшна. У меня семеро ею хворали, и ни один не умер. А чем дети меньше, тем легче они ее переносят.

Леди Монктон распустила ленты своего чепца и выпрямилась в кресле.

– Ну, вы, вероятно, догадываетесь, что я приехала к вам не для того, чтобы обсуждать детские болезни. Вы знаете, что об Эльси начинают ходить сплетни?

Беатриса взяла со стола распашонку, разгладила ее, аккуратно сложила и положила обратно.

– Нет.

Она повернула голову и посмотрела на вдовствующую графиню. Ее спокойный взгляд мог смутить кого угодно.

– Но меня это не удивляет, – невозмутимо добавила она. – Если девушка так красива, как Эльси, всегда найдутся люди, готовые говорить о ней гадости, как бы

безупречно она себя ни вела. Стоит ли обращать на это внимание, как вы думаете?

Леди Монктон, не уклонившись, приняла удар.

– Хорошо сказано. Поздравляю, моя дорогая. Я сама не сумела бы сделать это лучше. Она усмехнулась.

– Я считала, что из всех моих знакомых только ваш отец умел, глядя человеку прямо в лицо, поставить его на место и при этом не обидеть. – Она стала серьезной. – Но тем не менее я хочу воспользоваться привилегией старухи, которая любит вас и когда-то любила вашего отца, и поговорить с вами прямо. Вы разрешаете – в первый и последний раз? Будьте покойны, вторично я себе этого не позволю.

Прошло несколько секунд, прежде чем Беатриса ответила.

– Если вы действительно хотите поговорить со мной, леди Монктон, я выслушаю вас со всем уважением. Но не могу обещать, что отвечу вам.

– Этого и не требуется. Ну так вот: я хотела сказать вам, что ваша сестра – опасный человек. Может быть, она и дочь вашего отца, хотя порой я сильно сомневаюсь в этом, но не обольщайтесь – она на него не похожа.

Беатриса застыла в той странной неподвижности, которая так сильно пугала Генри, пока, привыкнув, он не перестал ее замечать. Казалось, какой-то занавес скрыл ее внутренний мир и она присутствует в комнате только физически. Рука на коленях была безжизненна, как рука статуи.

– Полагаю, – сказала Беатриса после некоторого молчания, – вы хотите предупредить меня, что Эльси кокетничает с Генри. Да, это так. Но в этом нет ничего страшного. Она просто оттачивает свои коготки, как всякий котенок.

– Да. Но потом из котенка вырастет кошка, а кошки царапаются.

Беатриса задумчиво подперла подбородок ладонью и устремила взгляд на огонь. Она вспоминала Свифта – омерзительное описание влюбленной самки йеху, прячущейся в кустах.

– Видите ли, Эльси пока некуда уехать. Уолтер не может взять ее к себе.

Я не думаю, что она сознательно пытается увлечь моего мужа. Он ей не нужен.

Просто у нее есть потребность строить глазки какому-нибудь мужчине. Так уж она создана. И пусть лучше Генри, чем кто-нибудь чужой, – по крайней мере он не причинит ей вреда. Он не соблазнитель юных девушек.

Леди Монктон подняла мохнатые брови. – Я готова этому поверить. Генри человек с твердыми принципами. Но не приходило ли вам в голову, что она может причинить вред ему?

– Она? Какой?

Старуха растерялась. Неужели эта девочка совсем бессердечна? Нет, не бессердечна, а просто слепая.

«Господи, вот дура-то! – подумала она. – Нет дурака глупее умного дурака».

Несколько секунд она вглядывалась в непроницаемое лицо, затем сухо сказала:

– Вы необыкновенная женщина, но все-таки в жизни есть вещи, о которых вы пока

и не подозреваете. Ну, я сказала все, ради чего приехала. Вы играете с огнем, хотите вы того или нет. Однако я отнюдь не думаю, что вы непременно обожжетесь, и, конечно, не мне вторично навязывать вам свою помощь. Быть может, я поступила опрометчиво, когда моя сестра...

Ответа не последовало. Графиня поднялась.

– Да, вот еще что. Если вам дороги ваше душевное спокойствие и счастье, помните, что на верность нельзя полагаться. Мы все знаем, что Генри боготворит вас, но мужчины – это мужчины, а женщины – женщины, и в один прекрасный день вы это обнаружите.

Беатриса тоже встала, и старуха подумала, что на такую гордость и безутешное отчаяние имел бы право только низверженный Люцифер.

– Я не сторож сестре моей, – медленно сказала она. – И моему мужу тоже. Не я дала им жизнь. – Она положила руку на распашонку. – Но моим детям жизнь дала я. И меня касается только их счастье и душевное спокойствие.

– Ну, бог с вами, – сказала леди Монктон. Она попрощалась с Беатрисой и пошла к двери; затем, повернув голову, небрежно прибавила:

– Если вам и вашим мальчишкам понадобится приют, вы всегда найдете его в замке. И без всяких расспросов.

Губы Беатрисы неожиданно дрогнули. Если бы ей предложили это три с половиной года назад!..

– Благодарю вас, – глухо сказала она, – вы очень добры.

ГЛАВА XII

Гарри не только сам заразился корью, но заразил и Дика. Впервые в жизни мальчики серьезно заболели. Беатриса, втайне ужасаясь собственному неумению, решила ухаживать за ними сама. Как обычно, она боролась со своим страхом, пряча его под маской уверенности, которая обманывала других, но не ее.

Эпидемия была сильной, и многие из соседних бедных и грязных деревушек очень пострадали от нее. Особенно свирепствовала корь в Литтл-Эбботс-Вуд, нищем селении, настоящем рассаднике всяческой заразы, которое находилось на земле сэра Джеральда Крипса, богатого соседа Генри. Сэр Джеральд считал, что незачем баловать бедняков. Деревня Бартон и прилегающие к ней фермы болезнь щадила – там был только один смертный случай; это блестяще доказывало, как много значит забота хозяина о своих арендаторах.

Ни Генри, ни Эльси корью не болели. Им было запрещено входить в детскую, и волей-неволей пришлось провести целый месяц в обществе друг друга.

Беатрисе в детстве тоже удалось избежать этой болезни, и когда ее сыновья начали поправляться, она слегла с тяжелой формой кори. Миссис Джонс, которая видала на своем веку не одну эпидемию, и молодая горничная, уже болевшая корью, преданно ухаживали за ней, и в конце концов все трое больных совершенно поправились.

Во время кризиса Беатриса, мысли которой путались от жара, хотя она и не бредила, лежала одна в темной комнате и, напрягая затуманенный болью мозг, пыталась разрешить вставшую перед ней дилемму. Куда она сможет уехать с детьми, если ее положение в Бартоне станет невыносимым? Что бы ей не грозило, трех вещей она не сделает: не вернется в Кейтерем, не будет брать денег от Генри, если покинет его дом, и не отдаст детей.

Она найдет способ самой содержать их. Но что они будут делать до тех пор? Пользоваться благодеяниями леди Монктон или сидеть на шее Уолтера?

Конечно, Монктонам или Мериемам с их связями будет нетрудно подыскать для нее какую-нибудь постоянную службу – секретаря или писца, если кто-нибудь захочет воспользоваться услугами женщины. А если из этого ничего не выйдет, она может делать многое другое: управлять молочной, вести расходные книги, избавить какую-нибудь богатую бездельницу от забот по дому, быть гувернанткой. Ужасная жизнь... но три с лишним года ее замужества были еще ужасней. Только бы сохранить детей и не быть вынужденной принимать милостыню – ради этого она готова на самую скучную и тяжелую работу.

Глупо сердиться на Эльси: она – это она. Какова мать, такова и дочь.

Впрочем, не совсем: Эльси бывала неосторожна, но она слишком хитра, чтобы сделать непоправимую глупость, как ее мать; она всегда сумеет вовремя остановиться. Она просто играет с Генри, чтобы удовлетворить свое тщеславие, а может быть, чтобы раззадорить Филиппа Денверса и заставить его жениться на ней. Он волочится за ней, и, пожалуй, она хочет пришпорить его ревностью.

Конечно, он только сын младшего сына и у него мало надежды вступить во владение огромным состоянием Монктонов – лорд Монктон уже стал отцом. Но со временем он должен унаследовать вполне приличное поместье и титул, а для Эльси в ее положении любой отпрыск столь знатной семьи – завидная партия.

Правда, она молода, неопытна и может по неосторожности попасть в беду, потому что мужчины – это мужчины, а женщины-женщины, как мудро заметила леди Монктон. Но если человеку хочется играть с огнем, он сам будет виноват, если обожжется. А Генри волен выбирать, что ему больше нравится. Если ему нужна Эльси и он может добиться ее – очень хорошо, пусть. Но и Эльси и мальчиков он не получит.

По мере того как жар проходил, Беатриса начинала сознавать, что у нее, собственно, нет никаких оснований думать, что ему действительно нужна Эльси.

До сих пор заигрывала с ним она, а он, не будучи особенно сообразительным, мог этого и не заметить. Рано или поздно ему придется понять, что к чему; но он был воспитан в строгих правилах и, вероятнее всего, не поддастся соблазну, а ужаснется.

Генри в роли добродетельного Джозефа Эндрюса показался ей забавным. Но она одернула себя с гримасой отвращения. Теперь, хотя она изредка все еще позволяла себе подобные развлечения, у нее после них оставался скверный вкус во рту. Это смеялся ее двойник, которого она начинала стыдиться.

Когда доктор Джеймс объявил, что всякая опасность миновала, Беатриса сошла вниз, все еще чувствуя слабость в ногах. У дверей в экипаже дожидался Генри, который собирался повезти ее кататься. Даже насмешливый цинизм, всегда заставлявший ее относиться к мужу иронически, на этот раз не смог помешать ей

увидеть тот искренний восторг, с которым Генри бросился к ней.

Он то и дело обнимал ее.

– Как хорошо, что ты опять со мной! Бедняжка моя, какая ты бледная. Ты, наверное, очень страдала!

– Нет, нет, все это было не так страшно. Только я, конечно, беспокоилась, как идут дела. Боюсь, что тебе пришлось нелегко – такой беспорядок в доме. Кухарка кормила тебя как следует?

– Наверное, но мне было так тоскливо, что я ничего не замечал. Я думал, что этот месяц никогда не кончится.

– Бедный Генри! И ведь никто к нам не ездил. Каким одиноким ты себя чувствовал. К счастью, у тебя, наверно, было много дел в усадьбе. Как озимые?

– Неплохо. Мы поедем в ту сторону, я их тебе покажу. А ты тепло оделась? Погода сегодня мягкая, но тебе надо беречься. Укутай ноги в медвежью шкуру. Миссис Джонс положила туда горячий кирпич, чтобы ты не озябла. Подложить тебе подушку? Тпру, Фиалка! Не балуй!

Красивая породистая кобыла нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Она рванулась с места такой быстрой рысью, что ему пришлось сдерживать ее.

– Мы едем не слишком быстро, дорогая?

– Нет, мне очень нравится. Но она сегодня что-то очень резва. В первый раз вижу, чтобы она так натягивала вожжи.

– Застоялась. Она месяц скучала в конюшне.

– Разве Эльси не ездила верхом?

– Нет, бедной девочке пришлось от этого отказаться. – Он быстро продолжал, глядя в сторону: – Ничего нельзя было поделать – я боялся отпускать ее одну из-за этих цыган. Между прочим, доктор Джеймс думает, что это они занесли корь в наши места. Счастье еще, что не тиф. Но, слава богу, они уже убрались отсюда. Я отпускал бы с ней Уилкинса, но ему было не до того: я посылал его помогать арендаторам, пока эпидемия не кончилась. Он делал неотложную работу то тут, то там, пока мужчины помогали своим женам дома. Они были очень признательны.

– Ну, а как же уроки верховой езды? Он снова отвел глаза.

– Я... понимаешь, я был очень занят. Она увидела, как краска заливает его щеки и лоб. Генри зачмокал на кобылу:

– Потихше, потихше, старушка!.. Кроме того, Эльси уроки больше не нужны.

Она ездит немногим хуже тебя. А у меня это занимало слишком много времени.

Она не обиделась. Но теперь с ней сможет ездить Уилкинс. Каждый погожий день я буду отпускать его на часок... Посмотри! Видишь сережки на орешнике? Скоро появятся подснежники.

Об уроках верховой езды больше ничего не говорилось. Теперь девушка ездила кататься в сопровождении Уилкинса, и скандальные слухи, лишённые свежей пицци, замерли сами собой.

Генри был по-прежнему ласков со своей свояченицей, но избегал оставаться с ней наедине, и никто больше не слышал, чтобы он называл ее крошкой. Она, со своей стороны, немного притихла и некоторое время всячески старалась быть полезной по хозяйству. Только по этому и можно было догадаться, что что-то произошло. Скоро она стала прежней веселой эгоисткой, но продолжала относиться к Генри с очаровательной почтительностью. Нетрудно было понять, что она зашла в своем шутовском кокетстве чуть дальше, чем следовало, и ее поставили на место с твердостью, сделавшей второй урок излишним.

«Она умна, – думала Беатриса. – Она сделала одну ошибку, но другой она не сделает. Я тоже ошиблась. Это было глупо с моей стороны...»

Глупо... Может быть, она слишком поверхностно судила о Генри? Большая неосторожность.

Почти три месяца она готовила себя либо к изменам исподтишка, либо к взрыву добродетельного негодования. Лишь в самые черные минуты она думала о возможности того и другого вместе. Но он поступил точно так же, как поступили бы в подобном случае ее отец или брат, – сумел остаться дружелюбным, промолчать и не пасть; это потрясло ее и пробило первую настоящую брешь в неприступной стене презрительного равнодушия, которой она, из чувства самозащиты, постепенно окружила себя. Он давно уже перестал быть чудовищем, за ним даже признавалось то, что леди Монктон называла «твердыми принципами», но раньше ей и в голову не приходило, что, кроме того, он может обладать душевной деликатностью.

Как-то летом того же года Беатриса наткнулась в саду на сестру, которая плакала над каким-то письмом.

– Что случилось, Эльси? – ласково спросила она.

Эльси поспешно спрятала письмо в карман.

– Ничего такого, что заслуживало бы твоего сочувствия. Вероятно, ты обрадуешься.

Лицо у нее было обиженное и злое. Беатриса села рядом с ней.

– Ты не хочешь поделиться со мной? Может быть, мы сумеем тебе помочь?

– Тут ничем не поможешь. Я, пожалуй, расскажу тебе – все равно ты скоро узнаешь. Опять эти подлые Монктоны. Они отсылают Фила... Ну ладно, мистера Денверса, если тебе так больше нравится.

– Это уже решено? Я знала, что у них было такое намерение.

– Они требуют, чтобы он уехал немедленно под надзором гувернера в большое путешествие по Европе. Он пишет, что ему позволят вернуться не раньше чем через два года.

– Видишь ли, – сказала Беатриса, – его исключили из Оксфорда.

– Ну, а кто виноват? Он не хотел учиться в Оксфорде. Что это ему даст для Индии? Почему они не позволили ему стать офицером, когда он кончил школу?

– Они считали, что прежде, чем ехать в Индию, ему следует остепениться.

Злоупотребление крепкими напитками там особенно опасно. Лорд Монктон надеется, что если он сначала пробудет года два под присмотром хорошего гувернера, то отучится пить сверх меры. Может быть, они ошибаются, но они хотят ему добра.

– Не сомневаюсь! А подумать обо мне им, конечно, и в голову не приходит!

У Беатрисы упало сердце. Филипп Денвере был отъявленный повеса и считался красавцем. По слухам, не одна девушка поддалась его обаянию. Прежде чем ответить, она помолчала несколько секунд, боясь, что ее голос дрогнет.

– Эльси, – сказала она очень мягко, – почему это так пугает тебя? Если вы действительно хотите пожениться, неужели вы не можете подождать два года?

Вы оба очень молоды, а мы постараемся сделать все, чтобы ты не скучала здесь, пока он будет в отъезде. Даже если...

Эльси поглядела на нее злыми глазами.

– Если! – вспыхнула она. – По-твоему, я не понимаю, о чем ты думаешь?

Ну так вот – ты ошиблась. Мне нравится Фил. Нравится больше всех, кого я знаю. Даже если он и не будет пэрром, я скорее выйду за него, чем за ходячую добродетель вроде Генри. Но я не дура и ничего ему не позволю, пока у меня на пальце не будет кольца. Он это прекрасно знает.

Беатриса чуть отвернулась. Эльси не должна видеть отвращения на ее лице.

– Ты хочешь сказать, – медленно произнесла она, – что тебе пришлось ему это объяснять?

– Конечно. Фил – не Генри, он не женится на мне, если сможет получить меня так. И с какой стати? Девушка, которая допускает это, заслуживает своей судьбы; так сказал мне Джако много лет тому назад. Но Фил по мне с ума сходит. Еще месяц, и мы были бы помолвлены! А теперь он успеет сто раз забыть меня, прежде чем мы снова увидимся. Он не из тех, кто хранит верность девушке, которую не видит два года.

Она топнула ногой.

– Ах, Би, не делай кислого лица! Неужели ты до сих пор не знаешь, что я непохожа на тебя? Но я не такая, как мама или Джако; я просто девушка, такая же, как все, и я хочу быть счастливой, пока молода. Я имею на это право – я красива, гораздо красивее тебя, и я это знаю.

– Мы все это знаем, дорогая, и рады за тебя.

– Что правда, то правда, – сказала Эльси, успокаиваясь, – Надо отдать тебе справедливость, ты никогда не завидовала мне и не злилась. Но я не хочу быть образцом всех добродетелей вроде тебя или Уолтера. Если отец тоже был таким, не удивительно, что мама сбилась с пути!

Беатриса нахмурилась, Она тоже была еще молода.

– Эльси, – сказала она, – можешь говорить и думать обо мне что хочешь, но будь добра не касаться отца.

Хорошее настроение вернулось к Эльси так же быстро, как раньше исчезло, и она с журчащим смехом обняла сестру за плечи.

– Ну, прости, я не хотела тебя обидеть. Я знаю, что ты замечательная и что мне бы

следовало быть такой же. Но раз это не так, зачем же презирать меня?

– Неужели мое поведение или слова заставляют тебя думать, что я тебя презираю?

– Боже мой, конечно нет! Ты держишься безупречно. Впрочем, дело тут не во мне, просто ты всех презираешь. Вернее, всех, кроме Уолтера и мальчиков.

Послушай, Би, это просто написано на тебе.

Ее сестра могла только растерянно пробормотать:

– Мне очень жаль. Я не хотела...

– Разумеется, не хотела. Ну ладно, не будем ссориться. Би, я ведь знаю, что вы с Генри делаете для меня все, что в ваших силах, и я вам очень благодарна, честное слово. Только ты иногда выводишь меня из терпения. Но ведь это ненадолго. Помочь тебе нарезать розы?

Смутно тревожась, Беатриса, которая теперь прониклась глубоким убеждением, что не в силах повлиять на сестру, написала Уолтеру, прося его совета. В ответ она получила наспех нацарапанную записку, помеченную Веней:

"Меня перевели сюда из Лиссабона. Мне надо было уехать оттуда.

Когда-нибудь я расскажу тебе почему; но не теперь. Я здоров, только очень занят, потому что эта работа для меня новая".

В следующем письме, таком же коротком и сдержанном, он сухо заметил, что, судя по всему, Эльси вполне может сама о себе позаботиться и, вероятно, сумеет перенести это разочарование.

Глава XIII

Успехи Генри в разведении племенного скота не уступали успехам его жены в домоводстве. Но ни он, ни другие не знали, были ли неусыпное внимание, тщательная заботливость, аккуратное сведение баланса расходов и доходов, которые превратили Бартон в образцовое поместье, его собственной заслугой, или вызывались примером и советами его жены.

Ему больше не грозили презрение или обидная снисходительность со стороны местного общества. Через четыре года после его женитьбы освобожденный почетный пост мирового судьи, и по рекомендации лорда Монктона его предложили Генри. Он принес письмо Беатрисе с притворным раздражением, которое обмануло бы только очень легковверного человека.

– Он, кажется, думает, что у меня мало своих дел! Забот о таком поместье вполне достаточно для одного человека. К чему взваливать себе на плечи еще гору работы, за которую мне даже спасибо не скажут?

Беатриса дважды перечла письмо, медленно водила глазами по строчкам и поспешно размышляла. Она оттягивала время, чтобы успеть все взвесить, прежде чем высказать свое мнение. Сперва она чуть было не расхохоталась, представив себе, как Генри тщетно старается разобраться в тонкостях уголовных и гражданских законов. Но этот презрительный скептицизм тут же исчез. В ее памяти всплыл отрывок из знаменитой

книги ее деда – не самые слова, а только суть:

«Мировому судье полезно быть ученым, но прежде всего пусть он будет неподкупным и милосердным. Пусть он всегда помнит, что он защитник бедных, невежественных и несчастных».

Дедушке Риверсу, может быть, этот выбор не показался бы таким уж нелепым. Вряд ли кто осмелится во второй раз предложить Генри взятку. И он добр. Если он будет так же мягок с подсудимыми, как со своими лошадьми...

Да, но будет ли? С браконьерами – нет.

Но об этом думать не стоит. Кто бы ни стал судьей, им все равно нечего ждать пощады. Уолтер как-то с горечью сказал ей, что, по мнению большинства, законы об охоте были получены на горе Синай вместе с десятью заповедями, и, во всяком случае, в Уорикшире дело обстоит именно так. Однако во многих отношениях Генри будет не так уж плох. А если он откажется, то не откажется кто-нибудь другой, столь же мало разбирающийся в юриспруденции и гораздо менее человечный.

Она осторожно сказала:

– Вероятно, это будет отнимать много времени. Но с другой стороны...

Он с улыбкой кивнул, когда она, заколебавшись, умолкла.

– Конечно, очень приятно читать, в каких лестных выражениях ко мне обращается такой человек, как Монктон. Особенно, когда он предлагает мне этот пост без всяких просьб с моей стороны.

Затем он прибавил:

– Я всегда считал, что человек, которого господь благословил богатством, должен помнить о своих обязанностях перед округой.

Она искоса взглянула на него.

«Он чувствует себя сэром Роджером де Коверли, – подумала она. – Сельским властителем и благодетелем. Уже! Ну что же, такое тщеславие никому не приносит вреда».

– Ты не знаешь, – спросила она, – к кому они обратятся, если ты откажешься?

– Почти наверняка к майору Дру, и я знаю, что он согласится. Меня удивляет, почему к нему не обратились сразу; в Индии ему приходилось занимать административные должности, а кроме того, у него есть деньги и досуг.

И рот, как пасть акулы. Она чуть было не заткнула уши, когда майор однажды принялся хвастать тем, как он расправлялся с несчастными индусами.

Нетрудно догадаться, какой из него выйдет судья. У него от всего будут только два средства – колодки и плеть.

Нет, Генри нельзя отказываться! По крайней мере он никогда не будет жесток сперепуганными детьми, беспомощными старухами и солдатами-инвалидами, которые просят милостыню по дорогам. И он будет так рад этой игрушке. Она посмотрела на него.

– Не могу ли я помочь тебе немного по усадьбе? Например, взять на себя ведение книг? Я вела счета моего отца. Если ты мне их доверишь – конечно, под твоим

руководством...

Ей и так приходится проверять его расчеты. Пожалуй, проще будет все делать самой, чем поправлять его арифметические ошибки.

Он восторженно обнял ее.

– Радость моя! Но ты уверена, что это тебя не слишком затруднит? Мне не хотелось бы перегружать старательную лошадку.

Она снова развернула письмо.

– Твой отец гордился бы тобой.

Он покраснел до корней волос. Она нечаянно коснулась горького воспоминания, о котором он никогда с ней не говорил. Венцом всех честолюбивых стремлений его отца был пост мирового судьи, который ему так и не привелось занять. Какой трепетной надеждой преисполнялся милый старик, когда этот пост освобождался, с какой трогательной покорностью переносил он презрительное молчание, которым встречали его робкие намеки. Его дважды обошли, и он умер, так и не прибавив заветное звание к своей фамилии. Но оно будет принадлежать его сыну: Генри Телфорд, эсквайр, мировой судья. Отец был бы доволен.

Лорд Монктон мог бы сделать и худший выбор. Несмотря на некоторую напыщенность, которая вскоре появилась в его манерах, судья из Генри получился гораздо лучший, чем ожидала его жена. Он не был загружен тяжбами, и местные гражданские казусы чаще всего оказывались очень несложными. В такой тихой заводи, как западный Уорикшир, споры чаще всего возникали по хорошо знакомым поводам: из-за червивых фруктов, заблудившихся коров и просроченных векселей. Он занимался такими делами очень добросовестно и решал их, в общем, удачно, выслушивая противоречивые заявления сторон и разбираясь в них с терпением и проницательностью, каких Беатриса в нем раньше и не подозревала.

Тонкости уголовного права были ему не под силу. Но и образованный юрист не смог бы отыскать логики в путанице свирепых требований уголовного законодательства. Однако его бессознательное желание насколько возможно смягчить суровые наказания очень неплохо помогало ему. Большинство мелких преступников, которых он судил, были так отчаянно бедны и невежественны, так задавлены нуждой, что не больше него понимали, в чем, собственно, они виноваты. Обычно он начинал с того, что приходил в притворную ярость: стучал кулаком по столу, кричал на обвиняемых и угрожал им страшными карами, которые в конце концов – порой в прямом противоречии с законом – сводились к небольшим штрафам, часто к тому же выплачивавшимся из его собственного кармана. В таких случаях, придя домой, он, словно застенчивый, но хвастливый ребенок, виновато признавался во всем Беатрисе, втайне гордясь своим поступком, но испытывая некоторую неуверенность, пока она, улыбаясь, не одобряла его прегрешения. Она была рада тому, что он занят и доволен; а так как он, по-видимому, возвел ее в ранг своей высшей совести, она честно старалась выполнять обязанности, которые это на нее налагало, но дом и дети требовали слишком большого внимания, и у нее оставалось мало времени и сил на что-нибудь другое, кроме неотложных забот. И хотя она по-прежнему чувствовала себя глубоко несчастной, даже это отступило куда-то на задний план.

Гораздо труднее было переносить мелочи. Его все глубже укоренявшаяся привычка пересыпать свою речь юридическими терминами порой резали изощренный слух внучки судьи Риверса, но она напоминала себе, что хотя он и путает реституцию с конфискацией, все же он полезен миру, в котором живет. Он со своей стороны неустанно превозносил ее деловитость, трудолюбие и преданность долгу. Как ехидно заметила Эльси, он гордился своей женой не меньше, чем своей лучшей тисдейльской коровой.

Только в одном отношении он мог на нее пожаловаться, но это было то, о чем порядочный человек не говорит ни с кем. Даже наедине с самим собой он избегал думать, почему, несмотря на то, что его молодая жена красива, добродетельна, мила, и он искренне любит ее, священная супружеская близость дает ему так мало. Только однажды, в минуту откровенности, он смущенно намекнул семейному доктору, что его брак, столь счастливый во всех остальных отношениях, не вполне удачен как брак в строгом смысле этого слова. Трудно представить себе жену, которая больше заботилась бы об удобствах мужа, о его чести и интересах, проявляла бы большее терпение и мужество во время болезни, была бы так спокойна и внимательна, но...

Ему не пришлось продолжать – доктор понимающе закивал:

– Да, да; миссис Телфорд – восхитительная пациентка, благоразумная и заботливая мать, но эти умные женщины часто бывают немного холодными...

Так что оставалось только примириться. В конце концов это ее единственный недостаток, который к тому же теперь уже не имел такого значения, как вначале. После четырех-пяти лет брака даже самый преданный муж перестает быть пылким влюбленным.

Беатриса была уже на последних месяцах третьей беременности, когда случилось неизбежное. Как-то зимой Генри в мрачном и подавленном настроении ехал верхом по луку. Навстречу ему попала краснощекая девушка, которая почтительно присела, когда он проезжал мимо, а потом поглядела на него через плечо блестящими плутовскими глазами. Это была новая коровница, которую один из соседних фермеров нанял недавно на ярмарке.

В вопросах половой морали у Генри были твердые принципы, которым он неуклонно следовал со времен отрочества. Порядочный человек относится с уважением к родственницам своих друзей, соседей и арендаторов, какой бы репутацией они ни пользовались, а также ко всем честным женщинам, каково бы ни было их положение; по отношению к остальным он обязан проявлять известную корректность, быть щедрым и уметь молчать, если они этого хотят. Кроме того, он, разумеется, обязан, елико возможно, соблюдать супружескую верность.

Генри даже мысленно никогда не покушался на честь мужей и невинность девушек; к распутнику он питал такое же отвращение, как к своднику, браконьеру или паписту. Но у Марты, приехавшей из другого прихода, родных здесь не было; да и вообще о чувствах ее близких задумываться особенно не стоило – целомудрие этой девушки было более чем сомнительно. В деревенском трактире поговаривали, что у нее уже был ребенок от одного фермера, жившего милях в тридцати от Бартона; и все знали, что свое последнее место она потеряла из-за скандала, в котором были замешаны еще двое мужчин. Она была доступна и неразборчива, как здоровая молодая кошка, и поцелуи нравились ей сами по себе, а не только ради нового воскресного

платья.

В течение пятнадцати месяцев Генри скрывал свою грешную тайну, хотя внимательный наблюдатель без труда догадался бы о ней по его то довольному, то виноватому виду. Их третьему ребенку исполнился год, и Беатриса ждала четвертого, когда она, гуляя одна по заброшенной лесной дороге и любуясь подснежниками, увидела в десяти шагах за кустами своего мужа и коровницу, которые обменивались прощальным поцелуем. Все так же глядя на ковер подснежников, она прошла мимо них столь же равнодушно, как если бы они были кроликами. Марта, испуганно взвизгнув, укрылась в роще. Генри, покраснев как вареный рак, кинулся вслед за женой.

– Беатриса! Беатриса, прости меня! Родная, я знаю, что я страшно виноват... как я мог причинить тебе такую боль! Я... Беатриса, неужели ты не хочешь даже посмотреть на меня?

Она обернулась к нему.

– Но, Генри, я давно об этом знаю. Он в изумлении уставился на нее.

– Ты знала! А... кто тебе сказал?

– Никто, это и так было совершенно ясно. Тебе нечего бояться меня, Генри. Я все понимаю. Когда женщина часто рождает, она не... Да, я понимаю.

Но будь осторожен, у нее дурная слава. Если она попытается устроить тебе ловушку, лучше всего пошли ее ко мне.

Безупречная жена! Совершенная жена... но не слишком ли совершенная?

Если бы она заплакала, или рассердилась, или...

Но как бы то ни было, это значительно упрощало дело.

Он бы не почувствовал такого облегчения, если бы мог хоть на секунду заглянуть ей в душу.

Рожая третьего сына, она сильно мучилась – и во время родов и после.

Она еще не оправилась, когда догадалась о происшедшем, и почти немедленно поняла, что снова беременна. Ею овладела холодная ярость. Она убедила себя, что измены Генри – его личное дело и ее совершенно не касаются. Но, подыскав себе девку, он мог бы из простой порядочности хотя бы на время оставить больную жену в покое, прежде чем снова подвергать ее унижительным и ненужным страданиям деторождения без любви.

Теперь она разглядывала его с холодным вниманием. Да, он совершенно уничтожен, готов от раскаяния валяться у нее в ногах – не из-за того, что он сделал с ней, а потому, что она узнала о его грязном грешке, как будто ей не все равно!

Она невозмутимо заговорила о другом:

– Мне хотелось посоветоваться с тобой насчет Эльси. Ты знаешь, что Фил Денверс вернулся из-за границы? Да, он приехал в понедельник. Вчера он встретился на лугу с Эльси и просил ее стать его женой. Она рассказала мне об этом сегодня утром. Ты не слышал, он бросил пить?

Этой весной Уолтер был переведен из Вены в Константинополь, потому что

отправлявшийся туда чрезвычайный посол просил прикомандировать его к своей миссии в качестве доверенного переводчика. Из Константинополя он написал Беатрисе, что будет сопровождать посла в Лондон, где снова начнет работать над переводами в министерстве иностранных дел. Он надеялся вернуться вовремя, чтобы успеть крестить младенца и присутствовать на свадьбе Эльси.

Филипп Денвере, более или менее образумившийся, собирался стать офицером. Его свадьба с Эльси была назначена на октябрь, и новобрачные должны были немедленно уехать в Индию.

Вторую коротенькую записку от Уолтера Беатриса получила уже незадолго до родов. Она была помечена Константинополем, и в ней сообщалось только, что он здоров и выезжает на родину. Ни в словах, ни в почерке не было, казалось, ничего, что могло бы вызвать беспокойство, но когда Беатриса читала записку, у нее по спине пробежала холодная дрожь. Сама не зная почему, она неожиданно почувствовала, что с ним случилось какое-то непоправимое несчастье.

Как только ей разрешили сидеть в постели, она написала ему о рождении дочери, напоминая, что перед отъездом из Англии он обещал быть крестным отцом новорожденного.

"Как ты знаешь. Генри сказал, что выбирать имя будешь ты, и он не станет жаловаться, каким бы иностранным оно не оказалось. Если ты по-прежнему без ума от древних египетских и персидских принцесс, не упускай этой возможности. Но на случай, если твое любимое имя окажется действительно неудобопроизносимым, мы дадим ей еще одно, которым ее могли бы называть простые смертные.

Крестными матерями будут старая леди Монктон и миссис Ньюджент.

Сочетание довольно странное, и бедная миссис Ньюджент совсем перепугана. Мы несколько месяцев тому назад просили ее оказать нам эту честь, и она согласилась. Мы с Генри хотели таким образом выразить ей свою благодарность за ее помощь во время кори. А вчера ко мне приехала леди Монктон и сказала, что хочет быть восприемницей, так что у девочки будет одна очень богатая крестная мать и одна очень бедная.

Крестины назначены на первое воскресенье октября – за неделю с небольшим до свадьбы Эльси, которая будет четырнадцатого. Они немедленно отправятся в Индию: Фил должен ехать в свой полк, который стоит в Калькутте.

Вот почему, занимаясь ее приданым, присматривая за приготовлениями к свадьбе и – между прочим – производя на свет толстенького младенца, я писала тебе последнее время так мало и коротко. Но ты не можешь сослаться на подобные причины. Мне остается только предположить, что твое долгое молчание после возвращения из Турции объясняется необычной даже для твоего министерства спешкой. Пожалуйста, постарайся добиться, чтобы тебе позволили прогостить у нас до свадьбы".

Ответ Уолтера начинался с обычных поздравлений. Да, он приедет на крестины и останется до свадьбы. Разумеется, они с Генри должны решить, подходящее ли он выбрал имя. Ему нравится уэльское – Гвлэдис. Оно музыкально, легко произносится, и значение его прелестно: «живущая на земле».

Письмо заканчивалось так:

"Я не писал последнее время потому, что хотел подождать, пока ты совсем поправишься, прежде чем сообщить новость, которая может тебя взволновать."

Два месяца тому назад я обвенчался с Фанни Бейкер, с которой познакомился в Константинополе. Можно привезти ее к вам?"

– Что-то уж очень быстро, – заметил Генри, когда она показала ему письмо. – Ведь он не пробыл в Константинополе – и четырех недель. Два месяца тому назад! Это у вас семейное – торопиться с венчанием. Надеюсь, что он не ошибся в выборе. Мы ведь тоже торопились со свадьбой. Если он будет с ней так же счастлив, как я с тобой, ему не на что жаловаться.

Беатриса не сказала ничего. Она старалась, хотя и без особого успеха, побороть невольное предубеждение. Она послала Уолтеру поздравления от имени всех родных, приглашая его приехать как можно скорее вместе с женой. Он ответил, что сможет быть в Стратфорде только в ночь накануне крестин. Однако если за ним и Фанни приедут туда карету пораньше утром, они успеют к церемонии. Они прогостят в Бартоне две недели. Это письмо, как и предыдущее, было коротким и сдержанным. В конце была приписка:

«Если можно, Би, – отдельные комнаты».

Утром в день крестин над Бартоном разразилась гроза, за которой последовал страшный ливень, и на два часа все дороги в долине стали непроезжими. Снова выглянуло солнце, собрались гости, но завтрак, приготовленный для Уолтера и Фанни, успел уже давно остыть, а их все еще не было. Генри не находил себе места, каждую минуту поглядывал на часы и в конце концов послал им навстречу верхового, чтобы, если понадобится, перевезти их и багаж через вздувшуюся речку.

Беатриса сидела на кушетке между будущими крестными матерями и весело болтала с ними. На этот раз она быстро оправилась после родов. В дверях появилась миссис Джонс.

– С вашего разрешения, сударыня, Робертс говорит, что они уже проехали брод и теперь поднимаются на холм. Сварить еще шоколаду?

Генри и Эльси выбежали на крыльцо. Когда Беатриса присоединилась к ним, гости вылезали из экипажа. Она остановилась на пороге как вкопанная.

Злобно поджатые губы, бегающие глаза, острый подбородок; крысиное лицо, ожесточенное, жалкое, подлое.

Не может быть, невероятно! Уолтер... Уолтер женат на...

– Би, – сказал он, – вот моя жена. Беатриса мгновенно овладела собой.

Она шагнула к ним, приветливо протягивая руки, и поцеловала обоих.

– Фанни, бедняжка, как вы, должно быть, измучились! Наверное, совсем промокли? Мы так беспокоились? Вы завтракали?

– Да, в Эбботс-Вуде, в гостинице, – сказал Уолтер, – пока ждали у брода.

– Но, может быть, вы подкрепитесь? Чашку горячего шоколада или стакан вина?

Она бросила на него ободряющий взгляд и снова повернулась к Фанни.

– Через час надо будет ехать в церковь. Не хотите ли подняться к себе и немного

отдохнуть?

Несколько минут Фанни жеманно, маленькими глотками пила вино, держа рюмку изящно, словно элегантная дама из журнала мод, и болтала искусственным игривым голосом богатой бездельницы, сплетничающей в своем будуаре. Но иногда в звучании того или иного слова предательски проскальзывали более естественные интонации горничной. Затем она последовала за своей золовкой наверх, но прилечь отказалась. Она вертелась перед зеркалом, по-прежнему возбужденно болтая, а потом принялась уверять, что не может отправиться в церковь, не познакомившись с «милыми деточками».

– Уолтер столько рассказывал мне о ваших прелестных малютках, милая Беатриса. Я знаю, что поллюблю их, если они похожи на вас. Или они пошли в отца? Я никак не ожидала, что он такой красавец.

Беатриса провела ее в детскую, где трое мальчиков в парадных костюмчиках чинно дожидались, чтобы их позвали вниз. Фанни с восторженными возгласами принялась обнимать их, гладить по головкам и осыпать поцелуями.

– Какие ангелочки! В первый раз вижу таких очаровательных крошек.

Понимаете ли вы, Беатриса, какая вы счастливица? Херувимчики вы мои золотенькие, я ваша новая тетя. Поцелуйте меня еще раз, душечки мои.

Мальчики не привыкли к подобному обращению. Мать всегда умела уважать их самостоятельность, и до сих пор никому еще не разрешалось требовать от них поцелуев. Каждый из них принимал непривычные ласки по-своему. Гарри, хотя ему было явно не по себе, держался очень вежливо. Дик вырвался и насупился. Бобби, самый младший, ища защиты, уцепился за юбку матери и смотрел большими укоризненными глазами. Беатриса не вмешивалась. Она напрягала всю волю, чтобы не броситься, не вырвать своих детей из этих жадных рук.

Затем в детскую внесли новорожденную в пышном крестильном наряде, и мальчики были забыты. Фанни принялась ворковать над девочкой и целовать ее.

Миссис Джонс с большой неохотой передала белый сверток в ее цепкие объятия и, угрюмо хмурясь, стояла рядом, готовая в любую минуту кинуться на помощь.

Выражение ее лица было красноречивее всяких слов. Она надеется, что знает свое место. Если весь этот прекрасный батист будет из-за всяких глупостей измят и испорчен – кто она такая, чтобы жаловаться? И если малютка попадет в церковь бог знает в каком виде – что поделаешь? Но она не позволит, чтобы ее бесценную милочку уронили на пол, да-с, сударыня! Нет уж, этого она не позволит!

– Пожалуй, – сказала Беатриса, – нам следует спуститься к гостям.

Миссис Джонс, может быть вы возьмете маленькую? Фанни прижала к себе девочку еще крепче.

– Нет, нет. Я понесу ее. Милая душечка останется на ручках у тетечки.

– Простите, Фанни, но будет лучше, если ее понесет миссис Джонс. Вы ведь не привыкли к нашим старомодным деревенским лестницам.

Пылая негодованием, миссис Джонс выхватила из рук Фанни драгоценную ношу и разгневанно зашагала вниз. Беатриса взяла за руки Дика и Бобби.

– Гарри, ты проводишь тетю Фанни? Да, если хочешь, можешь идти впереди.

Будь умником, не споткнись.

Когда после возвращения из церкви Беатриса кормила дочку в детской, туда ворвалась Эльси. Щеки ее горели, глаза сердито сверкали.

– Уолтер сошел с ума! Привез эту особу сюда и со всеми ее знакомит! В жизни мне не было так стыдно! Кто ее родители, хотела бы я знать?

– Кажется, – сказала Беатриса ровным голосом, – она дочь священника.

– Хорош священник! Не мог научить свою дочь говорить как приличные люди! А манеры? Фил спросил меня в церкви, не женился ли Уолтер на кухарке.

Интересно, откуда у нее такой заискивающий вид? Словно она ждет, что ей подарят поношенное платье.

– Кажется, она была гувернанткой.

– Ну, гувернантки тоже разные бывают. Уж если ему понадобилось жениться на гувернантке, то лучше бы выбрал нашу Смизерс. По крайней мере она настоящая леди, хоть ей и стукнуло шестьдесят, а двадцатью годами больше или меньше – какая разница? Этой все сорок, да еще с хвостиком. Уолтер просто идиот!

Эльси упала в кресло. Сердито постукивая тувелькой и быстрым движением изящной руки ероша свои кудри, она выглядела очаровательно. Досада была ей очень к лицу; ее щеки розовели еще больше, а глаза начинали сверкать.

– И они собираются остаться здесь до моей свадьбы! Это все испортит.

Офицеры будут смеяться, Фил разозлится, а его сестрица начнет отпускать шпильки. Уолтер просто эгоист.

– Эльси, – сказала Беатриса, – извини, я не могу сейчас разговаривать.

Маленькой пора спать.

С Генри, хоть он и проявил больше великодушия, ей было немногим легче.

В этот вечер он ходил по спальне, недоуменно рассуждая вслух и прищелкивая языком, словно уговаривая заупрямившуюся лошадь.

– Что ни говори, Уолтер промахнулся. Мне тяжело, мне просто тяжело видеть, что он женился бог знает на ком. Будь она хотя бы молодой и хорошенькой. И как это он... Помяни мое слово, дорогая, тут был какой-то фокус-покус, не будь я Телфорд.

Беатриса зарылась лицом в подушку и притворилась спящей. Если бы только он перестал говорить об этом, если бы только все они перестали говорить об этом!

На следующее утро, проходя из детской в кухню мимо комнаты Фанни, Беатриса услышала, что оттуда доносится плач. Она постучала и открыла дверь.

– Вам нездоровится, Фанни?

Уолтер стоял рядом с креслом жены и, нагнувшись к ней, что-то успокаивающе говорил. Она сбросила его руку с плеча.

– Ах, оставьте меня в покое!

– Уолтер, может быть, принести сердечные капли?

Он молча покачал головой. Вид у него был измученный. Через секунду он снова склонился над рыдающей женщиной.

– Фанни, будьте добры, успокойтесь; вы огорчаете Беатрису.

– Как будто ей не все равно! Она не поступила бы так, если бы...

– Поступила как? – спросила Беатриса, подходя к ней. – Погоди, Уолтер.

Фанни, я вас чем-нибудь обидела? Скажите мне, чем же? Или пусть Уолтер скажет.

Он покраснел.

– Би, мне страшно неприятно... Она подумала, что вы с Генри вчера намеренно ее оскорбили. Фанни, уверяю вас, ничего подобного не было. Вам просто показалось...

– Мне показалось, что меня посадили в карету с аптекарем?

На секунду Беатриса растерялась.

– С доктором Джеймсом? Он был так любезен, что предложил воспользоваться его каретой. Почему...

– А эта Ньюджент уселась в экипаж леди Монктон?

– Это вполне естественно. Леди Монктон пригласила миссис Ньюджент ехать с ней, потому что они обе – крестные матери.

– Конечно! Как будто не приличнее было пригласить в крестные матери свою невестку вместо жены какого-то священника без прихода. Я могу понять, что вы выбрали леди Монктон, – она знатная дама.

– Она наш старый друг, – холодно ответила Беатриса. – Так же, как и миссис Ньюджент, и обе они обещали крестить ребенка, прежде чем мы узнали о женитьбе Уолтера.

– А почему вы о ней не знали? Потому что Уолтер целых два месяца скрывал наш брак. Наверно, он стыдится меня. О, мне не надо было выходить за него. Мне следовало бы предвидеть, что все вы будете презирать и оскорблять меня.

– Кто оскорбил вас?

– Если хотите знать – ваша Эльси. За обедом я видела, как она посмотрела на меня, засмеялась и что-то шепнула своему хлыщу. Или вы думаете, что я совсем бесчувственная?

– Выслушайте меня, пожалуйста, – сказала Беатриса. – Если Эльси была груба с вами в нашем доме, мне это крайне неприятно. Да, она порой бывает бестактна; ее слишком избаловали в детстве. Сейчас у нее много волнений, и мы должны быть к ней снисходительнее. Но мне кажется, что ни Генри, ни я ничем вас не обидели.

Снова разразившись слезами, Фанни вскочила с кресла и бросилась на шею своей золовке.

– Простите меня, милочка Беатриса! Вы ангел, и я сама во всем виновата.

Я знаю, что я ужасно чувствительна. Но я так хочу, чтобы вы все меня полюбили.

Ради Уолтера Беатриса выдержала град мокрых поцелуев.

– Вы переутомлены, – сказала она. – Прилягте, а я принесу вам настой бузины.

Опусти шторы, Уолтер. Может быть, Фанни уснет.

Фанни покорно подчинилась. Уолтер молча последовал за сестрой к дверям.

– Спасибо, – прошептал он в коридоре. – Будь с ней как можно терпеливее. У нее была тяжелая жизнь.

ГЛАВА XIV

Уолтер и Фанни поселились в Лондоне. Хотя он продолжал регулярно писать сестре, в этих письмах почти ничего не говорилось о его семейной жизни. О жене он всегда писал хорошо, но упоминания о ней становились все реже и осторожнее. Иногда он просто ограничивался тем, что передавал от нее нежный привет.

Второй раз они приехали в Бартон летом следующего года. Почти две недели Уолтер и Беатриса ходили как по лезвию ножа, ограждая Фанни от насмешек соседей, не давая ей надоедать детям, а мальчикам – грубить ей, умиряя миссис Джонс и удерживая Генри от слишком открытого выражения неприязни.

Однажды шестнадцатилетняя младшая горничная пришла с заплаканными глазами к своей хозяйке и заявила, что уходит. Беатриса удивленно посмотрела на нее: слугам у них в доме жилось хорошо, и они были к ней очень привязаны.

– Что случилось, Эллен?

– Ничего, сударыня.

– Разве вам у нас не нравится?

– Нет, сударыня, очень нравится.

– Ну так в чем же дело?

И тут девушка не выдержала.

– С вашего разрешения, сударыня, эта леди со мной очень нехорошо разговаривает.

– Миссис Риверс?

– Да, сударыня.

– Что произошло? Молчание.

– Вы в чем-нибудь виноваты? Вы нагрубили ей?

– Не-е-ет, то есть...

– Ну?

Круглое добродушное лицо Эллен сморщилось. Она молчала, сдерживая слезы.

– Не бойтесь, скажите мне правду, – мягко сказала Беатриса.

– С вашего позволения, сударыня, я не хотела. Я никогда дерзкой не была, у меня даже и привычки такой нет. Но эта леди... Что она меня, собакой считает? Со мной еще никто так не говорил, и я к этому не привыкла.

В ее голосе появились визгливые ноты.

– Понимаю, – сказала Беатриса. – Ну, мы поговорим об этом позже.

Спросите, пожалуйста, миссис Джонс, не будет ли она так добра прийти ко мне.

Эллен ушла в слезах, и вскоре появилась миссис Джонс, держась так прямо, словно проглотила кочергу.

– Вы меня звали, сударыня?

– Да, миссис Джонс. Вы не замечали, чтобы Эллен дерзила?

– Вот уж нет, сударыня; такой вежливой девушки поискать, и я повторю это хоть на смертном одре. – Она негодуя вздернула подбородок. – Я ее не оправдываю, что она стала возражать миссис Риверс, и я ее уже хорошенько отчитала за это. Служанка должна знать свое место. Но когда благородная дама называет честную девушку в лицо воровкой только потому, что не может найти какую-то там дрянную брошку...

– У миссис Риверс что-нибудь пропало?

– Уже нашлось, сударыня, – под ковриком у туалетного столика. Она разбрасывает свои вещи по всей комнате. А Эллен насмерть обиделась.

Беатриса задумалась.

– Миссис Джонс, – сказала она, – мне было бы очень тяжело, если бы отдых моего брата оказался испорченным. Он уезжает в Лондон в конце следующей недели. Как вы думаете, на кого из горничных можно положиться, что она не будет расстраиваться и обижаться? Ведь кто-нибудь должен прислуживать миссис Риверс, пока она гостит у нас.

Сердитое лицо экономки медленно прояснилось и стало сосредоточенным.

– Разве только мне самой, сударыня? Я, пожалуй, возьмусь, хоть это в мои обязанности и не входит. По крайности я буду спокойна за девушек.

Меня-то миссис Риверс воровкой не назовет, я так думаю.

– Едва ли. Спасибо, я знала, что вы сумеете найти лучший выход из положения, и я вам очень благодарна. Вы не пошлете ко мне Эллен, когда она вам больше не будет нужна?

Притихшая, заплаканная Эллен явилась почти немедленно и, опустив голову, молча принялась теревить завязки своего передника.

– Эллен, – сказал Беатриса, – миссис Джонс мне все рассказала. Вы знаете, что мы вам доверяем, не правда ли?

– Да, сударыня.

– И ведь это самое главное, не так ли? А теперь скажите, не согласитесь ли вы недели две помогать кухарке с вареньем и маринадами, вместо того чтобы убирать комнаты?

Девушка просияла.

– Конечно, сударыня. Как вам будет угодно.

– Очень хорошо. Я собиралась нанять кого-нибудь из деревни. Вы будете чистить фрукты и овощи для кухарки, и я попрошу ее показать вам, как делать желе. И еще одно: вы действительно хотите уйти от нас в конце месяца?

Эллен снова опустила голову и начала крутить завязки передника.

- Если позволите, сударыня, я бы осталась, с вашего разрешения.
- Ну, в таком случае забудем, что вы хотели уйти. Но вот что, Эллен...
- Слушаю, сударыня?

– Больше никому в этом доме не грубите, или о вашем уходе заговорю я, а мне этого не хотелось бы. В следующий раз, если вас что-нибудь расстроит, приходите прямо ко мне и расскажите. А теперь пойдите и умойтесь.

Фанни несколько раз кисло жаловалась на то, что ее так и не пригласили в замок. Желая избежать новой сцены, Беатриса впервые нарушила свое правило никогда не обращаться за одолжениями к богатым и титулованным друзьям и попросила разрешения для своей невестки осмотреть знаменитые оранжереи и картинную галерею. Молодая леди Монктон немедленно пригласила их на чай, упомянув в записке, что ее свекровь, к несчастью, нездорова и приносит свои извинения. Беатриса, обрадовавшись возможности провести спокойный день наедине с Уолтером, тоже уклонилась от участия в этом чаепитии, и Фанни в своем лучшем платье укатила одна, гордо восседая в присланной за ней пышной карете.

Она вернулась в самом превосходном настроении, была очень ласкова и без конца говорила о виденных ею чудесах и об очаровательном гостеприимстве «милой леди Монктон». В ней чувствовалось тайное удовлетворение.

На следующий день Генри увидел, что к садовой калитке подъезжает верхом лорд Монктон. Они не встречались несколько месяцев; лорд Монктон был теперь министром и лишь изредка покидал Лондон. Генри поспешил навстречу своему школьному товарищу, которого всегда рад был видеть, и не только потому, что тот занимал высокое положение.

- Как поживаете, Монктон? Входите, входите! Моя жена будет вам очень рада.

Граф спешился и обмотал поводья вокруг столба калитки.

– Если вы меня извините, я предпочел бы не заходить. По правде говоря, я приехал по чертовски неприятному делу, и мне не хотелось бы беспокоить миссис Телфорд. Не могли бы мы остаться здесь? Нет, у нас ничего не случилось, но я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они вошли в беседку.

– Я буду с вами откровенен, Телфорд. Вчера миссис Риверс пила чай у моей жены, и после ее отъезда моя жена передала мне ее просьбу, которая меня крайне озадачила. Насколько я понял, ее муж хотел бы получить в министерстве иностранных дел пост, который сейчас занимает сэр Эдуард Уиллоуби, и он надеется, что я походатайствую за него. Я не отрицаю, что готов был бы оказать любезность родственнику миссис Телфорд, если бы такая вакансия открылась. Как вы знаете, моя мать очень привязана к вашей супруге, и я сам питаю к ней глубочайшее уважение. Кроме того, хотя мне почти не приходилось встречаться с мистером Риверсом с тех пор, как я рекомендовал его на дипломатическую службу, я слышал о нем только самые лучшие отзывы. Но если он хотел, чтобы я ему помог, почему он не обратился прямо ко мне? Я не люблю, когда такие дела устраиваются через дам. И помимо всего, этот пост не вакантен. Генри недоуменно уставился на него.

- Попросил чужое место? Да ведь... Да ведь, черт побери, это неслыханно!

Неслыханно! И чтобы Уолтер оказался способным на это – не могу поверить.

Он растерянно потер лоб и взволнованно продолжал:

– Нет, я просто не верю. Он не такой человек. Все эта мерзкая баба!

– А, вот какого вы мнения об этой даме! Моя мать расценила все происшедшее точно так же. Она убеждена, что он неудачно женился, и только.

Что же, это случилось со многими хорошими людьми. Хуже другое.

Лорд Монктон стегнул хлыстом по траве.

– Она сказала моей жене, что Уиллоуби выходит в отставку. Предположим даже, что это правда, – откуда она это узнала? Государственным чиновникам не полагается обсуждать с женами служебные сведения.

– Вон он идет с моей женой, – перебил Генри. – Давайте немедленно все это выясним; уверяю вас, что тут какое-то недоразумение.

В глубине сада появились Уолтер и Беатриса. Лорд Монктон нахмурился.

– Не лучше ли подождать, пока миссис Телфорд уйдет, как вы думаете? И так уже слишком много женщин замешано в этом деле. Ну, хорошо, как вам угодно.

Генри уже окликнул приближавшуюся пару. После довольно холодного приветствия гость обратился к Уолтеру:

– Мистер Риверс, скажите мне, известны ли вам ходившие по министерству иностранных дел слухи, что сэру Эдуарду Уиллоуби грозит отставка?

На лице Уолтера появилось недоумение. Он ответил вежливо, но холодно:

– Почему вы спрашиваете об этом меня, милорд? Я не занимаю в министерстве никакой ответственной должности. Подобные слухи скорее дошли бы до вас.

– Вы не получали письма, в котором говорилось бы об этом?

Уолтер ответил после едва заметной паузы:

– Даже если бы и получил, я считал бы эти сведения конфиденциальными.

– Теперь в этом уже нет нужды. Сегодня утром министр иностранных дел прислал мне депешу, где сообщает, что Уиллоуби изобличен в нарушении служебного долга. Его отставка будет опубликована завтра. Министр добавил, что вы уже поставлены в известность о предстоящих изменениях. Его интересует мое мнение о вашем назначении на этот пост. Разрешите мне спросить, вы уже предпринимали какие-нибудь шаги-прямые или косвенные, чтобы обеспечить его за собой?

Уолтер посмотрел на него.

– Шаги? Простите, но я вас не совсем понимаю.

– Хорошо, я скажу яснее. Вы поручали миссис Риверс обратиться ко мне через посредство моей жены и сообщить ей, что сэр Эдуард уходит в отставку?

Лицо Уолтера побелело.

– Я... не понимаю, – беззвучно прошептал он.

– Лорд Монктон, – вдруг горячо заговорила Беатриса, – если бы вы знали моего брата, вы не могли бы подумать, что он на это способен.

Он кивнул, по-прежнему пристально глядя на Уолтера.

– Я верю вам и прошу простить мои сомнения. Нам, членам правительства, так часто приходится сталкиваться с худшими сторонами человеческой природы, что мы невольно становимся чрезмерно подозрительными.

Он снова задумчиво кивнул.

– Я, кажется, понимаю, в чем дело. К сожалению, это случается не так уж редко. Дамы, которых заботит карьера их мужей, бывают иногда несколько... неосторожны.

Он опять обратился к Уолтеру:

– Поверьте, я не подозреваю вас в бесчестных намерениях. Но прежде чем ответить на это письмо, я обязан задать вам один вопрос: каким образом миссис Риверс узнала, что сэр Эдуард покидает службу?

– Не имею ни малейшего представления.

– Вы с ней не говорили на эту тему?

– На тему... отставки сэра Эдуарда или моего повышения?

– И о том и о другом.

– Говорил. Перед самым нашим отъездом из Лондона, три недели тому назад, она заговорила о том, что я получаю недостаточно большое жалованье, и спросила, есть ли у меня надежда на повышение.

– И что вы ответили?

– Что в ближайшее время вряд ли можно на него рассчитывать, но что в дальнейшем, я надеюсь, откроется какая-нибудь вакансия.

– А имя сэра Эдуарда в вашем разговоре совсем не упоминалось?

– Нет, упоминалось. Одну минуту, я сейчас вспомню. Она назвала два имени. Она сказала: «Если пост мистера Карра или сэра Эдуарда Уиллоуби когда-нибудь окажется вакантным, вы можете на него рассчитывать?» Я рассмеялся и сказал, что желающих будет очень много.

– И все? Вы случайно не намекнули, что сэр Эдуард может скоро выйти в отставку? Не проговорились, что до вас дошли слухи о том, что министр недоволен его работой или поведением?

– Разумеется, нет!

– И о полученном вами письме, в котором вам сообщали о предполагаемой отставке сэра Эдуарда и спрашивали вас, достаточно ли вы подготовлены, чтобы взять на себя его обязанности?

– Нет.

– Что вы сделали с письмом?

– Я положил его в специальный ящик моего стола, где хранятся другие секретные бумаги.

– И заперли его?

– Да.

– Вы уверены, что не оставили письмо на столе?

– Совершенно уверен.

– Простите мой вопрос: не могла ли миссис Риверс взять ключ от этого ящика без вашего ведома? Лицо Уолтера окаменело.

– Боюсь... что могла.

– Понимаю. Я думаю, все ясно.

– Совершенно ясно! – воскликнул Генри. – Я же говорил вам, что он не имеет к этому никакого отношения! Да я бы скорее заподозрил...

– Погодите, Телфорд. Мистер Риверс, благодарю вас за прямоту и откровенность. Поверьте мне, вы не первый муж, который и не подозревал, что за его спиной происходят подобные вещи. Мне известен случай, когда последствия были весьма печальны. К счастью, на этот раз все кончилось благополучно. В будущем всегда носите ключи с собой.

Он протянул Уолтеру руку.

– Я вполне удовлетворен и буду счастлив рекомендовать вас на этот пост.

Уолтер ответил не сразу:

– Я вам очень благодарен, милорд, но вынужден отказаться.

– Да почему же... – снова начал Генри.

– Осел! – нетерпеливо перебил его лорд Монктон и повернулся к Уолтеру.

– Вы хотите сказать – из-за того, что произошло?

– Да. Иначе я принял бы это предложение с радостью. Но теперь не могу.

– По-моему, вы излишне щепетильны. Эта тайна – уже больше не тайна, и я со своей стороны могу обещать вам, что наш разговор останется между нами.

Поскольку вы ни в чем не виноваты, обо всем случившемся можно забыть.

– Я не могу с вами согласиться. Я виноват. Если я не понимал, что необходимо... быть осторожнее, это не может служить извинением. Я обязан был это понимать.

Лорд Монктон встал.

– Я вам глубоко сочувствую. Поверьте мне.

Когда он ушел, Уолтер повернулся к Генри. В его лице по-прежнему не было ни кровинки.

– Я должен извиниться перед тобой. Пусть все это тебя не беспокоит, Генри, ты и так был очень терпелив. Завтра я возвращаюсь в Лондон.

– Чепуха! – воскликнул Генри. – Ты ни в чем не виноват. Забудь об этом мерзком деле. Послушай, мой дорогой, я и подумать не могу, что между нами что-то встанет...

– Не между нами. Но я никогда больше не привезу ее в ваш дом. Прошу тебя, Генри, ни слова об этом, пока мы с ней не уедем. Я все объясню ей там.

А сейчас я просто скажу ей, что мы уезжаем завтра утром.

Беатриса сидела на скамье, поникнув и закрыв лицо руками. На этот раз находчивость покинула ее: в ее арсенале не было средств защиты против такой катастрофы. Проходя мимо, Уолтер тронул ее за плечо и шепнул:

– Прости меня. Больше ты ее не увидишь.

Она подняла на него сухие глаза и, не отвечая, крепко сжала его руку.

Он прошел в дом, не сказав больше ни слова, а Генри со слезами на глазах обнял жену, шепча бессмысленные проклятия, ласковые имена, бессвязные утешения. Она не отвечала, но взгляд ее был нежным. В эту минуту ничто не имело значения, кроме его любви к Уолтеру.

Глава XV

Беатриса сидела с миссис Джонс перед открытым комодом, перебирая нежно пахнущее жасмином детское белье. После следовавших одна за другой беременностей наступил перерыв в три с половиной года. Но теперь она снова носила под сердцем ребенка, и в глазах ее была бесконечная усталость.

Прежнее несправедливое озлобление против Генри давно исчезло, но физическая сторона брака, как и раньше, внушала ей отвращение. Вошла Эллен и доложила, что приехал мистер Риверс. Его не ждали, но теперь его редкие посещения всегда бывали неожиданными – он мог приехать, только когда ему удавалось освободиться и от работы и от Фанни. Со времени мучительного разговора с лордом Монктоном он ни разу не привозил ее в Бартон. Беатриса встала улыбаясь. – Он в передней? – Нет, сударыня, они прошли в столовую с хозяином. Кажется, они больны – вид у них очень плохой. Болен... или что-нибудь случилось? Миссис Джонс осторожно придержала ее за руку. – Лучше не ходите, сударыня. Присядьте пока, а я схожу и узнаю. Беатриса покачала головой и пошла в столовую. Когда она открывала дверь, до нее донесся взволнованный голос Генри: – Беатрисе нельзя об этом говорить, пока она ...

– Уолтер, что случилось? К ней повернулись два бледных лица. – Одну минуту, милая... – Генри, я понимаю. Но раз уж я столько слышала, будет хуже, если я начну гадать и раздумывать. Лучше скажи мне все, Уолтер. Мама? Брак их матери пришел к своему логическому завершению. Однажды ночью Карстейрс украдкой ушел из дома, унеся с собой все ее деньги – доход за последние три месяца, и бежал за границу с другой женщиной. Его покинутая жена стареющая, оставленная друзьями, нищая, – стыдясь обращаться к детям, которых она оттолкнула, отравилась крысиным ядом. Полицейские, с опозданием явившиеся, чтобы арестовать Карстейрса за какое-то преступление, нашли ее уже в агонии. Уолтер посмотрел на сестру страдальческим взглядом. – Это и моя вина, Би. Ведь из нас троих она только меня и любила. Если бы я был добрее к ней, этого могло бы не случиться. Она взяла его за руку. – Не упрекай себя, милый; ты ничем не мог ей помочь. Нельзя спасти человека, который дошел до такого падения. Она повернулась к мужу. – Не бойся за ребенка, Генри. Да, это очень тяжело, но я не буду волноваться. Дай Уолтеру стакан вина и попроси миссис Джонс накормить его. Он совсем измучен. И постарайся, чтобы дети ничего не слышали. Мне... мне надо лечь. На следующее утро ребенок родился мертвым. Некоторое время ее собственная жизнь была в опасности; наконец доктор сказал Генри, что она будет

жить, но что ей больше нельзя иметь детей. Генри сел рядом с ее кроватью и дрожащим голосом передал ей слова врача. Он ни на мгновение не усомнился в том, что этот приговор такая же трагедия для нее, как и для него. Она начала по-матерински ласково утешать его: – Тебе это так тяжело? Ведь у нас есть четверо крепких и здоровых детей. И не огорчайся из-за меня: у меня будет достаточно дела воспитывать трех сыновей и дочь. Я рада, что у нас есть дочка, – тебе так хотелось, чтобы у мальчиков была сестра. Она смотрела на него дружелюбным и жестоко ясным взглядом. Бедный Генри, он ведь не виноват в том, что он – Генри. Не по своей воле он родился грубым в желаниях и глупым. Он даже неспособен понять, что он с ней сделал. А кроме того, он спас ее от этой ужасной четы, дал ей чудесный дом, достойное положение в обществе и по-своему, неуклюже старался быть добрым к ней. Теперь, когда она свободна до конца дней своих свободна – от мерзости и отвращения, от позора насильственного материнства, она, быть может, привяжется к нему, словно к большому, глупому и преданному псу. У собак тоже бывают неприятные привычки, они тоже глуповаты, тоже стараются лизнуть тебя в лицо, а напроказив и перепачкавшись, приходят к тебе, ожидая, что ты их утетишь и почишишь. И все-таки мы любим своих собак. Она погладила его по руке. Это была ее первая невынужденная ласка за все годы их супружеской жизни. – И помни, я всегда сумею понять, что в тридцать пять лет для тебя не все кончено. Но будь осторожнее, выбирай – с кем, ради детей. Не плачь, милый. Я знаю, что ты любишь меня. Он ушел, смиренно и благодарно поцеловав ее. Дорогою ценой куплена эта свобода. Ее охватил жгучий восторг. Да, ее брак был грязной сделкой. Но разве брак может быть иным? Она не хныкала и сдержала слово. А теперь она свободна. Она заработала право распоряжаться собой отныне и навсегда. Она растягивала свое выздоровление, наслаждаясь каждой минутой покоя. Это был ее первый отдых, и она никак не могла с ним расстаться. Она устала бороться с волнами и была рада на время отдаться течению. Ее собственная загубленная жизнь, разбитая жизнь ее брата, ужасы Кейтерема, крысиный яд... зачем терзать и мучить себя из-за того, чего нельзя изменить?

Ведь весна так коротка. Вот запел дрозд, а в траве пестреют крокусы. Неделю за неделей она лежала в своей красивой комнате, читала, спала или просто дышала ароматом ранней желтофиоли, распутившейся под большим окном, выходящим на юг. Потом она стала спускаться в залитый солнцем розарий или садилась на лужайке под старым ливанским кедром, с неожиданным благоговением следя за экстазом брачного танца насекомых, белок и птиц. Как странно, что воспроизведение рода у этих созданий не сочетается с непристойностью; в их похоти нет ничего гнусного. Большая шотландская овчарка, которая лежала возле нее на траве, окруженная веселыми щенятами, была прекрасна, когда играла с ними, прекрасна, когда кормила их и вылизывала. Только мужчины и женщины бывают безобразны. Если бы она была кобылой, белкой, крысой – чем угодно, только не человеком, – она тоже любила бы своих детей. Но даже и теперь... Гарри и Дик бегали вперегонки по лужайке, сталкиваясь друг с другом и пища от радости, как щенята. Это были здоровые, чистенькие детеныши, крепкие, как жеребята. Гарри был очень похож на отца, так похож, что она порой с трудом удерживалась, чтобы не отстраниться от его неожиданного прикосновения. Он был зачат во время медового месяца, а кошмарные воспоминания о тех днях хотя и смягчились с годами, но еще не изгладились. Однако чаще ей было очень приятно присутствие ласкового мальчика, всегда веселого и

милого. Не такой красавец, как Дик, он тем не менее был очень хорош, – вероятно, и Генри был таким в его возрасте. Когда Генри был юношей, многие восхищались его красотой, да и теперь, несмотря на некоторую полноту, он все еще был очень недурен собой. Крестница Уолтера, Глэдис, самая младшая в семье, очевидно принадлежала к тому же типу, насколько можно было судить по такой пухленькой крошке. Она ничего не боялась и почти никогда не плакала. Только пятилетний Бобби пошел в мать.

Казалось, в нем не было ничего от Телфордов. Это был застенчивый ребенок с чутким, нервным ртом, очень похожий на деда, и еще больше – на Уолтера. И совсем не похожий на Эльси. Впрочем, Эльси, быть может, вовсе и не Риверс.

"Это ее счастье, – с горечью подумала Беатриса, – Риверсы, несмотря на весь их ум, не приспособлены к жизни. Они слишком близко принимают все к сердцу.

Чересчур тонкокожи –слишком много ученых было в семье". Уолтер – законченный Риверс. Наверное, излишняя чувствительность и толкнула его на этот невозможный брак. Он прирожденный ученый и среди людей, которым его интересы чужды, живет словно в изгнании; как должно было терзать его то, что происходило в Кейтереме! В детстве он так идеализировал маму. Может быть, он попался в ловушку, измученный бесконечным одиночеством? Он так и не объяснил, почему уехал из Лиссабона, и не рассказал ни Беатрисе, ни Генри, что произошло за время его краткого пребывания в Константинополе. Они знали только, что Фанни, дочь провинциального священника, бедная и уже немолодая, служила там у кого-то в гувернантках. – Один бог знает, как ей удалось подцепить парня, – злобно ворчал Генри. Когда он начинал подобные разговоры, Беатриса отмалчивалась. Так ли уж важно, почему произошло несчастье? Оно произошло. Несомненно, и Бобби изуродует свою жизнь, не раздумывая, совершит какое-нибудь донкихотство и станет чьей-то жертвой. Лучше поменьше глядеть на него, поменьше думать о нем и о его будущем... Надо быть разумнее. Эти глупые страхи порождены физической слабостью, и незачем им поддаваться. Все пройдет, когда перестанет кружиться голова, едва сделаешь сотню шагов. Силы постепенно возвращались к ней, и она начала обдумывать свою дальнейшую жизнь. Впервые у нее действительно будет досуг. Хозяйство налажено превосходно, слуги исполнительны, умелы, привязаны к ней и хорошо обучены, так что теперь, когда все дети уже вышли из младенческого возраста, ей придется тратить на дом не больше двух-трех часов в день. Сколько-то времени она будет уделять детям, сколько-то – неизбежным светским обязанностям, сколько-то – Генри, который в затруднениях всегда прибегает к ее помощи; и все-таки она сможет ежедневно проводить два часа в своей комнате, занимаясь серьезным чтением. На них никто не посмеет посягнуть. Она сделает нерушимым законом, что в часы занятий ей нельзя мешать ни под каким видом, разве только кто-нибудь заболит. Едва лишь доктор разрешил, Уолтер приехал в Бартон, чтобы обсудить с ней и Генри, как распорядиться той частью семейного имущества, на которую Карстейрс не успел наложить лапу. Так как между ними не было никаких разногласий, произвести раздел оказалось очень просто.

Эльси, которая по-прежнему жила в Индии, получила свою скромную долю, когда вышла замуж, но ни Уолтер, ни Беатриса не касались своих денег, оставив их у мистера Уинтропа для матери, на случай крайней необходимости, хотя она, разумеется, ничего об этом не знала. Проценты накапливались, и теперь Беатриса оказалась обладательницей значительной суммы, не считая тех денег, которые по

настоянию Генри она, как и прежде, продолжала получать от него на платья. Она уже решила, что делать с наследством. Несколько фунтов в год будет тратиться на покупку книг современных философов, в основном французских, о которых ей рассказывал Уолтер. Ей давно хотелось прочесть эти произведения, но она чувствовала, что нечестно покупать их на деньги Генри, потому что он, несомненно, отнесся бы к ним с величайшим неодобрением, если бы мог их понять. Остальные деньги составят ее личный фонд для помощи окрестным недостойным беднякам. С достойными бедняками не возникало никаких затруднений: Генри был добр, и для нее не составляло труда убедить его помочь им самому или попросить за них лорда Монктона. Но семьи браконьеров как избалованных, так и подозреваемых – и двух католиков, единственных в округе, были задавлены нуждой, облегчить которую она до сих пор не могла, не вызвав множества неприятных последствий. Те семьдесят фунтов в год, которые она сможет делить между ними, будут очень полезны их голодающим детям. На секунду она с прежним презрением к себе подумала, что в действительности ее заботит только собственное спокойствие: теперь, увидев маленького заморыша, она не могла спать по ночам. Скрывать она, конечно, ничего не будет. Она никогда ничего не скрывала от Генри, кроме одного – того, что было действительно важно. Если она будет покупать башмаки для босоногих ребятишек или подарит калеке осла и тележку, Генри, коль скоро это его заинтересует, может просмотреть ее счета. Но это его не заинтересует. Как всегда, все ее дела будут открыты для него. Правило, которое она в горький час после разговора с епископом обещала себе свято соблюдать, давно уже стало привычкой. В тот вечер, сидя в карете рядом со спящим мужем, она поклялась, что никогда больше не испытает унижительного страха перед возможным разоблачением. Рабыня, которая хочет сохранить самоуважение, может скрывать только свои мысли. То, что она читает, говорит или делает, должно быть всегда открыто для ее хозяина; только душа ее будет заперта для него. Если он по лени или тупости обманывает себя – это его дело. Каким детским и смешным казалось все это теперь. Вспоминая годы своего замужества, она не могла не видеть, что рабом скорее был он: рабом, с которым обращались так же мягко, как с Фиалкой, о котором так же хорошо заботились и который был так же доволен своей упряжью. Положение домашнего животного – что может быть отвратительнее и постыднее? Никому не пожелала бы она... А что она могла сделать, если он не годился ни на что лучшее? Но правда ли это? А если бы он женился на женщине, близкой ему духовно, – какой, вероятно, была его мать, которая любила бы его просто за то, что он ее муж? Или на покорной и обожающей его простушке, вроде жены лорда Монктона или ее приятельницы, дочери местного священника, которую он опекал бы, вместо того чтобы она опекала его? Может быть, он стал бы другим? Вряд ли. Окружающая среда все равно сломила бы его: он слишком слаб, чтобы сопротивляться... Но Бартон был бы другим, хотя и не по его вине. Он в любом случае старался бы быть добрым хозяином, и если бы ему помогала хорошая женщина, его арендаторам жалось бы лучше, чем большинству других. Но их дети выглядели бы хуже, чем теперь.

Кроме того, найти хорошую женщину не так-то просто. Скорее всего он женился бы на ком-нибудь вроде Эльси или даже леди Крипс; и что тогда было бы с арендаторами и их детьми? Во всяком случае, раз у них с Генри есть дети, какой смысл гадать о том, что могло бы быть? Остается только принять существующее положение вещей и делать все, что в ее силах. И в конце концов во всем есть свои хорошие стороны. Хорошо, что Уолтер сможет теперь отказаться от профессии,

которая ему никогда не нравилась; тем более что неудачная женитьба положила конец его карьере и до конца дней ему суждено было бы оставаться мелким чиновником. Он сказал ей, что собирается продать дом в Кейтереме и купить небольшой коттедж в какой-нибудь уединенной местности. Пожалуй, он найдет утешение в науке, как их отец. Может быть, он займется археологией или попробует закончить огромную сравнительную таблицу языковых форм, работу над которой он начал в Оксфорде и оставил, поступив на дипломатическую службу. Но разве можно сосредоточиться на сложных проблемах среди бесконечных слез и истерических припадков? Генри предложил подарить ему для кабинета обитую войлоком двойную дверь, сквозь которую не проникал бы голос Фанни. А теперь, когда он сам распоряжается своим временем, можно будет иногда найти благовидный предлог, чтобы вызвать его в Бартон, где его любят все взрослые, все дети и все собаки. Это будет для него некоторой передышкой. Несколько месяцев спустя Уолтер написал сестре, что подыскал подходящий дом, который и надеется вскоре купить. Это небольшой каменный коттедж, построенный для ныне умершей эксцентричной затворницы-вдовы в отдаленном уголке большого поместья, расположенного на скалистом побережье северного Корнуэлла. В поместье живет управляющий, а богатая и знатная владелица приезжает в большой дом только на несколько недель во время осенней охоты. Но и тогда этот домик ей не нужен. Он до сих пор пустует, потому что ее поверенному не удалось найти покупателя, принадлежащего к приличному обществу, который согласился бы жить в таком унылом и уединенном месте. Ему наконец удалось убедить свою клиентку, что неприступная аристократичность ее поместья не будет нарушена, если у самой отдаленной его границы поселится ученый из хорошей семьи, бывший дипломат. Судя по всему, в целой Англии трудно было найти более глухое и дикое место. Уолтер писал, что дом, до которого от ближайшего городка приходится ехать семнадцать миль по скверной дороге через вересковую равнину, стоит на вершине крутого утеса, нависающего над морем. Из северных окон видно только безграничное небо, вода и береговые обрывы; из южных – хаос скал, доисторические каменные постройки и открытая всем ветрам вересковая равнина, тянущаяся до зазубренных вершин гряды Браун Уилли. По равнине раскидано несколько мелких молочных ферм. На триста футов ниже дома, скрытая выступом утеса, прячется убогая рыбацья деревушка, грязная, заброшенная и нищая. Во время отлива туда можно добраться по песчаной косе, во время прилива – только на лодке или через утес, по головокружительной тропинке. Уолтера беспокоило лишь одно. Он поставил условием, чтобы в его участок был включен заросший вереском и папоротником бугор, который, по его мнению, скрывал древнее захоронение, а нотариус провел границу прямо до моря, и после этой поправки рыбацкий поселок оказался на его земле. Его не смущала небольшая доплата, но он пришел в ужас при мысли, что у него появятся двадцать четыре арендатора, ютящиеся со своими семьями в полуразрушенных лачугах, плата за которые по большей части просрочена. Однако это место так ему нравилось, что даже подобное неудобство его не расхолодило. – Он с ума сошел! – сказал Генри. – Зачем ему селиться на краю света? Я бы легко подыскал ему что-нибудь подходящее поблизости от нас. А эта его жена? Они и так не ладят, а теперь им придется все время быть вместе, словно на необитаемом острове! – Не думаю, – сказала Беатриса. – Фанни неспособна похоронить себя заживо только потому, что он любит камни друидов. Она найдет сотни причин, чтобы почти все время проводить в Лондоне или каком-нибудь другом большом городе и заодно

тратить большую часть их дохода; а Уолтер, конечно, с радостью согласится жить впроголодь на картошке с селедкой, лишь бы не видеть ее. – Послушай, моя дорогая, мы не можем этого допустить! Уговори его прежде приехать в Бартон, и мы попробуем образумить его. Он слишком хороший человек, чтобы зря пропадать в такой глуши. Уолтер охотно приехал и, посадив к себе на колени крестницу, вежливо и рассеянно выслушал советы и уговоры зятя. Ничто не могло повлиять на его болезненное стремление уехать от всех, остаться наедине с дикой природой. Окончившийся жалкой неудачей брак и глубоко потрясшее его самоубийство матери что-то сломали в нем: словно раненое животное, он хотел спрятаться илизывать свои раны. Фанни, хотя она яростно воспротивилась его намерению поселиться в столь неудобной местности, сперва заявила, что не расстанется с ним и там.

Однако после некоторой борьбы, которая оказалась короче, чем он опасался, она согласилась проводить зиму в Бристоле у своей овдовевшей матери, в качестве платной гостыи, поставив непременно условием, что будет навещать его в Корнуэлле каждое лето или по крайней мере каждую осень. Это сохранит ее репутацию в глазах бристольского приличного общества, которое могло бы косо посмотреть на жену, открыто оставленную мужем. «Даже самые чопорные святоши поймут, – объяснила она с горечью, – что когда женатый человек из любви к науке все время живет отшельником в дикой пустыне, жена не может принести в жертву его глупому увлечению свое здоровье и обязанности по отношению к престарелой матери. Не всякий выдержит зиму на Бодминских равнинах». Он признался, что был несколько удивлен легкостью, с которой получил ее согласие на этот компромисс. Впрочем, может быть она стала такой покладистой потому, что надеялась втереться в дом к леди Маунтстюарт. – К счастью, у нас нет детей, – сказал Уолтер, поглаживая золотистую головку Глэдис. Беатриса закусила губу; она не любила плакать. В конце концов им удалось добиться от него обещания, что он каждый год будет подолгу гостить в Бартоне. – И постарайся выбрать для этого время, когда Фанни будет приезжать в Кар... как его там! – Каргвизиан. А время для этого мне придется выбирать так, чтобы иметь возможность поддерживать связь с другими археологами. Над теми же проблемами работают один швед и один француз. Я отложил кое-какие деньги на путешествия, так что иногда смогу их посещать. – И голодать все остальное время? Ну, по крайней мере мы будем знать, что хоть несколько недель в году ты бываешь сыт. – Не беспокойся, Генри, еды у меня хватит.

Жизнь там очень дешева, а Повис, помимо всех прочих талантов, оказался великолепным поваром. Таких индийских кэрри я никогда не едал. – Ты берешь этого парня с собой? Уолтер застенчиво улыбнулся и сразу стал похож на сестру. – Будет точнее сказать, что он берет с собой меня. Если я откажусь от его услуг, он пешком явится в Корнуэлл, усядется на моем пороге и будет сидеть, держа на коленях сумку со своими сбережениями, пока я не приму либо их, либо его. Повис был пожилой уэльсец, не то вдовец, не то холостяк. Он много путешествовал, был безобразен, молчалив, раздражителен и мастер на все руки. Уолтер нашел его, больного и нищего, в Лиссабоне и помог ему. Повис проникся к своему благодетелю угрюмой бульдожьей преданностью и не пожелал с ним расстаться. Услышав, что мелкий служащий посольства, не имеющий состояния, не может позволить себе роскошь держать слугу, он ушел, злобно хмурясь. Но через два года он узнал, что Уолтер в Вене, явился к нему и ворчливо заявил, что приехал служить без жалованья, потому что он теперь при деньгах и «пока обойдется». Когда четыре года тому назад появилась Фанни,

вспыхнувшая между ними смертельная вражда тоже стала одним из источников мучений для Уолтера. Даже Уолтер знал о прошлом Повиса не все, но и то, что знал, не считал себя вправе рассказывать. Генри и Беатрисе было известно только, что в молодости Повис был солдатом и воевал в Индии, а после увольнения служил коридорным в европейских гостиницах. Он был неутомим и необыкновенно аккуратен. Обижаясь, он принимался ворчать себе под нос либо на родном валлийском языке, либо на англо-валлийском наречии, которыми в другое время никогда не пользовался. Друзей у него не было, но лошади и собаки любили его. Интерес Уолтера к кельтским языкам, легендам и древним памятникам помог ему окончательно завоевать сердце этого озлобленного, но верного человека. Имя Глэдис для своей крестной дочери Уолтер взял из сказания, услышанного от Повиса, и чудак, по своему обыкновению, дулся целую неделю, потому что это имя стали писать без "в". – Послушайте, Повис, мягко уговаривал его хозяин, – никто в Бартоне не сумеет произнести имя, которое начинается с «Гвл». – Значит, они все там дураки, – огрызнулся Повис, и Фанни устроила очередную дикую сцену, потому что он не был уволен за грубость тут же на месте. На следующее лето Уолтер по дороге в Стокгольм снова заехал в Бартон. Он выглядел уже не таким нервным и измученным. Он оказался прав, считая, что скалы, одиночество и рев моря будут для него лучшей защитой от кошмаров. Он стал крепче спать, а однообразное питание, состоявшее из рыбы, овощей и молока, судя по всему, пошло ему на пользу.

Повис отлично ухаживает за ним, уверял он своего зятя, воздух там великолепный, а туманы и бури ничуть ему не мешают. Да, там дуют сильные ветры. Такие сильные, что иной раз трудно удержаться на ногах. Во время бури опасно подходить слишком близко к обрыву. Повис насадил живую изгородь из бирючины, чтобы защитить небольшую грядку с салатом и другой зеленью, а потом ему пришлось сложить стену из валяющихся всюду гранитных валунов, чтобы защитить свою изгородь. Но все равно первая же буря вырвала с корнем и унесла в море большую часть кустов бирючины. Может быть, это и к лучшему: бирючина там кажется изнеженным городским растением, совершенно неуместным для Каргвизиана, где даже терновник стелется по скалам, словно вьюнок. Щели между валунами заполнились землей и мелкими камешками, и сейчас стена уже почти исчезла под новой порослью вереска, папоротника и карликового дрока.

Он не ошибся – под бугром действительно оказалось захоронение, и теперь неоценимый Повис помогает ему вести раскопки. Что же касается корнуэльской природы и неба, то для их описания не хватит никаких слов. – А как твои арендаторы в рыбацкой деревушке? – поинтересовался Генри. В ответ Уолтер заговорил о своем единственном разочаровании. Во всей округе ему не удалось отыскать человека, у которого он мог бы научиться почти исчезнувшему ныне древнему языку Корнуэлла. – Я надеялся сопоставить его с валлийским, сказал он. – Они ведь родственны. Я уговорил Повиса попробовать, как отнесутся местные жители к его изумительным уэльским песням, – оказалось, что они стыдятся своего старого языка. Одна дряхлая старушка, правда, призналась, что в детстве говорила на нем, но и она смогла припомнить только несколько отдельных слов. И в то же время они говорят по-английски так, словно для них это чужой язык. Как грустно, что они утратили наследие предков. – Не вижу, о чем тут жалеть, – сказал Генри. – Нужно радоваться, что они наконец научились говорить как цивилизованные люди. Даже если они и коверкают английский, это все-таки лучше, чем разговаривать на варварском наречии,

которого никто не понимает. Уолтер не принял вызова. Он давно уже привык, что никто не разделяет его страсти к умирающим языковым формам. Он со вздохом заговорил о другом: – Арендаторы – это трудная проблема; я просто не знаю, как с ними быть. – Они не платят аренду? – Платят, когда у них есть деньги. Но, разумеется, все это идет не мне, а на неотложную починку их жилищ. И главная беда в том, что больше всех нуждаются в починке дома тех, кто не может платить, а у меня почти нет на это средств. Да и все равно толку было бы мало. Эти лачуги следовало бы снести. Они ужасны. – Так значит, эта часть имения приносит тебе только убытки? Не удивительно, что Маунтстюарты согласились так дешево уступить тебе этот поселок. А что за люди твои рыбаки? – Трудно сказать. Я чувствую, что еще не понимаю их. Они не похожи на тех крестьян, с которыми мне приходилось встречаться. – Они держатся недружелюбно? – Кроме тех, которым нужно у меня что-то выпросить.

Винить их за это не приходится: они отчаянно бедны и о них никто никогда не заботился, а управляющий Маунтстюартов много лет выжимал из них последние гроши, не производя никаких починок. Но те, кто меня больше интересуют, так же неприступны, как арабские шейхи, отворачивающиеся от дерзкого христианина. Со временем мне, возможно, удастся завоевать их доверие, если только... Он на мгновение умолк. – Если только Фанни не испортит всего...

Дело в том, что им приходится много терпеть из-за их религии. Генри сурово нахмурился. – Они что, паписты? – Нет, методисты. – А, сектанты! – Теперь в голосе Генри слышалось только презрение. На этот раз тему переменяла Беатриса, но как только ее муж вышел, она снова вернулась к ней: – Что им приходится терпеть из-за религии, Уолтер? – Это довольно сложный вопрос.

Большинство из них было в сущности язычниками, пока Уэсли не добрался до Корнуэлла. Разумеется, официально считалось, что они исповедуют англиканскую религию, но это ничего не значило. Священники к ним не приезжали, и на много миль кругом не было ни одной церкви. Свадьбы обычно откладывались до рождения первенца, а детей крестили когда случалось – даже в семилетнем возрасте. Но проповеди Уэсли произвели по всему побережью необычайное впечатление: они действительно изменили местные нравы. Тридцать лет назад эта область пользовалась очень дурной репутацией, там процветало береговое пиратство. А теперь там сколько угодно по-настоящему благочестивых людей. У них нет молельни, но даже в проливной дождь они сходятся на молитвенные собрания среди скал и распевают уэслианские гимны. Ну, а леди Маунтстюарт терпеть не может сектантов. – Как и Генри. – Да. И она решила искоренять сектантство, а денег у нее, к сожалению, столько, что она не знает, куда их девать. Она воздвигла на равнине безобразнейшую церквушку, и помощник приходского священника через воскресенье приезжает туда из Тренанса.

Разумеется, рыбаки этого не хотят. Поэтому, чтобы заставить их посещать богослужения, она пустила в ход некоторые поблажки и всякого рода принуждение. – Фанни об том знает? – В том-то и дело. Она узнала об этом, когда приехала туда в прошлом месяце, и немедленно написала леди Маунтстюарт, обещая ей «оказать влияние» на арендаторов, очевидно имея в виду свое положение жены их нового лендлорда, которому они не в состоянии платить. – Чтобы втереться к леди Маунтстюарт? – Да. И рыбакам это очень не нравится. А они только-только начали относиться ко мне с доверием. – Уолтер, не позволяй ей губить твою жизнь. Рано или

поздно тебе все равно придется ее оставить. Он отвернулся. – Моя жизнь уже погублена, Би. А у нее никого нет, кроме меня. Предположим, я оставлю ее, а она тоже... На его лице появилось прежнее страдальческое выражение. Беатриса молча вышла из комнаты и позвала Глэдис. – Хочешь пойти поиграть с дядей Уолтером? Одной Глэдис удавалось рассеять его черную тоску. Он страстно любил детей, и маленькая крестница, которую он видел раз в год, сильнее всего привязывала его к жизни. Если бы у него были собственные дети, подумала Беатриса, это могло бы спасти его.

Право же, в жестокости судьбы есть некоторая утонченность. Он с радостью отдал бы оба глаза за возможность иметь ребенка – и осужден на бездетность; она содрогалась при одной мысли о материнстве – и у нее четверо детей... которых она не осмеливается любить. О Бобби, Бобби... Нет ничего хуже любимчиков в семье: брат завидует брату, ревность и ненависть отравляют детские души. Если ты не можешь любить всех своих детей одинаково, то не люби ни одного из них и заботься о них всех просто из чувства долга. Пусть никто из детей не догадается, как сжимается ее сердце, когда она глядит на Бобби. Она ответственна за остальных: она произвела их на свет. И конечно нельзя изо дня в день видеть ребенка и не полюбить его. Но если она потеряет Бобби, она умрет. Нет, дети не догадывались, что она относится к ним неодинаково. С их отцом дело обстояло по-другому: достаточно было провести в его обществе неделю, чтобы безошибочно сказать, что Глэдис – его любимица. К счастью, это не приводило ни к каким дурным последствиям. Благодаря своему вдвойне привилегированному положению младшей в семье и единственной девочки Глэдис обладала особыми правами, и все три мальчика, казалось, всегда принимали это как должное, не чувствуя ни малейшей ревности или зависти. Они и сами всячески баловали сестренку и гордились ее умом и красотой так, словно она была породистым щенком. Кроме того, они нередко извлекали пользу из окружавшей ее всеобщей любви. Напроказив, они всегда прибегали к ее помощи, и она заступалась за них перед отцом, или перед кучером, или перед миссис Джонс, или еще перед кем-нибудь, кто на них сердился. С самого начала она стала принцессой этого мира.

Однако, хотя Глэдис росла в атмосфере всеобщего обожания, это ее совсем не портило. Она была милой, послушной, всегда веселой и весьма рассудительной девочкой. В шесть лет она, как и ее братья, уже знала, что может обвести своего большого, шумного, вспыльчивого отца вокруг любого из своих ловких пальчиков, но что распоряжения матери, которая никогда не повышала голоса, никогда никого не ругала и никому ничем не грозила, надо выполнять беспрекословно.

Это ни в малейшей степени не уменьшало доверчивой любви, с которой относились к Беатрисе все ее дети. Она олицетворяла власть, но также и справедливость и защиту. Они несли к ней все свои беды и горести.

Поссорившись, они шли к ней. Они твердо знали, что она внимательно и терпеливо выслушает их, разберется, кто прав, кто виноват, а если они плохо вели себя – поймет, как это случилось, и что они не хотели, и что теперь им очень стыдно.

Глава XVI

Леди Монктон с самого начала отнеслась к своим обязанностям восприемницы неожиданно серьезно. Она внимательно следила за физическим и умственным развитием своей крестницы, и по ее желанию девочка ежемесячно проводила один день в замке. Однако она никогда не пыталась посягать на авторитет матери.

Беатриса часто сама отвозила Глэдис к леди Монктон, но это было для нее скорее неприятной обязанностью. Несмотря на то, что ее встречали с неизменным радушием, ей всегда бывало там немного не по себе. Неукротимая старуха нередко внушала ей теперь восхищение; кроме того, она была ей искренне благодарна как за великодушное, хотя и запоздалое, предложение дать ей приют, так и за сдержанность, которую леди Монктон неукоснительно соблюдала после своей единственной нескромности. Она была бы рада полюбить ее, и, быть может, это бы ей удалось, если бы не грубоватость и безобразие графини, которые с самого начала оскорбляли ее утонченный вкус.

Особенно неприятны ей были обеды в замке. В доме ее отца царила воздержанность, даже ее мать не была особенной любительницей поесть и выпить, и поэтому разнузданное чревоугодие провинциальной аристократии внушало ей глубокое омерзение. Приятели Генри всегда вставали из-за стола одурманенные винными парами и сильно отяжелевшие. Их жены ели и пили более умеренно, но обжорство, которому предавалась леди Монктон, граничило с непристойностью. Часто Беатриса, испытывая тошноту, опускала глаза, чтобы не видеть жадного нетерпения на лице хозяйки дома, когда к столу подавалось особенно лакомое блюдо, смакующего и чавкающего рта, все возрастающих признаков животного пресыщения, осоловелых глаз и языка, заплетающегося после обильных возлияний.

Глэдис росла, становилась более наблюдательной и Беатрису начинала тревожить всем известная склонность старухи к вольным шуткам. Правда, до сих пор леди Монктон ни разу не позволила себе ничего подобного ни при девочке, ни при ней самой, но до нее доходило множество неприятных слухов, и она с ужасом думала, что в один прекрасный день Глэдис услышит в замке что-нибудь совсем не подходящее для ее ушей. Однако она не представляла себе, как, не обидев леди Монктон, прекратить эти ежемесячные визиты.

Случай помог ей найти предлог, которого она искала. Кто-то услышал, как Гарри бормочет себе под нос, что, раз уж некоторые люди ездят к богатым крестным, они могли бы по крайней мере привезти конфет для других людей. А после того как миссис Джонс передала ей некоторые высказывания Дика о ливрейных лакеях и оранжерейном винограде, она как можно тактичнее изложила свое мнение старой графине.

– Дело в том, – сказала она, – что мы принадлежим к слишком разным кругам. Я боюсь, что у детей разовьется недовольство окружающим и зависть.

Они уже начинают сравнивать ваш образ жизни с нашим и – что еще хуже – с тем, как живут Ньюдженты. Дик – крестник мистера Ньюджента, и вчера он пожаловался миссис Джонс, что Глэдис очень повезло, а вот его, когда он обедает у своего крестного, угощают только подогретой картошкой с рубленой бараниной. Мне очень грустно, что получается, будто я отвечаю неблагодарностью на вашу любезность, но, по-моему, Глэдис лучше пореже бывать в замке, пока она и мальчишки не подрастут и не поумнеют.

– Совершенно справедливо, – невозмутимо ответила леди Монктон. – Вместо этого я буду приезжать к вам. Первый четверг каждого месяца вам подойдет?

После этого она приезжала очень регулярно, но редко оставалась к обеду, а оставшись, ела и пила очень умеренно. Беатриса ни разу больше не видела ее ни обьевшей, ни нетрезвой.

Гарри и Дик были теперь уже Телфордом-старшим и Телфордом-младшим в той же школе, где Генри в свое время отличался в спортивных играх и никак не мог сладить с латынью. Гарри, которому исполнилось двенадцать лет, переживал период осознания своего мужского превосходства и, возвращаясь на каникулы домой, подчеркнуто предпочитал общество отца. Мужчинам положено иметь мужские вкусы и привычки. Тем не менее, когда у него случались неприятности, он шел к матери. С каждым годом он становился все больше похожим на отца.

Было уже совершенно очевидно, что, хотя из него может выйти неплохой фермер, он неспособен ни к какой профессии, требующей книжного образования. Духовный склад десятилетнего Дика был совсем другим. В нем начинала сказываться хищная практическая сметка его дядей Телфордов, и порой Беатриса боялась, как бы проницательный взгляд мальчика не заметил, что происходит с его отцом.

Генри расставался с молодостью, не приобретая взамен ничего, кроме все увеличивающейся полноты. Он по-прежнему был нежным мужем и отцом и редко ворчал на жену, хотя частенько кричал на сыновей. По старой привычке он все еще был неплохим хозяином, но больше не учился ничему новому. Теперь только Беатриса пользовалась каждым случаем приобрести полезные сведения, время от времени давала ему советы и тактично напоминала об улучшениях на ферме, которые он намеревался ввести и о которых постоянно забывал. Последние годы он все дольше засиживался за вином после обеда, а по вечерам бывал сонным и осовевшим. Правда, до полного опьянения он никогда не доходил и хотя любил поесть, все еще вел достаточно подвижной образ жизни, чтобы не разжиреть по-настоящему; но его движения утратили прежнюю легкость, а черты лица начинали грубеть. Преемницы Марты сменяли одна другую; однако они долго не задерживались и забывались бесследно.

Порой Беатрисе казалось, что сама она преждевременно стала спокойной пожилой матроной. Она чаще чувствовала себя сорокалетней, а не тридцатидвухлетней женщиной, но это ее не огорчало: она была рада, что юность со всеми ее страданиями ушла безвозвратно. Она приняла мир таким, каков он есть, приспособилась к нему и правила своим маленьким царством без хлыста и шпор. Она не часто бранила слуг или наказывала детей, и эти наказания всегда бывали легкими, но тем не менее ей редко приходилось сталкиваться с непокорностью.

Быть может, потому, что жизнь текла так ровно, она и стала казаться немного пресной. Беатриса привела в исполнение свой план и приучила взрослых и детей уважать те два часа, на которые она ежедневно уединялась в своей комнате за запертой дверью. Плохо было только то, что она сама их не уважала. Она утратила интерес к классическим авторам, которых так любила в годы своего девичества, а французская философия оказалась едва ли не скучней. В этих занятиях хорошо было только одно – они отвлекали ее от мыслей о Бобби.

Бобби, единственный из обитателей Бартона, который был достаточно чуток, чтобы по-настоящему страдать если она на него сердилась, был также и единственным, с кем она бывала излишне строга. Это несправедливо, думала она. Не должно быть никакой разницы; нельзя впадать ни в ту, ни в другую крайность. Если крикетный шар пролетает слишком близко от головы Бобби, у нее не больше оснований пугаться, чем если бы это была голова Дика. Если Бобби грубит или капризничает, это ничем не страшнее обыкновенного детского упрямства Гарри или Глэдис. Все дети бывают иногда капризны и упрямы. Такие мелкие недостатки надо исправлять, не придавая им большого значения. Но видеть, как рот Бобби – рот ее отца – утрачивает свои изящные очертания и хотя бы на миг становится похожим на рот Генри, – это больно.

Глэдис исполнилось семь лет, когда ее крестная мать дважды подряд не приехала навестить ее, каждый раз присылая извинения и ссылаясь на нездоровье. Так как она часто страдала разлитием желчи и припадками подагры, Беатриса сначала не придавала этому никакого значения. Последнее время старуха стала избегать посторонних и все реже появлялась на людях; даже церковь она теперь посещала только изредка, и ее отсутствие там больше никого не удивляло. Однажды Беатриса с удивлением узнала, что графиня уже месяц не встает с постели. Она немедленно послала в замок письмо, чтобы узнать, так ли это, и получила в ответ несколько строк, написанных дрожащими каракулями:

«Да, я больна. Приезжайте навестить меня, когда сможете, но не привозите Глэдис. Приезжайте скорей».

Она поехала немедленно. Ее приняла молодая леди Монктон. Она выглядела очень усталой, и глаза у нее опухли.

– Я очень рада, что вы приехали. Я послала бы за вами и раньше, но мама не хотела, чтобы вас беспокоили.

– Значит, она серьезно больна? Я ничего об этом не слышала, а то я уже давно навестила бы ее.

– Доктора считают, что она проживет еще две-три недели, не больше. Ей выпускали воду, но это не помогает. По крайней мере кончатся ее страдания.

Каковы были эти страдания, Беатриса поняла, едва войдя в спальню. На кровати чудовищной глыбой лежало бесформенное, раздувшееся от водянки тело.

Лицо было словно страшная маска, привидевшаяся в кошмаре. Приветственная улыбка сделала его только еще более жалким.

– Входите, – прохрипел незнакомый голос. – Рада видеть вас. Садитесь и снимите шляпку.

Беатриса отвела глаза. В ее душе невыносимо болел тот ненужный, лишний наследственный нерв Риверсов, который, как натянутая струна, отзывался на всякое страдание.

Леди Монктон засмеялась.

– Пустяки. Я просто умираю. Моя дура невестка сказала вам об этом? Если бы у нее была хоть крупица рассудка, она бы обрадовалась, как обрадуюсь я, когда все это наконец кончится.

– Боюсь, что вы очень страдаете...

– Вполне достаточно, чтобы не скучать, и даже, пожалуй, немножко больше. Но я послала за вами не для того, чтобы жаловаться на свои несчастья и колики в брюхе; мне просто хотелось повидать вас, пока не поздно. Как Глэдис? Нет, ни в коем случае не привозите ее сюда. Я теперь неподходящее зрелище для маленьких девочек. Просто поцелуйте ее от меня и скажите, чтобы она была хорошей и благовоспитанной девочкой. Да, кстати я уж сразу отдам вам то, что приготовила для нее, чтобы потом не было никаких хлопот.

Передайте мне мою шкатулку с драгоценностями – вон тот ящичек из слоновой кости на туалетном столике.

Беатриса покраснела.

– Пожалуйста, не оставляйте ей ничего ценного. Гораздо лучше будет, если...

– Ну, ну, не ощетинивайтесь. Я не граблю ни жену Тома, ни своих дочерей. У них у всех столько побрякушек, что они не знают, куда их девать.

Кроме того, это не фамильная драгоценность Денверсов; оно мое собственное.

Мне кажется, я могу подарить моей крестной дочери ожерелье, если мне так хочется.

– Я думаю о Глэдис. Ей не следует иметь вещи, неподходящие к ее положению.

– Моя милая, но ведь вы не знаете, каково будет это положение. Ей можно ничего не говорить, пока она не вырастет, а тогда, если она предпочтет деньги, в ее воле будет продать камни. Ну, ладно, ладно, кладите его в свой ридикюль и хватит об том. А теперь у меня есть к вам поручение от Тома. Он советует вам с Генри списаться с одним молодым фермером, который ездит по Англии, сравнивая системы ведения хозяйства, и пишет об этом. Судя по всему, его собственная ферма не приносит дохода, однако Том о нем самого высокого мнения. Куда девалось это письмо? Я же сказала этой дуре, чтобы она положила его тут. Безмозглая курица! А, вот оно... «Мистер Артур Юнг, Северный Миммс, Хартфордшир». И дальше он пишет: «Ему бы надо посмотреть, что Телфорды сделали из Бартона».

– Что из него сделал Генри, – запротестовала Беатриса. – Если Бартон в лучшем состоянии, чем другие поместья, это потому, что Генри заботится о своих арендаторах.

– И потому, что за ним стоит умная женщина, – настолько умная, что остается в тени, предоставляя ему пожинать всю славу за свои чудеса.

Беатриса неловко засмеялась.

– Жена фермера должна помогать мужу. Но вы, вероятно, считаете меня очень самодовольной, если думаете, что наши скромные успехи кажутся мне чудесами.

– Раз уж вы об этом заговорили, – последовал невозмутимый ответ, – я скажу вам, что считаю вас самым надменным человеком из всех, кого я знаю, и, пожалуй, самым необыкновенным.

Несколько секунд Беатриса не могла подыскать ответа.

– Не понимаю, – сказала она наконец, – чем я так провинилась, что вы думаете обо мне подобные вещи.

– Ничем. Вас нельзя упрекнуть ни в дурном поведении, ни в дурных манерах; это кое-что похуже.

– Что же это?

– Богохульство. Ожесточение против создателя за то, что жизнь была к вам сурова. Брови Беатрисы поднялись.

– Разве? В чем же? Мне казалось, что меня можно назвать счастливицей.

Страшное лицо закивало ей с прежней насмешливо-одобрительной улыбкой.

– Беатриса Телфорд, неужели вы не знаете, что лгать умирающим грешно?

Или вы считаете, что умирающим не следует совать нос в чужие дела, а?

Пожалуй, что и так; не бойтесь, я не преступлю границы. Было вполне достаточно того одного раза, когда вы поглядели на меня с тысячемильной высоты и подумали: с какой стати эта старая жирная свинья сует повсюду свое рыло? Да, да, моя дорогая, было именно так. Ну, допустим, я старая жирная свинья. Что из этого? Ведь свиней создал господь, не так ли? И если они ему нужны – кто вы такая, чтобы возражать?

Старуха предостерегающе подняла руку. Она уже не шутила и внушала трепет, словно дряхлая сивилла.

– Или вы думаете, что жизнь была сурова только к Риверсам? Хотите послушать, какова была моя молодость? Первая ее половина была потрачена на то, чтобы как-то защищать младших сестер от озверевшего пьяницы, – защищать мою мать было уже поздно; а вторую я провела, рожая восьмерых детей человеку, который никогда меня не любил. Но все это в порядке вещей. А потом я научилась ценить хорошую шутку, хороший обед и хороший стакан пунша. Быть может, я любила их слишком сильно. Настанет день, когда вы тоже полюбите что-нибудь слишком сильно, и тогда – помогите вам бог! Нет, не шутку и не обед – для этого вы слишком похожи на своего отца и на святого простачка, вашего братца. И не думайте, что я имею в виду мужчину; вас погубят не плотские желания, а сатанинская гордость вашего сердца.

– Леди Монктон, – ответила Беатриса, помолчав, – я не понимаю, ни что вы говорите, ни почему вы это говорите. Я чувствую, что вы хотите предостеречь меня, но не знаю, против чего.

– Против лицемерия.

– Лицемерия? – медленно повторила Беатриса.

– Именно. Вы терпеть не можете лицемерия, я тоже, хоть мне и пришлось лицемерить всю свою жизнь. Ну а что вы такое, как не законченная лицемерка, только наизнанку?

– Я все еще не понимаю, – недоуменно сдвинув брови, ответила Беатриса.

– Лицемерка? Не спорю, – как и большинство из нас, я полагаю. Но почему наизнанку?

– Большинство из нас всю жизнь пытается убедить окружающих, что мы умнее или лучше, чем на самом деле, не правда ли? Вы же притворяетесь перед людьми глупой, а перед самой собой – скверной. Кого вы хотите обмануть?

Ангела, ведущего запись ваших грехов? Ничего не выйдет, дорогая: он жил долго,

и ему знакомы все эти штучки.

– А может быть, я на самом деле скверная, откуда вы знаете? – спросила Беатриса, глядя ей прямо в лицо. – Что вы, собственно, знаете обо мне?

Насмешливые старые глаза вдруг стали нежными.

– Только то, что вы ужасная дурочка, такая же, как все, и что я вас очень люблю.

– Почему?

Леди Монктон рассмеялась.

– Бог знает. Вы ведь не очень милый человек, если заглянуть поглубже.

Но зато настоящий.

Беатриса стиснула руки.

– Неправда. Я насквозь фальшива. Но я по крайней мере это знаю.

Бесформенная ладонь легла на ее руку.

– Так значит – поэтому. Редко кто из нас умеет это понять. Я не хотела делать вам больно. Вас, Риверсов. страшно тронуть – того и гляди потечет кровь. Девочка моя, ты очень хорошая.

Через мгновение больная с криком схватилась за живот. Ее лицо страшно исказилось.

– Опять начинается! Уходите, пока я еще не начала вопить. Нет, я не хочу, чтобы вы здесь оставались. Пусть у вас сохранится хоть то небольшое уважение, которое, быть может, я вам внушала. Ну, идите, идите и пошлите сюда мою невестку. Она будет уважать меня, как бы я себя ни вела, ибо это ее долг. Фу! Кроме того, она сама орет на весь дом каждый раз, когда рожает, а вы в таких случаях молчите, как мне говорили. Вот, в частности, разница между нами. О господи! Идите же, говорю вам. И прощайте.

После похорон лорд Монктон подошел к Беатрисе.

– Миссис Телфорд, я хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали для моей матери.

– Но... я ничего не сделала.

– Вы скрасили ее старость. Она сказала мне это, умирая. Я в долгу перед вами и буду рад, если мне представится случай отблагодарить вас.

– Вы ошибаетесь, – ответила Беатриса дрогнувшим голосом. – Это я в долгу перед ней. Она сказала мне правду.

Его безобразное лицо осветилось чарующей улыбкой.

– Это показывает, какого мнения она была о вас.

Он крепко пожал ей руку и ушел.

Она никогда раньше не чувствовала, кем была для нее эта насмешливая старуха. Теперь, в приливе неожиданного отчаяния, она поняла, что потеряла настоящего друга.

Однажды днем, вскоре после смерти леди Монктон, шум ссоры в передней заставил Беатрису выйти из кабинета. Дик и Бобби, оба красные и заикающиеся от злости, стояли друг против друга. Оба были в такой ярости, что их лица стали безобразными, а голоса визгливыми. В ту минуту, когда она открыла дверь, они начали драться.

– Бобби! Дик! Прекратите немедленно! Мелькающие кулачки опустились, но у нее зазвенело в ушах от двух сердитых голосов.

– Пожалуйста, по очереди. Бобби, пусть Дик расскажет первым. Ну, Дик, только говори спокойно.

Она терпеливо слушала его, иногда задавая вопросы, но сама ничего не говорила, пока он немного не остыл.

– Ну, если ты без спроса взял у Бобби змея, а потом упустил его, по-моему нужно было попросить прощения, а не кричать на него.

– Я нечаянно упустил! Я бы попросил прощения, только он стал на меня кричать. Он первый начал.

– Нет, Дик. Первым начал ты, потому что потерял его змея. Не думаешь ли ты, что тебе следует извиниться перед Бобби? Дик с неохотой извинился.

– Хорошо; а теперь пойд и поищи змея, он мог упасть в поле. И в следующий раз веди себя потише. Помни, что ты старше и должен подавать пример.

Он ушел. Бобби стоял неподвижно, опустив голову, и тихонько плакал.

– Ступай к себе в комнату, Бобби. Мне стыдно за тебя. Я думала, что ты джентльмен.

Она сделала несколько шагов к двери.

Как это было несправедливо! Она не дала ему сказать ни слова и безоговорочно поверила Дику. Дик был виноват гораздо больше, а она наказала Бобби. Она поступила так впервые за все эти годы. Если Бобби обидится, он будет прав. Но нельзя изменять распоряжение. Раз отданное, оно должно быть выполнено. Даже если это оттолкнет...

Она остановилась, судорожно сжав руки.

Бобби перестал плакать. Он медленно подошел к ней, несколько мгновений молча смотрел на нее, потом протянул руку и погладил ее локоть.

– Бедная мамочка.

Ничего больше не сказав, он пошел наверх. Она медленно вернулась в кабинет, села и вдруг отчаянно зарыдала.

Бедный, бедный мальчик! Придет день, и он поймет, каков этот мир. Если бы он умер, не успев потерять веру в людей... Если бы он умер прежде, чем узнал это, и она вместе с ним...

Злобный демон презрения к себе, которого она почти победила, снова вынырнул из прошлого.

"Подлая трусиха! Разве не всем суждено рано или поздно узнать это?"

Ладно – скажем, всем, за исключением таких людей, как Генри, которые живут себе тихонечко за чужой счет. Ну а Бобби для начала пусть поймет, что такое ты, и переживет это разочарование. Да, тебя ожидает приятная, спокойная старость, моя милая".

На следующий день она написала Уолтеру о ссоре и о том, как неожиданно принял мальчик ее несправедливость. О буре чувств, которая поднялась в ней после этого, она ничего не написала. Проклятие безмерной материнской любви касается только ее самой, и она сама должна нести эту ношу. Уолтеру хватает и своего горя.

«Кто прекраснее всех птиц?» «Мои дети», – сказала ворона.

Ей не хочется приставать к нему со всякими сентиментальными глупостями, но ей очень нужен его совет. Сказать ли Бобби прямо, что она была неправа?

Сама она предпочла бы искренность. Горечь несправедливой обиды может, по ее мнению, посеять в душе ребенка опасные семена. Если это чувство будет мучить ее, оно может даже испортить его отношение к Дику. С другой стороны, не закрепит ли ее признание в его памяти то, о чем он иначе скоро забыл бы?

"Хуже всего то, – писала она, – что я даже не вспомнила, как дороги для Бобби змеи. Меня рассердило, что из-за простой случайности он так скверно себя ведет. Но не думаю, чтобы он в такой степени вышел из себя из-за какой-нибудь другой игрушки. В нем развивается настоящая страсть ко всему, что летает, плывет или парит в воздухе, – будь то облако или тополиный пух.

Все это словно зачаровывает его. Я думаю, он, когда вырастет, займется опытами с воздушными шарами, или станет орнитологом, или просто мечтателем, воспевающим в стихах пушинки одуванчика".

Уолтер в своем ответе тщательно взвесил все возможные линии поведения и их предполагаемые результаты. Он закончил письмо советом – ничего не предпринимать. – "Ты обычно так справедлива, что одна твоя случайная ошибка вряд ли оставит глубокий след в душе Бобби. Если ему не напоминать, он скоро забудет обо всем случившемся; а разрушив его детские иллюзии прежде, чем он найдет им какую-нибудь замену, ты можешь причинить ему непоправимый вред. Пусть он остается ребенком, пока может. Он и так скоро узнает, что даже матери не всегда непогрешимы.

К счастью, сезон запуска змеев кончается, а в апреле я пришлю ему ко дню рождения большого змея. Пока же я рекомендую тебе немедленно заняться теорией парения предметов в воздухе, а также почаще пускать с Бобби мыльные пузыри и разговаривать с ним о них".

В день своего девятилетия Бобби получил от дяди чудесного змея. Он, сияя, принес его матери и увлеченно принялся описывать все его достоинства, а она подумала, что Уолтер оказался дальновиднее ее.

Однажды в солнечный июньский день, когда Беатриса сидела в своем кабинете, по ее книге скользнула тень змея; она подняла глаза и улыбнулась.

Сквозь стеклянную дверь террасы она увидела, что Бобби стоит на лужайке, закинув каштановую голову, и в упоении следит за полетом любимой игрушки.

Она вышла на террасу и остановилась на верхней ступеньке крыльца, глядя на него

так же, как он глядел на змея.

Неожиданно во дворе за живой изгородью раздались крики и шум. Оттуда нередко доносились голоса работников, но на этот раз в них была тревога.

Наверное, что-то случилось... На скотном дворе? Эти страшные тисдейлские быки... Надо позвать ребенка домой.

– Бобби, иди сюда, скорее!

Он не ответил, все его внимание было поглощено змеем. Огромный призовой бык, гордость Генри, перепрыгнул через калитку и с мычанием понесся по саду.

– Бобби!

Она кинулась по ступенькам вниз на лужайку, и ее испуганный крик слился с криком мальчика. Теперь он бежал к ней, зацепился за нитку змея и упал.

Беатриса упала на него, прикрывая его своим телом. В следующее мгновение, отброшенная в сторону, она ударилась спиной о гравий дорожки. Прежде чем все померкло, она увидела, как бык поднял мальчика на рога и бросил его себе под ноги, и услышала...

Она очнулась с воплем – ей снова чудились бык и Бобби. Два дня она никого не узнавала. Наконец врач сказал Генри, что сознание вернулось к ней и она зовет мужа. Он может на несколько минут войти к ней, но должен держаться очень спокойно и ничего ей не рассказывать.

Генри, изменившийся до неузнаваемости, на цыпочках вошел в спальню и с трепетом остановился около кровати.

– Тебе лучше?

Ее голос был таким же безжизненным, как и ее лицо.

– Можешь от меня ничего не скрывать. Я видела. Бобби убит.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I

– Она когда-нибудь станет прежней? Как ты думаешь? – спросил Генри.

Уолтер молчал. У него не хватало духу сказать «нет», и он не решался сказать «да».

Со дня несчастья – вот уже десять месяцев – он почти все время жил в Бартоне, потому что был последней опорой рушившегося дома. Бедняга Генри, неожиданно столкнувшийся лицом к лицу с суровыми требованиями жизни, от которых его столько лет ограждали, был беспомощен, как пес, потерявший хозяина.

Физически Беатриса чувствовала себя лучше, чем можно было ожидать.

Первые полгода она не вставала с постели, но теперь уже была в состоянии без посторонней помощи передвигаться по комнате. Правда, не было никакой надежды, что она когда-нибудь сможет ходить быстро и помногу, – кроме ушиба позвоночника, у нее было еще неизлечимое внутреннее повреждение, от которого, по мнению доктора, ей предстояло страдать всю жизнь. Однако паралич ей больше не грозил, и доктор утверждал, что в течение следующего года она постепенно сможет все больше и больше заниматься делами.

Но было сомнительно, пожелает ли она чем-нибудь заниматься. Казалось, пережитое потрясение превратило ее в другого человека. Твердая воля, на которой в течение всей ее замужней жизни держался Бартон, теперь бесследно исчезла. Ее ум был по-прежнему ясен, и когда удавалось на несколько минут привлечь ее внимание к каким-нибудь домашним или иным проблемам, она разрешала их с прежней легкостью. Но стоило внешнему давлению ослабеть хоть на минуту, как ее интерес угасал и она вновь становилась странно, пугающе равнодушной ко всему. Она, как и раньше, была мягка и рассудительна и даже стала как-то по-новому ласкова с мужем и детьми. Но в то же время их благополучие, казалось, больше не заботило ее, и она охотно перекладывала свои обязанности на всякого желающего.

Знаменитый лондонский врач, которого пригласили зимой для консультации, сперва был несколько удивлен горестным отчаянием мужа и брата. Ее состояние казалось ему вполне естественным для «типично женственной женщины». Он изумился, узнав, что она бросилась между ребенком и быком. «Замечательно, сказал он, – какую силу имеет материнский инстинкт». И только когда Уолтер показал ему ее библиотеку, он понял, насколько ошибся в оценке характера своей пациентки.

В конце концов он пришел к заключению, что, хотя исход еще неясен, есть все основания надеяться на полное душевное выздоровление. «Иногда, объяснил он, – подобного рода потрясения приводят к устойчивому изменению характера, но это бывает редко и обязательно связано с повреждением мозга. К счастью, в данном случае голова не пострадала. Я полагаю, что уже в ближайшие недели вы заметите некоторое улучшение». Но он приезжал в ноябре, теперь был май, а Уолтер все еще не замечал никаких перемен. В глубине души он порой опасался, что у нее начинает развиваться наследственная меланхолия.

– Теперь, когда установилась теплая погода, – сказал семейный врач, перемена обстановки и морской воздух, я думаю принесли бы миссис Телфорд большую пользу.

Для Генри морской воздух означал Брайтхелмстон. Сияя, он отправился с этим предложением к жене.

– Доктор Джеймс понимает свое дело. Знаешь что: мы остановимся в том же отеле и закончим медовый месяц, который нам пришлось тогда прервать.

Чудесная мысль! Морской воздух – это лучшее лекарство.

Беатриса, испытывая только тень давнего отвращения, пробормотала, что ей никуда не хочется ехать. Уолтер, сидевший подле нее, внимательно посмотрел на сестру и ничего не сказал.

– Послушай, родная, – настаивал Генри, – доктор Джеймс советует тебе сделать усилие.

Она устало улыбнулась. Стоит ли беспокоиться и делать усилия? Ради чего? Генри

продолжал перевозносить прелести Брайтхелмстона.

– Да, – согласилась она, – морской воздух – это хорошо... Если бы только можно было дышать им вдали от людей и шума... Поезжай один, Генри, мне не нужно ничего, кроме покоя.

– Би. – сказал Уолтер, – а почему бы тебе не поехать погостить у меня в Корнуэлле? Ты найдешь там полный покой. Фанни приедет только в августе, а если воздух Каргвизиана тебе не поможет, то, значит, не поможет и никакой другой.

Да, ему удалось заинтересовать ее.

– Мой дорогой Уолтер! – запротестовал Генри. – Что за нелепый план тащить больную в такую даль...

– Это не такое уж трудное путешествие. Она может ехать не спеша.

– Ну, хорошо, ты привезешь ее туда, и что она там найдет? Лачугу в голой пустыне?

– Летом она не такая уж голая. Генри. Она одета в зеленый, золотой и пурпурный наряд, в ней жужжат пчелы, поют птицы. А Маунтстюарты построили для своей бабушки совсем не лачугу. Это очень удобный домик; меньше вашего, конечно, но ничуть не хуже.

– Но кто будет ухаживать за ней? Твой сумасшедший уэльсец?

– Она может привезти Эллен. У нас есть свободная комната. А Повис замечательный слуга, ей будет очень удобно. У каменоломен, всего в семи милях от нас, живет очень хороший врач.

– То есть как это? – удивился Генри. – Как он умудряется не умереть с голоду в этой трижды забытой богом глуши? Я думал, что у вас там есть в лучшем случае знахарка.

– Сначала и я так думал. Но леди Маунтстюарт, которой принадлежит по крайней мере девять десятых всей округи, очень заботится о своем здоровье.

Кроме того, она весьма практична, если не сказать – скуповата, и считает, что выгоднее держать хорошего врача поблизости от своего поместья, чем каждый раз привозить его из Лондона. Доктор Томас – местный уроженец, имеет небольшое состояние и страстно любит охоту. Несколько выводков дичи и дом, который все равно пустовал, старухе ничего не стоят, а он взамен голосует за ее кандидатов и лечит ее служащих, живущих в поместье. О здоровье рабочих каменоломен и рыбаков, которые платят ей аренду, она не позаботилась, так что, заболев, они умирают без всякой помощи, если только Томас не лечит их из жалости. Все это обычная беда больших поместий, в которых не живут владельцы.

– Ну, если он действительно хороший врач, это, разумеется, меняет дело.

– Конечно. Вопрос только в том, нравится ли Би мое предложение.

Она подняла на него глаза.

– Мне кажется, что только это может принести мне какую-то пользу. Если бы я могла остаться совсем одна... у моря... Да, я согласна.

– Любимая, ты просто не представляешь, как одиноко тебе будет. Подумай только

– целый день не с кем словом перемолвиться... ах, да – там будет Уолтер.

– А я буду молчать, – сказал Уолтер. – Мы поставим твою кушетку у большого окна, которое выходит на море, и, если тебе захочется тишины, будем на цыпочках приносить тебе поднос с едой и на цыпочках уходить, держа рот на замке. И ты за весь день не услышишь ничего, кроме шума волн и пенья птиц.

Генри покачал головой. Он не мог понять, как можно предпочитать уединение обществу тех, кто тебя любит.

– Не отговаривайте ее, – посоветовал ему Уолтер, когда они остались одни. – Это первое желание, которое она высказала. Не важно, чего она хочет, – важно, что она наконец чего-то захотела. Как бы то ни было, попробуем на месяц, а там видно будет.

Он немедленно уехал в Корнуэлл и через десять дней написал, что все готово к приему больной и ее горничной. Кучер сможет жить на ближайшей ферме и каждый день приходить за распоряжениями.

Генри, очень расстроенный, но покоровившийся, не отходил от жены и бесконечными советами и предостережениями мешал ей укладываться. Но хлопотливые сборы были наконец закончены, и карета тронулась.

– Не разговаривайте со мной, Эллен, – сказала Беатриса. – У меня очень болит голова.

В Каргвизиан она приехала совсем измученная и несколько дней отдыхала; она почти все время молчала, но, судя по всему, была довольна. Затем к ней мало-помалу начали возвращаться силы. Но ей, видимо, по-прежнему хотелось быть одной, и Уолтер, чтобы не докучать ей, почти все время работал в своем кабинете – бывшем каретнике вдовствующей леди Маунтстюарт. Теперь это была библиотека, обставленная с монашеской простотой и соединявшаяся с домом крытой галереей. Когда приезжала Фанни, дверь галереи запиралась на замок.

Беатриса скоро начала гулять – сначала около дома, а потом и по ровной дорожке на вершине утеса. Ее брат часто видел из своего окна, как она следит за танцем голубых мотыльков над армерией и горицветом у края обрыва. А иногда она ложилась на вереск, закрывала глаза и слушала хриплые крики чаек, перебивавшие восторженные дисканты жаворонков и нескончаемую басовую ноту прибоя.

Через три недели после своего приезда она вошла в кабинет Уолтера.

– Дай мне что-нибудь почитать.

На следующий день у залитого солнцем окна было поставлено удобное кресло, и Беатриса все чаще стала заходить к Уолтеру, чтобы посидеть около него с книгой, пока он работал. Он никогда не заговаривал с ней первым.

– Это твоя книга о камнях друидов? – спросила она однажды. – Та, над которой ты работал в прошлом году?

– Последние четыре года; и мне нужно еще два или три, чтобы окончить ее.

– Ты не прочтешь мне из нее что-нибудь?

У Уолтера перехватило дыхание. В этот вечер он написал Генри, что они

поступили правильно, – он в этом окончательно убедился. "Она возвращается к жизни. Бывают минуты, когда она кажется совсем прежней.

Генри немедленно написал Беатрисе, спрашивая, когда она думает вернуться домой. Она показала письмо брату.

– Мне хотелось бы остаться здесь, пока нам не грозит приезд Фанни, если вы с Повисом согласитесь терпеть такую обузу. Но ведь Генри придется трудно, если я не вернусь в июле, когда начинаются школьные каникулы. А мальчикам понадобится...

Она со вздохом остановилась.

– Глэдис отлично живет под присмотром миссис Джонс. Но мальчишки... я так долго не занималась ими. А кроме того... когда Генри остается один и на душе у него мрачно, он... Уолтер, скажи, он много пил, пока я была больна?

– Нет, милая; я следил за этим. Не надо беспокоиться, обо всех заботились как следует. Но если ты настолько окрепла, что можешь снова увидеться с ними, почему бы им не приехать сюда, когда занятия в школе кончатся? Мне очень не хочется тебя отпускать. Здешний воздух – единственно, что оказалось по-настоящему полезным для тебя.

– Но ведь их негде поместить.

– Я могу устроить их на ферме в четырех милях отсюда. Там у них будут чистые постели и простая здоровая пища. Может быть. Генри и мальчишки приедут сюда верхом; тогда они великолепно проведут каникулы, катаясь по окрестным холмам. Я напишу Генри, хорошо?

К этому времени Генри был так измучен одиночеством, что согласился бы на что угодно, лишь бы снова увидеть жену, с которой расстался в первый раз со дня их свадьбы. А Гарри и Дик уже с восторгом предвкушали, как они будут кататься на лодке вдоль диких берегов и скакать на своих пони по вересковой равнине.

Беатриса прочла их ответы Уолтеру, которого она застала за разборкой бумаг на письменном столе.

– Если хочешь прогуляться, – сказал он, – то мы можем съездить к холмам и там снять для них комнаты на ферме. Оттуда совсем недалеко до камней друидов, которые тебя интересовали. Но, пожалуй, сегодня немного жарко для прогулки?

Вошел Повис с завтраком Беатрисы – стаканом молока и гоголь-моголем.

– Нет, – ответила она. – Я не боюсь жары, а погода сегодня такая ясная, что с холмов должен открываться великолепный вид.

– Так, значит, мы едем к камням друидов. Повис, когда придет Робертс, скажите ему, что днем нам понадобится карета.

Повис, застыв, словно солдат на часах, хмуро глядел на своего хозяина.

Уолтер продолжал, разбирать бумаги. Он спросил, не оборачиваясь:

– Вам что-нибудь нужно?

Повис взял пустой стакан и сердито вышел, что-то бормоча себе под нос по-валлийски.

Беатриса улыбнулась.

– Какой странный человек – всегда ворчит. Но он действительно идеальный слуга. Он никогда ничего не забывает. Через два часа в дверь постучала Эллен.

– Прикажете мне накрывать на стол, сэр? Повис еще не вернулся.

– Разве он ушел?

– Да, сэр. Как отнес барыне гоголь-моголь, так сразу и ушел.

– Куда?

– Он не сказал, сэр. По-моему, на него какой-то стих нашел.

Беатриса подняла брови. Она всегда внимательно относилась к своим слугам, но никто из них не посмел бы отлучиться, не спросив разрешения или не предупредив, только потому, что на него «нашел какой-то стих».

Когда они кончали обедать, она поглядела в окно и сказала:

– Вон он идет. И, кажется, пьяный.

– Он не пьет. Почему ты решила... А!

Уолтер вскочил и бросился к дверям. Повис, красный, как свекла, странно пыхтя и покачиваясь, торопливо поднимался по обрывистой тропе.

– Повис! Стойте! Не двигайтесь!

Впервые в жизни Беатриса слышала, чтобы ее брат говорил таким тоном.

Повис сразу остановился и ждал, пошатываясь и тяжело дыша. Уолтер кинулся в дом, поспешно достал из буфета бутылку, схватил со стола невымытую чашку, налил в нее коньяку и снова выбежал.

– Выпейте и не шевелитесь.

Одной рукой он обнял Повиса за плечи, а другой нащупал его пульс.

– Теперь можете войти в дом, – сказал он через некоторое время. – Только медленно.

Все еще сурово хмурясь, он повел Повиса к крыльцу. Беатриса встретила их на пороге.

– Я могу чем-нибудь помочь ?

– Нет, спасибо, Би. Опасности больше нет.

– Извините меня, сударыня, – начал было Повис, но Уолтер остановил его:

– Не разговаривайте.

Он проводил своего пленника в комнату и уложил его на кушетку. Прошло несколько минут, прежде чем он вернулся к сестре. Беатриса услышала, как он сказал, прикрывая дверь:

– И не шевелитесь, пока я не вернусь.

– Что с ним, Уолтер?

– Он перенапрягся, а у него слабое сердце. Когда-нибудь это плохо кончится. И он знает об этом.

– Его, наверное, надо показать врачу?

– Конечно. Мы пошлем Робертса с каретой в Тренанс, чтобы он подождал там, пока доктор не освободится. К сожалению. Би, нашу сегодняшнюю поездку придется отложить.

– Разумеется. Но не могу ли я тебе все-таки чем-нибудь помочь?

– Нет. Мне и раньше приходилось иметь дело с его припадками. Теперь он вне опасности. Но нам придется попросить Эллен на несколько дней уступить ему свою комнату и пока переселиться на чердак. Ему нельзя подниматься по лестнице. Тебе лучше прилечь отдохнуть, дорогая.

Когда она ушла, он снова осмотрел больного, открыл дверь на кухню и попросил Эллен сварить овсяной каши, а потом прошел к себе и работал около часа. Когда он принес овсянку в гостиную, Повис, который уже немного оправился, открыл глаза и злобно уставился на своего хозяина, словно собака, готовая укусить.

– Вам лучше?

– А кто сказал, что мне было плохо?

– Ну, так ешьте свою овсянку. И не смейте вставать, пока вас не осмотрит доктор.

– Я не желаю, чтобы возле меня болтались всякие доктора.

– Может быть, но он вас все-таки осмотрит. А теперь слушайте. Повис.

Если не хотите, можете не рассказывать мне, что произошло. Но в следующий раз, когда у вас возникнет желание уйти, сообщите мне об этом. Эллен или я займемся обедом, и вам не придется взбираться на холм бегом. Если вам трудно запомнить предупреждение доктора, то постарайтесь по крайней мере не забывать, что миссис Телфорд совсем недавно оправилась от тяжелой болезни.

Ей вредно беспокоиться из-за того, что кому-то захочется ни с того ни с сего устроить себе сердечный припадок.

Повис, фыркнув от ярости, сел на кушетке.

– Ни с того ни с сего! Еще бы! Ей вредно! А, по-вашему, ей было бы полезно встретиться в жаркий день с бешеным быком? После того, что с ней случилось... Умно, нечего сказать.

– С каким быком?

– Он еще спрашивает, с каким быком! Я своими ушами слышал, как вы говорили, что повезете ее к камням друидов. А как туда проехать, если не по земле фермера Мартина? А может, вы не знаете, что он на днях купил рыжего девонского быка? И выпустил его пастись на равнину. Теперь везите ее туда на здоровье. Эта скотина в хлеву и останется там до утра. Но, я думаю, лучше поезжайте другой дорогой, чтобы она не услышала его мычания.

– Понимаю, – сказал Уолтер, быстро прикидывая: почти девять миль в оба конца, крутая дорога в гору, палящее солнце...

– Он понимает! Очень рад, что вы наконец что-то поняли! Просто удивительно, что вы не даете мне прибавки к жалованью, раз уж мне приходится столько понимать за вас.

– Я дам, если хотите, – невозмутимо сказал Уолтер. – Сколько?

Это, судя по всему, оказалось последней каплей. Повис снова улегся и повернулся лицом к стене.

– Еще одна глупость. Лучше поберегите деньги, чтобы купить себе приличный воскресный костюм, он вам давно уже нужен. Тогда вы, может, хоть разок зайдете в храм божий, как следует доброму христианину.

Уолтер улыбнулся.

– Вы ходите за меня.

– Не первый раз мне придется что-то делать за вас, – огрызнулся Повис.

– Да, – сказал Уолтер, – и мне не хотелось бы, чтобы он был последним.

Поэтому лежите смиренно и съешьте овсянку сами, а то мне придется кормить вас с ложечки, как маленького. Помните, Повис, это приказ. Я вовсе не хочу сидеть с вами всю ночь.

Повис пробурчал что-то по-валлийски. Только родной язык мог выразить обуревавшие его чувства.

В кабинете Уолтера ждала сестра. Он с усталым вздохом опустился на стул. Поглядев на него, она встала.

– Эллиен приготовит тебе чашку чая; ты совсем измучен.

– Это все Повис. Когда Фанни оставляет меня в покое, начинает он.

– Ты выяснил, что произошло?

– Да. Я забыл то, чего не должен был забывать, и он прошел восемь с половиной миль под палящим солнцем, чтобы исправить мой недосмотр, а потом бегом поднимался в гору, так как наш обед запаздывал.

– Но почему он тебя не предупредил?

– Потому что рассердился на меня. Видишь ли, я своего рода божок и не имею права ошибаться.

– Дорогой мой, это очень трогательно, но разве ты не можешь объяснить ему, что тебе было бы легче жить, если бы он одобрил свою преданность небольшой дозой здравого смысла?

Губы Уолтера тронула обычная терпеливая улыбка.

– Нам обоим жилось бы легче, если бы в нем было меньше преданности и уэльского упрямства. Но он таков, каков есть, и нам обоим остается только терпеть до тех пор, пока однажды его большое сердце не разорвется, когда он будет оказывать мне какую-нибудь ненужную услугу. А это случится рано или поздно, и виноват буду я.

– Уолтер, не внушай себе, что всегда и во всем виноват ты. Раз он так упрям...

Он рассмеялся с легкой горечью.

– Ну, хорошо, в таком случае виновата моя несчастная судьба. Очевидно, мне суждено внушать привязанности, которых я не ищу и на которые не могу ответить. Ну,

я... хорошо отношусь к Повису, за исключением тех случаев, когда он слишком испытывает мое терпение, как, например, сегодня... а он в любую минуту готов умереть за меня. И хуже всего то, что для этого нет никаких оснований. На моем месте всякий сделал бы для него то же; это было, когда он заболел в Лиссабоне. Просто я случайно оказался там.

– И просто сумел понять, а это сумел бы далеко не всякий. Ну, я полагаю, вы с Повисом сами должны устраивать свою жизнь. Но только не думай, пожалуйста, что Фанни тоже страдает от неразделенной любви. Она просто неспособна любить кого-нибудь или что-нибудь, кроме себя, – очень удобное свойство.

– Ты уверена? Если бы и я мог поверить, это освободило бы меня. Я с удовольствием отдал бы ей две трети всего, что у меня есть. Но я не хочу повторять мою ошибку... – Его голос прервался, – Такой я считал маму...

– И ты был прав!

Ее неожиданная ярость заставила его поднять голову .

– Би, неужели ты не можешь простить? Даже теперь?

– Ни теперь, ни потом. Уолтер, ты, может быть, святой – иногда я в этом даже уверена; но я не святая.

– Далеко не святой, дорогая; ты убедилась бы в этом, если бы хоть что-нибудь знала обо мне. Но с тех пор как мама умерла, я, пожалуй, понимаю ее немного лучше, чем ты. Прежде она казалась мне такой же, как тебе.

– А теперь?

– А теперь она для меня – бедная тень, бродящая в преддверии ада и молящая о прощении. Тень женщины, которая была жертвой Афродиты Кипрской.

– А тени ее жертв ты тоже видишь?

Он помолчал, прежде чем ответить.

– Би, а ты уверена, что тени, которые ты видишь, – не порождения твоей собственной обиды?

Она растерянно и удивленно посмотрела на него. Он продолжал, глядя в сторону:

– Я никогда не спрашивал и не пытался догадаться, что ты увидела, перенесла или узнала перед своим замужеством. Я знаю, это было что-то чудовищное, иначе твоя юность не увяла бы в девятнадцать лет. Но что бы это ни было – все уже давно позади, теперь это больше не имеет значения.

– Теперь больше ничто не имеет значения. – По ее лицу пробежала судорога. – Это призрак того, о чем я никогда не расскажу ни тебе, ни кому-нибудь другому. Но он стоял между мной и Бобби; а теперь Бобби умер, и слишком поздно что-нибудь менять.

– Глэдис жива. И настанет день, когда ты поймешь, что любишь Гарри и Дика. И даже Генри.

Несколько минут она сидела неподвижно, глядя в пол, потом встала и вышла из комнаты. Впервые со времен их детства он увидел на ее глазах слезы.

ГЛАВА II

Когда наступили школьные каникулы, Генри привез сыновей в Каргвизиан.

Хотя в глубине души его несколько смущали неудобства жизни на ферме, он готов был примириться со всем. Он не осмеливался даже мечтать, что найдет Беатрису настолько оправившейся, и когда мальчики стали жаловаться на невкусную еду и неудобные постели, чувство безграничной признательности судьбе заставило его отчитать их с неожиданной строгостью.

Дядя Уолтер, сказал он им, да если уж на то пошло, и Повис тоже оказали их семье такую услугу, что они все теперь в неоплатном долгу перед ними.

Несомненно, помещение, которое для них подыскали, – лучшее из тех, какие можно здесь найти, и ворчать – значит быть невоспитанным и неблагодарным.

Гарри и Дик покорились без особых возражений. А потом они обнаружили, что, вдоволь накатавшись верхом по вересковым равнинам и надышавшись соленым воздухом, они способны с жадностью уплетать неаппетитные корнуэллские паштеты и «глазастые» рыбные пироги, а на куче душистого папоротника, покрытого старенькими, но чисто выстиранными одеялами, совсем неплохо спать.

Но их воспитанности предстояло выдержать более тяжкое испытание.

Последние две недели они день и ночь мечтали о катанье на лодке. Для своего возраста оба были неплохими гребцами и все это время блаженно грезили о том, как ловко они будут проводить лодку через бурлящие водовороты, между грозными рифами, а по возвращении в школу скромно рассказывать о своих приключениях восхищенным и сгорающим от зависти приятелям. Теперь они узнали, что катанье на лодке в Каргвизиане означает позорную роль пассажиров.

– Мне очень жаль, – сказал им дядя, – но вам не придется пользоваться лодкой так часто, как я надеялся. У Повиса был сердечный припадок, и доктор пока запретил ему прикасаться к веслам.

– Но, дядя Уолтер. Повис нам не нужен! Мы с Диком умеем управлять лодкой.

– На спокойной реке, а это побережье Корнуэлла. Здесь можно выезжать в море, только хорошо зная все местные течения. Я и сам редко катаюсь один и, разумеется, не могу разрешить вам так рисковать. Я послал бы с вами Повиса, чтобы он вам указывал, как и куда грести, если бы был уверен, что он сам не возьмется за весла.

Он не прибавил вслух: «И если бы я был уверен, что вы будете его слушаться». В прошлом году он разрешил бы им это. Мальчики были хорошо воспитаны и с детства привыкли к послушанию, но из-за долгой болезни матери требовательность и дисциплина в семье ослабели.

– Значит, мы так и не покатаемся?

– Боюсь, что сегодня нет. Завтра, если удержится ясная погода, я попробую сговориться с кем-нибудь из рыбаков, чтобы он вас покатал. К несчастью, все они сейчас очень заняты. На днях ожидается ход сардин, и когда они появятся, у рыбаков каждая минута будет на счету. Сегодня на заре они разослали по скалам дозорных, и

ни одна семья не захочет пожертвовать своей долей улова. Ведь это для них главный источник дохода. Но у старика Полвида несколько сыновей; может быть, он обойдется без одного из них.

На следующее утро Уолтер познакомил своих племянников с грязным уродливым парнем лет восемнадцати. У него было угрюмое перекошенное лицо и отвислая нижняя губа.

– Это Джейбс Полвил. Он покатает вас вдоль утесов, если вам хочется поглядеть на них снизу.

Гарри и Дик, вежливо скрывая свое разочарование, обменялись быстрыми взглядами, благовоспитанно поблагодарили дядю и спустились к морю в сопровождении навязанного им проводника. Но одной поездки оказалось более чем достаточно.

– Дядя, – сказал Гарри на следующее утро, – может быть, теперь, когда мы узнали все опасные места, вы позволите, нам погрести самим? Совсем не весело ездить с этим слабоумным. Он даже не понимает, чего от него хотят.

– И от него воняет! – с дрожью отвращения добавил Дик. – Хуже, чем от лисицы! Дядя Уолтер, в поселке они все такие противные?

– Нет, но одни готовят сети и бочки для лова сардин, а на других нельзя положиться. Я согласен, что Джейбс не особенно привлекателен, но он хорошо знает здешние рифы. И он всегда исполняет то, что ему приказано.

– Не всегда, – сказал Гарри. – Помните, вы сказали ему, что нам можно причалить и сходить в пещеру? Ну а он провел лодку мимо заливчика и как мы с ним ни бились, не захотел повернуть туда. Мы ему говорили, что сами слышали, как вы позволили, а он знай себе бормочет «не годится» да «не годится» и пучит на нас глаза, словно рыба на песке.

– Какая это была пещера?

– А здесь их много? Я не знал. Она расположена довольно высоко, но мы без труда добрались бы до нее. Подъем совсем легкий.

– Я говорил о другой пещере. Джейбс знал, что в эту я не пустил бы вас ни в коем-случае. Два года тому назад его двоюродный брат разбился там, собирая яйца чаек. А в этом безопасном заливчике такое течение, что тело плавало там три дня, прежде чем удалось ввести туда лодку.

Кулак Генри тяжело опустился на стол.

– И больше никаких разговоров. Вы будете кататься с провожатым, которого нашел для вас дядя, и слушаться его – или ноги вашей не будет в лодке. И я запрещаю вам лазать по этим чертовым скалам, с пещерами или без пещер. У вас найдется много других забав.

Мальчики молчали, пока Уолтер не ушел в свой кабинет; затем Дик снова заговорил о том же:

– Папа, а что нам, собственно, делать, кроме катанья верхом, если нельзя ни ездить на лодке, ни лазать по скалам, ни купаться, ни бегать?

– Ты говоришь чепуху, Дик; бегайте себе на здоровье. И, по-моему, ваш дядя

сказал, что в определенные часы прилива вам можно купаться.

Гарри рассмеялся.

– Купаться! Он велел провести красную черту на камне в тридцати ярдах от берега и запретил нам заплывать дальше. А когда мы вчера хотели потренироваться в беге на подходящей ровной полосе плотного песка под утесом, он и этого не позволил: сказал, что начинается прилив. А времени было еще много. Дядя Уолтер, кажется, считает нас девчонками.

Дик не удержался и фыркнул, но гневный голос отца заглушил его смех.

– А мне кажется, что ваш дядя и так делает для вас очень много и не видит никакой благодарности. Постыдились бы! Гарри сердито покраснел.

– Конечно, сэр, мне очень неприятно, что вы считаете меня неблагодарным. Я знаю, что дядя Уолтер очень добр к нам, но, право же, ему всюду чудятся опасности.

Мягкий голос его матери прозвучал в первый раз за все время разговора:

– В том, чтобы помочь Повису разбивать новый огород, нет ничего опасного. Он сейчас работает там, и вы можете убирать камни и таскать землю, пока я вас не позову. И скажите ему, что я послала вас заняться делом.

Она посмотрела на часы, и мальчики молча вышли из комнаты. Генри глубоко вздохнул. Прошел целый год с тех пор, как этот мягкий неумолимый голос в последний раз наводил порядок в семье.

Целый час юные грешники занимались искупительным трудом, перевозя землю на тачке и таская камни под неодобрительным взглядом Повиса, пока наконец не увидели, что их мать выходит из дома с книгой в руке. Она подошла к ним с прежним обманчивым видом спокойного дружелюбия.

– Повис, мистер Риверс хотел бы, чтобы вы пошли прилечь. О, как вы много сделали! Наверное, мальчики вам очень помогли. Гарри, дядя Уолтер говорит, что начинается отлив. Если вы с Диком хотите потренироваться на песке, до чая у вас достаточно времени.

Она по-прежнему улыбалась, когда они сломя голову помчались к морю по крутой и скользкой тропинке. Нет, нельзя, чтобы они видели... Запрещай все по-настоящему опасное, но пусть они не догадываются, как сжимается твое сердце даже при самом ничтожном риске. В их возрасте естественно играть с опасностью, и им не пришлось пережить...

Когда они благополучно добрались до берега и, уже забыв все обиды, повернулись, чтобы помахать ей, она весело помахала им в ответ. Затем она прошла к своему любимому месту около огромного серого валуна и легла в его тени на цветущий вереск.

Она очнулась, услышав столь редкий здесь стук колес. Двуколка, подпрыгивая по каменистой дороге, проехала за валуном и остановилась у дома.

Наверное, к Уолтеру неожиданно приехали по делу. Скорее всего опять управляющий леди Маунтстюарт. Он уже приезжал однажды – грубый и глупый субъект, похожий на борова. Уолтер пожаловался ему на полевого сторожа, который ставил на его земле стальные капканы, ломавшие кроликам ноги, и управляющий вел

себя очень нагло. Она подождет.

Вот он уже и уехал – двуколка спускается с холма.

На повороте дорожки она встретила брата. Между его бровями глубоко залегла давно знакомая складка усталости.

– Би, милая...

Она остановилась.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего серьезного, но... приехала Фанни.

– Фанни? Я думала, она приедет не раньше конца августа.

– Я тоже. Это... неожиданный визит. Видишь ли...

– Намеренно неожиданный?

– Да. Помнишь управляющего, который приезжал сюда три недели назад?

– Ну и что же?

– Дело в том, что он увидел тебя на кушетке, когда Повис открыл дверь, чтобы отнести тебе чай, и, сделав некоторые выводы, поделился ими со священником в Тренансе.

– А священник рассказал Фанни?

– Написал ей.

– Бедная Фанни! Столько волнений из-за немолодой золовки. Кстати, она уже знает?

– Да. Я решил, что будет лучше, если она успеет высказаться до того, как вы встретитесь. Би, я... мне очень тяжело, что ты оказалась втянутой во всю эту...

– Грязь? Не принимай этого так близко к сердцу, милый. Не зря же я провела пятнадцать лет в лучшем обществе нашего графства.

Она неожиданно рассмеялась. Какое нелепое положение!

– Я занимаю ее комнату, и бедняжке негде спать. А к ужину явятся Генри и мальчики. Не надо огорчаться, милый. Это просто забавно.

Хотя выражение его лица почти не изменилось, она внезапно замолчала и с удивлением посмотрела на брата. Он девять лет женат на Фанни – и все еще не утратил способности чувствовать боль. Только тот, кто ведет тайные беседы с двойником, умеет видеть забавную сторону любой мерзости.

Она с усилием вернулась из мира, о котором он ничего не знал, и продолжила разговор с того места, где остановилась.

– Не огорчайся из-за меня, Уолтер, милый. Неужели ты думаешь, что я впервые попадаю в щекотливое положение? Вот увидишь, через пять минут она станет совсем ручной.

И она стала ручной. Никогда еще Уолтер не видел, чтобы его сестра была так безукоризненно любезна и с таким аристократическим тактом заглаживала неловкости собеседницы не ее круга. «Какой дипломат вышел бы из нее», думал он, наблюдая, как

Фанни увядает и съеживается в робкую гувернантку, которую он когда-то пожалел. И хотя она разбила его жизнь и внушала ему отвращение, он снова пожалел несчастную.

Фанни изо всех сил старалась найти козла отпущения.

– Меня приводит в отчаяние мысль о тех неудобствах, которые вам пришлось испытать здесь, Беатриса, – вам, больной! Уолтер думает, что благородная дама может жить, как какая-нибудь дикарка. Если бы он только соизволил сообщить мне о вашем приезде, я поспешила бы сюда и по крайней мере позаботилась бы, чтобы вас прилично кормили.

– Я не испытала ни малейших неудобств, Фанни, – запротестовала Беатриса. – За мной ухаживали, словно за принцессой из волшебной сказки.

Если бы вы видели, какой я была два месяца тому назад, вы поняли бы, как меня баловали, если мое здоровье так улучшилось. А как великолепно вы наладили здесь хозяйство! Я безмерно восхищена: дом так чудесно поставлен, что даже без вас все идет превосходно.

Она на мгновение умолкла, чтобы убедиться, проглотит ли Фанни такую бесстыдную лесть, а потом любезно добавила:

– Это мне следует извиниться – ведь я заняла вашу комнату. Но Эллен соберет мои вещи через полчаса. Я взяла на себя смелость распорядиться, чтобы сперва она приготовила чай. Вам необходимо освежиться после такой долгой и пыльной дороги.

– Наверное, Фанни не захочет выгнать тебя из этой комнаты, – сказал Уолтер. – Мы для нее что-нибудь придумаем.

– Не затрудняйтесь из-за меня, – сказала Фанни, поджав губы. – Со мной незачем церемониться.

– Моя дорогая Фанни, вы очень добры, но неужели вы думаете, что теперь, когда я уже почти совсем здорова, я буду занимать вашу комнату, если она нужна вам? Быть может, Уолтер уступит мне свою кровать в кабинете?

– Если моя постель не слишком жестка для тебя, – ответил Уолтер, – то я могу устроиться на чердаке с Повисом. В голосе Фанни зазвучала злоба.

– Моя комната достаточно велика. Вам нет никакой необходимости спать на чердаке рядом с грязным слугой. Уолтер пристально посмотрел на нее.

– Повис так же чистолюден, как и я сам, а свежий папоротник – еще не худшее, что нам с ним приходилось делить. Беатриса приоткрыла дверь на кухню.

– Не забудьте кипяченые сливки, Эллен; и, пожалуйста, откройте баночку бартонского меда; мне хочется, чтобы миссис Риверс его попробовала. Наши пчелы собирают его на клевере и душистом горошке, Фанни. Или, может быть, вы предпочтете земляничное варенье? Эллен его неплохо варит. Кстати, Эллен, отнесите в спальню чистые полотенца и горячую воду для миссис Риверс.

Надеюсь, вы извините, что мои вещи еще не убраны, Фанни? Попросить ее распаковать ваш саквояж? Или вы разрешите мне предложить вам гребенку и щетку?

Опасность миновала, и Фанни покорно отправилась мыть руки. Когда она вернулась, Беатриса расставляла чашки.

– Я посягаю на ваши права, Фанни, но вы должны позволить мне это, пока не выпьете чаю. Сливков? Сахару? Уолтер, подай Фанни скамеечку для ног и пододвинь к ней этот столик.

Они пили чай и вели светскую беседу, когда Беатриса увидела, что к дому подходит Генри с мальчиками. Она все время надеялась, что успеет предупредить их. Но теперь ей оставалось только, скрывая свое беспокойство, весело поздороваться и положиться на судьбу. Она встала, улыбаясь.

– А, вот и вы! Входите, входите и посмотрите, кто приехал!

На одно мгновение казалось, что откровенное замешательство Генри испортит все дело, но он заметил сигнал подвижных бровей жены и поспешил придать своему лицу надлежащее выражение. Вскоре Фанни ушла в спальню, и Беатриса начала кормить свою голодную семью. Уголкем глаза она уже успела заметить, что мальчикам не по себе.

– Ну, кто прибежал первым? – спросил их дядя. Гарри и Дик виновато переглянулись.

– Мы... мы не кончили. Нет. песок был достаточно плотный... но у нас вышла неприятность с одним рыбаком.

– Какая?

– Да ничего особенного; так – пустяки. Дик наступил на сеть, а рыбак стал ругаться; он вел себя просто дерзко. Мне кажется, он был пьян.

– Вряд ли, – заметил Уолтер, – когда ожидается ход сардин, здесь не пьют: на счету каждая минута. А сеть пострадала?

– Почти нет. Порвалась только в одном месте, и то чуть-чуть. Но он так орал, словно от нее ничего не осталось. Уолтер нахмурился.

– Сеть, разорванная хоть чуть-чуть, становится бесполезной, ее надо чинить, а у рыбаков сейчас горячее время. Как ты наступил на нее, Дик? Сети – вещь заметная, а здешние жители их очень берегут.

Мальчики начали оправдываться. Дик, пытаясь обогнать брата в узком проходе между скалами, побежал по сушившейся сети, запутался в ней каблуком, упал и протащил ее по острому камню. Прежде чем он успел встать, из-за скалы выскочил какой-то человек и в бешенстве принялся ругать их.

– Вы извинились? – спросила Беатриса.

– Ну... я сказал, что мы ему заплатим за сеть; то есть заплатим, если он будет повежливее.

– Нет, Гарри, – вставил Дик, – ты сказал, что мы заплатили бы, если бы он был повежливее. Беатриса подняла брови.

– Другими словами, это означало, что, поскольку он дурно воспитан, вы не обязаны платить ему за испорченную вещь?

Гарри покраснел. Он считал, что и так был сегодня очень терпелив, без единого слова протеста приняв наказание, которое, по его мнению, было незаслуженным и унижительным; но он не собирался сносить при дяде такие язвительные упреки даже от

горячо любимой и еще не совсем выздоровевшей матери.

– Само собой разумеется, мы заплатим, .мама; мы и не думали отказываться. Я завтра же отнесу ему полкроны.

– И извинишься?

– Мама, это невозможно! Если бы ты слышала, что он говорил, ты не настаивала бы.

Уолтер по-прежнему хмурился.

– Гарри, – спросил он, – что еще ты ему сказал?

– Ничего особенного. Только, что моему дяде, наверное, не понравится, что его арендатор так разговаривает с его племянниками.

– Конечно. Но мне не очень нравится и то, что мои племянники так разговаривают с моим арендатором, особенно если они неправы. Мне очень неприятно просить вас об этом, мальчики, но вы сделаете мне большое одолжение, если извинитесь перед ним.

– Если, конечно, вы не предпочтете, – добавила их мать, – чтобы за вас это пришлось сделать мне.

– Мама, ну, что ты говоришь! Как будто мы это допустим. Ты не представляешь себе, какие слова он употреблял.

– Не сомневаюсь, что весьма грубые, но, к счастью, я не его мать. Меня заботят не его манеры, а ваши.

Гарри, уже совсем пунцовый, повернулся к отцу, но не нашел поддержки даже у этого столпа сословных привилегий.

– Гм, – сказал Генри, – вы виноваты, мальчики. Конечно, этому парню следовало бы вести себя почтительнее с господами, но я не могу оправдать порчу рабочего инструмента из-за баловства. Гарри все еще пытался сдерживаться.

– Мы ничего не портили из-за баловства, сэр. Все произошло совершенно случайно, и нам с Диком было неприятно.

– Ну, так вот завтра вы с Диком и скажете ему это, как и следует настоящим джентльменам, и спросите его, какого возмещения он хочет.

– Гарри!

Визгливый окрик прозвучал совершенно неожиданно. В дверях стояла Фанни.

Ее мужу и Беатрисе было достаточно одного взгляда на злобно торжествующее лицо, чтобы понять, что она подслушала весь разговор. Она с решительным видом вошла в комнату и села напротив Гарри.

– Будь любезен, скажи мне совершенно точно, что он ответил, когда ты назвал своего дядю.

Мальчики растерянно переглянулись. Но тут долго сдерживаемое раздражение Гарри прорвалось наружу:

– Хорошо, тетя Фанни, если вам действительно интересно, я скажу.

– Что ты, Гарри, – запротестовал его брат, смущенно хихикая, – разве можно?

– Ладно, скажу то, что можно повторить. Он сказал, что ему – сами знаете что – на моего дядю, да и на мою... тетку тоже. Это еще не все, что он сказал, но об остальном догадаться нетрудно.

– Извини, Би, – сказал Уолтер.

Он потянулся через плечо сестры за куском сахара, беззвучно шепнув ей:

«Скорей прекрати это». Но его просьба была излишней: Беатриса сама увидела, что на скулах Фанни медленно проступили красные пятна. Она взглянула на часы.

– О, уже шестой час, а я совсем забыла о десерте! Мальчики, можно дать вам поручение? Поезжайте на ферму и возьмите у миссис Мартин две кварты малины и кварту кипяченых сливок. Мы устроим пир в честь приезда тети Фанни.

И не задерживайтесь там. Налить вам еще чаю, Фанни? Вот горячие булочки с корицей.

Фанни отмахнулась от протянутой тарелки.

– Нет, благодарю вас, Беатриса, мне нужны не булочки, а правда.

Мальчики, прежде чем уйти, скажите мне, как выглядел этот рыбак?

Гарри перевел взгляд с нее на дядю и вдруг пожалел, что не сумел вовремя промолчать.

– Да я не знаю, тетя... Похож на обезьяну; безобразный и маленького роста.

– Так я и думала! погоди, был у него...

– Ради бога! – взмолился Генри. – Нельзя ли прекратить этот разговор?

Фанни метнула на него злобный взгляд.

– Без сомнения, вы были бы рады прекратить его, Генри. Мужчины всегда стоят друг за друга, если оскорблена всего только женщина. Разве не видно, что Уолтер дорого дал бы, лишь бы замять это дело? Гарри, я требую ответа. У него черные волосы с проседью, а на подбородке шрам?

– Я... кажется, так... Дядя Уолтер, простите меня, я не хотел...

Две чайные чашки и тарелка со звоном полетели на пол. Фанни, вскочив из-за стола, повернулась к мужу. Ее голос перешел в пронзительный вопль:

– Опять Билл Пенвирн! Надеюсь, Уолтер, теперь вы удовлетворены тем, что сделали? Если бы его вышвырнули из поселка два года назад, о чем я молила вас чуть ли не на коленях, до такой неслыханной дерзости не дошло бы. Но, конечно, вам нет дела, если вашу жену осыпают оскорблениями!

Мальчики глядели на нее раскрыв рот. Они и не подозревали, что на свете есть дамы, которые швыряются посудой, словно пьяные торговки.

Беатриса встала.

– Уолтер, я думаю, что тебе и мальчикам лучше пойти со мной. Извините нас, Фанни.

Уолтер открыл перед ней дверь и кивнул мальчикам. Они последовали за ним; Дик еле удерживался от смеха, а Гарри – от слез. Фанни все еще бесновалась над разбитым фарфором, а Генри сидел, втянув голову в плечи, с флегматичным терпением ломовой

лошади, попавшей под град.

Когда Уолтер закрыл дверь кабинета и злобный визг, который преследовал их пока они шли по галерее, затих, Беатриса нежно обняла его за шею.

– Бедный мой Уоткин!

Его губы дрогнули. Это забытое детское прозвище... Словно воскресла из мертвых сестренка, которую он потерял.

Когда через несколько минут Генри, тоже решив укрыться в кабинете, присоединился к ним, Уолтер перебирал бумаги, а Беатриса смотрела на море, и оба молчали. Он упал на стул, вытирая лоб платком.

– Господи боже ты мой, это что-то неслыханное! Уолтер, дружище, и часто тебе приходится терпеть такие сцены? Уолтер пожал плечами.

– Довольно часто, хотя обычно они бывают не такими бурными. Разговор коснулся очень неудачной темы. Если мы с Фанни когда-нибудь разведемся окончательно, – а я иногда думаю, что этого не миновать, – то скорее всего именно из-за Билла Пенвирна, если не из-за Повиса. Она люто ненавидит их обоих.

– Что между ними произошло? Она без конца твердила, что он оскорбил ее, а ты стал на его сторону. Он в самом деле в чем-нибудь виноват перед ней или все это ее воображение?

– Пожалуй, он действительно был очень груб, но она сама вызвала его на это. Билл в некоторых отношениях прекрасный человек – лучший моряк во всей округе и безупречно честен, как и вся его семья. Никто из Пенвирнов не украдет и булавки, хотя они живут в страшной нужде. Но у него бешеный характер.

– Ну, – сказал Генри, – право же, памятуя о собственном нраве, Фанни должна бы относиться к нему с симпатией.

– О, иметь дело с Биллом гораздо легче. Но у него бывают черные минуты, когда к нему лучше не подходить. Почти все соседи боятся его, особенно если он выпьет лишнего.

– Так, значит, он все-таки пьет?

– Очень умеренно, по сравнению с другими; все здешние рыбаки время от времени напиваются. Им нелегко живется. Но если уж Билл выпьет с горя, он превращается в настоящего дьявола. И не удивительно. Всю жизнь его преследуют несчастья: разорение, нужда, потеря близких и не слишком счастливый брак; так что он озлоблен против всего мира. Возможно, что, кроме того, у него не в порядке пищеварение от стряпни его жены; впрочем, стряпать-то ей особенно не приходится: картофель да соленая рыба. Ну, так вот, года два тому назад, когда я ненадолго уехал, случилась новая беда. Его младшая дочь, почти дурочка, которой тогда едва исполнилось шестнадцать лет, вернулась домой опозоренная. Она была прислугой в Камелфорде, и какой-то негодяй соблазнил ее. На следующее утро Фанни заблагорассудилось прочесть Биллу нотацию за то, что он не посещает церкви. В заключение она бросила оскорбительный намек насчет его дочери, и Билл, который горд, как Люцифер, послал ее ко всем чертям и посоветовал не совать нос не в свое дело. Она пожаловалась леди Маунтстюарт, и старуха прислала сюда священника, который пригрозил ему высылением.

– Постой, постой, – перебил Генри. – А при чем тут она? Ведь теперь хозяйин здесь ты; эти дома больше не принадлежат ей.

– Да, но зато ей принадлежит священник, она платит ему жалованье.

Насколько мне известно, он вошел в дом Билла не постучав и наговорил таких вещей, что его вышвырнули вон. Так вот, когда я вернулся, и Фанни, и леди Маунтстюарт, и священник были уверены, что я немедленно выселю Пенвирнов, и пришли в ярость, когда я отказался.

Генри был явно встревожен.

– Послушай, дорогой мой Уолтер, я, конечно, понимаю, что для его поведения были некоторые основания. Но все-таки человек, который сперва обрушивается с руганью на леди – ну, во всяком случае, на женщину, – а потом поднимает руку на священника... Неужели ты его оправдываешь?

– Нисколько, – ответил Уолтер. – Я считаю, что эти поступки достойны всяческого порицания, но я не так уж уверен, что на его месте вел бы себя иначе.

– А я безусловно вела бы себя так же, – вмешалась Беатриса. – И ты тоже, Генри. Ну, а что произошло потом?

– Отвратительный скандал, и вслед за ним бесконечные булавоочные уколы.

Фанни бомбардирует меня письмами, и у меня появилось сразу три врага – леди Маунтстюарт, священник и управляющий.

– Но при чем тут управляющий? – спросил Генри.

– Ни при чем. Просто он не может забыть, как тиранил здешний народ.

Перед моим возвращением он повсюду заявлял, что Биллу придется смиренно просить прощения или убраться отсюда. А Билл скорее позволит сварить себя в кипящем масле, чем смирится перед кем-нибудь. Он считает, что был оскорблен первым и что извиняться должны они.

– Значит, – сказала Беатриса, – все сводится к извинениям? А нельзя ли сделать их взаимными? Ты умеешь быть убедительным, Уолтер, так почему бы тебе не извиниться перед Пенвирном? Тогда, возможно, он извинится перед ними, и все будет хорошо.

– Дорогая моя, неужели ты думаешь, что я этого не пробовал? Я согласен извиняться перед всеми подряд, лишь бы тут воцарилось спокойствие. Но даже ради спокойствия я никогда не соглашусь выгнать на улицу честного труженика с больной женой и кучей ребятишек только за то, что он груб. Так что мы окончательно зашли в тупик.

– А почему его брак несчастлив? – спросила она.

– Ах да, – сказал Генри, – Фанни наговорила мне бог знает чего о его жене: она, мол, еще хуже, чем он, и может развратить всю округу, но с этим ничего нельзя поделать, потому что ты упорно заступаешься за нее.

Уолтер расхохотался.

– Бедная Мэгги! Трудно найти более безобидное существо. Ее единственные грехи – слезливость и методизм.

– А что она собой представляет? – спросила Беатриса.

– Просто отупевшая от работы женщина, замученная нищетой, болезнями и бесконечными родами, трепещущая и перед Биллом и перед «господами». Она живет в постоянном страхе перед ними и перед мужем и находит утешение в методизме. Это, конечно, приводит Фанни в бешенство, хотя бедняжку Мэгги можно обвинить только в том, что она ходит босиком во время дождя, распевая уэслианские гимны, и убеждает соседей прийти ко Христу.

– Ну, – сказала Беатриса, – Фанни едва ли может считать это преступлением, если она сама требует, чтобы Билл ходил в церковь. А он тоже методист?

– Отнюдь нет. Он ненавидит здешнего методистского проповедника ничуть не меньше, чем священника. А больше всего он, разумеется, ненавидит Фанни.

– Она еще жаловалась, – снова заговорил Генри, – что они совсем не платят аренды, а ты им потакаешь.

– Это не совсем так. Билл часто запаздывает со взносами, потому что у них в семье постоянно кто-нибудь болен. Он знает, что я не стану торопить его. Но он платит, когда может, и мне стыдно брать у него деньги. Нет, я не стану требовать с голодных людей плату за конуру, которая не годится и для собаки. Генри, мне очень неприятно, что вам с Беатрисой пришлось все это вытерпеть. Теперь Фанни на несколько дней успокоится, у нее всегда так бывает после сильного истерического припадка. Но через неделю все начнется сначала, и я боюсь, что дальнейшее пребывание здесь не принесет пользы Би.

– Мы уедем раньше, чем через неделю. Не огорчайся, мой милый. Мы ведь и приехали для того, чтобы забрать Беатрису домой.

– Но мальчики должны посмотреть лов сардин. Непременно дождитесь его.

Тогда они по крайней мере вернуться в школу, чувствуя, что видели настоящий Корнуэлл.

ГЛАВА III

На следующий день, после серьезного разговора с матерью, Гарри и Дик, смирившись и желая скорее покончить с неприятным делом, рано утром отправились в поселок, чтобы извиниться перед рыбаком и заплатить ему за порванную сеть. Вернувшись, они с некоторым облегчением сообщили, что не застали его дома. Озабоченная женщина сказала им, что корова не вернулась, и Пенвирн со старшими сыновьями отправился искать ее среди скал.

– Вы объяснили ей, зачем пришли?

– Мы хотели, мама, но она не слушала. Она была вне себя от страха, что корова сорвалась со скалы, а он опоздает к лову. Она плакала, и все эти ребятишки ревели и цеплялись за ее юбку.

– Бедняжка! Не удивительно, что она плакала. Вам придется сходить завтра еще раз.

– Мы наверняка увидим его сегодня. Говорят, что с мыса Тревоз уже видели косяк. Мама, а для чего подали карету?

– Мы, взрослые, поедем к камням друидов, чтобы полюбоваться видом.

– А как же лов сардин?

– Меня больше интересует этот вид, и папу тоже. Ведь мы скоро уезжаем.

– А нельзя отложить камни до завтра? И мы тоже поехали бы с вами.

– Возможно, будет дождь, – сказал Уолтер. – Рыбаки говорят, что в такие дни, когда воздух чист и прозрачен до самого горизонта, рождается ненастье.

Кроме того, барометр упорно падает; завтра даль будет затянута туманом, и ничего не будет видно. Но если косяк пройдет до полудня, вы сможете догнать нас верхом.

– А ты уверен, что с ними ничего не случится, если они поедут в лодке без тебя? – спросил Генри.

– Конечно, ничего, если они будут идти прямо за рыбацкими лодками. Я сказал старику Полвилу, что они, возможно, поедут на ловлю, и он обещал приглядеть за ними. Не спускайте глаз с его лодки, мальчики, слушайте его во всем, и тогда никакой опасности не будет. Но помните, что лов сардин никого не ждет. Если не хотите его пропустить, сейчас же возвращайтесь в поселок и ждите, пока не покажется рыба. После того как дозорные подадут сигнал, вы уже не успеете отсюда вовремя добежать до бухты и спустить лодку.

Еще не замер стук колес, как над скалами по цепи дозорных пронесся крик:

– 0-0-0-а!

– 0-0-0-0-а!

– Смотрите не сломайте шеи! – крикнул Повис вслед мальчикам, когда они помчались по извилистой дорожке к бухте. – Оно того не стоит.

На полдороге перед ними с утеса открылся песчаный берег. Он был усеян группами сновавших взад и вперед людей; мужчины, женщины и дети бегали, кричали, толкались, торопливо волокли сети, спускали на воду лодки. Никто не оглянулся на умоляющий вопль Дика:

– Подождите нас! Пожалуйста, подождите! Мальчики подбежали к воде как раз в ту минуту, когда Полвил и его сыновья усаживались в свою переполненную лодку.

– Полвил! Полвил! Вот и мы, возьмите нас с собой. Он покачал головой.

Даже если для них и нашлось бы место, бесполезные пассажиры в эту минуту ему были ненужны.

– Спускайте свою и живей догоняйте!

Он показал на лодку их дяди и крикнул еще что-то, но порыв ветра отнес его слова в сторону. Они разобрали только что-то вроде «лух». Под лодку Уолтера нанесло песка, и когда они наконец спустили ее на воду, рыбацья флотилия уже исчезала за скалистым мысом. Мальчики в отчаянии переглянулись.

– Опоздали!

– Нет, нет, Гарри, они вон за той скалой; он же велел нам догонять их.

– Я обещал...

– Ты обещал плыть за ним. Ведь это же не называется, что мы одни. Мы их догоним через две минуты.

– Нет, не догоним.

– И пускай – мы все равно будем плыть как раз за ними. Ты ведь заметил, куда они свернули. Ну же, Гарри, скорее!

– Ладно, прыгай в лодку; ты сядешь на руль, а я на весла. Только помни, Дик, если мы не увидим их за тем поворотом, надо будет вернуться.

Они обогнули мыс, опоздав буквально на одну секунду: год нависшими скалами следующего мыса на синей воде еще виднелся пенный след последней лодки.

– Ничего не вышло, Дик. Поворачивай.

– Вот еще! Они же совсем близко. Вон они кричат, слышишь? До них всего ярдов пятьдесят, не больше.

– Я обещал маме...

– Ты и не нарушишь своего обещания, тут же совсем рядом. И плыть нужно вовсе не возле скал, а только на спокойной воде. Ну пожалуйста.

Гарри сдался. Несколько минут он греб молча, почти не слушая возбужденную болтовню братишки.

– Слушай, Гарри, а дельфинов мы увидим, как ты думаешь? Джейбс говорил, что они ходят за...

– Правь как следует, – перебил его Гарри. – Неужели нельзя держать руль прямо?

– Я и держу его прямо, только он не слушается. Наверное, с ним что-то случилось... Ап!

Веревка вырвалась из рук мальчика, и лодка бешено завертелась на месте.

В следующее мгновение весло, которое Гарри не смог удержать, сбросило Дика на дно лодки. Он, задыхаясь, поднялся, и увидел, что их несет прямо на иссиня-черный риф.

– Прыгай! – крикнул Гарри, когда волна подняла лодку над зазубренным краем камня. Сам он успел прыгнуть благополучно, но Дика швырнуло в сторону, и он испустил отчаянный вопль – перевернувшаяся лодка придавила ему ногу.

Откатываясь, волна потащила лодку за собой и освободила его. Гарри, цепляясь одной рукой за толстые водоросли, протянул другую брату, чтобы втащить его наверх. Он тоже громко вскрикнул, когда Дик ухватился за его запястье.

– Ой, рука! Ничего, Дик, держись крепче! Крепче держись! Лезь быстрее сюда, лодка возвращается! Взбирайся выше!

Отчаянно цепляясь за камни и поминутно вскрикивая от боли, они с трудом вскарабкались на верхушку рифа и, пристроившись там, окаменев от ужаса, смотрели, как волны, то поднимая опрокинутую лодку, то швыряя ее вниз и волоча по острым камням, разбивали ее в щепы совсем рядом с ними.

– Помогите! Помогите! Откликнулось только эхо в утесах.

– Бесплезно, – сказал Гарри, опомнившись. – Мы только зря устанем. Все рыбаки в бухте, и за этим мысом они нас все равно не услышат. Нам придется ждать, пока лодки не повернут обратно. Хорошо еще, что ждать не так долго.

– А ты уверен, что они нас заметят?

– Конечно; они не могут вернуться другим путем. Дик, нога у тебя очень болит?

– Ужасно! Она наверняка сломана. И грудь тоже очень ноет.

– У меня, кажется, раздроблено запястье, – сказал Гарри. – Но все-таки нам повезло. Очень повезло. Не плачь, Дик. Худшее уже позади.

Переберись поближе ко мне и прислонись головой к моему плечу. Нет... к другому, пожалуйста, Вот так. Не бойся, я тебя удержу.

Впервые в жизни на его лице появилось выражение твердой решимости, и он стал похож на Беатрису.

– Гарри, – снова заговорил Дик тихим, дрожащим голосом, – как ты думаешь, папа нас за это выпорет?

– Следовало бы, – мрачно ответил Гарри. – Мы вполне заслужили порку. По крайней мере я. Ведь я обещал... – И, глядя на пляшущие в воде обломки, он добавил: – А если дядя Уолтер тоже нам задаст, он будет совершенно прав.

– Дядя Уолтер ничего не скажет. Он никогда не бранится.

– Это еще хуже. Я думал, он нас просто пугает. А оказывается, он говорил правду.

Гарри закусил губу. Обоим плакать не годится, а ведь он старший.

– Гарри... Мне очень нехорошо... Как ты думаешь, их еще долго ждать?

– Нет, нет. Теперь уже скоро. Некоторое время оба молчали.

– Дик. – Гарри говорил еле слышно. – Помолись, Дик. Дик поглядел на него широко раскрытыми глазами.

– Но... ведь нас спасут... Ах, гляди! – Он вдруг вскрикнул: – Водоросли! Их нет!

– Да, прилив поднимается быстро... Я... совсем забыл... На лбу Гарри выступил пот – вода коснулась его ступни. Дик уцепился за него.

– Мы... утонем?

– Нет, если они приедут скоро. Не смотри на воду, Дик. Отвернись.

Волна лизнула их плечи.

– Гарри, давай еще покричим!

– Хорошо, оба разом. Кричи изо всех сил. Раз, два, три: Э-э-й!

Помогите! Помогите!

Они кричали, пока не охрипли. Гарри покачал головой.

– Бесплезно, – сказал он. – Все в бухте. Они не услышат.

– Ну а... может быть, попробуем забраться повыше? Заползти куда-нибудь?

– Куда? – тихо спросил Гарри.

Дик оглянулся. Их быстро покрывающийся водой риф был теперь островом; глубокий и все расширяющийся пролив отделял их от отвесной стены утеса. Он начал громко всхлипывать.

– Тише, Дик. Это не поможет. Закрой глаза. Повторяй за мной: «Отче наш...»

– А-ах! Лодка!

Из-за мыса, скрывавшего поселок, показалась запоздавшая рыбачья лодка; в ней был только один человек, он греб изо всех сил. Когда она подошла ближе, Гарри узнал невысокую жилистую фигуру и сидящую голову Пенвирна.

«Он опоздал из-за коровы», – мелькнуло в голове мальчика.

– Помогите! Помогите!

Гребец оглянулся и застывшие над водой весла блеснули на солнце. Он увидел мальчиков, и его лицо исказила страшная гримаса. Они снова закричали:

– Мы тонем! Помогите!

– И тоните, черт вас возьми!

Он погрузил весла в воду.

Исполненный ужаса и недоумения вопль Дика рассек воздух, когда лодка скользнула мимо. Гарри молча прикрыл глаза ладонью.

Первая волна, накрывшая их с головой, откатилась, но они, задыхаясь, все еще цеплялись за риф.

– Он плывет сюда.

Пенвирн повернул и теперь приближался к ним – сперва быстро, потом все медленнее и осторожнее, лавируя между струй течения и рифами. Ярдах в пятнадцати от них он направил лодку в узкий проход, защищенный рифом от полной силы течения; затем он встал, вогнал лопасть весла в расселину, чтобы удержать лодку, и повернул к мальчикам свое страшное лицо.

– Эй, вы! Идите сюда!

– Не можем! А вы не подплывете поближе?

– Еще чего! Мне хватит дела удерживать ее на месте. Идите вброд.

– Вброд? Да ведь...

– И поторапливайтесь, пока можно! Скоро тут будет вам с головой. И лодку я долго не удержу.

– Он не может...

– Не мо-о-ожет? Ножки боится промочить, маменькин сынок?

– Он не может встать. У него сломана нога.

– Ну так тащи его! Влезай ему на спину, слышишь, ты! Гарри посмотрел на волны.

– Я не удержу его. У меня что-то с рукой. Ради бога!

– Иди один.

– Нет!

– Ну, так тоните себе на здоровье, мне-то какое дело! Уезжать мне, что ли?

Насмешливый голос перешел в звериное рычание:

– Лезь в воду, говорят тебе! Лезь в воду, сукин сын! Бери его и лезь, стервец!

– Дик, – задыхаясь, шепнул Гарри, – держись за мою шею. Шатаясь под тяжестью брата, он шагнул в воду. Сначала она была ему только по пояс, потом дошла до плеч, до горла. Его ноги запутались в скользких водорослях. Он остановился, ослепленный брызгами, полузадушенный руками Дика, судорожно сдавившими ему шею, и с ужасом посмотрел на колышущуюся воду.

– Влево! Влево, чертов сопляк! Ты что, не знаешь, где право, где лево?

Не лезь в яму, в ней десять футов! Теперь вправо, иди по выступу. Ослеп ты, что ли, прешь прямо на водоросли? Ну, хватайся за борт.

Гарри наконец добрал до лодки и уцепился за нее, тяжело дыша.

– Вали его сюда! Пошевеливайся! Кое-как ему удалось сбросить Дика в лодку.

– Теперь ты.

Голова Гарри бессильно поникла.

– Я... не могу... Пожалуйста... помогите мне.

– Помочь? Я тебе живо помогу отправиться в ад, сынок, если отпущу весло. Лезь в лодку, погань! Лезь, или я раскрою тебе башку! Хватайся за мою ногу. Ну, прыгай!

Гарри перелетел через борт вниз головой и упал на Дика, а Пенвирн, не обращая на них больше никакого внимания, начал осторожно выводить лодку из прохода. Но едва она вышла из-за скалы, как течение бросило ее на камни, и Пенвирн упал на мальчиков. Раздался скрежет, треск и – что было гораздо страшнее – смех. Ужасное лицо, ухмыляясь, придвинулось к мальчикам.

– Ну, а теперь, – сказал Пенвирн, – мы потонем все вместе. Вот как, сынки. Может, в компании вам будет веселее? Да и ждать недолго. Гляньте-ка на свою кроватку.

Риф, который они только что покинули, уже скрылся под водой.

Волна подхватила лодку и выбросила ее из главной струи течения. Пенвирн вскочил на ноги и обеими руками ухватился за скалу, потом, отчаянно напрягая все силы, подтянул лодку под защиту соседнего рифа. Он сорвал с себя куртку, заткнул дыру в корме, из которой хлестала вода, молниеносно выпрямился и, снова ухватившись за скалу, чтобы лодку не снесло обратно в водоворот, ногой подтолкнул к Гарри ведро.

– Отливай! Отливай, или я расшибу тебе башку! Отливай! Подгоняемый проклятиями, Гарри принялся вычерпывать воду. Когда из-за мыса появился нос головной лодки возвращающейся флотилии, первым его увидел Дик.

– Смотрите! Лодки!

– Слава богу! – воскликнул Гарри.

– Слава богу, а? Может, еще псалом пропоешь? Думаешь, всем хочется помирать из-за тебя?

Лодки, нагруженные бьющейся рыбой, вереницей приближались к ним.

Пенвирн разразился громким хохотом.

– С уловом, приятели! Кто купит парочку акулят? Уступлю за пять шиллингов вместе с потрохами. Заработаю себе на похороны.

Передняя лодка остановилась, остальные сгрудились позади нее. Полвил испуганно уставился на них.

– Билл! Господи, да что ты там делаешь?

– Провожая барчуков в преисподнюю. Такая уж у меня пустая башка. Когда они туда явятся, так не разберут, где у сатаны рога, а где хвост...

– Билл Пенвирн, – строго сказал старик, – накличешь ты на себя кару господню дурным своим языком.

– Уже накликал. Да еще какую. Расскажи об этом своему методистскому святоше. Вот образуется-то вместе со старой выдрой из господского дома на утесе...

Злобное рычание вдруг сменилось отчаянным криком:

– Брось, Том! Не смей! Брось, говорю! Оставайся, где стоишь, сволочь!

Хватит и того, что один хороший человек потонет из-за этих сопляков.

– Слишком долго я жил в лесу, чтобы мне волков бояться, – пробормотал Полвил и взялся за весла. Пенвирн немедленно принялся командовать:

– Раз так, гребь осторожнее. Нет, Том, заворачивай за Акулий плавник, там потише. Направо, направо! Табань, табань, тебе говорю! Не подходи ближе.

Оставайся, где стоишь. Я доплыву. Бросишь мне канат.

Схватив веревку, он привязал ее к кольцу на носу лодки, а другой конец обмотал вокруг пояса. Дик вдруг весь обмяк, и Гарри бросился на дно лодки рядом с ним.

– Он умер! Поглядите! Дик, Дик... Как я скажу маме!

В первый раз Пенвирн перестал гримасничать. Даже голос его был почти ласков, хотя он сказал только:

– Еще чего! Не бойся, доживет до виселицы.

Дождавшись, когда прошла волна, он бросился в воду; Гарри, подумал, что его разобьет о камни, но Пенвирн поймал брошенную ему веревку и цеплялся за нее, пока его не вытащили в лодку Полвила.

Когда разбитую лодку тоже подтянули к борту, Пенвирн нагнулся, поднял Дика и передал его Полвилу. Но обессиленного Гарри вытащил Джейбс. Пенвирн сидел на куче трепещущей рыбы, опустив голову на колени.

Скорчившись на сети, которой была накрыта рыба, Гарри поддерживал голову лежавшего без сознания Дика и ничего не видел вокруг, пока лодку не вытащили на песок. Только когда ему помогли вылезти на берег, он заметил, что по ноге его спасителя струится кровь.

– Пенвирн! Вы тоже ранены? Я... не знал... Пенвирн расхохотался.

– Только сейчас разглядел, а? Умный парнишка, приятели! Из тех, что строят загородку вокруг кукушки, чтобы удержать весну. А ну, не путайся на дороге, сопля!

Он оттолкнул протянутую ему дрожащую руку, прихрамывая и ругаясь, побрел к своей лачуге и с треском захлопнул за собой дверь.

ГЛАВА IV

Вечером взрослые, возвращаясь под внезапно нахмурившимся небом с прогулки, увидели, что у дверей стоит карета доктора из Тренанса. Повис остановил Беатрису в дверях.

– Не пугайтесь, сударыня, с мальчиками не случилось ничего страшного; просто они попали в небольшую переделку, в я послал за доктором.

– Что-нибудь серьезное?

– Могло быть и хуже: они отделались сломанной ногой да несколькими ушибами. Нет, сударыня, пока не входите, пожалуйста. Доктор велел передать вам, что беспокоиться не надо, и просил вас подождать, – он через пять минут выйдет.

– Лодка перевернулась?

– Да, и им еще очень повезло.

– Я знал, что это опасно! – воскликнул Генри. – Я же говорил! Наверное, этот Полвнл и не подумал...

– Он не виноват, сэр; они были не с ним. Он узнал о том, что случилось, только когда помогал спасти их, и неизвестно, как бы все кончилось без него.

– Вы хотите сказать, что они вышли в море одни? Они же обещали матери...

– Они опоздали. Рыбаки уже отплыли, а они хотели их догнать.

– Значит, они просто догоняли рыбаков? Но ведь мальчики умеют грести.

Что случилось? Лодка опрокинулась?

– От нее остались одни щепки.

Генри взволнованно продолжал расспрашивать. Уолтер молчал; он не сводил глаз с лица сестры: возвращенная к жизни почти насильно, не ускользнет ли она снова в мир теней, как Эвридика? Нет, она оставалась спокойной. Она даже поняла, о чем он думает, и тихонько пожалала ему руку, чтобы он не тревожился.

Он облизнул пересохшие губы и стал слушать Повиса.

– И поверите ли, сэр, они въехали на Луг Сатаны – это в прилив-то!

Видно, никто из их учителей не объяснил им, что иной раз под спокойной водой скрывается подводное течение. Они уцепились за Чертовы зубы, а вода доходила им до пояса.

Уолтер побелел.

– Но... кто их снял оттуда? Повис пожал плечами.

– Догадаться нетрудно. Или вы не знаете, что в здешних местах только одному человеку жизнь до того надоела, что он готов ползть за двумя дурачками в такое место?

– Билл Пенвирн?

– А кто ж еще?

Фанни подбежала к ним с воплем ярости:

– Пенвирн! Их спас Пенвирн? Нет, это слишком! Теперь конца не будет...

– Да, сударыня, – сказал Повис. – И уж как тут не пожалеть! Они бы себе спокойненько утонули, и все шито-крыто. Фанни в бешенстве накинулась на него:

– Повис я уже говорила вам, что не потерплю... Он закончил за нее:

– Дерзостей Билла. Как же, говорили сударыня. А хуже всего то, что он уцелел вместе со всеми своими дерзостями; ну а уж как это получилось – сам не знаю.

– Да придержите же язык вы оба! – раздраженно крикнул Генри. – Неужели вы не можете подождать со своей грызней, пока мы не узнаем, останутся ли мальчишки калеками на всю жизнь, или нет?

Беатриса взяла его под руку, и он умолк, кусая губы. Но было уже поздно: голос Фанни перешел в яростный визг:

– Ах, вот как, Уолтер! Теперь меня оскорбляют и ваш лакей и ваш зять, а вы стоите рядом и смотрите! Я и минуты здесь не останусь, если вы не заставите их извиниться. Ни минуты не останусь! Но что вам за дело...

Она разрыдалась и выбежала на улицу. Уолтер закрыл дверь и на всякий случай прислонился к ней.

– Повис, – заговорила Беатриса, – пожалуйста, скажите нам, что с детьми? Он смутился.

– Прошу прощения, сударыня. Думаю, что особенно волноваться нечего. У мастера Дика сломана нога и ушиблена грудь, но это все заживет.

– А Гарри?

– Он отделался совсем легко, если не считать синяков, конечно. У него была вывихнута кисть, но доктор ее уже вправил. Малыш вытерпел, не пикнув; он подтверже, чем я думал.

– Вы считаете, у них нет внутренних повреждений?

Повис заколебался.

– Вряд ли. Мастер Дик сначала меня очень напугал – он был совсем холодный, когда его принесли, и пульс никак не прощупывался. Но я дал ему глоток коньяка, напоил горячим, и он скоро очнулся. Он пока еще иногда заговаривается, но это и понятно. И как они не переломали себе позвоночники!

Однако не переломали – я проверял: заставил их шевелить пальцами на руках и на ногах.

– А Пенвирн ранен? Или кто-нибудь из остальных?

– Никто из них и близко не был около рифа – Билл не позволил. Говорят, он вывихнул лодыжку, но он сам дошел до дома – значит, это не так уж страшно. Его лодку разбило вдребезги.

– Ну, этому помочь легко. А что думает доктор?..

– Вот он сам, сударыня. Доктор вошел, улыбаясь.

– Ну-с, поздравляю вас, это просто чудо! Волноваться нет никаких оснований: оба пациента вне всякой опасности. Старший мальчик скоро будет на ногах как ни в чем не бывало. Легкий вывих кистевого сустава, но никаких переломов. Несколько ушибов, разумеется; и, естественно, пройдет два-три дня, пока он совершенно оправится от последствий шока. Младшему придется с месяц полежать – закрытый перелом левой голени и двух ребер. Но будущим летом он снова будет бегать вперегонки.

– Вы уверены, что у них нет внутренних повреждений? – спросила Беатриса.

– Предполагать это нет никаких оснований. Я осмотрел детей самым тщательным образом. У обоих все в порядке. Заставьте их лежать спокойно, давайте им пищу полегче и прохладительное питье. Я заеду завтра утром. Было бы хорошо, если бы эту ночь кто-нибудь подежурил около них: потрясение было довольно сильным.

– Разумеется, доктор. Можно мне теперь пойти к ним?

– Конечно, сударыня, конечно. Младший скоро начнет дремать; его нога очень болела, и я дал ему снотворного. Старший отказался, но, может быть, ночью оно ему все-таки понадобится. Если он не сможет уснуть, дайте ему вот это в воде. А, начинается дождь, я так и думал, что к ночи его не миновать.

– Не могли бы вы зайти к Пенвирну? Говорят, он вывихнул лодыжку, и мы, конечно, хотели бы, чтобы ему была оказана всяческая помощь.

– Сегодня, разумеется, сделать уже ничего нельзя, но я спущусь в поселок завтра, сразу же после того, как побываю у вас; к этому времени начнется отлив. Я приеду рано утром. Разрешите...

Когда он открыл дверь перед Беатрисой, до их ушей донеслись громкие рыдания и брань Фанни. Дождь заставил ее вернуться в дом, и теперь, укрывшись на кухне, она изливала свои обиды недоумевающей Эллен. Беатриса обернулась.

– Доктор, вы возвращаетесь прямо в Тренанс? Не могли бы мы попросить вас о большом одолжении? Я очень беспокоюсь за свою невестку. После всех этих волнений у нее началась истерика, а мальчики заняли ее комнату, и во всем доме не осталось свободной постели. Если в Тренансе есть гостиница или какой-нибудь приличный дом, где мы могли бы снять для нее комнату, то, может быть, вы согласились бы подвезти ее в своей карете? Это было бы очень любезно с вашей стороны.

– К несчастью, в Тренансе нет ничего подобного. Только жилища рабочих с каменоломен и несколько частных домов.

– Как вы думаете, никто из домовладельцев не захочет помочь нам? Мы были бы очень благодарны.

Злобный визг все еще разносился по дому. Доктор заколебался. Ну что же, это в порядке вещей. Деревенский врач должен быть готов ко всему, а оказать услугу богатым пациентам всегда полезно. Это люди состоятельные, и если он избавит их от вздорной родственницы, они не станут ворчать по поводу лишней пары гиней в счете.

– Моя дочь в отъезде, – сказал он. – Если миссис Риверс не побрезгует нашим скромным гостеприимством, я уверен, что миссис Томас будет рада предложить ей эту комнату. Но согласится ли она поехать со мной?

– Дай-то бог! – простонал Генри.

Беатриса повернулась к нему с невозмутимым видом.

– Мне кажется, будет лучше, если мы предоставим уладить все это доктору Томасу. Он гораздо лучше нас понимает, как повредила бы ее здоровью бессонная ночь, когда негде даже прилечь. Моя невестка страдает ревматизмом, доктор; быть может, вы убедите ее принять одну из ваших превосходных пилюль?

Их взгляды встретились; его глаза посмеивались. Неплохая мысль: дать этой ведьме опия и уложить ее спать.

Беатриса задержалась в дверях.

– Вы, конечно, понимаете, доктор, что этот разговор должен остаться между нами. И я думаю, в таком случае все пойдет гладко. Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, и все мы от души вам благодарны.

Когда уже почти выплакавшуюся Фанни удалось наконец усадить в карету доктора, Генри со вздохом облегчения всем телом навалился на входную дверь и захлопнул ее, преодолевая напор завывающего, пронизанного дождем ветра.

Потом Беатриса осторожно приоткрыла дверь спальни. Там было темно. С кровати доносились тихие всхлипывания, и она остановилась рядом с тем, кто лежал ближе к ней. Но его дыхание было глубоким и ровным: Дик уже уснул. Плакал Гарри, дитя брайтхелмстонского ужаса. Она нагнулась к нему.

– Тебе больно, милый? Доктор на всякий случай оставил для тебя лекарство.

– Нет, нет, я не потому.

Она опустилась на колени около кровати.

– Так почему же?

Он зарыдал.

– Это я виноват... это я во всем виноват... Мне так горько, мамочка, так горько...

Она обняла его и прижалась щекой к его щеке.

– Милый, мне тоже горько, и гораздо больше, чем тебе. Ну, не нужно, не нужно, родной мой. Я люблю тебя.

Он обхватил ее шею незабинтованной рукой и спрятал лицо у нее на груди.

Когда пробило одиннадцать. Повис в одних носках вошел в комнату и на цыпочках приблизился к Беатрисе, которая сидела с книгой у затененной лампы.

Гарри согласился принять снотворное, и теперь оба мальчика мирно спали.

– Я приготовил для вас на кухне горячего молока сударыня; мистер Риверс просит, чтобы вы теперь легли спать и разрешили мне подежурить здесь.

– Ложитесь вы, Повис, у вас был тяжелый день, а я еще не очень устала.

– Зато устанете к завтраму, сударыня, а вам предстоит денек потяжелее, чем кому-нибудь из нас, – ведь вам придется иметь дело с Биллом. Я лягу, когда меня сменит мистер Риверс. Мне велено разбудить его в три.

Она встала.

– Пойдемте пока со мной на кухню; они крепко спят. Она села у кухонного стола, подперев подбородок ладонью, и с серьезным вниманием разглядывала Повиса, пока он наливал и подавал ей горячее молоко.

– Сядьте, пожалуйста, – сказала она, – я хочу посоветоваться с вами.

Что вы подразумевали, говоря, что мне придется иметь дело с Биллом?

– Разве вы не пойдете к нему утром?

– Да, я иду туда с мистером Телфордом.

– Ну, так, значит, разнимать их придется вам. Она улыбнулась.

– Для драки нужны двое. Я думаю, вы убедитесь, что мисгер Телфорд готов многое стерпеть от Пенвирна.

– Это хорошо, – серьезно сказал Повис. – Ему так придется стерпеть очень многое.

– Будем говорить прямо, Повис. Вы хотите предупредить меня, что Пенвирн не из тех людей, кому легко помочь?

– Да сударыня.

– Но как бы трудно это ни было, я должна ему помочь. Я не хочу требовать от вас откровенности, но мне надо понять его как можно лучше.

Помните, ведь я ни разу его не видела. Вы его хорошо знаете?

– Нет, сударыня; его никто хорошо не знает. Он этого не допускает.

– А вы пытались с ним сблизиться?

– Да нет, не особенно. Но мистер Риверс пробовал.

– Почему же он не хочет, чтобы люди узнали его поближе?

– Да потому, что тогда ему придется узнать поближе самого себя, а этого он боится.

– Почему боится?

На этот раз, прежде чем ответить. Повис задумался.

– Знаете ли вы, сударыня, что это за чувство, когда не можешь кого-нибудь простить?

– К сожалению, очень хорошо знаю. Пожалуйста, скажите мне, кого он не может простить? Миссис Риверс?

– Ее-то? – На лице Повиса мелькнуло отвращение. – Да Билл плевать на нее хотел, на вошь этакую! Прошу прощения, сударыня: я знаю, при дамах такие слова говорить не полагается.

– Мы разговариваем как мужчина с женщиной, Повис. Если можно, объясните мне, что вы имеете в виду. Кого он ненавидит? Надеюсь, не моего брата?

– Ну, он-то ему зла не причинял. Нет, сударыня; это кое-кто побольше...

Это сам господь бог вседержитель. Может, он и возносится на крыльях херувимов, но проклятие Билла следует за ним.

Он умолк, а потом тихо прибавил:

– И не только Билла. Видите ли, сударыня, – продолжал он, еще помолчав, – господь был суров с Биллом; слишком суров для милосердного бога. Ну да Билл не первый и не последний.

– Понимаю. Мне очень важно это знать. А теперь расскажите мне что-нибудь о его жене. Мой брат говорил, что это брак не очень счастливый.

Что в ней плохого?

– В Мэгги-то? Вы сами сразу поймете, как только ее увидите, беднягу.

– Благодарю вас. Теперь я пойду спать. И... Повис...

– Слушаю, сударыня.

– Доктор рассказал нам, как вы помогали ему и сколько вы сделали, прежде чем он приехал. Мы с мистером Телфордом вам очень благодарны.

Беатриса протянула ему руку. Он взял ее, на секунду сжал в своих ладонях, отпустил и начал мыть чашку.

– Вам не за что благодарить меня; я знаю, что значит потерять ребенка.

Спокойной ночи, сударыня.

ГЛАВА V

Эллен вошла и отдернула занавеску.

– Мальчики чувствуют себя совсем хорошо, сударыня. Мастер Гарри уже сидит, и оба они совсем меня замучили – все спрашивают, что им дадут на завтрак. Мастер Дик говорит, что вчера остался без ужина и теперь голоден, как волк.

– Мистер Телфорд уже встал?

– Да, сударыня. Он ушел с мистером Риверсом. Они пошли на обрыв посмотреть место, где это случилось. Наверно, промокнул до костей. Дождь льет как из ведра.

Беатриса оделась и уже кормила мальчиков завтраком, когда Генри и Уолтер вернулись. Она вышла в переднюю, где они снимали плащи, с которых ручьем лила вода. Генри был мрачен.

– Беатриса, я видел это место... Просто чудо, что они остались живы.

Она рассмеялась.

– Еще как живы! Требуют малины со сливками. Конечно, зайди к ним, только сначала поешь. Они тоже сейчас завтракают. Не разрешай им много болтать. Генри, и не брани их, если можно. Они изо всех сил стараются быть веселыми, но если с ними заговорить о вчерашнем, они сразу расплачутся, а это им вредно. Лучше всего не упоминать об этом, пока они совсем не оправятся. Расскажи им о камнях друидов или почитай. А сейчас идите есть жареные сардины.

Когда он ушел к мальчикам, Беатриса повернулась к брату.

– Уолтер, мы с Генри пойдем к Пенвирну сразу же, как только уйдет доктор. Как

мне с ним говорить? И в чем больше всего нуждается его семья?

– Во всем! Во всем, начиная от башмаков и кончая крышей над головой.

Когда имеешь дело с такой бедностью, трудно решить, с чего начать. Будь даже Билл более рассудительным человеком, он и тогда вряд ли мог бы ответить иначе. Пожалуй, им нужнее всего хороший дом и мебель. И новая лодка, разумеется. Но я думаю, что за советом тебе лучше всего обратиться вот к кому. – И он глазами указал на вошедшего Повиса, который начал убирать со стола.

– Повис, миссис Телфорд спрашивает меня, что, по моему мнению, нужнее всего Пенвирнам. Я думаю – приличный дом. Их конура непригодна для жилья.

Повис, собиравший посуду, со странным выражением искоса посмотрел на хозяина.

– Бесспорно, сэр. Но приличные дома стоят дорого. Может, мистер Телфорд смотрит на это дело иначе – ведь, кроме всего прочего, придется покупать новую лодку. Говорят, старую починить невозможно. Так, может, он сочтет, что хватит и этого?

– Я думал, что вы знаете нас лучше, Повис, – спокойно сказал Уолтер. – Мистер и миссис Телфорд думают о деньгах не больше, чем думали бы на их месте вы сами.

– Мне кажется, мы не понимаем друг друга, – вставила Беатриса. – Мой муж уже говорил мне, что собирается продать кое-какую землю, чтобы можно было построить хороший дом и купить лодку, а у меня есть немного своих денег, которых хватит на мебель и теплую одежду для всей семьи. Меня заботят не расходы, – я не знаю, что предложить и как предложить, не обидев Пенвирнов. Мне нужен деловой совет.

Повис поставил стопку тарелок на стол и задумался.

– Понимаю. Ну что ж, сударыня, лодку купить нетрудно, Да и дом построить тоже, коли на то пошло. В Камелфорде есть дельный подрядчик, а в Трепане – каменоломни. В здешних местах камень – самый дешевый материал и самый пригодный для такого климата: не боится ни ветра, ни сырости.

Перевозка обойдется недешево, но когда картофель будет убран и лошади освободятся, я думаю, Мартин не запросит за них дорого, а когда улов сардин будет продан, многие в поселке будут рады подработать.

Он повернулся к Уолтеру.

– Вы, наверно, выделите участок для застройки, сэр?

– Разумеется.

– Это может подействовать на Билла. Есть что-то такое в словах «свободное владение»... – Он снова поднял тарелки. – Не так пахнет милостыней.

Беатриса удивленно посмотрела на него.

– Милостыней? Этот человек спас наших детей. Должен же он понимать, что мы до самой смерти его неоплатные должники.

– Это вы так считаете, сударыня, и мистер Риверс, да Билл-то этого не знает. Не так легко простым людям вроде него или меня разобрать, что думают благородные господа. Мы ведь народ необразованный.

Злоба в его голосе заставила Беатрису снова взглянуть на него. Он стоял спиной к ней.

– Это может относиться к Пенвирну, – мягко сказала она, – но не к вам.

Вам дали хорошее образование, или по крайней мере вы каким-то образом сами сумели его приобрести. Я каждый день обнаруживаю, как много вы знаете.

Складывая скатерть, он оглянулся на Беатрису с обычной иронической усмешкой.

– Что правда, то правда, сударыня; можно сказать, мне повезло. Я прошел три хорошие школы, пока еще пел дискантом. Моя мать научила меня читать священное писание и молиться; мой отец научил меня обращаться с лошадьми и собаками, а господа научили меня прислуживать за столом и помалкивать. Это оказалось для меня полезнее всего. – Он поднял поднос. – А потом началось мое образование. Как вы сказали, сударыня, оно было хорошее. Да только не для дамских ушей... Вода для бритья готова, сэр; и я достал коричневый костюм.

Когда он вышел. Беатриса проводила его взглядом.

– За этим скрываются тяжелые воспоминания, Уолтер.

– И очень много. У Повиса бывали самые разнообразные приключения, и, пожалуй, не обо всех можно рассказывать. Индийская кампания принесла ему две раны и медаль; он спускался по Хугли, плавал вверх по Нилу и огибал мыс Горн на торговом бриге; он был слугой офицера в Гибралтаре, коридорным в Париже, поваром в Каире и сменил еще несколько профессий.

– Но что заставило его вести такую жизнь?

– Трагедия, которую ему пришлось пережить.

– Я так и думала. Вчера вечером он сказал мне, что потерял ребенка.

– Он сказал тебе об этом? Значит, он о тебе высокого мнения, Би. За все эти годы он только два раза говорил со мной о своем ребенке.

– По его голосу чувствовалось, какое это было горе для него.

– И не удивительно. Раз он сам упомянул об этом, я думаю, ему не будет неприятно, если я расскажу тебе о его жизни.

– Я буду рада, – сказала она, – если ты расскажешь мне о нем все, что возможно. Вчера вечером кое-что в его словах произвело на меня странное впечатление... как будто через него мы можем понять Пенвирна.

– Из того, что он говорил тебе о себе?

– Н– Нет. То есть не прямо... Да, пожалуй, он имел в виду себя.

Уолтер на минуту задумался.

– Я могу рассказать только в общих чертах. Он сын бедного уэльского батрака; детство у него было тяжелое и безрадостное: он пас овец в горах.

Когда ему исполнилось четырнадцать лет, его взяли в местный «господский дом»

– поместье какого-то баронета – учиться обязанностям лакея под присмотром дворецкого. Как я однажды от него слышал, он прослужил там шесть лет и ни разу ни в чем не провинился, если не считать того, что распевал псалмы рано по утрам. Еще и

теперь, когда рядом нет посторонних, он иногда поет старинные уэльские песни, и у него удивительно приятный голос.

– Неужели? Вот никогда бы не подумала!

– По его словам, большинство горцев Уэльса страстно любят музыку. Так вот, он женился очень молодым. Она служила в том же доме и была на таком же хорошем счету, как и он. Она тоже любила петь, и, кажется, он в ней души не чаял. Они поселились в домике на землях баронета. Когда Повису исполнилось двадцать лет, его обвинили в краже меченной полукроны – ее нашли у него в кармане. Он сразу догадался, кто ее туда положил, и мог бы очистить себя от подозрений, если бы ему позволили объяснить, но баронет тут же послал за констеблем, и Повиса отправили к мировому судье, который однажды уже судил его, когда он был еще мальчиком.

– За браконьерство?

– Он убил зайца. Не браконьерство, а простая ребяческая шалость. Но этого оказалось достаточно.

– Опять законы об охоте! Как ты думаешь, станем мы когда-нибудь цивилизованной страной?

– На нашем веку – нет. Но ведь так дела обстоят не в одной Англии.

Вспомни Францию!.. Так что, разумеется, Повиса осудили, не выслушав. Когда ошибка выяснилась, он уже отбыл первый год наказания. К этому времени его дом продали, а жена и ребенок умерли в богадельне от какой-то болезни, которую подхватили в царившей там грязи и тесноте. Их похоронили в могиле для бедняков. Это озлобило его больше всех других несчастий, которые ему довелось пережить, – словно над его близкими было совершено гнусное надругательство. Когда он вышел из тюрьмы, ему предложили множество благочестивых советов и – «во утешение» – пять гиней.

– И что он сделал?

– Швырнул деньги на пол и пошел в солдаты. В армии ему жилось неплохо.

Он воевал под командой Клайва, не растрачивал зря своей доли добычи и наград и был уволен после Плесси.

– И снова стал слугой?

– Ну нет! Как он сам мне объяснил, «господами он был сыт по горло».

Кроме того, он пристрастился к бродячей жизни. Поэтому, вооружившись хорошим тесаком, а также кулинарным искусством, позаимствованным у спившегося повара француза, он отправился посмотреть мир. Насколько мне известно, ему довелось увидеть немало. Через девять лет его высадили на берег в Лиссабоне с острым ревматизмом и без гроша в кармане; он бредил и, видимо, был при смерти.

Какие-то монахи приютили его и послали за доктором, моим знакомым, который никак не мог его понять и попросил меня определить, что это за наречие.

Когда он начал поправляться, я стал брать у него уроки валлийского языка, так что мы виделись довольно часто. Он пробыл в монастыре четыре месяца и вышел оттуда с большим сердцем. Мы с доктором снабдили его одеждой и кое-какими деньгами. Он уехал очень обиженный, чуть ли не отказавшись пожать мне на прощанье руку. Он

рассердился потому, что средства не позволяли мне держать лакея. Я ничего не слышал о нем, пока он не явился в Вену, чтобы предложить мне свои сбережения, если они мне нужны, и свои услуги – нужны они мне или нет. Судя по всему, денег у него было гораздо больше, чем у меня.

– Откуда он их взял?

– Именно это я его и спросил. Он засмеялся и сказал, что можно набраться всяких дурацких знаний и все-таки голодать, но хорошо одетому человеку, который умеет готовить соус из трюфелей, нечего опасаться бедности.

– Но я все-таки не понимаю, как он ухитрился честным путем заработать столько за такой короткий срок.

– Смотря что называть честным путем. Насколько я понял, он обдумал свой план еще в Лиссабоне. Он немного говорил по-французски и умел превосходно готовить. Он добрался до Каира, выдал себя за французского шеф-повара, обучавшегося стряпне на кухнях Версаля, и с замечательной наглостью за большие деньги пошел на службу к богатому и невежественному бею.

– И его не разоблачили?

– Отнюдь. Через два года он уехал, увозя с собой тяжелый кошелек сбережений и бирюзовое кольцо, которое носит до сих пор, – дар бея в знак уважения.

– Что за странная история! И немножко страшная, по-моему. В этом неуклонном стремлении к намеченной цели есть что-то нечеловеческое.

– Согласен. Я тоже иногда это чувствую. И все же я никому так не доверяю, как ему.

– Мне кажется, – сказала Беатриса, помолчав, – он мог бы нам помочь.

Между двумя такими необычными людьми должно быть что-то общее.

Уолтер покачал головой.

– Я думал об этом, но, пожалуй, ничего не выйдет. Между Сатаной Мильтона и философствующим дервишем Вольтера нет ничего общего.

Апокалиптический гнев Билла кажется Повису наивным и детским; он считает, что жизнь надо принимать такой, как она есть, и не ждать от нее слишком много. Боюсь, он был прав, говоря, что получил хорошее образование. Нет, дорогая, если кто-нибудь и может спасти Билла от него самого, так это ты; а пять лет назад это было бы не под силу и тебе.

– И год назад тоже. Думаю, что даже и теперь мне это не удастся, если я не смогу подобрать к нему ключ. Нельзя ли повлиять на него через жену?

Наверное, нет, если их брак неудачен.

– Боюсь, что так. Мэгги в простоте душевной сделает все, что сможет, но она выводит Билла из терпения своей набожностью, хотя мне кажется, что они все еще очень привязаны друг к другу. По-видимому, она не просто благочестива. Возможно, она действительно впадает в состояние экстаза, о котором большинство последователей Уэсли знают только понаслышке, – это написано на ее лице. Но ее отношения с мужем от этого не улучшаются. В теперешнем его настроении Билл

приходит в неистовую ярость от душеспасительных разговоров, а бедняжка Мэгги обрела Христа и не может молчать о нем.

– А если я попробую подействовать на него через детей? Ты говорил, что у него их много.

– Даже слишком: у всех здешних рыбаков огромные семьи. Правда, одного из мальчиков он любит больше других, хотя я не уверен, что даже через него тебе удастся чего-нибудь добиться. Насколько я могу судить, остальные неблагоприятная почва; их никак нельзя сравнить ни с отцом, ни с матерью. Но у этого мальчика необыкновенное лицо, и я слышал от Повиса, что Билл в нем души не чает. Я пытался подружиться с малышом, но сблизиться с кем-нибудь из Пенвирнов очень трудно из-за вечных нападков Фанни и гордости Билла. Все его дети, по-моему, боятся со мной разговаривать. Я подозреваю, что Билл им это запретил; он, возможно, опасается, как бы я не подумал, что раз они проявляют дружелюбие, то, значит, хотят что-то у меня выклянчить. Видишь ли, некоторые из рыбаков уже пробовали этот способ. К сожалению, больше я ничем не могу помочь тебе, Би. Тебе придется попробовать самой.

– Во всяком случае, ты, я думаю, согласишься, что мне не остается ничего другого, как попробовать. Я не смогу смотреть в глаза ни одной матери, если не найду способа помочь этим людям.

Доктор приехал в девять, и, выходя за ним из комнаты больных, Генри сиял от радости. Осмотр обоих пациентов дал самые утешительные результаты.

– Надеюсь, – сказала Беатриса, – что моя невестка провела ночь хорошо?

– Она еще спала крепким сном, когда я уезжал. У меня сегодня большой обход, и я выехал из дома рано. Он повернулся к Уолтеру.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине.

– Со мной? – удивленно спросил Уолтер. Генри помрачнел.

– Если вы не решаетесь сообщить нам что-то дурное, доктор, – сказал он, – то мы с женой предпочли бы...

– Нет, нет, это не имеет никакого отношения к мальчикам. Мне надо посоветоваться с мистером Риверсом совсем по другому делу.

Уолтер провел его в кабинет. Лицо доктора стало очень серьезным.

– Скажите мне, – начал он, – вы не замечали в поведении миссис Риверс чего-нибудь необычного?

– Ну... только то, что вы сами видели: она не умеет сдерживаться.

– Вам не приходило в голову, что это может быть связано с душевным заболеванием?

Уолтер растерянно посмотрел на него.

– Я... не думал об этом. Вы хотите сказать, что она... сумасшедшая?

– Пока не берусь это утверждать, но она кажется мне не вполне нормальным человеком. Говоря откровенно, вчера вечером, впервые услышав ее голос, я подумал об алкоголизме, но, по-видимому, дело не в этом.

– Я никогда не замечал, чтобы она пила.

– Во всяком случае, вчера она была совершенно трезва. Я не вполне понимаю, что с ней такое. В моей практике я еще не встречался с подобными случаями. Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о ее обычном поведении о ее привычках, например?

Уолтер заколебался, и лицо его болезненно сморщилось.

– Когда она приезжала сюда прошлым летом, я заметил, что ее истерические припадки и... все остальное – стали сильнее. А теперь – не знаю; она только что приехала. Но мне следует объяснить вам, что за последние пять лет я почти не виделся с моей женой. Мы обвенчались, зная друг друга очень недолго – меньше месяца, а через четыре года почти совершенно разошлись. То есть каждый год она приезжает сюда на несколько недель... но и тогда мы встречаемся только за столом, два раза в день. Она встает поздно, и я уже обычно работаю, когда она выходит из своей комнаты.

– Значит... простите меня... у вас отдельные спальни?

– Да. Когда она приезжает, я сплю в этом кабинете, куда, как мы уговорились, она не должна входить.

– Поэтому вы и не заметили некоторых симптомов. Я могу только посоветовать вам обратиться к специалисту по душевным болезням. Лучше всего покажите ее кому-нибудь в Лондоне.

– Непременно, если мне удастся убедить ее поехать туда. Но я не имею на нее почти никакого влияния и в ближайшее время все равно не могу уехать отсюда. Мои сестра и зять не знают Корнуэлла, и им нужна моя помощь. А пока – что нам предпринять? Ей нельзя оставаться здесь, даже если бы в доме была свободная комната. Моя сестра едва начала оправляться от долгой болезни после несчастного случая, который стоил жизни одному из ее сыновей; она сама уцелела только чудом, – а теперь еще и это... Я не могу допустить, чтобы повторилась вчерашняя сцена.

– И для мальчиков это также было бы крайне вредно – после такого потрясения им нужен полный покой. Если я могу чем-нибудь помочь вам.. .

– Если бы вы согласились недели на две взять к себе миссис Риверс под постоянное наблюдение и не пускать ее сюда, вы оказали бы нам огромную услугу. Но захочет ли она остаться у вас?

– Думаю, что да. Конечно, она ни в коем случае не должна даже подозревать, что находится под присмотром. Она во что бы то ни стало хочет знать, что вы. а также мистер и миссис Телфорд собираетесь предпринять, особенно в вопросе о вознаграждении Пенвирну. Она боится, что он потребует больше, чем ему положено, а ведь ближе Тренанса она нигде не найдет приличного ночлега. К счастью, кроме меня, ни у кого в деревне нет закрытой кареты. Я постараюсь не привозить ее сюда, а пешком она не доберется. Но у мистера Мамфорда есть открытая двуколка. Боюсь, что когда дождь кончится...

– Эта двуколка как раз поднимается на холм, и она сидит рядом с ним под зонтиком.

– В такой дождь? Я знал, что она рвется сюда. Вчера вечером она пыталась добиться от меня обещания, что я подожду ее. Ну, я спущусь в поселок и посмотрю,

что с Пенвирном.

Его карета уже спускалась с холма, когда двуколка подъехала к дому с противоположной стороны. Беатриса в гостиной надевала шляпу. Она с улыбкой повернулась к невестке, которая входила в комнату в сопровождении священника.

– Доброе утро, Фанни; еще минута, и вы нас не застали бы. Мы с Генри собираемся навестить спасителей. Надеюсь, в доме доктора вам было удобно?

Доброе утро, мистер Мамфорд! С вашей стороны было весьма любезно подвезти миссис Риверс. Боюсь, что вы промокли в дороге. Благодарю вас, мальчики чувствуют себя хорошо; доктор только что ушел. Да, поистине чудесное спасение. Совершенно справедливо – наши сердца преисполнены благодарности.

Могу я вам что-нибудь предложить перед уходом? Попросить Эллен взять ваш зонтик, Фанни?

На этот раз Фанни была настроена не очень воинственно. Она явно чувствовала себя неловко, хотя и не так, как ее провожатый.

– Беатриса, – начала она, – мистер Мамфорд хотел бы поговорить с вами и с Генри, прежде чем вы поедете к рыбакам. Ему надо кое-что сообщить вам, и я считаю, что вам следует его выслушать.

– Я надеюсь, – сказал священник, – что вы извините меня, если я задержу вас на несколько минут. Это довольно важное дело, и мой долг повелевает мне...

Беатриса любезно пришла ему на помощь.

– О, разумеется. Пожалуйста, присядьте: мы не особенно торопимся.

Только разрешите, я позову моего мужа и брата. А, вот и ты, Уолтер. Ты не попросишь Генри присоединиться к нам? Фанни и мистер Мамфорд хотят нам что-то сообщить. Ужасная сырость, не правда ли? И так ветрено. Наверно, это надолго – ведь столько времени держалась прекрасная погода. Но уж если дождь начнется... Это мистер Мамфорд из Тренанса, Генри; мой муж, мистер Мамфорд.

Священник откашлялся. Судя по его виду, ему хотелось провалиться сквозь землю.

– Мистер Телфорд, я взял на себя смелость заехать к вам, ибо в отсутствие леди Маунтстюарт ее здесь представляю я. Я убежден, что она пожелала бы, дабы я принес... выразил ее поздравления по поводу столь чудесного избавления от смерти...

– Ну... благодарю вас, – сказал Генри.

– Я также убежден, что ее желанием, кроме того, было бы осведомить вас о некоторых подробностях поведения этого Пенвирна, прежде чем вы займетесь вопросом о награде, которую он не преминет потребовать...

Он беспомощно посмотрел на Фанни.

– Миссис Риверс говорила мне, что вы, возможно... выкажете большую щедрость... Это, разумеется, достойно всяческого восхищения, но я знаю, что чувства леди Маунтстюарт...

Он умолк, робко поглядывая на своих слушателей. Нижняя губа Генри не слишком его ободрила, но Уолтер сохранял обычную вежливую сдержанность, а Беатриса все еще улыбалась самой любезной из своих улыбок.

– Извините меня, – медленно начал Генри. – Я вас не совсем понимаю.

Какое, собственно, отношение имеет ко всему этому леди Маунтстюарт?

– Как владелица поместья...

– А разве эта земля по-прежнему часть ее поместья? Мне казалось, что она продала ее мистеру Риверсу.

– Ну... конечно, но леди Маунтстюарт, естественно, сохраняет интерес самый благожелательный интерес – к благосостоянию и нравственности здешних рыбаков. И я знаю, что она, как и все мы, сочла бы, что бывают случаи, когда излишнее великодушие не приносит добра... совсем не приносит... – Он снова запутался и умолк.

– Я думаю, что следовало бы выказать уважение к желаниям дорогой леди Маунтстюарт, – сказала Фанни. – В конце концов она самая важная особа в здешней округе, и именно она заботится о духовных нуждах местных жителей.

Если бы не ее щедрость, здесь не было бы ни церкви, ни священника ближе чем за семнадцать миль.

Видя, что Генри начинает закипать, Беатриса с милой улыбкой поспешила вмешаться:

– Разумеется, мы с мужем будем очень признательны за всякие сведения, которые помогут нам понять положение. Вас не затруднило бы, мистер Мамфорд, объяснить нам подробнее, что вы имеете в виду? Насколько я поняла, вы полагаете – или, вернее, так, по вашему мнению, полагала бы леди Маунтстюарт. – что слишком щедрое выражение признательности, которую мы испытываем к Пенвирну, может оказать губительное влияние на благосостояние и нравственность жителей поселка?

Мамфорд испуганно и недоуменно посмотрел на Беатрису, но вид у нее был самый невинный.

– Я... – запинаясь, начал он. – Дело в том, что все сложилось крайне неудачно. Конечно, как говорит миссис Риверс, мы все бесконечно благодарны провидению за эту неизреченную милость...

– Но, может быть, вам кажется, что было бы лучше, если бы оно избрало другое орудие?

Уолтер в первый раз вмешался в разговор:

– Спасти их мог только он. Разрешите спросить вас, мистер Мамфорд, вы опытный гребец?

– Я... нет; я не имел обыкновения...

– Ну, а у меня есть некоторый опыт, и я знаю это побережье. Никто, кроме Пенвирна, не решился бы попытаться спасти их оттуда, кроме, пожалуй, моего слуги Повнса, а он утверждает, что у него не хватило бы на это умения.

– Ах, вот как... Разумеется, все мы ценим... Но, к несчастью, этот человек... не из тех, кому могут пойти на пользу лишние деньги... человек, недостойный слишком большой награды. Конечно, какой-нибудь приличествующий знак признательности... и, естественно, новая лодка... но я могу уверить вас, основываясь на личном

знакомстве с ним, что он не способен чувствовать ни малейшей благодарности...

– И не нужно... – пробормотал Генри, а Беатриса прибавила нежнейшим голосом:

– Видите ли, это мы ему благодарны.

Она перевела взгляд с потемневшего лица Генри на его стиснутые кулаки, потом на трепещущего священника. Времени терять было нельзя. Она встала.

– Вы были очень любезны, мистер Мамфорд: проделать такой путь, чтобы сообщить нам все это, и к тому же в такую погоду. А теперь, я надеюсь, вы извините нас. Мы должны успеть спуститься в поселок и вернуться домой до начала прилива, а нам надо повидать там нескольких человек. Спасибо, Фанни, но я думаю, что нам лучше поехать одним, – мы же родители, вы понимаете.

Уолтер, ты не посидишь с мальчиками до нашего возвращения? Постарайся, чтобы они лежали спокойно. Я очень сожалею, Фанни, но доктор пока не разрешает допускать к ним гостей. До свидания.

Карета успела благополучно тронуться в путь, прежде чем Генри взорвался:

– Вот дьявольская наглость! Извини, дорогая, я нечаянно. Но соваться не в свое дело и командовать, как нам поступить с собственными деньгами, и тыкать нам в нос своей леди Маунтстюарт в доме Уолтера! Я... я просто не понимаю, почему я не дал ему хорошего пинка.

– Это было бы излишне, – ответила она, стараясь успокоить его. – Он уже получил хороший пинок от судьбы, да и от Пенwirна, кажется, тоже. Бедняга, наверное, уже привык, что его пинают. Ты заметил, как он поглядывал на Фанни, ожидая приказаний? Хотела бы я знать, откуда у нее такая власть над ним и почему он так трепещет перед ней?

– Я впервые в жизни вижу женщину, которая так похожа на ядовитую змею.

Бедный Уолтер – быть мужем такой ведьмы! И что его толкнуло на это?.. Ведь, кроме всего прочего, она еще и страшна как смертный грех. Она, наверное, напоила его и ..

– Не думаю, чтобы Уолтер хоть раз в жизни был пьян.

– Знаю, знаю. Он очень воздержан, но кому в молодости не приходилось разок хлебнуть лишнего? Ну, как бы то ни было, совершенно ясно, что она при помощи какой-то хитрости заманила его к себе в постель или сама залезла к нему. Остальное было уже нетрудно: стоило ей только притвориться, что ожидается потомство, и бедняга решил, что, как честный человек, он обязан жениться на ней. Во всяком случае, здесь был какой-то фокус-покус. И по-моему, ты права, родная: этот попик до смерти боится ее. Да и не удивительно!

– Возможно, она внушила ему, что имеет влияние на леди Маунтстюарт и может лишиться его места. Или она знает о нем что-нибудь компрометирующее настоящее или вымышленное: для такого труса это не имеет значения. Фанни не задумываясь пустит в ход любую случайно услышанную сплетню, чтобы запугать его и подчинить себе. Ну, давай забудем о них обоих. Они не стоят того, чтобы из-за них сердиться. Генри, милый, я хочу поговорить с тобой прежде, чем мы увидим Пенwirна. – Она взяла его за руку. – По словам Уолтера, он трудный человек; и сейчас с ним, наверное, будет особенно трудно. Он пережил страшное потрясение – ведь ему пришлось не легче, чем

мальчишкам. И возможно, он не спал из-за своей ноги. Кажется, она не только вывихнута, но и поранена: Гарри сказал мне, что у него весь сапог был в крови. Кроме того, ты знаешь, как мучительно может болеть вывих. А мальчишки накануне вели себя возмутительно. Если он заупрямится или будет груб, постарайся сдержаться.

Он крепко сжал ее руку.

– Любимая, неужели ты думаешь, что я буду думать о его манерах? Я... я готов стать перед ним на колени... Если бы ты видела этот риф...

До конца поездки они больше ни о чем не говорили и только крепко держались за руки.

ГЛАВА VI

Рыбачья деревушка была на редкость унылой. Кучка убогих хижин примостилась под угрюмой скалой; пороги их облепены грязью, маленькие окошки потемнели от дождя, который сеется с нависшего над самыми крышами грязно-серого неба. Был час отлива, и по всему берегу валялись выброшенные волной рыбы потроха; даже прожорливые чайки на сей раз уже насытились и больше не подбирали отбросов. Море и то казалось грязным. На берегу было пустынно и только несколько усталых рыбаков еще заколачивали последние бочонки под навесами, где гулял ветер; и по их вялым, сонным лицам было видно, что вчерашний день, полный тяжкого труда и радостного волнения, закончился попойкой.

Грязный мальчишка с заячьей губой подошел к карете, когда она остановилась у края песчаной отмели. Генри высунулся из окна.

– Не скажешь, где живет Пенвирн?

– Э?..

– Где тут дом Пенвирна?

– Э-э...

– Здешний дурачок, – шепнул Генри. Неряшливо одетая женщина отворила дверь.

– Иди домой, Джо, – позвала она. – Чего уставился на господ, как баран на новые ворота?

– Добрый день, мэ. Не скажете ли, где живет Пенвирн?

– А как же. Джо, сбегай проводи господ к Биллу. Выйдя из кареты, они стали пробираться по неровному песку, стараясь не наступить на рыбы потроха; Генри низко пригибал зонт, защищая голову жены от ветра и дождя.

Она уже начала было тяжело дышать от усталости, но тут Джо, который плелся впереди, остановился у одной из самых жалких хижин этого забытого богом уголка.

– Э-э.

Он получил свой шестипенсовик и ушел, а они стояли под дождем, онемев при виде этой удручающей нищеты. Крыша протекала, стены набухли и перекошились, разбитые окна заткнуты тряпками; костлявая корова привязана под навесом; разбитая

лодка валяется вверх дном на песке, и в ней зияет пробоина...

– Господи, какая развалина, – пробормотал Генри. Он постучал, и девушка лет семнадцати, забитая, болезненно-бледная, с соломенными волосами, падающими на бесцветные сонные глаза, держа в руках завернутого в тряпье младенца, приотворила дверь и молча уставилась на пришельцев.

– Пенвирн здесь живет? Мы родители мальчиков, которых он вчера спас.

Можно войти?

Ни слова не говоря, она медленно отворила дверь пошире. На лице ее застыл испуг.

В доме, очевидно, была всего одна довольно большая комната, вторая дверь, ведущая в пристройку-кухню, была растворена, и там что-то мастерили два мальчика. За дверью видна была приставная лестница, ведущая то ли на чердак, то ли на сеновал. На веревке, протянутой в глубине комнаты, висело изношенное, все в заплатках белье, и вода капала с него на неровный глиняный пол. Под дырявую крышу в одном месте подставили миску, в другом – ведро, и в них, звеня, непрерывно стекали струйки дождя. В одном углу из-за линялой ситцевой занавески в синюю и белую клетку виднелось что-то вроде постели, в другом были свалены рваные одеяла, которые тоже, очевидно, служили постелью.

Старый пес, кошка и несколько босоногих ребятишек сидели на полу – там, где он еще оставался сухим. У стола измученная, преждевременно состарившаяся, сгорбленная женщина споласкивала в глиняной миске тарелки и кружки; светлые волосы, редкие и потускневшие, закручены на затылке тугим узлом. Уголки рта горько опущены, но профиль строгий и тонкий. Должно быть, в юности, когда от горя, нужды и материнства еще не увяли ее голубые, как незабудки, глаза, она была не просто хорошенькой, но настоящей красавицей.

Пенвирн сидел у дымящего очага, в единственном кресле, спиной к вошедшим. Больная нога, туго перевязанная, в лубках, была вытянута на подушке, обтянутой все тем же полинявшим клетчатым ситцем. В зубах у него торчала пустая, дочерна обкуренная трубка. Исцарапанная, вся в кровоподтеках рука лежала на ручке кресла, – рука небольшая, но на редкость сильная.

Худой, жилистый, он как-то странно застыл без движения, точно притаившийся в засаде хищный зверь.

Женщина поспешно поставила на стол кружку, которую она мыла, и, вытирая руки краем фартука, пошла к ним навстречу. Видно было, что она недавно плакала.

– Пожалуйста, входите, мэм. Вон как вымокли. На дворе-то так и хлещет.

Входите, сэр, входите, ничего.

Она, как и дочь, казалась испуганной. Захлопнув двери, чтобы в комнату не ворвался ветер и дождь, она тем же фартуком вытерла стул и поставила его перед Беатрисой, потом пододвинула Генри деревянную табуретку и крикнула через плечо:

– Джим! Джимми, принеси-ка щепок, подкинь в огонь. Дождь заливает в трубу, все погасло.

Рослый, одетый в лохмотья паренек вышел из пристройки с охапкой выброшенных морем обломков. Он молча, неловко поклонился, опустил на колени и раздул огонь.

– Выплесни воду, – сказала мать, кивком показывая на миску. – Дженни, а ты уведи ребят в пристройку. Меньшого оставь.

Мальчик снова неловко поклонился и свистнув собаке, унес миску. Пес выбежал за ним, а девушка усадила малыша на пол и, забрав всех остальных детей, вышла в пристройку и закрыла за собой дверь.

– Садитесь, сэр, пожалуйста. Доктор приходил, сказал, вы его послали.

Душевное вам спасибо.

Хозяин чуть повернул сидящую голову к гостям и искоса поглядел на них недобрыми глазами.

– Он отдыхает. – Поспешно объяснила женщина. – Уж вы простите, что он не встает. Всю ночь с ногой промаялся... Доктор велел малость полежать... У него там косточка сломанная.

– Чего надо? – неожиданно и зло спросил Пенвирн.

Генри подошел к нему и протянул руку.

– Мы с женой пришли поблагодарить вас за наших мальчиков. Я... я просто не знаю, как выразить... Мы до самой смерти будем вам благодарны. Позвольте пожать вашу руку.

Пенвирн с отвращением отмахнулся.

– Заговаривайте зубы кому другому. Велика заслуга... выудил двух щенят, экое сокровище, подумаешь! Лучше бы утопи, туда им и дорога.

– Ох, Билл, – простонала его жена и поглядела на Беатрису полными отчаяния глазами. – Не сердитесь, мэм. Не сердитесь! Он ничего такого не думает. Это просто нога его доняла, да еще лодку разбило, да он улов упустил, да...

Беатриса улыбнулась.

– Ну что вы, миссис Пенвирн, мы так благодарны вашему мужу, разве мы можем на него сердиться.

У женщины дрогнули было губы, но тотчас снова застыли. Как удивительно тонко они очерчены, редко увидишь такой безукоризненный изгиб.

– Он устал, мэм. Уж вы простите его. Такой день тяжелый выдался. Все утро корову искали, потом...

– Попридержи язык, Мэгги, – прервал муж спокойно, почти добродушно. – Нечего толковать про наши беды, им это ни к чему. Делай свое дело, и все тут.

– Что это вы, Пенвирн, – сказал Генри. – Разве же мы вам враги? Вы спасли наших детей от страшной смерти, и это самое главное, что бы вы теперь ни говорили. Зачем нам ссориться? Мы ведь пришли только, чтобы поблагодарить вас и узнать, чем мы можем доказать свою благодарность на деле.

Пенвирн откинулся на спинку кресла и злобно захохотал.

– Чем доказать? Слыхали мы такие разговоры! Да– Да, господин хороший. Вы не думайте, мне не впервой выживать из соленой воды вашего брата. Я и до этих поганцев людей спасал. Давно бы надо стать умнее. Лодку продырявил, ногу разбил,

рыбу упустил – и все из-за вас. А что мне толку от вашего спасибо? На новую лодку небось не хватит.

– На лодку, Пенвирн? – подхватил Генри. – А может быть, лучше приличный дом вместо этой...

– Нет, нет, Билл! Не надо! – вскрикнула Мэгги. Но было уже поздно, забыв о больной ноге, Пенвирн вскочил и, подняв кулаки, бешено сверкая глазами, кинулся на Телфорда.

– Этой лачуги, а? Насмехаешься над моим домом? Это мой дом, слышишь, мой, пока я плачу аренду. Убирайся отсюда, убирайся вместе со своей сукой, пока я... Вон, черт тебя, подери, вон!

Генри тоже поднял кулак, желая просто защитить себя. Этот сумасшедший на все способен. Так они застыли на мгновение, точно бык и пантера, готовые кинуться друг на друга. И тут между ними стала Беатриса, обеими руками схватила занесенный кулак Пенвирна, заглянула в горящие яростью глаза; секунда другая – в зрачках его что-то дрогнуло.

– погоди, Генри. Молчи. Послушайте, вы просто не поняли. Разве вы не хотите принять от моего мужа дом? И лодку тоже?

Пенвирн молча смотрел на нее.

– Миссис Пенвирн, – позвала Беатриса, все еще глядя в глаза Пенвирна. – Подойдите сюда и скажите, пожалуйста, вашему мужу, что бы вы сделали для человека, который спас ваших детей?

Мэгги порывисто закрыла лицо руками. Кулаки Пенвирна сами собою разжались. Он по-прежнему не отрываясь глядел на Беатрису. Она быстро наклонилась и поцеловала руку, которую все еще держала в своих. Он отшатнулся, попятился к своему креслу и сел. Беатриса нагнулась и положила его больную ногу на подушку. Он медленно повернулся, посмотрел на жену, потом на Генри – у того глаза были полны слез, – и неуверенно протянул ему руку.

– Не обижайтесь, сэр. Я не... я думал, у вас другое на уме. Генри схватил протянутую руку и крепко стиснул ее.

– Помилуйте, Пенвирн. Что же еще могло быть у меня на уме?.. Ну– Ну, господь с вами.

Он выпустил руку Пенвирна, громко высморкался и отвернулся, нащупывая стоявший позади стул.

– Ну– Ну, не могу я этого. Сразу дураком себя чувствуешь. Займемся-ка лучше делом.

Он наконец сел и вытащил записную книжку.

– Я бы хотел подсчитать, хотя бы начерно, чтобы прикинуть, во что это обойдется. Подробности можно обсудить и после. Я хочу, чтобы у вас был приличный домик и кое-какая мебель и чтобы вы могли побольше зарабатывать на жизнь. Прежде всего вам нужна хорошая лодка.

– Спасибо вам, сэр. Вот без лодки мне и вправду никак нельзя. Я не хочу просить у вас лишнего... Но вот если б мне лодку получше, парусную бы.

Беатриса, обнимавшая вздрагивающую от рыданий Мэгги, при этих словах обернулась к нему.

– Мой брат попозже спустится сюда и поговорит с вами о лодке, он в этом понимает больше нас. Он просил передать вам, что, если вы с моим мужем решите, какой строить дом и выберете место, он пригласит землемера из Падстоу измерить участок, чтобы поверенный мог составить документ на свободное владение землей.

Да, Повис был прав: эти слова обладали волшебной силой. Билл ничего не сказал, но она видела, что он одними губами повторил: «Свободное владение».

– Вот и хорошо, – оживился Генри. – Начнем с дома. Кстати, а сколько у нас времени в запасе? Мы еще хотим поблагодарить Полвилов за помощь и успеть вернуться до прилива.

– Времени пропасть, сэр. Больше двух часов.

– Тогда поговорим о доме. В домах я разбираюсь. У меня есть кое-какой опыт по этой части. Прежде всего, сколько вас в семье?

Билл, словно все еще не веря своим ушам, оглянулся на Беатрису. Она улыбнулась в ответ.

– Обсудите это с моим мужем. Вот увидите, он знает толк в домах. А мы с вашей женой поговорим об одежде для детей. Миссис Пенвирн, давайте составим список.

Увидав, что она достает из ридикюля бумагу и карандаш, Мэгги подошла к висевшей в углу полке, сняла с нее замусоленную, растрепанную книжку и подала Беатрисе, чтобы той удобнее было писать. Это было дешевое издание Евклидовой геометрии.

Беатриса удивленно вскинула глаза: Уолтер говорил ей, что здешние рыбаки почти сплошь неграмотные. На полке стояло несколько потрепанных книжек – какие-то школьные учебники, а также ветхое четырехтомное издание, вероятно какой-нибудь энциклопедический словарь. Кроме того, там стояли две-три самодельные модели машин, а на стене висело что-то вроде грубого чертежа или диаграммы. Беатриса отложила карандаш в сторону и посмотрела на Билла.

Впервые она могла спокойно, без помехи разглядеть его – они с Генри были поглощены расчетами.

Похож на обезьяну, безобразный...

Что ж, вполне понятно, что мальчики, ничего другого не увидели в нем, они ведь еще дети.

Нет, Пенвирн совсем не уродлив и не страшен. И, однако, маленький, худой, смуглый и очень живой, он, придя в ярость, мог показаться неискушенному глазу ничем не лучше рассвирепевшего шимпанзе. Даже и сейчас, в добрую минуту, прежде всего бросались в глаза скорбный рот и гневная складка меж бровей.

И еще нечто было в его облике. Нечто, отличавшее не одного Пенвирна, но многих жителей этого края, и если бы не Уолтер, она вряд ли разглядела бы это. Под горечью и озлобленностью, тлевшей в нем, таилась вековая, от предков унаследованная обида – обида жителя бесплодных земель: печать бессознательной, но никогда не угасающей враждебности, которой, по словам Уолтера, отмечены все неимущие. В Пенвирне

было что-то от того малорослого смуглого племени охотников, которое кельты изгнали из его родного края, а также нечто и от самих кельтов, которые в свою очередь были согнаны с насиженных мест. Здесь, в Каргвизиане, Уолтер уже не раз указывал ей лица, отмеченные этой печатью, но ни у кого другого она не видела такого высокого лба, таких пытливых глаз.

Заметив, что Беатриса задумалась, Мэгги стала перетирать и убирать тарелки. А когда ее позвали, послушно подошла и молча остановилась рядом.

– Что же вы стоите, миссис Пенвирн? – сказала Беатриса. – Надеюсь, когда мы уедем отсюда, у всей вашей семьи будет на зиму теплое платье и крепкая обувь. Сколько у вас детей? Четверо мальчиков. А девочек? А этот малыш ведь ваш внук, правда? Скажите мне, как их зовут и кому сколько лет.

Мэгги отвечала едва слышным шепотом. Нет, надо как-то разбить лед, надо заставить ее разговориться.

– Я хочу написать домой, пусть пришлют сюда одежду, из которой мои дети уже выросли. Кроме мальчиков, у меня еще есть дочурка, и все они растут так быстро, что ничего не успевают сносить. Обычно я все отдаю друзьям или соседям, но весь этот год я проболела, и все вещи остались. Пожалуй, можно будет переслать из Бристоля в Падстоу морем целый сундук, – продолжала она, подумав. – Возчик завезет его в Тренанс, а уж оттуда его нетрудно доставить к вам. Тогда видно будет, что еще нужно докупить. Сколько лет той беленькой девочке, которая играла с собакой? Мне кажется, платья моей дочки будут ей как раз впору.

Еще немного, и преграда, разделявшая их, рухнула. Мэгги, постепенно осмелев, заговорила о детях, а там и о муже. Она, видимо, боялась, как бы добрая леди не подумала, что Билл всегда «такой злой на язык», и горячо уверяла ее, что это только когда дела особенно плохи. А вообще он хороший муж и отец, несмотря на грубые речи.

– Работает больше всех... И не пьет почти... так только иной раз... самую малость... И то разве что господа обидят... Вот тогда он и делается злой.

– Понимаю, – мягко сказала Беатриса. – Мы все делаемся злыми, когда жить становится уж очень тяжело. Я это по себе знаю.

Мэгги поглядела на нее с сомнением: ей и в голову не приходило, что господам тоже иной раз тяжело приходится. Потом ее синие глаза стали строгими.

– Но если обретешь бога, мэм, все можно стерпеть.

Что ж, пусть тешит себя сказками, простая душа, если ей от этого легче... И Беатриса снова перевела разговор на теплое белье.

Неожиданно Билл отбросил листок с расчетами. Голос его прерывался от волнения, чувствовалось, что он делает над собой отчаянное усилие.

– Нет, сэр, не надо мне этого! Спасибо вам за вашу доброту, это мы очень даже понимаем. Но вам незачем строить для нас дом. Девятнадцать годков мы тут прожили и еще потерпим. Вот разве только крышу починить. Она вся как решето. Если б залатать малость, на наш век хватит. Авось нам уже недолго...

– Но почему? – перебил Генри. – Я предлагаю вам дом от чистого сердца, вы заслужили куда большего. Почему же вы не хотите?

– Потому что есть кой что поважней дома! Мэгги не будет на меня в обиде... верно, старушка?

Он повернулся к жене, словно ища у нее поддержки.

– Мы проживем и тут, нам не привыкать. А вот если б Артуру образование...

Мэгги, ахнув, всплеснула руками. А Билл продолжал, торопливо, сбивчиво, спеша излить то, что было у него на душе.

– Это станет не дороже дома. А я бы... Верно, сэр. Артур оправдает. Он малый с головой. Так и доктор сказал, его к нам мистер Риверс присылал прошлый год, когда на всех хворь напала. Он сказал: этого парнишку стоит учить. Право слово!

Генри поднял руку.

– Погодите! Одну минуту. Я не понимаю. Артур ваш сын?

– Да, сэр. Мой второй.

– Это он сейчас заходил?

– Нет, нет. Это Джим и Джонни. Этим место здесь. Они попытают нашего рыбацкого счастья... А вот Артур, он совсем другой.

Беатриса закусила губу. Совсем другой... Бобби, Бобби! ..

Генри сдвинул брови.

– Послушайте, Пенвирн. Не мое дело вам указывать. Я сказал, что хочу дать денег на дом. И если вы предпочитаете распорядиться ими иначе, я все равно не откажусь от своего слова. Но, по-моему, это не годится: как можно принести здоровье жены и других детей в жертву одному сыну, ценой лишений всей семьи дать ему образование, которое ему не нужно и не принесет ему добра. Пусть лучше остается там, где ему положено быть, и вырастет хорошим человеком и хорошим рыбаком.

– Верно, сэр, – ответил Билл, глядя прямо ему в глаза. – Вы желаете нам добра, это мы понимаем. Спасибо вам. Но вы не знаете, что значит быть рыбаком.

– Но подумайте, – настаивал Генри. – Какой прок будет вашему мальчику от образования? Разве от этого он станет джентльменом?

– Нет, сэр. он станет механиком.

Генри покачал головой.

– Он только потеряет покой, начнет презирать братьев и сестер.

Мэгги вскинулась, ее застенчивости как не бывало.

– Нет, сэр! Мой мальчик не такой. Вы не знаете Артура!

Генри беспомощно обернулся к Беатрисе.

– Попробуй ты объяснить им. Это безумие.

– По-моему, мы ни о чем не можем судить, пока не узнаем побольше, серьезно ответила она. – Если мальчик и в самом деле одаренный, мы, может быть, сумеем кое-чему обучить его, и при этом не в ущерб дому. Пожалуйста, расскажите нам о нем. Почему вы думаете, что он... совсем другой? Погоди, Генри. Я хочу послушать, что скажет миссис Пенвирн.

Мэгги подняла на нее огромные, строгие глаза.

– Билл верно сказал, мэм. Господь судил Артуру быть его слугой, трудиться на его ниве, и не нам становиться ему поперек дороги.

– А, брось болтать глупости, – сердито перебил муж. – Заделалась методисткой, и теперь у нее на уме одни только миссии да обращение язычников, а им это вовсе ни к чему.

Он стукнул кулаком по ручке кресла.

– Говорят тебе, не допущу, чтобы Артур шел в священники. Не допущу, так и знай!

Генри потер лоб – верный признак крайнего смятения.

– Ничего не понимаю, чепуха какая-то. Пойми, дорогая, я готов сделать все что угодно, лишь бы они были довольны. Но нельзя же поступать опрометчиво. Не то, чтобы я жалел денег... хотя, конечно, приходится смотреть на вещи трезво... мы не можем обещать больше того, что мы в силах выполнить. Мы не имеем права действовать в ущерб Бартону. Надо еще отблагодарить Полвиллов за их помощь... Они тоже заслужили... И купить новую лодку Уолтеру... да еще расходы из-за болезни, и... и все это, не считая дома и лодки.

Билл поднял руку.

– Не нужно нам всего этого, сэр. Мы ничего больше не просим. Выучите моего парня – и мы квиты... только еще лодка, конечно.

– Вздор, вздор, приятель, вам нужен новый дом. Подумайте о своей жене, каково ей, бедной. Послушайте, если мальчик способный, мы научим его самому необходимому, и это не будет помехой дому. На это не нужно больших денег. В Тренансе есть школа?.. Почему бы ему не походить туда? Он бы выучился читать, писать, считать, а чего еще ему...

– Не надо ему это, – перебил Пенвирн.

– Артур пишет и считает очень даже хорошо, сэр. Он всякую свободную минутку читает, – с гордостью добавила жена.

– А, так он уже кое-чему учился. Где же это?

– Отец выучил его читать, он тогда еще во-он какой был. Его от книжек не оторвешь, обедать и то не дозовешься. Беатриса взяла лежащую у нее на коленях книгу.

– Он и эту читает?.. Это Евклид, Генри.

Мэгги тихо рассмеялась; смех у нее был прелестный.

– Он нарисовал в пристройке на стене одну такую картинку, чтоб учить эти треугольники и всякое другое, пока чистит картошку. Ох, я забыла про картошку! Простите меня, мэм.

Она поспешила в кухню.

– Дженни, Артур принес картошку? Чистят ее? Может, ты дочистишь?

Господи, да что ж это вы?

Она вернулась, смущенно улыбаясь.

– Хотите поглядеть, мэм? Он взял картошку, чтобы сложить такую картинку, да и забыл про нее. Билл снисходительно засмеялся.

– Твой сын, Мэгги. Оба вы мастера забывать. Беатриса прошла за ней в пристройку. На столе она увидела сорок седьмую теорему – вместо линий разложены прутики, по углам картофелины. В задумчивости возвратилась она в комнату.

– Они правы, Генри. Мальчик должен получить образование.

– Что ж, дорогая, конечно, если ты считаешь... Я-то против того, чтобы забивать ребятам головы. Это им почти всегда во вред. Но если это особый случай...

Он повернулся к Пенвирну.

– Сколько парнишке лет?

– В том месяце сравняется тринадцать.

– Хм... Что ж, может, мы дадим ему коммерческое образование, если ему счет легко дается... и конечно, если он мальчик усидчивый... А там, пожалуй, я сумею пристроить его куда-нибудь клерком, если вы всерьез думаете, что это разумно.

– А мне все-таки кажется, – вмешалась Беатриса, – что, прежде чем строить планы, надо узнать побольше о мальчике. Он сейчас дома? Хорошо бы повидать его.

– Он во дворе, мэм, чистит хлев. Там все залило.

– Может быть, вы его позовете?

– Уж больно он сейчас грязный, чтоб показаться на глаза леди. Но если вы обождете...

Она снова заглянула в пристройку.

– Дженни, поди скажи Артуру, пускай помоемся да идет сюда, господа хотят с ним поговорить. Да чтоб вымыл ноги, а то еще натопчет тут.

Когда она вернулась, Беатриса рассматривала чертеж, висящий на стене.

– Это Артур делал?

– Нет, мэм, это Билл, и вот это все тоже он. Беатриса поглядела на модели и повернулась к Биллу.

– Эх, – горько сказал он. – Что уж на них глядеть. Я хотел, чтоб люди не гнули спину. Глупость одна.

– И это так и не было построено? Он пожал плечами.

– Откуда же было взять денег? Когда у людей нет денег, дешевле, чтоб они гнули спину, – так я говорю? Женщины всегда могут народить еще, будет кому спину гнуть.

– Скажите, вы показывали эти модели кому-нибудь, кто знает толк в машинах? Он помрачнел.

– Да, мэм. Показал было шкиперу, я тогда матросом был. Четыре года каждую свободную минутку мастерил их. Книг купил, хотел разобраться, как они действуют. А он только и сказал: «Не будь дураком, знай свое место».

– И вы больше никому не показывали?

– А как же! Носил эту модель по разным конторам в Плимуте. Все просил, чтоб

поглядели. Уж кого только не просил. Наконец один джентльмен поглядел.

– Он умолк и нахмурился.

– И что же? – мягко подсказала она.

– «Опоздали, мой милый». Да, так и сказал – мой милый. "Опоздали.

Поглядите в окно. Вон она, ваша машина". И верно. Такая же, еще лучше моей. Я сразу увидел – она и работает легче и сломается не так скоро. Кто ее придумал, уж, верно, был ученый человек. А бедняку в эти дела и соваться нечего. Тут без математики никуда. Всегда тебя кто-нибудь обскачет. Это все одни глупости.

Только и всего.

– С изобретателями нередко так случается, – сказала Беатриса, – даже если они и ученые. И это очень обидно. А больше вы ничего не пытались делать?

Он рассмеялся своим недобрим смехом.

– А как же, мэм, много чего делал! Пошел и напился вдрызг и подставил Мэгги фонарь под глазом, чтоб не ворчала. – Лицо его смягчилось. – Но она простила. Так, что ли, старушка?

– Я забыла, – просто ответила она.

– Но куда же это годится, Пенвирн, – вмешался Генри. – Конечно, это был для вас большой удар, но жена-то ваша тут при чем? Надо же понимать, что женщину бить не следует.

– Нашему брату много чего надо понимать, – пробормотал Билл.

Мэгги подняла, глаза на Беатрису.

– Уж вы не думайте худо про Билла, мэм. Он не злодей какой-нибудь. Он потом так убивался, так убивался, плакал даже. У него дурного и в мыслях нет, все равно как вон у нашей маленькой хрюшки.

И она с грустной улыбкой поглядела на ползающую у их ног крохотную девочку.

– Когда она стукнется об стул, она его бьет – зачем сделал ей больно.

Ничего не смыслит, чистая душа. А мужчина что дитя малое.

– А женщина что сорока, – проворчал Билл. – Никак не может не трещать.

Тем дело и кончилось, мэм, – продолжал он, обращаясь к Беатрисе. – Мне уж механиком не быть. А Артур будет, если вы его выучите. И не сбивай ты его, Мэгги, нечего ему лезть в священники. Нет уж, моя милая!

– На все воля божья, – тихо и строго ответила она.

Беатриса отвернулась, и взгляд ее снова остановился на моделях Пенвирна. Давно знакомое чувство безнадежности, мысли о тщете всего земного – все разом нахлынуло на нее. Несчастливые люди... Пожалуй, Артуру грозит немалая опасность, если преданный отец, любящая мать и искренний доброжелатель будут силою тащить его каждый в свою сторону.

Между тем хлопнула дверь, потом в пристройке послышался торопливый шепот и плеск воды. И вот внутренняя дверь приотворилась и в комнату бесшумно проскользнул босоногий мальчик.

– Поди сюда, Артур, – позвал Билл напряженным, хриплым от сдерживаемого волнения голосом.

Мальчик молча подошел, неловко поклонился гостям и остановился у отцовского кресла, глядя в пол. Беатриса повернулась к нему, и сердце у нее сжалось. «Да ведь это архангел Гавриил», – почти со страхом сказала она себе.

В странном обличье, что и говорить. Серафим, попавший в беду, лишенный своих сверкающих крыльев, заключенный, как в темницу, в неуклюжее тело подростка, худой, робкий, скованный застенчивостью; он не столько умылся, сколько размазал на себе грязь, и от него пахло рыбой, потом, отсыревшим тряпьем и свиным навозом. И однако – это был архангел Гавриил.

В эту странную минуту сильней всего в ней была жалость к Биллу.

У кого есть талант и он зароет его в землю... Никогда еще она так ясно не понимала, что значат эти слова. Бедняга, неудачник, все его неосуществленные мечты, вся мука загубленного дара, который и поныне не дает ему покоя, обратились в неистовую, страстную жажду завладеть этой неподвластной ему душой.

Ему никогда не быть механиком, но вот Артур... Артур будет. И, однако, в Артуре восторжествует то, что заложено в нем. Стремясь к тому неведомому, что ему предназначено, он растопчет все то, что лелеяли в сердце своем и отец и мать, и даже не заметит этого.

С матерью его роднит хотя бы внешнее сходство. Но Билл даже и внешне почти ничего не передал своему любимцу. Большой лоб, невысокий рост да сухошавая, крепкая фигура – вот и все, что есть у них общего. По виду он весь в мать. Все ее – рот, посадка головы, строгий и чистый профиль, светлые волосы, длинные пальцы, крылатые тонкие брови. Глаз сейчас не видно, но уж конечно они синие.

– Вот какое дело, Артур, – продолжал Билл. – Этот джентльмен хочет дать тебе образование.

Мальчик бросил быстрый, испуганный взгляд на отца, потом на Генри и снова опустил глаза.

– Пойдешь в школу, выучишься математике и всякому такому, алгебре и как машины делать...

– Одну минуту, Пенврн, – остановил его Генри. – Дайте я ему объясню.

Послушай, дружок. Твой отец спас моих сыновей от смерти, и я хочу отблагодарить его. Он просит дать тебе образование. Что ж, я с удовольствием. Но прежде всего ты должен понять: чтобы стать образованным человеком, надо много и упорно трудиться. Никакая школа не пойдет тебе на пользу, если ты не сумеешь взять то, что она дает. Я могу дать тебе лишь возможность учиться. А станешь ли ты образованным человеком – это зависит от тебя одного.

Он помолчал, но так и не дождался ответа. Мальчик по-прежнему не поднимал глаз. Мэгги подалась вперед, губы ее приоткрылись. Тяжело дыша, она то сжимала, то разжимала сложенные на коленях руки.

– Так вот, – продолжал Генри, – если я определю тебя в школу, будешь ты вести себя примерно и усердно учиться? Постараешься не осрамить своих родных?

– Да, сэр, – едва слышно ответил мальчик.

– Ты не станешь задирать нос и бездельничать, не забудешь отца с матерью, которые не жалели трудов, чтобы вырастить тебя?

– Нет, сэр.

– Твой отец говорит, что ты умеешь читать, писать и считать.

– Да, сэр.

– Что ж, хорошо, – покорно сказал Генри. – Только давайте действовать разумно. Сперва пускай походит год в школу, посмотрим, что получится. Если через год мы увидим, что он способен к математике и все такое, ну и, разумеется, если он и в самом деле хороший, усидчивый, прилежный паренек, тогда я охотно дам ему солидное коммерческое образование. Может быть, со временем удастся обучить его бухгалтерии или чему-нибудь в этом роде. И если он будет по-прежнему примерно вести себя, то, когда он станет постарше, я попытаюсь его пристроить. Я думаю, мой двоюродный брат по моей рекомендации не откажется испытать его в деле. А уж дальше от него самого будет зависеть, далеко ли он пойдет.

– Спасибо вам, сэр, – неуверенно начал Билл. – А в этих школах математике учат? Я хотел бы сделать из него настоящего...

– Артур, – позвала Беатриса, – поди сюда, пожалуйста. Он подошел послушно, но точно нехотя, и остановился, по-прежнему глядя в пол.

Видя, что мужчины уже снова поглощены разговором, а Мэгги внимательно прислушивается, Беатриса наклонилась к мальчику и тихо спросила:

– Чем ты огорчен, дружок? Тебе разве не хочется в школу?

Он все молчал и только переминался с ноги на ногу.

– Ну, скажи. Неужели тебе не хотелось бы знать больше, чем ты знаешь теперь?

– А как же.

– А в школу ходить не хочешь? Ты что же, боишься?

– Нет, мэм.

– Тогда в чем же дело?

Он медленно повернул голову, поглядел на Мэгги и снова опустил глаза.

– Мама будет плакать...

Так вот оно что!

– Скажи, Артур, твоей маме сейчас легко?

Он покачал головой.

– Ну вот видишь. Ей и не может быть легко, пока твой отец так терзается из-за того, что ты не учишься. Если ты поедешь в школу, ты сможешь приезжать на лето домой, к маме. И, наверно, ты и сам увидишь, что у нее станет гораздо легче на душе. И вот что еще я тебе скажу. Маме теперь уже никогда не будет так трудно. У вас будет новый дом, и новая парусная лодка, и хорошая корова...

Впервые мальчик поднял голову, и слова замерли у нее на губах. Да, глаза у него

синие. Но таких синих глаз она еще никогда не видала. Это была сапфировая синева морских глубин, и глядели они не на нее, а сквозь нее, в бесконечность, Но откуда в них такая скорбь?

Не сразу ей удалось снова заговорить.

– Не тревожься о маме. Твой отец спас наших детей, и мы бесконечно благодарны ему. Мы позаботимся о ней. Скажи мне, ты в самом деле хочешь выучиться математике и стать механиком?

– Я постараюсь. Отец так хочет... Голос его оборвался.

– Я знаю, ты будешь стараться изо всех сил. Но, может быть, ты хотел бы стать кем-нибудь еще?

Он молча кивнул. Она притянула его к себе.

– Кем же? Мы будем рады помочь тебе. Если бы ты мог выбирать, кем бы ты стал?

Какие трагические глаза! Она крепче обняла его.

– Ты не хочешь сказать мне?

Наконец он решился.

– Я хочу... колоть свиней, – шепнул он.

Хорошо, что она давно уже выучилась владеть своим лицом и оно не выдало ее. Она просто на миг опустила ресницы, и мальчик так и не узнал, как резанули ее его слова.

В этом краю вересковых равнин, на отдаленных фермах скот забивали за небольшую плату странствующие мясники, они же заодно от случая к случаю торговали рыбой и перепродавали свиней и телят. Только вчера, проходя мимо фермы, стоявшей на высоком холме, она отвернулась, чтобы не видеть, как рослый детина с жестоким и грубым лицом тащит на убой визжащую свинью.

И, помолчав лишь одно короткое мгновение, она спросила по-прежнему тихо и ласково:

– Почему тебе этого хочется, милый?

Мальчик снова отвел глаза.

– Свиньи так вопят... Я бы убивал их быстро.

У нее сжалось сердце. А ведь ему и тринадцати нет... Блаженны милостивцы. Нет... о нет, если уже в этом возрасте они знают, что милосердие в том, чтобы даровать быструю смерть.

– Артур, – спросила она, помолчав еще минуту. – А ты бы не хотел стать доктором, когда вырастешь? Будешь приходить к больным и возвращать им здоровье.

– А как же, мэм. Только...

– Да?

Он безнадежно покачал головой.

– Доктора все из господ.

Она потрепала его по плечу.

– Ну, ничего, ты еще успеешь выбрать. Прежде всего надо поступить в школу и получить общее образование. А там видно будет...

Мэгги вдруг вскрикнула со слезами в голосе.

– Бристоль! Нет, нет, сэр, нет, я не могу... Ни за что не отпущу его так далеко. Я думала в Камелфорд. Тогда бы он приезжал по воскресеньям домой. Возчик ездит из Тренанса...

– Помолчи! – сердито оборвал Билл. – Чему его там научат? Не слушайте ее, сэр. Она думала, эти методистские святоши в Камелфорде приглядят за парнем, чтоб не отлынивал от ученья. Артур и так будет учиться, и нечего им совать нос куда их не просят.

Умоляюще стиснув руки, Мэгги повернулась к Беатрисе.

– Не давайте увозить его так далеко, мэм! Я его и не увижу.

Беатриса молчала:

– Ну– Ну, что это с вами, – начал Генри. – Если вы хотите дать мальчику образование...

Мэгги отчаянно зарыдала. Артур печально поглядел на Беатрису, подошел к матери и погладил ее обнаженный локоть.

– Не плачь, мама. Не надо, – шепнул он.

Наступило тяжелое молчание.

– Вот что, – заговорил Генри. – Если уж делать дело, так делать как следует. Тут знаете как – на грош смолы пожалеешь, весь корабль ко дну пойдет. Я понимаю, матери разлука тяжела. Но ведь ни одной матери этого не миновать. Наши мальчики тоже учатся далеко от дома, и мы видим их только во время каникул. Мы, конечно, устроим так, чтобы и ваш сын приезжал домой на каникулы. Но даже Бристоль не лучшее, что можно придумать. А я, если хотите знать, или совсем отказался бы от мысли дать ему образование, или уж сделал бы все, что только возможно. Пускай для начала походит в обычную школу, а там пошлем его в хорошее коммерческое училище в Лондон, где он сможет...

Отчаянный вопль Мэгги прервал его.

– В Лондон? В Лондон! Ни за что на свете, сэр! Нет, нет! Она обеими руками обхватила сына и повернулась к мужу.

– Билл Пенвирн, если ты пошлешь моего мальчика в Лондон, я никогда не прощу тебе... никогда, до самой смерти! Мы очень вам благодарны, сэр. Я знаю, вы желаете нам добра. Но лучше мне увидеть его...

Она повернулась к Беатрисе.

– А вы бы оставили своих мальчиков одних в Лондоне? Это грешный город... это Содом и Гоморра. Разве я не знаю, что бывает с людьми в Лондоне? Они, может, и не знают, а ты знаешь, Билл. Что случилось с парнишкой трубочиста из Падстоу – помнишь, ушел туда три года назад под Михайлов день? Связался с недобрыми людьми, да– Да, и угодил на каторгу – разбил сердце своему отцу. А дочка Полвила ушла туда служить, что с ней приключилось?

– А что приключилось с нашей, а она ведь дальше Камелфорда и носа не совала... – пробормотал Билл. – Эх, Мэгги, Мэгги. Уж кому судьба худо кончить, тот и в Каргвизиане собьется с пути. А кому не судьба, тому и Лондон не страшен.

Мэгги в упор смотрела на него, крепко обхватив руками побледневшего мальчика.

– Я все от тебя терпела, Билл, сам знаешь! И никогда словечка поперек не вымолвила. А уж чего ты только не делал – и бил меня, и ругал. Я родила тебе детей, сам знаешь, нелегко мне с тобой приходилось. Но не отдам я мое единственное дитя, моего ягненочка жадным волкам в Лондоне. Он мой! Не ты носил его под сердцем, Билл, я носила – Нет, сэр. Пускай уж тогда мой мальчик останется с нами и не ищет лучшей доли. Господь поможет мне, я уберегу его от злодеев...

Билл вскочил и вцепился в плечо жены.

– Нет, отец, не надо, – пронзительно вскрикнул Артур.

– Парню раз в жизни улыбнулось счастье, а ты хочешь все загубить из-за своей методистской блажи? Этого ты хочешь?

– Отец! Отец, не надо!.. Не давайте ему бить маму!

Мальчик в отчаянии ухватился за руку, которая сжимала плечо матери, и старался по одному разжать цепкие пальцы.

Генри, сперва оцепеневший от неожиданности, очнулся и, обхватив разъяренного Билла, оттащил его от жены.

– Пенвирн! Ради бога, опомнитесь, что вы делаете!

Билл провел рукой по лбу.

– Я... я не хотел... Мэгги, прости, старушка... Я не хотел тебя...

Он сел и прикрыл глаза рукой; он дышал тяжело, судорожно глотая воздух.

Мэгги стояла, вся дрожа, в объятиях сына; лица ее не было видно.

Беатриса осторожно коснулась ее руки.

– Доверьте своего мальчика мне, миссис Пенвирн. Я воспитаю его вместе со своей дочерью.

– Беатриса! – ахнул Генри.

Видно, все вокруг сошли с ума. Уж верно во всей Англии не найти более благодарного отца; но взять к себе в дом оборвыша из корнуэллской лачуги... сына этих сумасшедших!..

Жена повернулась к нему; никогда еще он не видел ее такой.

– Генри... в память Бобби.

И большой, сильный человек вздрогнул. С того дня, как она прошептала ему: «Бобби убит», – он в первый раз услышал от нее это имя.

Она протянула к нему руки.

– Помоги мне, дорогой. Ведь я никогда еще ни о чем тебя не просила.

В глазах его блеснули слезы.

– Ну, конечно, родная, все... все, что хочешь. Бобби... Пенвирны, все трое, молча глядели на них. Генри держал Беатрису за руку, другую она протянула им.

– Год назад у меня на глазах бешеный бык убил моего младшего сына. Если вы доверите нам Артура, он займет его место. В нашем доме он не научится ничему дурному. Хочешь стать нам сыном, Артур?

Он посмотрел на мать, потом на отца. Потом медленно подошел к Беатрисе и вложил свою руку в ее, и она молча накрыла его руку рукою Генри, Потом поцеловала мальчика в лоб, и Генри последовал ее примеру с таким чувством, словно он выполняет религиозный обряд. Никто не произнес ни слова.

В карете Генри впервые почувствовал, как вокруг его шеи обвилились руки жены, которую он любил уже пятнадцать лет.

ГЛАВА VII

– Мне опять нужна ваша помощь, – сказала Беатриса Повису, приподнимаясь, когда он принес ей чай.

Три часа она пролежала без сил, без движения. Вернувшись из деревушки, она заглянула к мальчикам, несколько минут хлопотала там, потом, изнемогая от усталости, вся в холодном поту, ушла в кабинет и легла. Грызущая боль в спине, которая со времени того несчастья начиналась всякий раз, как Беатриса сверх меры напрягала душевные или физические силы, сейчас уже стала утихать.

Все еще бледная, с черными кругами под глазами, она поглядела на Повиса и подавила улыбку. На его лице, так странно схожем с физиономией старого ворчливого барана, была привычная презрительная и недовольная мина, но он поставил на столик рядом с тарелкой веточку ее любимого вереска. Она уже знала его нрав и рассудила, что сегодня с ним можно заговорить.

– Мистер Риверс уже вернулся? – спросила она.

– Он только что ушел, мэм. Вместе с мистером Телфордом. Вон они спускаются по тропинке.

– Так поздно?

– Они весь день занимались расчетами, а теперь пошли потолковать с Биллом.

– И с Полвиллом. Утром мы уже видели старика. Но мы очень спешили только успели заглянуть на минутку, поблагодарили его и пообещали прийти попозже: уже начинался прилив. Присядьте, Повис. Брат говорил вам, что мы хотим усыновить одного из мальчиков Пенвирна?

– Да, мэм.

Он отвечал с явной неохотой. Беатриса улыбнулась.

– Можете не говорить мне, что я беру на себя трудную задачу, невероятно трудную. Мне понадобятся все мои силы и вся помощь, какую мне смогут оказать друзья, если я не хочу потерпеть поражение.

– Это верно, мэм.

– И все-таки я уверена, что справлюсь.

– Надеюсь, что да.

– Но думаете, что нет? Скажите, Повис, вы знаете, что произошло сегодня утром у Пенвирнов?

– Знаю, конечно. Мистер Телфорд мне рассказал немножко. И мистер Риверс тоже.

– Они рассказали вам о споре между родителями?

– Да. Меня это не удивило.

– По-вашему, я иду на слишком большой риск? Я это знаю. Но ведь какой бы путь мы ни избрали, разве у нас будет уверенность в счастливом исходе?

– Вряд ли.

– Я тоже так думаю. Вы же знаете его родителей – они никак не могут сговориться.

– И каждый тянет мальчишку в свою сторону, а у того свое на уме. Ну да, дело ясное. Раз уж вы хотите его спасти или хоть попробовать, вам нельзя останавливаться.

– Его отец спас моих сыновей.

– И чуть было не оставил своих сиротами. Да, это верно, вам не приходится особенно выбирать. Лучше хоть что-то впереди, чем вовсе ничего, да еще, пожалуй, самоубийство или убийство в придачу, а то и все сразу.

– Значит, и вы об этом думали?

– Еще бы. Что и говорить, штука опасная – показать голодному псу мясо, да и отнять. Билл уже совсем до крайности дошел; вы, верно, и не знаете, как ему было худо. Вот уж шесть лет, как он вбил себе в голову выучить парнишку на механика. Год за годом они с женой лишали себя последнего, прикопили немножко денег и купили долю в рыболовецкой шхуне, – и все затем, чтоб можно было откладывать ему на ученье. А судно попало в туман у мыса Тревоз, да и пошло ко дну, и они потеряли все до последнего гроша.

– Какой ужас!

– Но это еще не самое плохое, куда там. Потом он возьми да и пошли свою девчонку в услужение в Камелфорд, а она придурковата. Всякий мог наперед сказать Биллу, чем это кончится. Девчонка собой недурна, голубые глаза, светленькая, а соображения что у кролика. Ее с детства так приучили: отцово слово – закон. Должен он был понимать, что если ей и другой кто прикажет, она тоже перечить не станет. Топни на нее ногой – и готово. Так нет же, уперся на своем. Я уж ему говорил: не можешь взять что хочешь, бери что можешь. Но Билл и слушать не стал: уж если он что забрал в голову, он идет напролом, как медведь.

– Понимаю. А потом еще эта история с миссис Риверс.

– Да. И она со старухой Маунтстюарт хотела вышвырнуть их всех отсюда. А там пошла корь, и один из ребятишек умер, только один он еще у них и был смышленный. Нет, не такой, как Артур, но получше остальных. А потом Мэгги связалась с методистами; теперь она только и знает, что распевает гимны, и ни о чем не помнит, и что ни день у нее обед подгорает, а у нее один разговор – про кровь невинного агнца. Я уж иной раз думаю, как бы тут какая другая кровь не пролилась. Если она со своими

методистскими бреднями станет ему поперек дороги теперь, когда ему наконец-то улыбнулось счастье, он, пожалуй, под горячую руку может и придушить ее, а потом спохватится, да и кинется с утеса вниз головой. Вы не думайте, Билл не злодей; но ведь сколько народу повешено за убийство, а многие, верно, не думали не гадали, что человека убьют. Все больше по дурости, а не по злему умыслу.

Беатриса слушала, не пропуская ни слова.

– У меня не было выбора. Я рада, что и вы это понимаете. Но если я не справлюсь, это будет для меня не меньшим несчастьем, чем для Пенвирнов. Вы понимаете?

Он замялся.

– И все же, – добавила она, – вы думаете, что меня ждет неудача?

– Если уж вы так напрямик спрашиваете, мэм, не обижайтесь, я вам напрямик и отвечу. Не скажу, что это дело безнадежное. По-моему, раз уж вы меня спрашиваете, вся суть в том, по плечу ли вам эта ноша, вам и всей вашей семье. Усыновить тоже можно по-разному. Вы-то, конечно, лучше многих, не спорю. Но ведь вы все господа, а мальчишка рыбацкий сын. Ну, усыновите вы его, – так ведь надо еще, чтоб он у вас себя своим чувствовал, иначе ничего хорошего не получится. Уж лучше тогда пускай остается дома и голодает с теми, кто его любит.

– Вы думаете, я не буду его любить? Нет, я понимаю, что вы хотите сказать. Но вы несправедливы к моему мужу. Он всему обрадуется, всему, что прибавит мне желания жить. Не знаю, поверите ли вы мне, но даже господа иногда любят своих жен.

– Ну, это-то я понимаю, мэм. Любовь не всякому дается, как и многое другое.

– Да, не много среди нас таких счастливых. Это правда. Но тогда кто же вас смущает? Мои сыновья?

– Отчасти.

– Да, меня не удивляет, что вы о них плохо думаете. Они вели себя грубо и глупо и доставили всем много хлопот... Но ведь и вы когда-то были мальчишкой. И неужели в их возрасте вы были такой уж примерный?

– Где там, мэм. Зато и драли меня нещадно.

– Ну, сломанные ноги и вывихнутые руки все равно что хорошая порка. Вам не кажется, что они могли кой-чему научиться со вчерашнего утра?

– Пожалуй, что и так.

– Попробуйте отнестись к ним как можно снисходительнее. Вы видели их в самом неприглядном виде, но вообще-то они не хуже других детей. Это трудный возраст, и школа влияет на них не так хорошо, как мне хотелось бы. И потом, не забудьте, весь этот год они жили все равно что без матери. Право же, в том, что случилось, больше виновата я, чем они.

Она вздохнула.

– С прошлого лета я им ни строчки не писала. И даже когда они приехали на рождество, я была просто тяжелобольная, которую ничем нельзя беспокоить.

А ведь когда мальчишки растут, за ними нужен глаз да глаз. Но теперь все позади; душой я уже не калека, остался только телесный недуг. Вот увидите, они будут

относиться к Артуру как надо. И притом они почти все время будут проводить не дома, а в школе, а он будет жить с нами. Моей дочурке тоже сейчас придется начинать чуть ли не с самого начала, и первый год я смогу учить их вместе.

– Вот-вот, мэм. В этом-то вся беда. Я больше всего и опасаясь не из-за мальчиков, а из-за молодой барышни.

– Из-за Глэдис? Ну что вы, Повис. Ведь ей еще и девяти нет!

Он кивнул.

– Это не так уж мало. Благовоспитанные барышни и в восемь лет сумеют довести беднягу до того, что он пожалеет, зачем на свет родился, грязный оборвыш. Вы глазам своим не поверите.

Неожиданный смех Беатрисы прервал его на полуслове.

– Благовоспитанные барышни! Если б вы только знали мою Глэдис... Она просто курносый сорванец, другой такой доброй души нет на свете. Еще совсем крошкой она протягивала свою конфету или яблоко первому встречному. В шесть лет она готова была обнять каждого приبلудного пса и привести в дом каждого нищего цыгана, а это уж поистине были грязные попрошайки, да к тому же еще и вороватые, и всякий раз нам стоило немалого труда этому помешать. Глэдис совершенно уверена, что все люди, звери и птицы на свете ее лучшие друзья. И потом Артур вовсе не будет грязен.

– Конечно, мэм, я знаю, его отмоют дочиста. Но всяким хорошим манерам, как держать себя за столом и говорить правильно – этому так скоро не выучишься. Не хотел бы я, чтоб парнишку поднимали на смех.

– Скорей нужно опасаться другого. Глэдис очень одинока с тех пор, как... Братья к ней привязаны, во всем ей уступают. Вы были бы о них лучшего мнения, если бы знали, как они любят сестренку. Но она видит их так редко, и они думают, что она совсем маленькая, и балуют ее. Она будет так счастлива, что у нее снова есть товарищ, станет бегать за Артуром по пятам, как щеночек. Если он не будет уж очень неприятливым, она будет обожать его и без конца ластиться к нему.

– А ваши слуги?

– Они люди степенные, добросердечные. Вы же видели Эллен и Робертса. Да к тому же они дорожат местом. Не тревожьтесь, я буду все время начеку, да и наша старая экономка все сделает, чтобы помочь мне. Только бы нам попасть домой, там я сумею все устроить. А вот здесь мне очень нужна помощь. Мальчик взволнован, сбит с толку и на первых порах будет очень чувствителен к каждой мелочи. Он совсем не знает нас, а тут еще миссис Риверс... Пока его не вымыли, не приодели, не научили хоть немножко правильнее говорить и вести себя, ему не избежать неприятных минут, как бы мы ни старались оберечь его.

И потом он ведь почувствует, что он уже не такой, как его братья и сестры.

– А тут еще Билл со своей гордостью, и Мэггн со слезами и наставлениями, да еще соседские злые языки – настоящее змеиное гнездо!

Зависть – страшная штука; и чем скорее паренек уберется отсюда, тем лучше.

– Вы правы, но мы не можем двинуться, пока у Дика не срастется перелом, а это будет никак не раньше, чем через два месяца. Так уж неудачно все сложилось. Да и

мальчик все время будет как на иголках: будет разрываться между двумя мирами и мучиться в ожидании разлуки с матерью. Но это неизбежно. Теперь вы понимаете, почему мне нужна ваша помощь?

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо, Повис, я другого от вас и не ждала. Тогда перейдем к делу.

По-вашему...

– По-моему, сперва надо как следует отмыть его и поглядеть, нет ли на нем какой живности. Мэгги-то, конечно, старается о чистоте, бедняга, но...

Он выразительно пожал плечами.

– Но, – подхватила Беатриса, – мы с вами были бы не чище, если б нам пришлось жить вдесятером в такой лачуге, всем в одной комнате. Конечно, о его чистоте необходимо позаботиться, но надо сделать это так, чтобы он не почувствовал себя униженным.

– Предоставьте это мне, мэм. Я сумею свести с ним дружбу. Отдайте-ка мне его на денек-другой. Только вот в чем заковыка: можно отмыть парнишку до блеска, но если он опять влезет в свои вонючие лохмотья...

– А платье Дика не подойдет ему? Боюсь, оно будет велико, хоть Артур и годом старше. Но, может быть, все-таки на первое время ничего, пока у него еще своего нет?

Повис покачал головой.

– Нет, мэм, не одевайте его по-господски, пока он не уехал отсюда. Он будет чувствовать себя попугаем – братья-то ходят в лохмотьях; и соседи станут пялить глаза и чесать языки. Не всJ сразу. В Падстоу продают одежду для здешних парней. Вот и купите ему – и Джиму с Джонни тоже – фуфайку, рабочую блузу и простые башмаки для будней, да приличную воскресную куртку, вроде тех, что сыновья Полвила надевают в церковь. В дорогу Артур может надеть костюм мастера Дика, а все его вещи пойдут Джонни.

– Вы совершенно правы. Пожалуй, завтра я уже смогу поехать с ним в Падстоу и все купить.

– Наверяд ли, мэм, не такой у вас вид. Неделю-другую у нас у всех работы будет по горло, а если и вы опять сляжете, нам легче не будет. До Падстоу далеко, и дорога тяжелая, да еще по лавкам ходить – целый день на это убьете. Если доверите это мне, я куплю ребятам одежду, только скажите, сколько денег можно потратить. Сами покуда отдохнете, за мальчиками походите, а у меня будет случай присмотреться к парнишке.

– Это было бы огромное облегчение для меня. И, конечно, израсходуйте, сколько найдете нужным.

Еще накануне узнав от Джейбса, что ему велели «с утра пораньше перво-наперво идти наверх», Артур явился туда чуть свет, одетый в самое лучшее, что только ему насобирали дома, и вид у него был покорный и испуганный, точно у агнца, ведомого на заклание.

Мэгги постаралась как могла. Она так тщательно скребла, терла и отмывала его мылом, что лицо, шея и уши у него блестели, а шелковистые светлые волосы были прилизаны волосок к волоску. В огромных башмаках старшего брата, заплатанных и

бесформенных, – ничего лучшего в доме не было, – его худые ноги казались еще тоньше. Куртка была ему явно мала, и от этого он еще больше смущался.

Одеваясь в кабинете брата, Беатриса из окна увидела нелепую маленькую фигурку, взбирающуюся на утес под ветром и дождем, и приветливо помахала рукой. Вскоре она вошла в кухню, где Артур уже сидел между Эллен и Повисом, поглощая завтрак с жадностью вечно голодного подростка. Проходя мимо, она поцеловала склоненную бледно-золотую голову.

– Молодец, что пришел рано. У меня есть для тебя одно поручение. Ты мне поможешь?

– Да, мэм.

– Сегодня я не могу уделить тебе много времени: бедному Дику утром стало хуже, он совсем приуныл; и мне надо побыть с ним и с Гарри. Мы пока не сможем взяться за учебу. Но Повис едет в Падстоу, и я хотела бы, чтобы ты поехал с ним и помог ему выбрать кое-какую одежду для Джима, для Джонни и для себя. Их размеры я знаю.

– Прошу прощения, мэм, разве нам будет новая одежда? Всем парням?

– Не только мальчикам – у всех будет новая одежда, у всей вашей семьи.

– И у мамы?

– Конечно. Но платье для мамы ты ведь не сможешь выбрать. Как только Дику станет лучше, мы с твоей мамой поедem на денек в Падстоу. Но если вы с Повисом купите кое-что из еды и одежду для тебя и твоих братьев, это будет очень хорошо для начала. Список у вас, Повис? И зайдите, пожалуйста, к землемеру, попросите его приехать. Что случилось, Артур?

– Прошу прощения, мэм, нам бы поскорей. В десять возчик уже уедет в Тренанс, а дотуда здорово далеко – ходу два часа; надо бы нам поскорее.

– Вы не поедете с возчиком, дружок, у нас есть карета. Повис будет править. Вон она спускается с горы. Не торопитесь, Повис. Мы предупредим мать Артура, что он вернется только к ночи. И хорошенько пообедайте оба в Падстоу.

В глазах мальчика все еще была тревога.

– Прошу прощения...

– Да?

– Он шибко хворает... мастер Дик?

Да, когда разговариваешь с этим ребенком, надо взвешивать каждое слово.

Уголки его чутких губ уже опустились, и острая жалость вновь проникла в душу Беатрисы. Она поспешила успокоить его:

– Нет– Нет, дружок, не тревожься, он скоро поправится. Просто у него болит нога. Это и понятно: ему досталось куда больше, чем Гарри. На той неделе ты уже сможешь повидать его, но прежде постарайся привыкнуть звать его просто Дик. Он еще и не знает, что у него есть новый брат. Ну, мне пора идти к нему. А это тебе. – И она положила возле его тарелки блестящую монету в полкроны.

Он широко раскрыл глаза.

– Прошу прощения, мэм, а что мне с ней делать?

– Что хочешь. Купи себе в Падстоу, что понравится. Он вышел из-за стола как зачарованный, крепко зажав в руке монету. Проснувшись утром, он в первую минуту решил, что все вчерашнее было просто сном. Во сне чего только не увидишь. Но сейчас-то уж он не спит, а сон все продолжается: карета, как для господ; колбаса и малиновое варенье на завтрак; всем новая одежда; и полкроны – настоящая серебряная монета, и можно купить что захочешь, и никто ничего не скажет.

Он вернулся вечером, сытно пообедав, нагруженный свертками и пакетами; глаза его слипались, но на губах блуждала улыбка: какой чудесный был день!

Однако, узнав, что его ожидает горячая ванна и что надо влезть в нее, прежде чем одеться во все новое, он испытал жестокое разочарование. Вежливо, но решительно он стал объяснять, что он уже хорошо вымылся вчера вечером, хотя ведь еще и не суббота, – какое же может быть купанье до будущей субботы. А тогда уж все опять пойдет своим чередом. Натолкнувшись на непоколебимую решимость Повиса, он еще поспорил немного и наконец подчинился с видом вежливого неодобрения, как человек, уступающий явно неразумным требованиям лишь для того, чтобы сохранить мир. Всякому ясно: мыться два дня кряду – это уж чересчур, такого самопожертвования нельзя требовать даже от самого покладистого человека.

Выйдя из кухни, чтобы доложить, как идут дела, Повис лукаво поглядел на Беатрису.

– Ну, мэм, как парнишка ни послушен, а и он может заупрямиться. Вы ведь, надеюсь, не думали, что взяли на воспитание гипсового ангелочка.

Пришлось мне потрудиться, пока я уговорил его влезть в воду.

– Спасибо и на этом, – пробормотал Уолтер.

– Что ж, – снисходительно сказал Генри. – По-моему, он в этом вовсе не виноват. В конце концов не забудьте, в каком доме он рос. А кстати сказать, редкий мальчишка любит мыло и воду. Помню, миссис Джонс приходилось не раз воевать со мной, когда я был в его возрасте. А уж Дик... в прошлом году ему это даже записали в матрикул. Ничего, дорогая, вырастет – поумнеет.

Беатриса громко, весело рассмеялась; так она смеялась только в детстве.

И Уолтер вздрогнул, словно ему вдруг явилось привидение.

– Если бы вы только знали, как меня радует, что он все-таки живой человек, а не ангел небесный, – сказала она. – Сегодня утром я прямо испугалась его, такой он был невероятно хороший.

– Можешь не беспокоиться, – сказал Уолтер, – мальчишка, который терпеть не может мыться, это самый настоящий мальчишка, даже если он и очень хороший.

– И, может быть, – добавил Генри, – когда он к нам привыкнет, он будет не такой уж страшно хороший.

– Нет, сэр, – сказал Повис. – Он будет очень даже хороший, можете не сомневаться. Вот вы посмотрите, что он накупил на свои деньги. Однако, какой он там ни хороший, он улетет все леденцы, сколько ему ни дать, да в придачу такой обед, что хватило бы на двоих взрослых мужчин, так что с голоду не помрет. У него это само собой

получается, что он хороший, не надо ему для этого, как некоторым, поперек себя идти.

Вскоре появился и Артур, точно застенчивая невеста в подвенечном наряде, – его ввели в гостиную, чтобы он мог показаться своим новым родным.

Он поклонился несколько увереннее, чем вчера, и отвечал на вопросы не запинаясь, хотя все еще едва слышным шепотом. Генри, и сам несколько смущенный необычностью этого нового родства, всячески старался вести себя, как полагается отцу.

– Ну-ка, посмотрим, что ты там накупил. Вон сколько у тебя свертков.

Башмаки, это хорошо. Будем надеяться, что они достаточно крепкие, не то они живо изорвутся на здешних камнях. А вот и блузы. Полные костюмы для Джима и для Джонни – такие же, как твой. Хорошо, когда мальчики в блузах, – куртки не пачкаются, и матери меньше работы. А в корзине что за пакетики?

– Подарки, сэр.

– Ого, подарки! А откуда они взялись?

– Миссис Телфорд дала ему полкроны на карманные расходы, сэр, – сказал Повис.

– Ты столько всего накупил, Артур, что у тебя, наверно, не много осталось?

– Да, сэр. И мистер Повис еще дал мне шиллинг и пять пенсов.

– Вон как! Сколько же у тебя всего было?

– Три шиллинга одиннадцать пенсов, сэр. И полпенни осталось.

Одну за другой он вынимал свои покупки – грошовые игрушки для младших детей, погремушка для младенца, лента для Дженни, моток бечевки для Джима, шарики для Джонни, пачку табаку для Пенвирна, пакетик сладостей всей семье.

Генри всякий раз выражал подобающее восхищение.

– Даже не пойму, как это тебе на все хватило. А это, верно, для тебя самого? Тут, по-моему, для каждого есть что-нибудь. Постой-постой. А матери ты ничего не купил?

– Купил, сэр, – поспешно ответил за Артура Повис. В корзинке оставались еще два свертка, один длинный и необыкновенно тщательно завернутый; но лицо у мальчика стало такое несчастное, что вмешалась Беатриса:

– Давайте лучше отложим до другого раза. Уже поздно, и вряд ли мама будет спокойна, если Артур пойдет в темноте скользкой тропой, да еще со всеми покупками.

И Артур робко подтвердил:

– Это верно, мне пора домой.

– Правильно, – сказал Генри. – Он уже совсем засыпает. Ну, иди домой. И скажи отцу, что завтра я опять приду. Уолтер поднялся и взял несколько свертков.

– Я провожу его до хорошей дороги, Би. Всю эту мелочь я бы на твоём месте рассовал по карманам, Артур.

Они пошли к дверям, но по лицу мальчика было видно, что его все еще что-то мучит. На пороге он обернулся и бросил умоляющий взгляд на Повиса; тот вышел вслед за ними. Вскоре он вернулся с пакетом в руках.

– Это вам, мэм. Никак не мог решиться сам отдать. Чуть было не заплакал.

Слезы застлали Беатрисе глаза, когда она показала мужу подарок Артура.

То была дешевая чашка с блюдцем, расписанная красными и синими розами и с надписью: «На память из Падстоу».

– Очень мило с его стороны, – сказал Генри. – Молодец. Но уж слишком робок, надо его от этого отучить. Почему он не хотел нам показать, что он купил для себя? Постой-постой. Если тот сверток для матери, значит для себя он ничего не купил.

– Для нее два подарка, сэр; второй у него в кармане, слишком драгоценный, чтоб показывать. Там хоть трава не расти, а матери нужно два подарка: один он ей отдаст сегодня, другим удивит завтра утром, потому что, говорит: «Мама сроду подарков не получала». Полдня мы их выбирали. Обыскали весь город. Чего только не смотрели – и книжечки с псалмами, и кастрюли, и ленты шелковые. Под конец выбрали медную брошку с голубым стеклышком и герань в горшке.

– Значит, для себя он ничего не купил? Повис рассмеялся.

– Ну нет, сэр, он еще не совсем святой! Просто он забыл, а когда хватился, осталось только полтора пенса. Совсем было расстроился, я уж думал – не миновать слез. Предложил ему шесть пенсов, но он не взял. Потом увидел губную гармонику за пенни и повеселел. И рад-радешенек. Заиграл прямо на улице, как шестилетнее дитя.

Благополучно миновав опасное место, Уолтер пожелал Артуру спокойной ночи, тот мотнул в ответ головой и стал медленно спускаться с утеса; карманы его новой куртки оттопыривались, несколько свертков он нес в руках, другие висели через плечо. Лицо у него было печальное и озабоченное.

Теперь, когда он остался один, мучительное сомнение овладело им, и он весь похолодел. Так ли он потратил свои три шиллинга и десять с половиной пенсов, не сплеховал ли? Может, если б он еще подумал, не спешил бы, он мог бы выбрать и лучше? В сотый раз он стал подсчитывать свои расходы.

Шесть пенсов на сласти, пять на игрушки – одиннадцать. Лучше б я купил теплые рукавички маленькой. Как придут холода, она уж верно опять обморозится, бедная крошка. Прошлый год у ней все пальчики распухли; как она плакала жалостно. А маме надо было купить кувшин с портретом преподобного мистера Уэсли, это да... Три шиллинга и десять с половиной пенсов – целая прорва денег, а станешь тратить – и не заметишь, как уплывут...

Вот и дождь перестал, а небо до чего ясное, все розовое и облачка, как цыплячьи перышки... совсем золотые. И как высоко... А ведь это к ветру: утром жди непогоды, уж это как пить дать, раз ветер с той стороны.

Он лизнул палец и поднял его, чтобы узнать, откуда ветер.

Ох и вкусный же ростбиф в Падстоу, и все эти соусы, и зелень. Жалко, дома никто этого и не пробовал.

Вот господа – они могут есть ростбифы, когда захотят, и вишневый пирог, и все такое. «Чтоб им пусто было, этим господам», – говорит отец. Он иногда такое скажет, что просто грех вроде. Только ведь он ничего такого не думает.

Мистер Повис, он вон как говорит: «Ты, говорит, гордись своим отцом. Не всякий

решится спасать утопающих на Лугу Сатаны». И уж это верно – никто туда не сунется, да еще в прилив.

Господа не все плохие. Вот мистер Риверс, он добрый, так и мистер Повис говорит. А уж миссис Риверс – ну хуже нет! И старая леди из большого дома.

Обе они хуже некуда.

Может, все женщины такие? Нет, эта леди не такая, она добрая. Недаром она мистеру Риверсу сестра.

Вдруг ей не понравится чашка? А она такая дорогая... целых шесть пенсов. Не купил бы я ее и губную гармошку, были бы маленькой рукавицы. Семь пенсов. Герань – восемь. Экая прорва денег. Но маме понравится. Цветы все красные, и в каждом посерединке звездочка, капельная красная звездочка; торчит, как на булавке, такая красивая. И у каждой пять лучей. Ровно пять, я считал.

У морских звезд тоже лучи, только они как обрубки, и на них вроде как иголки торчат. Рыбе от них беда. У них когда пять лучей, когда три, когда четыре, а то и целых семь.

На небе тоже звезды. У них лучей нет, разве в туман только, а так они вроде круглые. Откуда это у них в туман лучи? Может, про это в словаре написано?

Утром мама увидит брошку и обрадуется. Ей страх как нравится все голубое. И те голубые цветы на лугу она любит...

Должно бы остаться больше полпенни... Лента для Дженни четыре пенса, брошка шесть. Еще четыре пенса... За что ж это еще четыре? А, верно, табак же! Отцу от табаку полегчает, у него уже четвертый день ни крошки. Ох и болит же небось нога, вся черная и распухла.

Вот мастер Дик тоже ногу сломал, верно и болит же... Дик... Она велит говорить «Дик» и «дядя Уолтер».

Чудно! Они все господа, а я ему: «дядя Уолтер». А большого джентльмена тогда как же? А вон морская ласточка полетела. Как близко, руку протянешь и вот она. Пищит – громко, потом тихо, громко, тихо. Этак можно и на моей гармонике: громко, тихо... вроде как замирает. Крылья какие красивые... и длинные, а самые кончики загнутые. Отец говорит, это чтоб ловить ветер.

Вы, ангелы небесные, Слетите к нам на землю...

А у ангелов крылья тоже загнутые на концах? Или, может, им не надо ловить ветер? Может, они просто парят, как тикари, или прямо ходят по воздуху, как Иисус по морю Галилейскому... Как хорошо – Галилейскому...

Галилейскому... Ласково так.

Сколько пескороев, завтра будет пропасть наживки. А отец не может рыбачить – нога болит и лодки нет. Господи помилуй! Что ж это мы станем делать без лодки? Может, большой джентльмен справит ему новую? Должен бы.

Вот опять летят ласточки. Какие крылья – длинные-длинные... будто она может лететь и лететь и никогда не остановится. Вот бы нам так... лететь... и далеко–далеко... далеко.

Сам не зная отчего, он вдруг заплакал.

ГЛАВА VIII

– Да что же это ты с собой сделал? – воскликнула Эллен. – На что ты похож, и новую одежду во что превратил?!

Артур, весь мокрый и перепачканный, виновато поглядел на свою покрытую грязью блузу.

– Виноват, мэм...

– И башмаки насквозь промокли. Да где ты был?

Он кивнул в сторону равнины и сбросил со спины тяжелый мешок.

– Они растут только там, как идти к Девам. В самой топи.

– Где?

– В трясине.

– В трясине! И как я не догадалась по твоему виду. А что у тебя тут в мешке?

– Прошу прощения, мэм, это торфяной мох для мастера... для Дика.

– Для мастера Дика? Да на что это ему?

– Это против всякой хвори. Если какая рана или еще что, надо только приложить мох и сказать: «Матвей, Марк, Лука и Иоанн», – и все как рукой снимет, верное слово.

– Боже праведный, да разве можно положить такую грязь мастеру Дикю в постель? В жизни ничего подобного не слыхала! Выбрось-ка ты все это подальше да поди умойся а то на тебя смотреть страшно.

Глаза мальчика наполнились слезами.

– Да как же это?.. Ведь у него нога шибко болит: она сама сказала... А это – против всякой хвори, верное слово!.. Услышав его дрожащий голос, Эллен смягчилась:

– Ну– Ну, не расстраивайся. Я уж вижу, ты ему хотел добра. Поди-ка умойся, и я тебя чаем напою; ты, видно, совсем замучился.

Артур вошел в кухню, глубокое отчаяние было написано на его лице: он так долго ползал на коленях по трясине, так далеко тащил тяжелый мешок... плечи его и сейчас еще ноют! И вдруг: «Выбрось-ка все это... эту грязь!» А этому мху цены нет, попробуй добудь его...

Повесив голову, побрел он домой. Вскоре Беатриса вышла из комнаты мальчиков и услышала от Эллен о непрошеном подарке.

~– Какая жалость, Эллен! Бедный мальчик... столько трудов – и все напрасно.

– Он был по уши в грязи, мэм. Жалко парнишку, уж видно, что огорчился.

Вечером Беатриса рассказала о случившемся мужу и брату.

– Любопытно, – сказал Генри. – С чего он это взял? Впрочем, здешний народ поразительно невежествен.

– Это поверьте не только корнуэллское, – возразил Уолтер. – Повис говорил мне, что уэльские горцы лечат раны каким-то мхом, возможно как раз этим самым, торфяным. Я слышал, его употребляют и в Шотландии. Но откуда мальчик достал так много, вот что интересно. Поблизости его почти совсем нет – почва слишком каменистая. Прошлым летом у меня гостил один ботаник, ему нужно было немного этого мха для опыта, так нам пришлось облазить все болото.

– Артур сказал Эллен, что ходил за ним куда-то к Могилам девяти дев.

– Там мы его и нашли в конце концов. Но даже в этом месте его совсем немного, и это в пяти милях отсюда. Да и собирать его нелегкая работа: набрать такой мешок да еще втащить его сюда на откос, – у него, наверно, весь день ушел на это.

– О господи! И теперь он думает, что все зря. Надеюсь, Эллен не обидела его? Она добрая девушка, но деликатностью не отличается... Кстати, Генри, ты его видел сегодня в поселке?

– Нет, не видал.

– А ты просил Мэгги или Билла, чтоб они поблагодарили его от меня за чашку?

– Ну что ты скажешь, – воскликнул Генри, – совсем забыл!

– Уолтер, – спросила Беатриса, когда они остались одни, – как же мне поблагодарить мальчика? Ведь он, наверно, думает, что мы гнушаемся его подарками.

– Сегодня уже ничего нельзя сделать. Они, вероятно, уже спят. Завтра утром попробую отыскать Джейбса. Позови Артура к завтраку, и пусть увидит, что ты пьешь из его чашка. На первый случай нам с Генри лучше не быть при этом... Вот если бы Фанни тоже держалась в стороне...

Наутро явился Артур и застал Беатрису за шитьем наволочки на подушку.

Как ни ужасался и ни протестовал Генри, она решила положить «эту грязь» в постель Дика, тщательно высушив ее на плите и завернув в несколько слоев плотного ситца, чтобы она никак не могла коснуться даже повязок.

– Мальчик должен знать, что труды его не пропали даром, – объяснила она. – Если возле Дика положить эту подушку, беды не будет, а вот Артуру такая неудача в самом начале может очень повредить.

У Артура вид был такой тревожный и измученный, что сердце ее сжалось.

Она поднялась ему навстречу и с улыбкой потрепала его по плечу.

– Спасибо тебе за мох, дружок. Я положу его Дику в этом мешке. Я уже сказала ему, что ты принес ему мох для подушки под ногу, и он просил поблагодарить тебя.

– Ему лучше, мэм?

– Сегодня утром немного легче. Доктор дал ему лекарство, и он ночью спал. Когда человек болен, очень полезно хорошо выспаться. Завтра он уже начнет садиться в постели... Артур, а кто тебе сказал, что я люблю розы?

Теперь, когда у меня есть чашка, разрисованная розами, мне всякий раз за чаем будет казаться, что пахнет розой.

На губах мальчика заиграла улыбка, точно такая же, как у матери.

– Прошу прощения, мэм, в лощине, где Могила великана, растут розы. Я их рву маме, они пахнут больно хорошо. Может, хотите? Только сейчас их небось почти что уже и нету.

– Да, дикие розы рано отцветают, но после них остаются красивые ягоды.

Когда мы вернемся домой, в Бартон, ты увидишь, какие у нас там живые изгороди из красных роз. И в саду еще будет полным-полно больших роз – и красных, и розовых, и белых, и желтых. Они поднимаются до самой крыши дома.

И у тебя в комнате тоже будет пахнуть розами.

– Прошу прощения, мэм, это ваш дом?

– Да. А теперь и твой тоже. Он серьезно посмотрел на нее.

– Мой дом в Каргвизиане.

Среди своего народа я живу.

Услышав этот упрек, что был некогда обращен к пророку Елисею, она снова напомнила себе, что с этим мальчиком надо разговаривать осторожно.

– Ну конечно. Только Артур, милый, я хочу кое-что объяснить тебе.

Она помедлила минуту, готовясь ступить на опасную почву.

– Пока твой отец и твоя мать живут в Каргвизиане, твой дом здесь. Дом это место, где живут те, кто нас любит. Но не каждый может прожить всю жизнь у себя дома – моряку приходится покидать свой дом, и солдату, и школьнику.

Надо ведь и учиться и работать. Гарри и Дик приезжают домой только на каникулы. Но у тебя теперь два дома, потому что и мы тоже тебя любим. Ты будешь жить у нас и учиться, а на каникулы будешь возвращаться к родным.

Если кто-нибудь из них заболеет и ты им понадобишься, мы сейчас же отошлем тебя к ним. И каждую неделю ты будешь им писать. Ты их сын, но и наш тоже.

Он слушал молча, потом серьезно, невесело поглядел на нее.

– Мама... будет очень горевать, что я уеду от нее... Она велит, чтоб я был вам хороший сын... Я буду. Только все равно моя мама – она.

– Я не забуду этого, дружок.

– Прошу прощения, мэм... А как мне надо вас звать? Она... она думала мне надо звать вас «мамой»... И уж так плакала, прямо сердце разрывалось.

– Нет, нет, мамой зови только ее. А нас называй «дядя Генри» и «тетя Беатриса».

Он медленно повторил непривычные слова:

– Тетя Беатриса... тетя Беатриса.

– Мой отец назвал меня Беатрисой, потому что он был рад, что у него появилась девочка. Беатриса – значит, та, которая приносит кому-нибудь счастье. Надеюсь, что я и тебе принесу счастье... Ну, а теперь мне надо отнести Дику подушку с твоим мхом; он просил, чтоб я ему почитала до обеда.

А ты пойди и помоги вместо меня Повису, хорошо? Он вскапывает огород для дяди Уолтера, но ему вредно нагибаться, он был болен. Надень свою блузу, а то

перепачкаешься в земле.

– Прошу прощения, мэм... тетя Беатриса, мама ее стирала, блузу, она в пристройке висит.

– Повис купил тебе две блузы. Вторая здесь. Скажи ему, что я просила его поостеречься и не поднимать ничего тяжелого. Я знаю, на тебя можно положиться, ты за ним приглядишь.

Он ушел успокоенный и, пока она не позвала его обедать, ревностно, тачку за тачкой, подвозил Повису землю. Генри и Уолтер были в поселке с землемером из Падстоу, и их к обеду не ждали. Без всяких напоминаний мальчик умылся и, ослепительно чистый и уже не такой непомерно застенчивый, явился на свой первый урок: «учиться есть, как едят господа».

Когда они встали из-за стола и Беатриса убедилась, что Дик и Гарри уснули после обеда, она взяла шитье и попросила Артура почитать ей вслух любую книжку, какая ему тут понравится. Видя, что он растерялся перед слишком большим выбором, она подошла к книжному шкафу, перед которым он стоял, не зная, что взять: руководство для любителей собирать раковины, математический трактат или «Тома Джонса».

– Попробуй эту, – предложила она, протягивая ему «Робинзона Крузо».

Он сел и начал читать – ровным невыразительным голосом, тщательно выговаривая слова и явно не задумываясь над их смыслом.

Уроки вошли в обычай. Беатриса читала с Артуром каждый день, но очень скоро поняла, что толку от этого нет никакого. Усердный и послушный ученик, он был слишком робок, слишком мало верил в себя, да и мысли его были заняты новым, странным положением, в котором он оказался, и той бурей страстей, которая разыгрывалась у него дома, и ему трудно было сосредоточиться на книге. Кроме того, выбор Беатрисы был, как видно, неудачен. «Робинзон Крузо», которым так увлекались ее дети, ничего не говорил воображению Артура. Надо найти какой-то иной путь к его сердцу.

– Скажи, – спросила она однажды утром. – Ты знаешь какие-нибудь стихи?

– Сти... стихи? А что это, мэм?

– Ну, песни или псалмы. Ты когда-нибудь учил что-нибудь наизусть? Он просиял.

– А как же! Я каждое воскресенье утром говорю маме псалмы. Она так хорошо поет в церкви. Только она забывает слова: читать-то она не умеет. А когда я сперва ей скажу, так уж она не забывает. Понимаете?

– Скажи мне какой-нибудь псалом.

Без тени удовольствия, но и без неохоты Артур покорно поднялся и молитвенно сложил руки.

– Какой мне говорить, мэм?

– Тот, который ты больше всего любишь.

После минутного колебания он начал:

– «Иисусе сладчайший...» – и без запинки дочитал псалом до конца.

Первые несколько строк были едва слышны, но потом он забыл свою робость.

– Почему ты любишь этот псалом больше других? Он подумал немного.

– Я люблю про тень.

– Про какую тень?

– Он там говорит:

Укрой меня, беззащитного, Под тенью твоих крыл.

Понимаете? Как птицы, большие птицы, когда летят. Видали вы, как дикие гуси летят? Они всегда здесь пролетают весной и осенью, на север и на юг, вот так... – И он сложил ладони треугольником, показывая, как летит стая. – И кричат, и кричат, далеко слышно... И от них по земле тень, большая-большая.

– И у воздушных змеев, – прошептала Беатриса. – Змей Бобби... он тоже отбрасывал тень.

«Нет, нет, не смей!» Тень ее мучительных воспоминаний не должна коснуться головы этого беззащитного.

И она поспешно улыбнулась.

– И у чаек тоже большая тень. Я любовалась ими вчера, когда выглянуло солнце.

Поздно. Мальчик уже смотрит на нее так испытующе, словно он может понять.

– Змеи... да. А еще коршуны... Ух и большущие, и когти какие! В словаре есть такая картинка. Только там их как-то чудно называют: aksipitty или еще как.

– Accipitres. Это латинское слово. Оно означает – хищники: коршуны, соколы, пустельги – всякая хищная птица.

– А мы их зовем – тикари. Он как упадет на птичник – раз, и опять вверх, а уж в когтях цыпленок. Вы когда видали? Мама говорит... – Он запнулся, недоуменно нахмурился. – А отец так говорит: «Не будь лопухом».

– А что это значит?

– Лопух? Тронутый. Вроде дурачка.

– И что же?

– Отец говорит: «А для чего ж на свете цыплята? Тикарям надо кормить своих птенцов, ведь надо? Что они станут делать, если им не будет обеда?» И верно, помрут с голоду.

– А мама что говорит?

– Мама говорит: «Не бойся. Когда тикари попадут на небо, господь бог научит их есть траву, – вот что она говорит, – или водоросли. Господь уж сам рассудит, он творит чудеса. Он может заставить льва мирно лежать с ягненком рядом». Вот она что говорит. Прошу прощенья, мэм... тетя Беатриса...

Он вдруг замолчал.

– Да?

– Вот господь бог. Если он все так может, почему прямо сейчас не сделает – тут, на земле?

Что на это ответишь? Что можно ответить на это? Что? Только правду.

Чего бы это ни стоило, одну правду.

– Не знаю, Артур, – сказала она. – Я бы очень хотела знать.

На мгновение ответ как будто удовлетворил его. Но нет, опять что-то не дает ему покоя.

– А отец смеется. Он мне говорит: «Уж будь в надежде, конечно он будет мирно лежать, да только с ягненком в брюхе». Он говорит: «На том ли свете, на этом ли, а все равно либо ты лев, либо – ягненок; запомни это». Отец, бывает, чудно говорит... Только вы о нем худо не думайте. Вы только...

Она жестом остановила его.

– Дружок мой, есть на свете человек, о котором я никогда не подумаю плохо, – это твой отец. У него злой язык, но если человек, рискуя жизнью, спасает чужих детей, которых ему не за что любить, можно простить ему злые речи. В другой раз, когда он станет говорить тебе о львах, вспомни, что он сделал для моих двух ягнят.

– Ладно, мэм, – не сразу ответил мальчик.

Назавтра Гарри было разрешено встать с постели; он был еще бледен и не вполне оправился от потрясения, но чувствовал себя много лучше. И впервые со дня несчастья мать могла спокойно поговорить с ним наедине.

– Пойдем посидим на утесе, – предложила она. – День сегодня чудесный, и я хочу тебе кое-что сказать.

Они уселись на краю утеса среди диких гиацинтов и подмаренника. Гарри отыскал глазами Луг Сатаны, сверкающий на солнце далеко внизу.

– Смотри, мама, сейчас прилив, – видишь, вон оно, то место...

– Да, дорогой....

– Вон обломок дядиной лодки к скале прибило. Видишь голубую дощечку на воде? Там Дик сломал ногу. Мама, ночью я думал... ведь это простая случайность, что ему не перебило позвоночник. Он был бы всю жизнь прикован к постели, как Сэмми Даген, и это была бы моя вина.

Она ласково накрыла его руку своею.

– Не надо больше смотреть туда. Это все позади, в другой раз ты будешь умнее; кто из нас не совершал ошибок. Теперь выслушай меня внимательно...

Гарри, у тебя есть новый брат.

Он испуганно поглядел на нее.

– Ты знаешь, чем мы все обязаны Пенвирну. Мы с твоим отцом усыновили одного из его детей, и я надеюсь, что ты, мой старший сын, сделаешь все, чтобы мальчику было у нас хорошо, поможешь ему освоиться с новой жизнью. Я хочу, чтобы ты относился к нему, как к Глэдис и Дику, как к Бобби... если бы он был жив.

– Но, мама! – Он был в ужасе. – Мама... конечно же я все сделаю для.

Пенвирна и для этого мальчика. Но усыновить! Неужели он будет жить в Бартоне?

– Не все время. Летом он будет уезжать на каникулы к родным.

– И... и будет учиться в одной школе с нами? Да ведь...

– Нет, в школу он пока не поедет. Его еще нужно к этому подготовить. Он будет жить с нами в Бартоне, будет учиться вместе с Глэдис, а потом, может быть, мы...

– Но, мама, как ты не понимаешь! Его ни за что не примут в нашу школу.

Сына рыбака – ни за что!

– Я не уверена, что колледж святого Катберта был бы для него подходящим местом, даже если бы его и приняли, – ответила Беатриса. – На первых порах я сама буду давать ему уроки, а потом вместо гувернантки для Глэдис мы, вероятно, пригласим домашнего учителя для них обоих.

– Но не может же он жить с тобой и с Глэдис!

– Почему?

– Мама, он... Ты просто не представляешь себе, что это за семья! Видела бы ты их дом!

– Я была там три раза.

– Ты видела его братьев? И эту ужасную девушку... с младенцем?

– Ужасны не люди, дружок, ужасна их нищета. А этой беде твой отец поможет. Он строит и обставляет для них новый дом; и у них будет большая парусная лодка пополам с Полвилами, так что они не будут зависеть от жадных посредников, смогут сами продавать свой улов и больше зарабатывать. Папа уже написал сэру Джеральду Криппсу, предлагая недорого продать ему Траффордскую лощину, чтобы выручить деньги, не трогая Бартон.

Гарри трудно глотнул. Траффордская лощина, славившаяся своими фазанами, лежала между Бартоном и землями Криппса, и два года назад на аукционе отец перехватил ее у сэра Джеральда. Криппс-младший, заносчивый нахал, не раз говорил обидные слова о «новоявленном богаче». Придется опять проучить его.

Что ж, ладно: если кое-кто соскучился по тумакам, он их получит.

Гарри мужественно выдержал взгляд матери.

– Я очень рад. Но джентльмена ты из него не сделаешь, мама; это невозможно.

– А что такое джентльмен, Гарри? Он смешался.

– Ну... ну...

– В сущности, мой милый, ты полагаешь, будто Артур недостойн жить с нами, потому что он сын рыбака.

– Я – Нет, не совсем так.

– Да, Гарри, именно так. А я боюсь, что мы недостойны жить с ним. Но нам надо постараться стать достойнее. Всем нам.

– Мама, неужели ты думаешь, что я не благодарен Пенвирну? Уж конечно мне для него ничего не жалко...

– Ты не жалеешь для него денег, я понимаю. Ты честный человек и не хочешь оставаться в долгу. Но неужели, по-твоему, деньгами можно оплатить то, что Пенвирн сделал для тебя и для Дика? Или для нас с папой?

– Мама, я... да, я понимаю. Я готов сделать для него все на свете.

Поверь мне.

– Тогда прежде всего прими Артура как брата и подай пример Дику. Больше мы никогда не будем говорить с тобой о том, чем вы оба обязаны отцу этого мальчика. Никогда больше я не напомню тебе о твоём долге, но, надеюсь, ты никогда о нём не забудешь. Даже после моей смерти. Иначе мне будет стыдно за тебя и в могиле.

– Я не забуду, мама. Я сделаю все, что только смогу.

– Я так и знала, сын. И помни, ты больше всех можешь помочь Артуру почувствовать себя у нас как дома. Дик во всем будет подражать тебе. Он будет вести себя так же, как ты.

Когда на следующее утро Артур пришел на урок, Беатриса познакомила мальчиков и отправила их помогать Повису. Вернулись они какие-то притихшие, но, видимо, вполне дружелюбно настроенные. Пока их не было, мать подготовила Дика к встрече с новым братом и теперь подвела к нему Артура.

– Это Артур, Дик.

Она оставила их одних и, выйдя в соседнюю комнату, увидела, что Гарри чем-то смущен.

– Мама, я прямо не знаю, как быть... с Артуром. Ты сказала, я должен помочь ему освоиться...

– И что же?

– Ну... я бы рад, правда... Но с чего начать? Понимаешь... у него насморк.

– Небольшой. Он простудился, потому что целый день ползал по трясине, собирая мох для Дика. Это пройдет. .

. – Да, но, мама... он не умеет пользоваться носовым платком.

– Да, дружок. Ты тоже не умел, когда я тебе в первый раз дала платок.

Это было очень давно, и ты уже забыл, как трудно тебе было научиться. Должно быть, Артур в первый раз увидел носовой платок неделю тому назад.

– Но как же мне... я не хочу его обидеть. Только ведь...

– А ты сделай вид, что у тебя тоже насморк. Пусть увидит, как ты пользуешься платком. И он быстро научится. Он очень неглуп.

– Хорошо, понимаю, – кивнул Гарри.

Дик вел себя иначе. Он держался приветливо, но снисходительно.

– Ну конечно, мама, мы не обидим его, это только справедливо. Но, знаешь, он все-таки тряпка. Беатриса подняла брови.

– Вот как? Ну, твое счастье, что его отец далеко не тряпка.

Оставшись наедине с Гарри. Дик высказался определеннее.

– Видно, придется нам терпеть, раз уж они усыновили его, но все-таки это ужасно глупо. Ясно же, что этот их Артур просто плакса. Тряпка – вот он кто. Grosh ему цена. Одно хорошо: этот оборвыш, кажется, не нахальный. По крайней мере будет делать то, что ему велят.

Что касается Артура, он был серьезен, сдержан и столь же вежлив и ненавязчив, как сам Уолтер.

«Откуда у него этот душевный такт?» – поражалась Беатриса.

– Похоже, что он славный паренек, – сказал как-то Генри. – Но, боюсь, пороха не выдумает. Тебе не кажется, что он туповат? Пожалуй, ему больше подошло бы носить юбку. Но так сразу трудно судить, может он просто очень застенчив. Хотя с лошадьёю он тоже сладить не умеет. Ты видела, как вчера Повис учил его ездить верхом?

– Он больше привык к лодке, – ответила Беатриса. Уолтер, по обыкновению, промолчал.

День за днем из окна своей унылой спальни в Тренансе Фанни смотрела на поливаемую дождем вересковую равнину и растравляла себя воспоминаниями о безвозвратном прошлом.

Конечно же она самая несчастная женщина на свете! Верная жена, отвергнутая обожаемым мужем из-за того только, что она слишком пеклась о его благе. Что говорить, подчас она бывала резковата. Но у кого бы на ее месте хватило терпения? Беатрисе легко расхаживать с милой улыбочкой, когда все на нее молятся! А тут с самого рождения судьба против тебя...

Судьба и в самом деле не была милостива к Фанни. С детства болезненная и непривлекательная, она всегда была чем-то вроде прислуги в своем благочестивом семействе, которое все усилия направляло на то, чтобы скрыть свою бедность и «выбиться в люди». Крикливые младенцы, запахи стряпни, вечные недомогания, шитье фланелевых юбок для достойных бедняков, свадебные подарки младшим сестрам – вот так и проходил год за годом. И еще не успела кончиться ее молодость, а она оказалась в чужой стране в роли бонны. Десять горьких лет одиноко, точно в изгнании, провела она среди презрительных чужестранцев, и ничего не случилось в ее жизни, только она с ужасом чувствовала, что скоро уже станет безнадежной старой девой.

Но вот однажды ночью долгожданное случилось – трогательное сочувствие случайного знакомого, неожиданная пропасть, разверзшаяся на ее пути, врата рая, распахнувшиеся перед нею в ту минуту, когда Уолтер назвал ее своей будущей женой, а ей страстно хотелось упасть перед ним на колени и целовать пыль у его ног. А пять минут спустя – новый тяжкий удар. Оставшись с ней наедине, он объяснил, что брак их может быть лишь формальностью, позволяющей ему защищать ее; он постарается быть ей добрым другом, но он уже никогда не полюбит ни одну женщину.

В первое мгновенье она была потрясена, потом согласилась, внутренне улыбаясь. Он ведь во всех отношениях моложе ее. Была, наверно, какая-нибудь неудачная любовь, это скоро пройдет.

Их брак, который в сущности не был браком, с самого начала оказался неудачным. Ни нежная забота Уолтера, ни его безграничное терпение не могли возместить ей то, в чем он ей отказывал. Терзаясь и не находя себе покоя, она однажды ночью прокралась к нему в спальню. До самой смерти ей не забыть, как радостно вскрикнул он, пробуждаясь, и с каким ужасом и ненавистью отпрянул от нее, поняв, что та, кого он обнимает, его жена. Через минуту он уже смиренно просил прощения за то, что обидел ее. И все же он не позволил ей остаться, и она ушла, изнемогая от ненависти к

неведомой сопернице, живой или мертвой. Два месяца спустя, глубокой ночью, она снова попыталась войти к нему, но дверь оказалась запертой.

И все же она не хотела признать себя побежденной. Его талантов не ценят, он слишком робок, скромн, он не умеет добиваться успеха. Вот если, заручившись покровительством Монктонов, она поможет ему получить повышение, тогда уж наверно он наконец полюбит ее.

Его неожиданный отъезд из Бартонa озадачил ее, но не испугал. Только по приезде в Лондон он объяснил ей, что она натворила. Онемев от ужаса, она смотрела на него во все глаза, – впервые в жизни она увидела, как страшен в гневе сдержанный и мягкий человек. С того дня, неизменно вежливый и внимательный, он всегда держался с нею как чужой.

Годы шли, и все надежды Фанни рухнули, как рухнула самая заветная ее надежда. Луг Сатаны поглотил последнюю из них. Теперь ей уже нечего и мечтать об изгнании ненавистного Повиса, о выселении Пенвирнов. И этот деревенский лекарь обращается с ней уже не как с гостьей, а чуть ли не как с арестанткой. Наверно, Беатриса, эта хитрая лиса, намекнула ему, чтобы он держал ее подальше от Каргвизиана. Ладно, она им покажет, всем покажет, что значит выгнать законную жену из мужнина дома!

Через две недели после несчастья с мальчиками, потеряв всякую надежду подольститься к доктору или настолько запугать священника, чтобы кто-нибудь из них подвез ее в Каргвизиан, Фанни наняла в Падстоу коляску и отправилась посмотреть, что это там от нее скрывают. Слухи о невероятных событиях в рыбацьем поселке докатились и до Тренанса, и она уже больше не могла мучиться неизвестностью. Дорогой они обогнали груженную камнем телегу, и Фанни, окликнув возницу, узнала, что Пенвирнам строят дом и хлев. Она пришла в отчаяние: стало быть, худшие ее опасения подтвердились! В Каргвизиан она приехала заплаканная, с дрожащими губами и, застав невестку одну в гостиной, кинулась к ней с протянутыми руками, исполненная в эту минуту почти искреннего смирения.

– Простите меня, Беатриса!

Спокойная и приветливая, Беатриса поднялась ей навстречу.

За долгие годы она так привыкла скрывать свои истинные чувства под маской вежливости, что теперь это давалось ей без всякого труда.

– А, Фанни! Добрый день. Мы как раз собирались навестить вас.

– Я понимаю, вы, конечно, были очень заняты.

– С тех пор как вы уехали, у меня не было ни секунды свободной. Но доктор рассказывает нам о вас. Надеюсь, ревматизм вас уже не так мучит?

Фанни села, усмиренная и покорная, как овечка.

– Беатриса... в тот вечер я вела себя ужасно. Наверно, на вас с Генри произвело отвратительное впечатление мое...

– Ну, пустяки, не стоит вспоминать. Вы были расстроены, и мы тоже.

Бедный Генри сам не знал, что говорит, он был вне себя от страха, что мальчики на всю жизнь останутся калеками.

– Но ведь это им. не грозит? Насколько я поняла, доктор Томас считает, что

опасности никакой нет.

– Ни малейшей. Теперь их выздоровление только дело времени... Фанни, мне очень неприятно, но я все еще не могу обойтись без вашей комнаты. В доме ведь нет ни одной свободной постели, и не будет, пока Дик не сможет двигаться, а на это уйдет еще несколько недель. Это очень неудачно, но если в Тренансе вам удобно, ничего лучшего, кажется, не придумаешь.

Фанни изменилась в лице и поспешно отвернулась, чтобы скрыть черную ненависть, которая поднялась из самых глубин ее существа. Перед ней враг хорошо защищенный, богатый, уверенный в себе, всеми любимый... Но, быть может, не чуждый страха? Почему бы не попробовать? Только осторожнее, чтобы она ничего не заподозрила.

– Удобства еще не самое важное в жизни, дорогая Беатриса. Позвольте мне объясниться. Вы не можете себе представить, как я несчастна! Вы думали, я выхожу из себя по пустякам. Но если бы вы только знали...

– Отчего же вы так несчастны, Фанни? Я не понимаю.

– Где вам понять! Ваш муж боготворит вас. Беатриса, мое сердце разрывается: я знаю, что Уолтер не любит меня.

Она закрыла лицо руками. Беатриса внимательно наблюдала за ней. Наконец Фанни уронила руки и снова заговорила притворно жалобным, страдальческим голосом:

– Вы не представляете себе, каково это – всем сердцем полюбить человека, выйти за него замуж, веря, что и он вас любит, а потом убедиться, что он только о том и думает, как бы под любым предлогом отделаться от вас.

Знали бы вы, сколько раз я думала покончить с собой! Он, наверно, был бы только рад. Избавился бы от лишней обузы, от бельма на глазу...

Лицо Беатрисы оставалось все таким же любезным и ничего не выражающим, но мысли обгоняли одна другую.

Это было бы не плохо. Но она не решится, это одни разговоры... Зачем она явилась? Настроить меня против Уолтера?

– Фанни, но почему вы думаете, что такая страшная развязка может обрадовать его? У нас в семье уже случилось одно самоубийство. Разве это может принести кому бы то ни было душевный мир и спокойствие? Если вы несчастливы с Уолтером, разве не благоразумнее было бы каждому жить своей собственной жизнью? У него достаточно здравого смысла, он никогда не станет вам мешать, если у вас будут свои интересы и свои друзья. Я уверена, он желает вам только счастья.

– Счастья! Неужели, по-вашему, я не понимаю, что загубила его жизнь? Не женись он на мне, он мог бы найти какую-нибудь хорошенькую девушку, и у них были бы дети. Вы не знаете, что значит быть бездетной и нежеланной. Вам повезло – у вас есть дети.

– Да, что и говорить, мне очень повезло, и я должна благодарить судьбу.

– Но я... я старше Уолтера. А мужчины уж так устроены – одной любви им мало,

им подавай молодость, красоту.

Сейчас, подумала Беатриса, пойдут намеки на темное прошлое Уолтера.

Доктора и священника она уж, наверно, потчевала всем этим. Выведем ее на чистую воду.

Должно быть, вы много испытали на своем веку, Фанни, что так думаете о людях.

– Ах, дорогая, вы всегда жили под чьим-нибудь крылышком. Откуда вам знать жизнь, как я ее знаю? Беатриса скромно опустила глаза.

– Да, боюсь, что у меня нет никакого опыта. Я ведь вышла замуж девятнадцати лет, прямо из родительского дома, и с тех пор вечно занята детьми, хозяйством, так что я и в самом деле совсем не знаю мужчин, если не считать Генри и Уолтера. Но они ведь оба очень хорошие люди, правда?

Фанни пожала плечами.

– Ну, Уолтер не хуже других, только он очень слабохарактерный. Если бы он не был под дурным влиянием...

– Вот как? Вы меня пугаете. Я и не подозревала. Под чьим же?

– Этот Повис... – Фанни не договорила.

– А я и не знала, – промолвила Беатриса. – Так по-вашему... вы думаете, это он мешает Уолтеру оценить вашу привязанность?

Фанни украдкой бросила на нее пытливый взгляд: нет, это не насмешка, просто самая обыкновенная тупость. И почему это все воображают, что Беатриса умная? Она улыбнулась было, но тут же покачала головой и вздохнула.

– Вам это кажется невероятным? Повис – опасный человек. моя дорогая, вы и не подозреваете, что он за человек. Он всегда был злым гением Уолтера.

Она выразительно помолчала.

– Только помните, это строго между нами. Кроме вас, я никому не могу довериться. Вам никогда не приходило в голову, что у него может быть какая-то тайная власть над Уолтером? Вам никогда не казалось, что Уолтер его боится?

Беатриса поспешно опустила глаза, чтобы этот подстерегающий взгляд не заметил в них вспыхнувшей догадки.

Боится? Да это она сама боится. Как же я раньше об этом не подумала? А может, она Пенвирна тоже боится? Почему же? Надо выпытать у нее побольше.

Она вновь подняла глаза.

– Вы подозреваете, что Повис что-то знает об Уолтере, чего мы не знаем, и извлекает из этого какую-то выгоду? Вы это хотите сказать?

– Я не подозреваю, я в этом уверена.

– И... вы знаете, что это за секрет?

– Точно не знаю, но догадываюсь. На лице Беатрисы все еще были написаны простодушное удивление и растерянность.

«Я должна узнать все до конца. Вела она еще с кем-нибудь подобные разговоры?»

Со священником? С леди Маунтстюарт? С доктором?..»

– Фанни, эго ведь очень серьезно. Если кто-то шантажирует Уолтера, ему нужна наша помощь. Может быть, вы скажете, в чем дело?

Фанни на секунду замялась.

– Пожалуй, лучше уж я вам скажу. Была одна женщина... молодая девушка.

Это случилось в Лиссабоне; по-моему, она утопилась. Тут замешан какой-то француз. Я знаю, что Уолтер привел к нему эту девушку. Француз, кажется, выдавал себя за доктора; они часто так делают; на самом деле они, конечно, никакие не доктора. Во всяком случае, француз, как видно, ничем ей не помог, потому что она бросилась в реку. Повис тогда был там, – это я знаю, – и у него в то время были какие-то дела с Уолтером. Потом он исчез, а через два года выследил Уолтера в Вене и каким-то образом навязался к нему в услужение. О, за этим еще много чего кроется, можете мне поверить.

– Как вы узнали об этом, Фанни?

– Ну, связываешь одно, другое... и потом...

– Какие-нибудь письма?

– Да– Да... было одно письмо... по-французски, и подпись – «Элоиза».

Потом есть еще рисунок карандашом – девушка, с виду иностранка, а на обороте подпись «Элоиза с книгой» и дата... Беатриса, но только вы никому не говорите, что вы об этом знаете. Я рассказала одной только вам. Хоть Уолтер и сделал меня несчастной, я ему верная жена, и его доброе имя для меня священо. Я ни за что никому ни полслова не сказала бы, кроме вас.

Ага! Стало быть, она нашептывает об этом всем и каждому. Интересно, далеко ли она зашла?

– Вы думаете. Повис вымогает у него деньги, угрожая рассказать про самоубийство этой девушки?

– Если только это было самоубийство.

– Если?

– Ах, Беатриса, это так ужасно. Я не могу поверить, что Уолтер в самом деле столкнул ее.

Так вот, значит, куда зашло. Теперь начнутся угрозы. Чего ей надо?

Денег? Напугать меня, а через меня Генри?

С минуту Беатриса молча, напряженно думала.

– Скажите, – начала она. – Неужели вы действительно так думаете? У вас есть основания подозревать... Фанни опять закрыла лицо руками.

– Ах, не знаю. Не знаю, что и думать! И я так люблю его. Она вся подалась вперед и схватила Беатрису за руку.

– Ведь вы верите мне, верите? Вы ведь никогда никому не скажете? Я рассказала вам только ради него... только чтоб спасти его от этого ужасного Повиса. Вы ведь верите, что я всем сердцем люблю его...

– Прошу прощения, тетя Беатриса, мистер Повис...

Фанни вздрогнула, быстро подняла голову, пальцы ее несольно впились в руку Беатрисы.

Тетя Беатриса!

Да это же один из мальчишек Пенвирна.

Беатриса сделала мальчику знак подождать.

– Одну минуту, Артур... Фанни, вы знаете Артура Пенвирна? Мы с Генри усыновили его. Он будет жить с нами в Бартоне.

Фанни в упор смотрела на мальчика; он – на нее. Все молчали. И вдруг Артур крикнул:

– Нет– Нет! Пускай она вас не трогает. Она злая, злая!

Охваченный ужасом, он кинулся между ними и, не помня себя, стал торопливо отталкивать Беатрису, стараясь оторвать от нее эту нечистую руку.

Беатриса удержала его.

– Тише, милый, успокойся. Она не может сделать мне ничего плохого.

Да– Да, я понимаю.

Он тотчас послушался. И молча, остановился подле нее все еще дрожа, уцепившись за ее руку. Другой рукой она обняла его и, поднявшись, обернулась к невестке.

– Вы задали мне вопрос. По-моему, Артур ответил на него.

Фанни тоже встала, ноздри ее трепетали.

– Беатриса, вы... вы заманивали меня. Вы... вы нарочно...

– Я хотела знать, как далеко вы способны зайти. Да, это не очень красиво с моей стороны. Порядочные люди не расставляют ловушек. Но Уолтер должен знать, что вы роетесь в его письмах и за его спиной клеветеете на него. Вам не кажется, что самое разумное для вас – уехать отсюда, пока я ему еще ничего не рассказала?

Фанни вся побелела. Медленно пошла она к двери.

– Вы провели меня. Чтоб вам сдохнуть под забором! И этому... этому нищенскому отродью тоже.

Стоя у окна, они молча смотрели, как она уезжает.

ГЛАВА IX

– Как видите, – объясняла Беатриса за обедом, – у меня не было иного выхода, оставалось только сделать вид, что я ей верю, и поощрять ее откровенность, пока она не раскроет свои карты. Она уже совсем было отбросила всякую осторожность, но тут вошел Артур. Но она и так рассказала достаточно. Куда проще иметь дело с обвинениями, чем с намеками.

– Но... но. – Генри недоумевал, он даже не мог найти слов. – Какие же обвинения?

Против Уолтера? Что за нелепость! В чем она может его обвинить?

– В чем угодно, начиная от прелюбодеяния и кончая убийством. Хотите знать подробности?

Уолтер молча кивнул.

Она рассказала им самое главное.

– Я чувствовала, что ходят какие-то слухи, – добавила она. – Это было видно по тому, как вели себя судебный исполнитель и священник. Но все это были одни догадки. Теперь мы по крайней мере знаем, что она и сейчас ухитряется рыться в твоих бумагах и все, что узнает, истолковывает на свой лад и разносит по всей округе.

– Ты совершенно уверена, что она распускает слухи? – спросил Уолтер.

Это были его первые слова..

– Не могу сказать, что совершенно уверена, доказательств у меня нет. И все-таки – уверена. Уж слишком часто и слишком настойчиво она повторяла, что никому и словом не обмолвилась.

Генри потер лоб.

– Ну уж... ну, знаете... да это же подсудное дело! Сказать тебе такое... Тьфу пропасть, в жизни ничего подобного не слышал! И это про Уолтера-то, который никогда мухи не обидел.

– И однако Фанни наговорила с три короба. У нее богатое воображение. Да кроме того, при желании все можно истолковать как злодейство.

– Особенно если подтасовать факты, которые на самом деле никак друг с другом не связаны, – добавил Уолтер. – У меня в столе действительно лежало письмо от одной девушки, написанное по-французски и отправленное из Лиссабона; был и ее карандашный портрет. Теперь их там нет. Я убрал их, когда Повис предупредил меня, что, по его мнению, у Фанни есть отмычка.

Он нахмурился и в раздумье помолчал.

– Да, еще прежде чем мы поженились, я неосторожно рассказал ей, что однажды видел, как девушка бросилась в Тахо, и отвез ее к доктору, который знал по-французски. Он привел ее в себя и вылечил от нервного потрясения. Но то была другая девушка.

– А для Фанни это неважно. Она все истолкует, как ей выгодней, вставила Беатриса. – Ну, хорошо, Уолтер, что же ты думаешь делать?

Он пожал плечами.

– Да как будто ничего. Что тут сделаешь? Спасибо, конечно, что ты меня предупредила. Но не могу же я возбудить дело о клевете против своей собственной жены! И если бы даже я хотел опровергнуть эту басню, она взамен сочинит две новых. В конце концов это не так уж важно. Даже если она и знает какие-то имена, она не может повредить умершим.

– Но ты-то ведь еще не умер, дружище, – возразил Генри.

– Пока нет. И привык ничему не удивляться. Не огорчайся, Генри. Ни ты, ни Беатриса и никто из моих немногих друзей не поверит ни одному слову.

Фанни, а если кто другой и поверит, не все ли равно. Я ни с кем не встречаюсь. И все же я рад, что знаю правду. Это кое-что объясняет.. Беатриса приподняла брови.

– Тогда, пожалуй, я должна рассказать тебе еще кое-что. Теперь я знаю, почему она ненавидит Повиса. Впервые Уолтер посмотрел на нее с интересом.

– Вот как? Я был бы очень рад понять, в чем тут дело.

– Думаю, что я поняла. Она его боится.

– Почему?

– Вот этого я не могу тебе объяснить, но он, вероятно, сможет, если только захочет. По-моему, он что-то знает о ней, и она боится, как бы ты тоже этого не узнал.

Уолтер улыбнулся.

– Би, голубушка, на тебя это так не похоже – дать волю воображению в ущерб здравому смыслу. С какой стати ей меня бояться? Кто я для нее? Всего лишь человек, который был настолько глуп, что женился на ней.

– Что ж, это и в самом деле было неумно.

– Совершенно верно. А раз уж она моя законная жена, не все ли ей равно, что еще я о ней узнаю? Ей уже давным-давно известно, что я о ней думаю.

– Видимо, ты не все о ней знаешь, есть что-то такое, что она хочет утаить от тебя, и боится, как бы ты не узнал этого от Повиса. Как по-твоему, зачем она пришла ко мне? Она не слишком умна, но и не настолько глупа, чтобы самой верить во все эти небылицы. Ведь ясно же, она хотела либо запугать меня, чтобы я заставила тебя избавиться от Повиса, либо восстановить меня против него – на случай, если он вздумает посвятить меня в то, что ему известно о ней. А может быть, она хотела через меня напугать Генри и добиться, чтобы он заплатил ей за молчание.

Уолтер в раздумье слушал ее.

– Благодарю тебя. Да, ты, пожалуй, права насчет Повиса. Мне не раз казалось, что они неспроста так ненавидят друг друга. Как ты думаешь, Пенвирн тоже что-нибудь знает или подозревает? Это многое объяснило бы.

Беатриса покачала головой.

– Возможно, но все-таки я этого не думаю. Пенвирн не кажется мне человеком, который способен долго держать что-либо в секрете– Он, может быть, и хотел бы, но под горячую руку уж наверно давно бы проговорился...

Да– Да, Дик, сейчас иду.

Услышав голос сына из спальни, она поднялась, мимоходом похлопала Генри по плечу и, смеясь, поцеловала сидящую голову брата, что случалось не часто.

– Ну вот, а теперь принимайтесь опять строить дома, копать в древностях, вы, чистые души, и предоставьте нам с Повисом управляться с личностями вроде Фанни. Мы не боимся иной раз запачкать ручки ради благой цели.

Днем, когда она прилегла отдохнуть, Уолтер тихонько заглянул в кабинет.

– Я помешал тебе?

– Ни капельки. Заходи, и поболтаем, пока у меня не болит спина.

– Тебе плохо сегодня? У тебя измученный вид.

– Не хуже, чем всегда. Во всяком случае, за разговором с тобой я забуду про боль. Он сел рядом.

– Я был не слишком любезен за обедом в благодарность за все твои хлопоты, правда? Ты меня застала немного врасплох, но я от души благодарен тебе.

Она насмешливо прищурилась.

– Ну конечно, милый, еще бы не благодарен, а в придачу тебе чуточку тошно. Я понимаю. К счастью, я уже не так брезглива, как прежде. Это прелестное качество, но в нашей жизни оно только помеха, особенно для женщины.

Уолтер поморщился.

– Не надо, Би. Не будь циничной.

– Тебе неприятно, милый? Но как же быть бедной женщине с двумя такими невинными младенцами на руках, как ты и Генри, не считая еще троих детей? А теперь я еще взвалила на себя юного серафима! Если бы ты видел сегодня утром Фанни с Артуром, ты бы понял, что в иные минуты мне не обойтись без некоторой доли цинизма, просто из чувства самосохранения.

– Может быть, ты расскажешь мне побольше? Я хотел бы знать все, что она говорила.

– Среди всего прочего она выразила надежду, что мы с Артуром сдохнем под забором.

И Беатриса повторила еще кое-какие подробности утреннего разговора.

– А кончилось тем, что она обругала тебя?

– И меня и Артура. Особенно Артура. Она ненавидит его даже больше, чем нас с тобой. Чуть ли не больше, чем Повиса.

– Но почему? Мальчик не сделал ей ничего плохого.

– Он сделал больше, чем кто-либо из нас. Он увидел ее такой, как она есть. Помнишь, две недели назад я говорила тебе, что усыновила архангела Гавриила? Я ошиблась, он Итуриэль. Стоило ему коснуться ее, маска спала, и она явилась перед нами в своем истинном обличье. Я бы этому в жизни не поверила, если бы не видела сегодня собственными глазами. Она предстала перед ним без покровов, как в день страшного суда.

– Понимаю, – сказал Уолтер. – Да, этого она не простит.

– Она никогда не простит этого ни ему, ни мне, никогда не упустит случая навредить нам самим или нашим близким. Еще и поэтому нельзя оставить ее безнаказанной. Фанни – змея ядовитая, и если ты не хочешь обезвредить ее, придется мне взять это на себя, ради всех нас.

– Как же ты ее обезвредишь?

– Постараюсь как-нибудь и не буду слишком деликатничать. Но прежде всего позволь мне узнать у Повиса, если только он захочет сказать, что он знает о ней.

– Би, я... я бы предпочел...

– Ты бы предпочел быть нищим, только не сыщиком.. Я тоже. Я бы предпочла не делать многого из того, что мне приходилось делать на моем веку. Жизнь не спрашивает, в какой именно грязи нам приятнее вымазаться.

В дверь постучала Эллен.

– Прошу прощения, мэм, мистер Риверс не у вас? Там пришел старик Полвил, у него какое-то секретное дело. Уолтер вышел, но вскоре снова появился в дверях.

– Можно привести к тебе Полвила, Би? Он был чем-то встревожен. Беатриса поспешно села и поправила волосы.

– Конечно, пусть войдет. Уолтер распахнул дверь.

– Входите, пожалуйста. Я хотел бы, чтобы и сестра слышала то, что вы собираетесь нам рассказать.

Едва старик вошел, Беатриса встала и протянула ему руку. Насупясь, он строго посмотрел на нее, но руки не подал.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала Беатриса. – Мы рады вас видеть.

– Это как вам угодно, мэм. Он сел, вертя в руках шапку.

– Я не рассказывать пришел, сэр. Я пришел спросить вас. Может, леди...

Он умолк па полуслове.

– Продолжайте, Полвил. У меня нет секретов от миссис Телфорд.

– Как угодно, сэр. Мистер Риверс, сколько вы живете в наших местах, вы всегда обращались с нами по справедливости, и неохота мне думать про вас худо; верно вам говорю – неохота.

– Отчего же вам думать обо мне худо? – мягко спросил Уолтер. – Лучше расскажите нам, что вас беспокоит. Может быть, мы все уладим.

Полвил вытащил из кармана грязную, скомканную бумажку. В нее было завернуто несколько золотых монет .

– Знали вы, что ваша леди хотела подкупить моего парня?

– Что?!

– Моего парня, Джейбса. Дала ему денег, чтоб сходил в Падстоу, да продал бы там душу дьяволу... Знаете вы про такие дела?

Наступило тягостное молчание.

– Скажите нам, Полвил, – начал наконец Уолтер, опускаясь ни стул, – о чем миссис Риверс просила Джейбса? Полвил в упор глядел на него.

– Ну да, я так и думал, – сказал он. – Может, вы не знаете. Джейбс ездил на той неделе в Тренанс, отвозил рыбу. Ваша леди подошла к нему и говорит: «Хочешь, говорит, заработать денег?» А Джейбс, простая душа, возьми и скажи:

«Как вам угодно, мэм».

– И что же дальше?

– Она, видно, не хотела, чтоб кто проведал про ее дела в Падстоу.

«Никому, говорит, не сказывайся, ни отцу, ни кому еще». Велела Джейбсу пойти в «Отдых матроса», в тамошний трактир, и сыскать одного иностранного матроса, – вроде он должен прийти из Бристоля. Дала парню вот эту бумажку и пять фунтов и велела этого матроса спросить: «Есть турецкие сласти?» – а он на это ответит: «Мелкие да сладкие». И тогда чтоб Джейбс вышел на улицу, а тот вроде пойдет за ним. И чтоб Джейбс отдал ему эту бумажку, а в ней чего-то написано, и взял у него коробочку, и отдал ему пять фунтов. Да только, мол, сперва возьми коробочку, а уж потом отдавай пять фунтов. И потом чтоб принес коробочку ей, а она ему даст две гинеи за труды; и никакого худа в этом нету, и никто вовек ничего не узнает.

Брат и сестра переглянулись.

– И что же Джейбс? – спросил Уолтер.

– Он сперва взялся – ничего, видно, и не понял. Потом забоялся и не пошел. У Джейбса ничего худого, на уме не было, он парнишка хороший, только простоват.

– Да, я знаю.

– Он всю неделю ходил как в воду опущенный. А нынче утром я ему и говорю: «Ты что это натворил, малый? Скажи, говорю, отцу, что тебя грызет, да чтоб не врать у меня». Тут он все и выложил. «Ведь две гинеи, говорит, этакая прорна денег, да чудно чего-то». А я ему и говорю: "Только тронь, говорю, ее вонючие деньги, я тебе все кости переломаяю, как бог свят!

Подавай, говорю, сюда эту бумагу. Я пойду на гору да скажу все мистеру Риверсу. Ему, говорю, надо знать, про это дело, а может, и еще кой-кому".

Он протянул деньги Уолтеру.

– Вот они, ваши пять фунтов, сэр. Нам они ни к чему. Мы люди неученые, но бога боимся, так и запомните, и не желаем знаться с ворами, с контрабандистами и со всякими разбойниками. Нет уж, как бог свят! Я растил своих детей честными людьми, как велит писание, уж не сомневайтесь. И никто не введет моего парня во грех, чтоб его потом повесили или в каторгу сослали неведомо за что. Не позволю я этого никому, как бог свят, не позволю.

Узловатая рука, лежащая на колене, сжалась в кулак. Уолтер положил монеты на стол. Пальцы его слегка дрожали.

– Спасибо, Полвил. Я рад, что Джейбс вам все рассказал. Можно посмотреть этот листок?

Полвил бросил на него недоверчивый взгляд, потом медленно подал бумагу.

– Натте, глядите, сэр, да только уж не забудьте отдать обратно. Может, она мне еще понадобится.

– Уолтер разгладил скомканную бумажку, посмотрел на нее и передал Беатрисе. На листке рукою Фанни было написано:

"Турецкие сласти – 5 фунтов".

– Спасибо, – сказала Беатриса и вернула бумагу старику.

– Полвил, – сказал Уолтер, – мы с сестрой вам очень благодарны за то, что вы пришли прямо к нам. Поверьте, если бы мне нужно было то, что могло быть в этой

коробке, я достал бы это сам, а не подкупал бы мальчика и не посылал его на опасное дело. Теперь, когда вы Нам рассказали, я могу обещать вам, что это не повторится.

На этот раз, поколебавшись с минуту, старик пожал протянутые ему руки.

Он пошел к двери, потом вернулся и положил бумагу рядом с деньгами.

– Оставьте себе, сэр.

После его ухода они заговорили не сразу.

– Что ж, – нарушила молчание Беатриса. – Надо распутать это до конца.

Может быть, позовем Повиса и постараемся узнать, что ему известно?

Уолтер нашел Повиса в кухне, где тот в белоснежном поварском одеянии показывал Эллен, как по всем правилам искусства печь воздушное пирожное.

– Зайдите, пожалуйста, в кабинет, Повис, когда освободитесь. Мы с миссис Телфорд хотели бы поговорить с вами.

Повис ответил долгим многозначительным взглядом из-под насупленных бровей, молча кивнул и продолжал колдовать над тестом. Благополучно посадив пирожное в печь, он поглядел на часы.

– Вытащите через пятнадцать минут, Эллен. Да смотрите, чтоб остужать как полагается.

Он снял колпак и фартук, тщательно вымыл руки и появился в дверях кабинета.

– Вы желали что-то сказать мне, мэм?

– Да. Повис. Скажите нам, пожалуйста, вы не знаете, что такое «турецкие сладости»? Он ответил не сразу.

– Стало быть, вы узнали?

– Приходил Полвил, – объяснила Беатриса. – На той неделе Джейбсу пообещали две гинеи, если он тайком купит эти «сладости» у какого-то матроса в Падстоу за пять фунтов.

– И он пошел?

– Нет. Он сперва согласился, но потом испугался и не пошел. А сегодня во всем признался отцу.

– Его счастье. Такому, как Джейбс, самое лучшее быть честным. Какой из дурака преступник. Изловили бы его за милую душу, и тогда бросай все дела да иди доказывай, что это не письма из Франции. Со шпионами нынче не шутят.

Он замолчал, мысленно оценивая положение вещей.

– Да, я как поглядел на нее нынче утром, так и подумал, что она дошла до крайности. Верно, вырвалась на минутку да передала своим бристольским приятелям, чтоб прислали зелье с падстоуской рыбачьей шхуной.

Никто ни разу не произнес имени Фанни.

– Но что это такое? – спросила Беатриса. – Я не понимаю. Яд?

Повис покачал головой.

– Не тот, что вы думаете, мэм. Верно, штука ядовитая, но не для того ее покупают, чтоб людей травить.

– Для чего же?

– Слыхали вы про опиум?

– Опиум!

– Он самый.

– «Турецкие сласти», – прошептал Уолтер и обернулся к Повису. Он был почти страшен, но по-прежнему не повышал голоса.

– И давно вы знаете об этом?

– С тех пор, как она пыталась подкупить меня, чтоб я добыл ей зелье.

~ Когда это было?

– Месяца через полтора после вашей свадьбы.

– И все эти годы вы знали и скрывали от меня?

– Да, сэр. Уолтер отвернулся.

– Я верил вам, – сказал он не сразу, очень тихо.

– Да, сэр.

Настала тишина, от которой звенело в ушах.

– Не горячись, Уолтер! – вырвалось у Беатрисы. – Ведь это ради тебя.

Повис не шевельнулся, он по-прежнему стоял в своей привычной позе застыв, как бывалый солдат по команде «смирно». Уолтер все так же смотрел в сторону.

– Может быть, вы скажете мне, – медленно начал он, – почему все-таки вы молчали?

– Могу и сказать, сэр. Только, по-вашему, это, верно, выйдет не слишком вежливо.

– Забудьте вы о вежливости, я хочу знать правду.

– Я не против. Правда, вот она, если хотите знать: у вас уж больно сердце доброе.

– Иными словами...

– Вы никогда не оставите ее, нипочем. Вы только все будете собираться.

Уж до этого-то она вас обязательно доведет. А потом и поплачет, и прощенья попросит, – вы и простите, и на другой раз простите, и семью семьдесят раз, как нам ведено по писанию. А это долгий счет, и половины не отсчитавши помрете от разрыва сердца и книгу свою не допишете. И мне или другому кому только и останется, что выкопать вам могилу.

Уолтер слушал молча, не поднимая глаз. Повис сделал шаг к нему.

– Вы говорите: «все эти годы». Что ж, может, я и виноват, сэр? А что мне было делать, скажите на милость? Как мне, по-вашему, было защищать вас все эти годы, кабы мне нечем было ее припугнуть? Что толку грозиться, что я, мол, расскажу, когда вы уж и слышали и простили. Как бы я, по-вашему, заставил ее дать вам покой на целый год без месяца, а месяц уж как-нибудь претерпеть можно?.. Как бы помешал

занимать от вашего имени деньги у иностранных джентльменов, которые приезжают к вам работать, у важных друзей мистера Телфор– Да и у кого попало? Да она бы последнюю вашу рубашку заложила ради этого зелья, если бы я не мешал. Может, по-вашему, все эти годы я сидел сложа руки?

Уолтер рассмеялся почти ласково, и от этого смех его был как удар хлыста.

– Короче говоря, я был простачком вроде Джейбса. Как видно, я должен быть вам очень признателен за то, что вы столь искусно меня опекали.

Одна лишь Беатриса заметила, как дрогнуло лицо Повиса. Когда Уолтер поднял глаза, оно уже снова было, как всегда, непроницаемое и хмурое.

– Не стоит благодарности, сэр. Это было одно удовольствие.

– Уолтер, – сказала Беатриса. Голос ее зазвенел, и Уолтер невольно обернулся. – Знай, что на месте Повиса я поступила бы точно так же, если бы только у меня хватило мужества и самоотверженности.

– Вот как, мэм? – сказал Повис. – Что ж, могу гордиться, если вы меня одобряете.

– Простите. Мне не следовало вмешиваться, и вы совершенно правы, что сердитесь.

Уолтер встал и протянул руку.

– Сестра права, я был несправедлив. Простите меня, Повис.

Привычная насмешливая улыбка смягчила каменное лицо Повиса.

– Мне нечего жаловаться, сэр. Господь по неисповедимой премудрости своей определил меня приглядывать за вами. За что это мне – не пойму, разве что за грехи. Но раз уж такая моя работа, должен я терпеть и ласку и таску.

И чего уж вас осуждать, если после такой передряги вы малость погорячились?

Скверная история, что и говорить; и жалко, что миссис Телфорд досталось столько хлопот. Сдается мне. ей и без того солоно пришлось за последние две недели, а ведь ей велено лежать и чтоб никакого беспокойства. Беатриса засмеялась.

– Ничего не поделаешь. Повис. Мы живем на беспокойной планете.

– Верно, мэм. Ну вот, теперь вы оба всЈ знаете. Что ж дальше-то будет?

Надо же что-нибудь делать, раз уж дошло до того, что таких вон дурачков, как Джейбс, уговаривают за две гинеи лезть в петлю.

– Да, – согласился Уолтер. – И сделать это должен я. Я и так слишком долго пренебрегал своими обязанностями.

– И что же вы хотите делать, сэр, если мне позволено будет спросить?

– Прежде всего отвезу миссис Риверс в Лондон к доктору и выясню, можно ли как-нибудь излечить ее от этой привычки.

– А она поедет?

– Ей придется поехать.

– Как же вы это устроите?

– Еще не знаю. Завтра поеду в Тренанс, тогда видно будет.

Помедлив, Уолтер добавил:

– Спасибо вам, Повис.

– Вам спасибо, сэр... Могу вас порадовать, мэм. у Эллен легкая рука на воздушное печенье. Еще несколько уроков, и я сделаю из нее неплохого кондитера... для женщины, конечно.

ГЛАВА X

Назавтра поздно вечером Уолтер вернулся из Тренанса. У него был такой измученный вид, что даже Генри не стал его ни о чем спрашивать. Утром он заговорил сам.

– Генри, мне очень неприятно бросать вас, но я должен ехать в Лондон.

– Ты хочешь увезти Фанни?

– Да. Я еду завтра рано утром.

– Она согласилась показаться доктору?

– Да, но очень неохотно. Если дать ей опомниться, она передумает, и придется воевать заново. Надо спешить, это единственный выход.

Оставшись наедине с сестрой, Уолтер заговорил несколько откровеннее. Он провел ужасный день. Сперва Фанни все отрицала, шумно возмущалась таким нелепым, оскорбительным подозрением. Полвилы выдумали все с начала до конца, и уж конечно по наущению Повиса. Она в жизни не разговаривала с Джейбсом; она всегда думала, что «турецкие сласти» – это какая-то смесь клея с розовой водой.

Увидав свою записку, она разразилась слезами; рыдая, во всем призналась и умоляла мужа простить ее. Она валялась у него в ногах, целовала ему руки, клялась, что никогда больше не притронется к окаянному зелью. Потом распалила себя до бешенства и накинулась на него с невообразимой бранью, с проклятиями, с кулаками, пыталась плюнуть ему в лицо и угрожала покончить с собой. Потом вдруг успокоилась, вновь стала в позу оскорбленной невинности, и все началось сначала.

– Это было отвратительней всего, – рассказывал Уолтер. – Можно было подумать, что она, словно заводная кукла, способна разыгрывать одно и то же представление снова и снова, без конца. Ей, как видно, это ничуть не надоедало.

Так продолжалось весь день. Только под вечер она погрузилась в мрачное молчание и впервые выслушала ультиматум мужа.

– Что же ты ей сказал?

– Сказал, что если она не поедет со мной в Лондон к доктору и не постарается отстать от своей пагубной привычки, мы перестанем видеться, я не буду считать себя ответственным за ее долги и не дам ей ни гроша сверх самого скромного содержания, которое она будет получать через мистера Уинтропа. Кроме того, если она вновь появится в этих краях или попытается войти в какие-либо отношения с моими арендаторами или соседями, я предупрежу всех окрестных рыбаков, чтобы они остерегались ее.

– И тогда она уступила?

– Пришлось уступить. Своих денег у нее нет, а доктор Томас и его жена больше не в силах ее терпеть. Завтра рано утром он отвезет нас в Падстоу, а оттуда уж мы как-нибудь доберемся до Эксетера. Ему смертельно надоела вся эта история. И я не могу его осуждать... этот ее визг... Вчера была минута, когда мне показалось, что он вот-вот вышвырнет нас обоих из улицу.

– Что ты собираешься делать в Лондоне?

– Прежде всего хочу посоветоваться с другом отца, доктором Терри.

Помнишь его? Он все еще практикует, и он ведь очень умный человек. Он сделает для меня все что можно.

– Непременно возьми с собой Повиса.

– Нет, он может приехать позднее. Сейчас он должен остаться здесь и позаботиться о тебе.

– Ни он, ни я не согласимся на это. Позови его, и сам увидишь.

Повис был непреклонен:

– Виноват сэ,р, но без меня вы не поедете.

– Миссис Телфорд больше нуждается в вашей помощи, чем я.

– Миссис Телфорд знает, что это не так, сэ,р.

– Разумеется, – подтвердила Беатриса. – Не глупи, Уолтер. У нас здесь худшее уже позади, а тебе нужен кто-то, кто не дал бы Фанни сбежать, пока ты нанимаешь лошадей или советуешься с докторами. Я сама помогу Эллен по хозяйству.

– И к тому же будешь давать уроки Артуру, и ходить за Диком, и покупать мебель, и следить, чтобы Мэгги и Билл не ссорились из-за мальчика, не рвали его на части? Ты забываешь, что тебе самой еще нужен уход.

– Когда мы вернемся домой, я смогу лежать в постели сколько вздумается.

Придется моей спине потерпеть до лучших времен. Ученье Артура тоже потерпит, и они с Гарри помогут мне ухаживать за Диком. Всем троим это будет очень полезно. Дику последнее время уделяют столько внимания, что он, пожалуй, чересчур к этому привыкнет, а Гарри с Артуром все еще никак не освоятся друг с другом, они все время как на иголках .

– А как же Пенвирны?

– Им придется понять, что и у других людей есть свои заботы. И если Мэгги займется выбором мебели, у нее останется меньше времени доводить Билла до белого каления. Не поднимай ты суеты, Уолтер, ты меня только утомляешь...

О господи, что это со мной? Я уже и на тебя огрызаюсь, бедный ты мой, как будто тебе без меня мало достается.

Уолтер улыбнулся.

– Наконец-то в тебе заговорил живой человек!

Первые три дня после отъезда Уолтера и Повиса Генри преданно ухаживал за больными, читал Дику вслух, не давал Беатрисе лишнего шагу ступить и приводил в отчаяние Эллен и Робертса, изо всех сил стараясь им помогать. На четвертый день он был мрачен, выбранил Эллен за ее стряпню и пожаловался, что совсем заплыл жиром от недостатка моциона. На пятый день он поехал верхом в Падстоу и вернулся поздно ночью, весь забрызганный грязью, не в состоянии связать двух слов. Если бы не умный конь, едва ли Генри благополучно одолел бы крутую, опасную дорогу.

Слуги крепко спали. Одна Беатриса услышала, как он пытается открыть дверь, встала и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мальчиков, открыла ему. Видя, что он неспособен позаботиться ни о лошади, ни о себе, она разбудила Робертса. Вдвоем они ввели его в дом, сняли перепачканное платье, вытерли мокрым полотенцем лицо и руки. Он уже храпел в постели, когда в дверь заглянул полуодетый Гарри.

– Помочь тебе, мама?

– Нет, милый. Все уже сделано. Иди спать. И, пожалуйста, ничего не говори Дику.

– Хорошо, мама.

В эту ночь Беатриса больше не сомкнула глаз. Она и прежде нередко видела Генри подвыпившим, но никогда еще он не возвращался в таком состоянии.

Наутро он был зол и отчаянно сконфужен и избегал встречаться глазами с Гарри. Поняв, что мальчик знает о случившемся больше, чем он сам, он сделал робкую попытку оправдаться, но это оказалось не так-то просто.

– Знаете, сэр, – несмело, но с укором начал сын, – маме вредно такое беспокойство среди ночи, да еще слуги слышали... и вообще. Я уж непременно извинился бы перед ней, если б я...

– Если бы ты хоть раз доставил кому-нибудь лишнее огорчение, неожиданно раздался голос матери; никогда еще Гарри не слышал, чтобы она говорила так резко.

Она стояла в дверях с охалкой грязного белья, бледная, усталая, под глазами темные круги, губы сурово сжаты. Мальчик вспыхнул, отвернулся и прикусил губу. Генри умоляюще протянул руки.

– Дорогая моя, мне так неприятно, что я тебя обеспокоил. Я совсем не хотел...

Слова, беспощадные, как удары хлыста, обрушились на него, и он умолк.

Долгие годы Беатриса была кротка и рассудительна, и для него было полнейшей неожиданностью услышать от нее, да еще при сыне, что таким свинством можно в педеля доконать и здоровую жену.

– Может быть, ты будешь любезен отнести эту грязь в прачечную, пока я приберу за Диком? Он выбрал самую подходящую минуту, чтобы опрокинуть на постель поднос с завтраком. А Гарри, я вижу, запачкал скатерть вареньем. Я позавтракаю на кухне с Эллен, если у меня вообще найдется время позавтракать.

Она брезгливо кинула на пол свою ношу и вышла, вся дрожа от гнева.

«Ну, если, по мнению Уолтера, это и значит становиться живым человеком, – сказала она себе, – ты, как видно, делаешь успехи. Со школьных лет ты ничего подобного себе не позволяла. Возьми себя в руки, моя милая, не то тебя, пожалуй, примут за Фанни».

То, что самообладание вдруг изменило ей, было для нее не меньшей неожиданностью, чем для мужа и сына, которые покорно принялись подбирать с полу грязное белье.

До самого обеда Беатрисе удавалось держаться с обычным своим спокойствием. Но она была счастлива, когда настал час послеобеденного отдыха. Бессонные ночи, напряжение последних недель – все сказалось теперь.

Слава богу, сегодня ее уже едва ли кто-нибудь потревожит. Генри, все еще в покаянном настроении, ушел в поселок посмотреть материалы для постройки;

Гарри, тоже смущенный и присмиривший, отправился с ним, чтобы принести Пенвирну запоздалые извинения за себя и за брата. Артур и Робертс уехали за покупками в Падстоу. Дику Гарри строго-настрого наказал, чтобы после обеда он тихонько занялся чем-нибудь и «хоть в кои-то веки дал маме передохнуть».

Она сможет полежать по меньшей мере два часа, и тогда боль немного утихнет.

Беатриса через силу добрела до кабинета и со вздохом облегчения легла.

Но, повернув голову к окну, за которым то и дело пролетали чайки, в надежде, что птицы, однообразные взмахи их серебристых крыльев успокоят ее, она увидела, что по тропинке взбирается Мэгги Пенвирн с большой корзиной.

Беатриса поспешно приподнялась, кусая губы, чтобы не застонать. Ну да, она ведь просила Мэгги как-нибудь прийти поговорить об Артуре, и конечно же бедняга должна была выбрать именно этот день!

Очевидно, это торжественный визит. Обычно босая, Мэгги была сегодня в тяжелых бесформенных башмаках, которые она надевала лишь по воскресеньям; платье и чепец из той же выцветшей клетчатой ткани, что и полог над ее постелью, были выстираны и туго накрахмалены.

Беатриса стиснула зубы.

Ну– Ну, не давай себе воли. Ты должна принять ее и быть с ней ласковой.

Должна. Ничего не поделаешь. Даже если целая волчья стая вонзит тебе в спину клыки, бедная женщина все равно должна почувствовать, что ты ей рада. Будь это кто-нибудь другой, можно было бы извиниться и не принять, но надо совсем не иметь сердца, чтобы не приветливо встретить эту несчастную, беззащитную Мэгги. Однако подняться было так мучительно, что ей удалось улыбнуться, только когда Мэгги уже переступила порог.

Беатриса пригласила ее войти, и она поставила на пол корзину и отерла разгоряченное лицо рукавом; она немного запыхалась и от смущения запинаясь на каждом слове:

– Лов был удачный. Вот тут немного рыбы, может пригодится, и еще хороший омар...

Когда Мэгги открыла крышку и в корзине зашевелились черные свирепые клешни, Беатриса с трудом подавила дрожь. В первую минуту она подумала было, что Мэгги хочет продать улов, но, к счастью, вовремя поняла свою ошибку и не совершила губительного промаха.

Нет, то был дар от чистого сердца! И по здешним понятиям дар щедрый, такие

огромные омары попадаются редко, и ее ни в коем случае нельзя обидеть.

– Как вы добры! Конечно, нам это очень пригодится. Свежая рыба для пас роскошь; Уорикшир слишком далеко от моря. И какой огромный омар! Да я такого в жизни не видала. Это будет великолепное угощение для мужа и мальчиков: они так любят омаров.

Хоть бы уж Мэгги наконец закрыла корзину! Чудовище возьмет да и вылезет. И почему они сперва не убили его? В доме, наверно, никто и не знает, как к нему подступиться. Как их убивают? Похоже, он сам мастер убивать.

– Прошу прощения, мэм, – начала Мэгги и остановилась; видно, у нее что-то на уме.

– Я слушаю вас. Да садитесь же, отдохните. Вы, должно быть, устали, пока поднимались в гору.

– Прошу прощения, мэм... – не подумайте только, что я навязываюсь... для меня будет честью помочь вам со всякой уборкой – полы помыть, или постирать, или еще что... Мистер Повис уехал, а тут у вас больные, хозяйство...

– Спасибо за внимание, дорогая миссис Пенвирн, но у вас ведь и дома хватает дел. А Эллен сегодня утром уже покончила со стиркой, и завтра Робертс натрет полы. Лучше присядьте и поговорим, раз уж вы здесь. Эллен приготовит нам чай.

Но Мэгги все еще топталась на одном месте. Как это утомительно! Хоть бы уж она села или бы совсем ушла! Так больше невозможно, никто бы этого не выдержал – стоять и говорить любезные слова... а лицо Мэгги то расплывается, то сморщивается, то совсем исчезает...

Мэгги подхватила ее.

– Сядьте, мэм.

Беатриса беспомощно повиновалась, закрыла глаза. Когда все вокруг перестало качаться, она снова открыла глаза, выпрямилась и попыталась рассмеяться.

– Господи, как глупо! Не пугайтесь, я никогда не падаю в обморок.

Просто я немного устала... и не совсем здорова... Глаза Мэгги на мгновение стали совсем как у сына.

– Да, мэм, я знаю,.. Ваш хозяин говорил, как вы разбились, когда хотели спасти младшенького... жалость-то какая...

– Нет, нет!

Беатриса приподнялась, обеими руками зажала себе рот. Нет, только не об этом! Это нечестно. Никто не должен говорить с ней о Бобби...

Но тут в ней что-то надломилось. Она перестала сопротивляться, перестала бодриться, снова упала на стул и, уткнувшись в клетчатый подол, зарыдала, – зарыдала громко, неудержимо. Мэгги обхватила ее обеими руками.

– Ох, бедняжка, бедняжка! Мужчины, они разве что понимают. Только мы, женщины, и понимаем, право слово, Бедняжка вы моя, потеряли своего маленького, вот и я своего теряю.

Наконец Беатриса перестала плакать. Она села, негромко высморкалась и сама себе

показалась до отвращения раскисшей и жалкой.

Ну, можно ли вести себя нелепее! Право же, надо извиниться перед этой женщиной. Но у нее не нашлось никаких слов.

– Мне надо пойти умыться, – только и сказала она. Вымыв распухшие глаза и приведя себя в порядок, она заглянула в кухню и попросила Эллен поставить чайник, потом, призвав на помощь все свое достоинство, вернулась к гостю.

Засучив рукава и подвязавшись фартуком, Мэгги вытаскивала из-под омара тряпку. Она обернулась, лицо у нее было такое же, как всегда.

– Вы уж простите Артура, мэм. Он вчера совсем расстроился, что окна забыл вымыть. Он всегда про что-нибудь забудет. Уж позвольте, я вымою. Это ведь недолго, и я с радостью. Как ветер задует с моря, нанесет пены, стекла делаются совсем мутные.

Они стояли и глядели друг на друга. Потом Беатриса склонила голову, словно ей оказали великую милость.

– Благодарю вас. Да, он в самом деле хотел вымыть окна, но мальчики всегда забывчивы. Я попрошу Эллен принести вам ведро воды.

Она молча вернулась в кухню. Да, ей дали понять, что минутная близость безвозвратно миновала и предана забвению. Снова одна из них леди, другая жена рыбака, и никто никогда не узнает от Мэгги, что мать, потерявшая сына, однажды рыдала в ее объятьях.

Генри уже начинал беспокоиться, что не попадет домой к весенней пахоте и распродаже скота. И когда доктор наконец разрешил Дику ехать, все вздохнули с облегчением.

В это время приехал Повис и застал все семейство за сборами в дорогу.

Уолтер прислал его закрыть дом на зиму. Весною здесь поселится ученый, которому передана неоконченная работа о доисторических памятниках. Уолтер снял квартиру в Лондоне, по соседству с доктором Терри, и будет жить там с Фанни, чтобы она была под постоянным наблюдением врача.

Услыхав все эти новости, Генри встревожился.

– Это влетит ему в копеечку.

– Да, сэр. Чтобы покрыть все расходы, ему пришлось заложить этот дом, подтвердил Повис. Генри досадливо прищелкнул языком.

– Ну и ну! Вот это он напрасно. Я бы мог поручиться за него, чтобы он взял ссуду в банке.

– Он не хотел беспокоить вас, сэр. Сказал, что у вас и без того хватает расходов. И потом, если не ошибаюсь, он уже взял работу, так что будет чем платить по закладной. Перевод с персидского, или с арабского, или еще с какого-то чудного языка для министерства иностранных дел. Вот и сидит день и ночь, а то все у нее на побегушках, как мальчишка все равно. Только и слышно: «Пооди сюда», «Поддай то», «Сделай это», – хоть уши затыкай. Теперь кто-нибудь другой допишет его книгу и присвоит себе всю славу, а ведь книга уж на три четверти готова. А чего ради? Экая глупость, право слово.

– Так, значит, доктора считают, что это неизлечимо? – спросила Беатриса.

– Один считает одно, другой другое. Так ведь всегда бывает, когда их сойдется несколько человек. Доктор Терри качает головой и говорит:

«Запущенный случай». А двое других говорят: «Не все потеряно», – а раз не все потеряно, ясное дело он не отступится, хоть бы это стоило ему жизни. А так оно и будет, уж можете мне поверить. Если она не угомонится, это его убьет.

– Она ведет себя хуже прежнего с тех пор, как они уехали?

Повис пожал плечами.

– Видите ли, мэм, пока мы не переехали на новую квартиру, она была тише воды ниже травы. Понятное дело – перепугалась. Была слаще меда, пока не увидала, что он завел себе отдельную спальню, – и что за спальня, посмотрели бы вы! Конура, в которой и собака-то не станет жить, не то что христианская душа. Зато замок в двери крепкий, уж об этом я позаботился. Господи, да она готова была выцарапать ему глаза. Только и утихомирилась, когда доктор Терри пригрозил запереть ее в сумасшедший дом, если она не попридержит язык.

– Почему же конура? Разве их квартира неудобна?

– У нее-то комната очень удобная, можете не сомневаться. У нее ни в чем не будет недостатка, даже если ему придется для этого снять с себя последнюю рубашку. Да ведь ей не того надо, не при вас будет сказано, мэм.

На его лице выразилось такое отвращение, что Беатриса не сдержалась:

– Повис, а может быть, вы уговорите его? Это же просто невозможно, чтобы он вот так принес себя ей в жертву. Если ее нельзя вылечить...

– А если бы и можно, мэм, что толку? Ведь тогда ему до самой смерти от нее не избавиться. Так она, может, хоть кончит сумасшедшим домом, и чем скорее, тем лучше. Ей там самое место.

– А до тех пор?

– А до тех пор она сведет его в могилу, разве что в один прекрасный День лопнет мое терпение и я ее придушу. Тогда уж я кончу каторгой, и, право слово, оно того стоит, лишь бы наконец заткнуть ей глотку. Будь он поумнее, он давно бы сам ее придушил. Да ведь дурень он дурнем и останется, не в обиду будь сказано.

Беатриса вздохнула и снова принялась укладывать вещи. Да, сейчас, видно, она ничем не может помочь Уолтеру; надо сохранить остатки сил для тех, кому она в состоянии помочь.

Больше всего она сейчас нужна Артуру. Подходит время расставанья, и он с каждым днем становится все бледнее, печальнее, покорнее, – и при виде этого молчаливого отчаяния сердце ее разрывается. Последние недели, когда бы к нему ни пришла мать, их сразу же оставляли одних. Но у Мэгги не хватало смелости приходить часто, и она никогда не задерживалась надолго: лишь в последний день мать и сын провели вместе несколько часов.

К вечеру пришел Пенвирн. Хмурый и неловкий, он пришел за сыном, чтобы Артур провел последнюю ночь под родным кровом, и угрюмо пробормотал:

«Спасибо вам, мэм». В своей новой одежде, которую ему купила жена, Билл показался Беатрисе каким-то слинявшим, хотя все здесь так одевались. Одежда была как одежда, разве только слишком уж новая, но вот Биллу она никак не шла. К его демонической внешности куда больше подходили его прежние лохмотья.

Наряд Мэгги, который она так долго, старательно выбирала вместе с Артуром, был куда менее удачен. Ей, видно, не хватало вкуса, а Артур страдал от его избытка. Новое платье матери было для него не просто платьем, то был символ новой жизни, открывшейся ей, точно по волшебству, его новыми родителями, как в сказке перевернувшими всю их жизнь. Мама должна ходить в голубом, потому что ведь небо голубое. Наверно, когда попадешь на небо, увидишь, что там все ангелы в голубом. А может, в белом, как морские ласточки? Нет, в голубом, с белыми крыльями. И ходят они прямо по голубому небу. И увидел я высокий белый трон...

К сожалению, ткани, продававшиеся в падстоуских лавках, были отнюдь не того голубого цвета, который способен навести на мысль об ангелах небесных.

Но даже в своем новом кричаще ярком платье цвета берлинской лазури Мэгги оставалась сама собой.

На другое утро, когда карета остановилась у подножья утеса, поджидая Артура, все жители рыбацкого поселка, кроме него самого и его матери, высыпали на берег. Те, кто так или иначе участвовал в спасении мальчиков, были одеты во все новое и показывали друг другу полученные подарки. Их менее удачливые соседи теснились сзади – отчасти из любопытства, отчасти в надежде, что и на их долю что-нибудь перепадет.

Новый люггер, приведенный для этого случая из падстоу– ских доков, гордо покачивался на якоре; его белые паруса были убраны, маленькая шляпка подпрыгивала рядом с ним на волнах. Оба они были выкрашены такой ослепительной голубой краской, с которой могло сравниться разве что платье Мэгги. И на носу у обоих большими белыми буквами были выведено имя «Телфорд», данное им в честь их крестных родителей, а под этим более скромно, буквами помельче: «Владельцы У. Пенвирн и Т. Полвил. Падстоу».

Новенькая гребная лодка, вытащенная на песок, носила имя уже одного только Пенвирна. Около наполовину отстроенного дома, в новом хлеву, стояла молодая корова, а за хлевом, в свинарнике, – большая жирная свинья. Старик Полвил, в своем новом костюме равно походивший на церковного старосту и на гориллу, старательно, по складам читал восхищенным соседям надпись, выгравированную на его первых в жизни часах.

Билл, по обыкновению, резко выделялся в толпе улыбающихся и подобострастных соседей. Когда Генри высунулся из окна кареты и окликнул его по имени, он подошел, словно бы нехотя, и хмуро выслушал новые изъявления искренней благодарности. Губы его, как всегда, были сурово сжаты.

– Помните, Пенвирн: в любой беде, в любое время, пока я жив, я всегда вам помогу. Билл покачал головой.

– Нет уж, сэр. Больше мне ничего от вас не надо. Вы много сделали, куда больше, чем я бы сам попросил. Воспитайте моего парня честным человеком, выучите его на механика – и мы квиты.

– Я сделаю для него все, что смогу, вы знаете это. Но я не могу сделать его механиком, если у него нет к этому способностей. Математика...

– За этим дело не станет, сэр, верное слово. У Артура есть голова на плечах, только он не всегда шевелит мозгами. Математика... тут просто надо крепко потрудиться. И он будет трудиться, будет. А если станет бить баклуши, спустите с него шкуру, и я вам спасибо скажу.

Он повернулся к Беатрисе.

– Только не подпускайте его к этим книжкам, к разным книжкам, мэм, и я вам буду по гроб жизни благодарен. Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Я могу обещать вам только одно: я буду любить его, как родного, и постараюсь, чтобы он был счастлив. Я сделаю так, как для него будет лучше.

Но всегда буду помнить о вашем желании, чтобы он усердно занимался математикой, и я знаю, он будет стараться изо всех сил, чтобы порадовать вас.

– Ладно, мэм, – проворчал он и, обернувшись к дому, крикнул: – Мэгги!

Артур! Где вы там запропастились? Лошади ждут!

Они вышли вместе молча; у Мэгги губы совсем белые, глаза мрачные и сухие; мальчик низко опустил голову.

Билл обеими руками взял его за плечи и стиснул так, что сын невольно поморщился от боли.

– Слушай меня, Артур, да смотри не забудь, что я тебе скажу.

– Не забуду, отец.

– Кроме тебя, у меня нет ничего на свете, и тебе подвернулся мучай, какого у меня сроду не бывало. Я работал для тебя, и голодал, и рисковал своей шкурой, и все по доброй воле. Если из тебя выйдет толк, я буду гордиться тобой, как если б я сам стал человеком. Но если у тебя ничего не выйдет... – Лицо его исказилось. – Если ты упустишь этот случай, который я заработал собственным горбом, если будешь лодырничать и дурака валять и строить из себя барина, я прокляну тебя в смертный час, так и знай.

– Да, отец.

– И с того света буду приходить к тебе и покоя не дам...

– Тише, тише, – вмешалась Беатриса. – Верьте ему и положитесь на нас.

Мы все постараемся не обмануть ваших ожиданий.

Пенвирн словно и не слышал ее. Он с такой силой вцепился в худые плечи сына, что пальцы побелели. Голова Артура начала кружиться, он закрыл глаза, потом они вновь открылись – огромные, полные ужаса. Мэгги шагнула к мужу.

– Оставь его, Билл Пенвирн! Руки Билла тут же разжались.

– Возьми его в карету, – прошептала Беатриса. Генри с испуганным лицом высунулся, втащил мальчика в карету и захлопнул дверцу.

– Я ничего такого не хотел, Артур, сынок. – В голосе Билла прорвалось рыдание. – Я никогда не сделаю тебе ничего худого... никогда. Я... я люблю тебя...

– Пожалуйста, мэм, – вмешалась Мэгги, – уезжайте скорей.

Она протянула руку в окно кареты, на мгновение положила ее на голову мальчику, потом повернулась и, ни слова не говоря, ушла в дом.

– Гоните, Робертс, – попросила Беатриса, – гоните.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА I

Глэдис сбежала с лестницы и с восторженным воплем повисла на шее у матери. Она торопливо, хотя и ласково, обняла по очереди Гарри, Дика и отца, потом вывернулась у него из рук, откинула назад непокорные золотистые волосы и круглыми любопытными глазами уставилась на нового брата.

– Это Артур, – сказала Беатриса, соединяя их руки. – Он будет жить с нами, будь ему доброй сестрой. Поди покажи ему его комнату и помоги распаковать вещи. Когда чай будет готов, я вас позову.

Глэдис стояла, слегка расставив крепкие маленькие ноги, и внимательно смотрела на застенчивого мальчика. Потом взяла его под руку.

– Пойдем, Артур.

Немного оробев оттого, что попал в такой огромный, великолепный дом, он покорно пошел за нею вверх по лестнице. Она распахнула дверь небольшой, залитой солнцем комнаты.

– Вот твоя комната, а рядом – Гарри и Дика, а дальше моя. Когда тебе что-нибудь нужно, ты сразу стучи в мою дверь в любое время. Поди сюда, посмотри в окно. Это каретный сарай, а там конюшни... В том длинном доме?

Там коровник. Через пять минут придут коровы, и ты их увидишь, их сейчас будут доить... Ну да, конечно, коров много. В том домике, где штокрозы, живут Робертсы, а за ним – видишь, где стоит большая груша? – это амбар.

Теперь высунь голову из окна и увидишь кусочек сада. А вон на лужайке Пушинка – это моя собака, сеттер, и у нее трое щенят... Что? Что там розовое за окном? Это розы, они называются «Семь сестер». У вас в Корнуэлле разве нет таких? Я хотела нарвать тебе, а мама сказала, чтоб я поставила тебе в комнату синих цветов. Но я нашла только дельфиниум. Надеюсь, он тебе понравится. Я хотела принести тебе синих анютиных глазок, да они уже все отцвели.

– Мне... мне нравятся эти... как их звать? Дель...

– Дельфиниум. В саду за домом их сколько угодно, и все синие, как твои глаза. У тебя глаза синие.

– А у тебя серые... красивые.

Глэдис кивнула.

– Да, я знаю, что красивые. Племянница миссис Джонс тоже так говорит.

Но это мне все равно не поможет, потому что у меня курносый нос. Тебе это неприятно? Ты очень не любишь курносых?

– Чего же мне их не любить?

Они серьезно посмотрели друг на друга. Потом она обеими руками обхватила шею мальчика и поцеловала его.

– Какой ты смешной. Ты мне нравишься.

Только когда гонг позвал их к чаю, они вспомнили про чемодан Артура.

– Уже распаковали все вещи? – спросила Беатриса, открыв дверь. – Да вы еще и не начинали! Ну, ничего. Может быть, если мы хорошенько попросим миссис Джонс, она уж, так и быть, это сделает. А теперь мойте руки и идите вниз пить чай.

Не прошло и месяца, как Артур и Глэдис стали неразлучны. Время от времени Генри начинал тревожиться, видя, как все тесней становится эта дружба. Не то чтобы он думал плохо об Артуре – паренек в сущности неплохой, хотя немножко и размазня, – но как бы Глэдис, проводя с ним столько времени, не переняла у него плохие манеры и неправильную речь. За зиму он несколько раз заговаривал об этом с женой.

– Не бойся, – сказала ему однажды Беатриса. – Впервые в жизни у Глэдис есть то, что ей всего важнее: друг, который в ней нуждается. А что до умения себя вести, то Артур уже может кое-чему поучить Дика.

– Это правда, он делает такие успехи, каких я и не ожидал. Но как он говорит!

– Да, неправильную речь нескоро исправишь. Но он и говорит уже гораздо лучше. От него теперь лишь изредка услышишь эти его бессмысленные словечки.

– А она их подхватывает. Право же, Беатриса; ну что тут смешного? Она уже и так переняла у него достаточно какой-то тарабарщины.

– Но она знает, что так не говорят.

– Все равно, не очень-то приятно слышать из уст леди «ладно» и «ага», как от какой-нибудь рыбачки.

– Подрастет – отучится.

И Генри уступил. В конце концов он ведь согласился усыновить Артура.

Пожалуй, немного погодя можно будет послать его в какую-нибудь приличную школу, например в коммерческое училище Тэйлора. В колледж св. Катберта его, конечно, ни за что не примут. А пока, спору нет, он прилежный, послушный и довольно понятливый ученик. Он даже верхом стал ездить довольно сносно, хотя, конечно, никогда не будет так держаться в седле, как Дик и Гарри.

Как ни странно, этот необычный и рискованный эксперимент оказался, видимо, удачным, во всяком случае для Беатрисы. Год назад и подумать нельзя было, что она когда-нибудь будет еще выглядеть такой молодой, окрепшей, почти счастливой. Пожалуй, даже слишком счастливой. Порою Генри спрашивал себя: не стала ли она меньше горевать о Бобби? Может быть, она начинает забывать его теперь, когда у нее есть Артур?

Бедняжка Бобби, он лежит в могиле, а его место занял этот приемыш. Да, конечно, неплохой паренек для рыбацкого сына, но в конце концов, это только оборвыш, выросший в корнуэллской лачуге, который и сейчас еще иной раз, забывшись, говорит конюху «сэр». А родная мать Бобби как будто не видит между ними никакой разницы.

Однажды, выпив больше обычного за обедом, Генри имел неосторожность намекнуть Беатрисе на что-то в этом роде. Он сейчас же пожалел об этом и готов был извиниться, но она словно и не заметила его промаха и спокойно вышла из комнаты. Он отер две слезинки с остекленевших глаз и допил бутылку до дна.

У него вошло в привычку перед сном подолгу засиживаться за стаканом вина. Что еще прикажете делать длинными вечерами теперь, когда Гарри и Дик вернулись в колледж? Беатриса так долго лежала больная, что соседи, с которыми можно было бы сыграть в вист, перестали к ним заглядывать. Не так это просто – повернуть все опять по-старому. И потом она всегда так поглощена детьми... Естественно, ведь она мать. Нередко она целый вечер проводит с Глэдис и Артуром за латынью. И на что рыбацкому сыну латынь? Да и девочке она на что, кстати сказать? Беатрисе следовало бы быть умнее. Экая досада, что отец воспитал ее синим чулком.

А теперь, чем бы подыскать Глэдис хорошую гувернантку, она собирается взять в дом учителя, который будет заниматься с ними обоими. Домашний учитель, да еще француз! Француз в Бартоне! На лице Генри выразилось безмерное отвращение. Он терпеть не мог французов – мерзкие иностранцы, безбожники, пожиратели лягушек!

Не то чтобы ему случалось часто иметь с ними дело, – слава богу, нет; но ведь кто не знает этих вертлявых шаркунов. Не говоря уж о том, что они враги короля и сейчас, ни много ни мало, заключили союз с этими взбунтовавшимися янки. И все они совершенно безнравственны, все как один.

Право же, это небезопасно, когда в Бартоне полно молоденьких коровниц и судомоек. Надо серьезно поговорить с Беатрисой.

Но вот беда: после своей болезни она стала неподатлива на уговоры. Она никогда не любила спорить, противоречить; за все эти годы он не часто видел, чтобы ей изменило хорошее настроение, – этого нельзя не признать. Правда, в то ужасное время, пока они жили в Каргвизиане, было одно такое утро... Но и тут не приходится судить ее слишком строго: она расстроилась, это со всякой женщиной может случиться. И это единственный раз, когда она с ним так разговаривала. Но кроткая, покорная молодая жена его молодости, которая всегда уступала ему, подчиняясь мужней власти, как и подобает женщине, давно потерялась где-то на жизненном пути. И теперь, когда их взгляды расходятся, она поступает по-своему, иной раз даже и не посоветовавшись с ним.

Взять хотя бы хозяйство. С мнением этого мистера Юнга считаются больше, чем с его, Генри, мнением. Ну пусть, он не против. Юнг неглупый малый; коров прямо не узнать с тех пор, как их зимой подкармливают брюквой. Но заводить в доме французов – это уже совсем другое дело!

Запив портвейн стаканчиком коньяка. Генри приободрился. На сей раз он поставит на своем. Пока он здесь хозяин, никакие лягушатники, прихвостни папы римского не будут разгуливать по Бартону, болтать на своем тарабарском языке и соблазнять арендаторских дочек! Для Глэдис найдут добропорядочную гувернантку, честно

исповедующую протестантскую веру, и девочка будет воспитана, как настоящая леди.

Может быть, поначалу гувернантка будет заодно учить и Артура? Это было бы экономнее, а – бог свидетель – ему и так уже пришлось изрядно потратиться. Завтра утром надо поговорить с Беатрисой.

Наутро у него нестерпимо ломила голова и начались жестокие боли, видимо предвещавшие подагру. Беатриса ходила за ним с ангельской кротостью и терпением, и он решил, что заявить о своих правах главы семьи можно будет как-нибудь в другой раз. А там настала полная хлопот весна, а там июнь – и Артур уехал на лето домой, в Каргвизиан.

Он вернулся в сентябре, выросший, возмужавший и уже не такой застенчивый. Руки у него огрубели от работы, речь опять стала несколько менее правильной, и говорил он медленно, взвешивая каждое слово. В первый вечер Генри задал ему множество вопросов и был вполне доволен его ответами.

Да, дом очень хороший, все дети здоровы, корова дает много молока, и ловля была удачная. Теперь на новом паруснике отец с Полвиллом ходят даже за острова Силли, там рыба отлично ловится. Они отвозят рыбу и омаров в Падстоу, а иной раз даже в Пензанс и продают прямо на рынке, – перекупщики теперь уже не наживаются на них. Они даже отложили немножко денег и подумывают на эти сбережения купить в складчину лошадь с повозкой. Тогда они смогут продавать часть улова в Камелфорде и еще подработать зимой, когда в море не всякий день выйдешь: будут раз в неделю развозить рыбу по округе от Падстоу до Лонетона. В обеих семьях хватает мальчишек, всегда найдется, кому править лошадей.

– А мать как поживает?

– Мама... хорошо.

– А чем ты занимался все лето?

– Я пособлял... помогал маме с уборкой, и на ловле немножко, и за коровой ходил, и за свиньей.

– Гм! Досталось, наверно, твоему платью.

– Я его прибрал, сэр. Джимми дал мне свое.

– Очень разумно. А за книги, наверно, и не брался?

– Как же, сэр, каждый день по три часа сидел.

– Молодец. Математикой занимался?

– Больше всего математикой, и еще латынью немножко и географией.

– Так, так, – сказал Генри. – Я вижу, ты не терял времени. Должно быть, отец был тобой доволен.

– Иногда, сэр.

Генри что-то проворчал себе под нос и снова взялся за «Общедоступный справочник»

– это было проще. Ну и путаница! Но раз Пенвирн преуспевает и доволен положением вещей, а мальчик занимается математикой, стало быть он, Генри, выполнил долг благодарности, и теперь не о чем беспокоиться. Хотя чего можно

ждать, если мальчик девять месяцев в году живет как джентльмен, а три месяца работает до седьмого пота и от него несет рыбой... Что ж, Беатриса заварила кашу, пусть она и расхлебывает.

Беатриса слушала Артура молча. Дождавшись, чтобы все разошлись по своим спальням, она постучалась к нему.

– Зайди ко мне.

Когда мальчик вошел, она сидела в низком кресле у окна, и он примостился на своем любимом месте, на скамеечке у ее ног.

– Ну, теперь расскажи мне, что тебя тревожит. Он помолчал, обдумывая ответ.

– Я... я немножко сомневаюсь. Тетя Беатриса...

– Да?

– Если человек... чего-нибудь страсть как хочет, очень хочет... всю жизнь. А потом уж он и надежду потерял... а тут вдруг ему счастье в руки... когда и не ждал. А ему оно уже и не в радость.

– Разве твой отец не доволен?

– Не знаю. Иногда вроде и доволен, но это больше, когда... Она ждала.

– ...когда выпьет пива... Или выйдет на паруснике, а ветер попутный, и он поднимет паруса... и все глядят да завистничают... завидуют.

Он помолчал минуту и прибавил совсем тихо:

– Душой он не радуется.

Помолчали еще, потом Артур промолвил:

– Это все математика...

– Он надеялся, что ты больше успеешь за это время?

Артур кивнул.

– Он говорит: «Ты пятишься назад; прошлый год ты знал больше».

– Разве он не понимает, что у тебя нет подготовки? В первый год необходимо было вернуться к началу и заложить основы. Я ему об этом писала.

– Ага... да, я знаю.

– Может быть, он думает, что ты ленился? Я писала ему, что ты очень прилежный ученик.

– Нет, он знает, что я старался, не то бы... Нет, он знает.

– Он не бранил тебя?

– Н– Нет. Не всегда. Только... только из-за механики: градиенты, и равновесие, и инерция, и что куда падает...

– Но, Артур, это ведь не для начинающих. Тебе еще до этого нужно многому научиться.

– А он думает – не нужно... думает, ничего такого и учить не надо.

Никак в толк не возьмет, почему я этого сам не понимаю, безо всякого ученья.

Ему-то все и так понятно, почему же я не понимаю? А я не могу. Наверно...

– Да?

– Наверно, я бестолковый.

Она обняла его за шею.

– Не падай духом. На первых порах это всегда трудно. Девять месяцев не так уж много, когда приходится учиться стольким вещам сразу. У твоего отца особый талант, он, видно, не может понять, почему другим людям это нелегко дается. Но со временем ты одолеешь всю эту премудрость, ты мальчик способный и старательный... А теперь расскажи мне о маме.

Артур молчал.

– Разве ты не можешь мне сказать? В чем дело? Она здорова?

– Вроде здорова. Она... ей вроде боязно, – закончил он упавшим голосом.

– Она боится?

– Ага.

– Чего же?

– Папы.

Он поднял измученные глаза.

– Может... мне не надо было приезжать сюда... может, зря я ее оставил?

– Нет, дружок. Не надо было тебе оставаться там. Дома ты всегда был бы яблоком раздора: твои родители слишком любят тебя, из-за тебя-то у них и нелады. Скажи мне, случалось отцу... выходить из себя?

– Д– Да... бывало.

– Он сердился на маму?

– Нет.

– На тебя?

– Только... только один раз. Я сам виноват. Я... я учил алгебру. – Он прерывисто задыхался. – У меня не выходило... я старался... я... я непонятливый, нехороший я. Я сам виноват. Я худо поступил, очень худо.

– Разве, милый? Расскажи мне все. Что ж ты такого плохого сделал?

– Поддался сатане. Когда хочешь такого, что не велено, – это ведь грех.

Вас сатана никогда не искушал?

– Очень часто. А чем он тебя искушал?

– Отец велел мне решить задачу, на водоизмещение. Я старался, очень старался.

– Знаю, дружок.

– Но у меня не выходило. Я испугался – и совсем запутался... а потом стал просто так писать... а он пришел и увидел.

– Что писать?

– Да так, глупости. Рифмы и все такое...

– Ты писал рифмы? Объясни же толком. Ты их сам придумывал ?

– Вроде сам. Знаете, как это бывает, – одна строчка, другая, третья, четвертая: та-та, та-та, та-та, та-та. И первая строчка кончается одинаково с третьей, а вторая с четвертой. Вроде как псалом.

– Это были стихи? О чем же?

– Об Иисусе. Как он идет по водам, по морю Галилейскому. «Галилейское бурное море»... только это неправильно. В географии написано, что оно вовсе не море, а озеро. Не знаю... просто это была глупость.

– А отец пришел и увидел, что ты не задачи решаешь, а пишешь псалом?

– Ага. Он их терпеть не может, псалмы. Он сказал: «Уж лучше б ты помер, чем это». И порвал тот листок.

– Он был пьян?

– По-моему, нет.

– И он сильно побил тебя?

– Не очень. Да это бы ничего, только он был такой страшный... Тетя Беатриса...

– Да?

– Если я не смогу выучиться этой математике, он, наверно, кого-нибудь убьет... сам себя, или... А я не могу. Я уж так стараюсь, и ничего у меня не выходит... А тут пришла мама, и он стал говорить всякое про господа Иисуса Христа... страсть что говорил! Вроде он много чего наобещал людям и все наврал: «Толщьте и отверзется:», – а отворяется, когда он уже и сам знает, что поздно. Отец сказал: «Черт бы его подрал за его вранье». А мама... мама заткнула уши и убежала из дому... Я ведь вижу, у ней от этого сердце разрывается.

– Артур, – не сразу сказала Беатриса, – еще рано судить, есть ли у тебя способности к математике. Но раз твой отец из-за этого так волнуется, мы сделаем все, чтобы помочь тебе. Может быть, это моя вина, просто я плохая учительница. Да и все равно, пора уже вам с Глэдис учиться у кого-нибудь другого, кто лучше в этом понимает. Тому немногому, что я знаю, меня научил мой отец. Это главным образом классическая литература, и мне было всего восемнадцать лет, когда он умер. Я напишу дяде Уолтеру, может быть он найдет кого-нибудь, кто мог бы жить у нас в Бартоне и учить вас обоих.

Она коснулась губами его лба.

– Ну, иди ложись и спи крепко. И не горюй из-за рифм. Не старайся придумывать их, но если уж они сами придут в голову, просто запиши их и забудь. Ничего худого в этом нет. Только в следующий раз постарайся не сочинять стихи, когда надо решать задачу по алгебре.

Послушный как всегда, он ушел спать, а Беатриса в письме к Уолтеру пересказала этот разговор, прося его совета.

"Мальчик до смерти запуган, – писала она. – Даже если у него и есть какие-нибудь способности к математике и механике (в чем я сомневаюсь), постоянный страх и

тревога так измучили его, что он совсем перестает соображать. Очевидно, он уже просто не может спокойно думать об этих науках, он все время боится, что ничего у него не выйдет и он только принесет разочарование отцу, а может быть, и ускорит трагическую развязку. Кроме того, мысль о стихах связана в его представлении с «грехом», «дьявольским искушением», что, на мой взгляд, еще опаснее. Пока, мне кажется, не важно, откуда это желание «просто так писать» рифмы – первые ли это проблески поэтического дара или просто эхо методистских псалмов, которые он вечно слышит от матери. Но гораздо важнее и, по-моему, всего опаснее его уверенность, что дать волю этому безобидному и мимолетному порыву – тяжкий грех.

Весной ты писал мне о молодом французе, который живет в Англии и мог бы быть хорошим учителем для Артура и Глэдис. Сейчас первые трудности уже позади, мальчик удивительно легко и быстро научился хорошим манерам и приличному поведению, говорить стал тоже гораздо правильнее, и мне кажется, для него будет лучше, если я немного устранюсь и по-настоящему учить его будет кто-нибудь более знающий.

И для Глэдис тоже это было бы полезнее. Она хорошая девочка, но я так долго была больна, что она росла совсем без надзора. Такой живой ум должен быть постоянно чем-то занят. Однако я уверена, Генри никогда не согласится, чтобы в Бартоне жил француз. Когда я упомянула о твоём предложении, он чуть было не разругался со мной, в первый раз в жизни. Конечно, это отчасти из-за войны. Ты же знаешь, он вообще невысокого мнения об иностранцах, особенно о французах, а теперь, когда они заодно с американцами против нас, он о них и слышать не хочет. Но главное то, что они католики. Никакими силами его не убедишь, что «прихвостень папы римского» может быть порядочным человеком. И это очень жаль, ведь, судя по тому, что ты пишешь о мсье д'Аллейре, он именно тот, кто нам нужен.

Генри считает, что следует нанять гувернантку для Глэдис, и чтобы Артур тоже с нею занимался. Но где найти такую, которая могла бы дать им действительно глубокие знания, а не только поверхностные сведения".

В конце письма Беатриса спрашивала Уолтера о его делах и умоляла – если только можно как-нибудь пристроить Фанни – приехать хоть ненадолго в Бартон, ведь он так нуждается в отдыхе.

Ответное письмо Уолтера начиналось с извинений в том, что он так редко пишет. Последний год он почти не писал, потому что ему нечем было ее порадовать. В первые четыре месяца Фанни стало немного лучше, потом наступило резкое ухудшение, потом опять стало чуть лучше. Приступы ярости теперь случаются реже и не такие сильные – вот и все, что можно сказать.

Весь этот год был посвящен попытке излечить Фанни, и вот теперь состоялся второй консилиум. И опять врачи разошлись во мнениях: консультанта обнадеживали малейшие признаки улучшения, а доктор Терри по-прежнему утверждал, что привычка эта слишком давняя, чтобы возможно было искоренить ее.

"Поскольку Фанни явно неспособна жить самостоятельно, я должен либо оставить все как есть, либо запереть ее в лечебницу для умалишенных. Она смертельно этого боится, и у меня не хватает сил обречь ее на такие муки.

Стало быть, пока все должно остаться по-прежнему.

Но похоже, что совершенно неожиданно я сумею устроить себе передышку.

Доктор Терри хочет на месяц взять ее к себе в дом, чтобы присмотреться к ней повнимательнее. Если ничего не изменится, жди меня в начале октября.

Теперь об Артуре и Глэдис.

По-моему, взять в дом хорошего наставника, который мог бы учить их обоим и как следует подготовить Артура по математике, – это сейчас единственный способ хоть в малой степени помочь мальчику; и я не представляю себе более подходящего человека, чем Жиль д'Аллейр. Я знал его еще ребенком, его родители мои старые друзья; отец его был видный энциклопедист. И когда я три года назад гостил у них, Жиль произвел на меня впечатление очень серьезного и вдумчивого юноши. Он с отличием окончил курс математических наук, уже имеет некоторый педагогический опыт, и у него широкие взгляды на воспитание. Я думаю, к Артуру он отнесется сочувственно и с интересом.

К счастью, Генри может не опасаться: католицизмом тут и не пахнет.

Д'Аллейры закоренелые гугеноты и из поколения в поколение подвергались гонениям за свою веру. В сущности, они столько же англичане, как и французы: одна ветвь этой семьи уже целое столетие живет в Англии. Кстати, они из аристократического рода, хотя все д'Аллейры, оставшиеся во Франции, бедны как церковные мыши.

Жиль уже два года провел в Англии, жил у здешних родственников и готовил их мальчиков к поступлению в школу. Сейчас он свободен и находится в Лондоне. Объясни все это Генри, и если он согласен, я поговорю с Жилем.

Почему бы мне не привезти его к вам погостить? Тогда вы сможете судить о нем сами".

ГЛАВА II

Как-то так получилось, что Генри стал меньше опасаться за невинных сельских дев, когда его заверили, что молодой человек не осквернит Бартон папизмом. Когда гости прибыли, он был приятно удивлен еще и тем, что «мусью» ничем не напоминает ненавистных шаркунов. Жиль д'Аллейр оказался крепким молодцом, скуповатым на слова; его здоровый загар свидетельствовал о том, что он много бывает на воздухе, подбородок – о решительном характере, а зоркий взгляд блестящих глаз несколько смутил Генри своей прямоотой.

По-английски он говорил безукоризненно, хотя медленно и, пожалуй, чересчур уж правильно. Вечный камень преткновения для иностранцев звук «th» и тот почти в совершенстве удавался ему.

– Похоже, что он славный малый, – сказал Генри Уолтеру. – Можно попробовать, беды не будет. Вот только сумеет ли он приспособиться к нашим деревенским обычаям: рано вставать, рано ложиться и все такое? Эти иностранцы ведь не могут обойтись без своей оперы и всяких французских фокусов, а мы тут теперь живем тихо и скромно.

– Дорогой мой Генри, д'Аллейры не парижане. Почти все свое детство Жиль провел в Тулузе, его отец там преподавал, а потом он несколько лет жил в Париже, но он был бедный студент и много работал, пока не окончил Сорбоннский университет; вот, кажется, и все, что ему известно о столичной жизни.

– Я понял, что он уже был домашним учителем?

– Да, в провинции. У него есть маленький старый замок на юге Франции, оттуда до ближайшего городка тридцать миль.

– Замок?

– Очень скромный; ему четыреста лет, но он меньше вашего дома и далеко не так удобен. Старуха тетка, которая воспитывала Жюль после смерти родителей, в пять часов утра всегда уже на ногах, а ее братья сами возделывают свой участок земли в горах. Зимой они разъезжают верхом среди сугробов в овчинных куртках домашней выделки. За границей эта семья славится ученостью, а у себя на родине, в горах, овечьим сыром, – и то и другое равно составляет предмет их скромной гордости.

Генри широко раскрыл глаза:

– Вот оно что? Ну, если он привык ездить верхом, пожалуй, ему надо дать коня погорячее, чем старушка Фиалка. А я-то решил для начала быть поосторожнее.

Уолтер заразительно рассмеялся.

– Боялся, что он свалится с лошади? Жюль на любом коне проскачет без седла и любую птицу подстрелит на лету.

– Ого! – сказал Генри, с каждой минутой проникаясь все большим уважением к молодому д'Аллейру. – Пожалуй, надо дать ему гнедую кобылку. Она придется ему по вкусу. А охоту он любит?

– Он, вероятно, редко ее видел, если ты имеешь в виду настоящую охоту на лисиц. У горных овцеводов нет ни времени, ни денег для такого спорта. Но уж без сомненья ему случалось ходить с копьём на вепря. И потом, зимой им приходится стрелять волков, чтобы уберечь стадо.

Кровь предков, владельцев Бартона, заговорила в Генри. Вот, кажется, нашелся человек, который не оторвался от матери-земли. Кто мог ожидать этого от француза!

Он без колебаний согласился принять д'Алленра в дом и в ознаменование такого события провел этого необыкновенного француза по своим владениям; со сдержанной гордостью он показал гостю свой любимый выгон и заливной луг, даже сейчас, в октябре, еще не скинувший королевской мантии изумрудного бархата.

– В наших краях нет таких трав, – сказал Жюль, крепкими смуглыми пальцами растирая сочную былинку. – Но и у нас они неплохие.

– А какие травы у вас растут?

– Невысокие, почти не идут в рост – как раз чтоб овцам щипать. Но сорта хорошие, душистые; для тонких сыров самые подходящие.

– Овечий сыр?

– Да. Если бы не война, я попросил бы тетушку прислать вам один на пробу, и кувшин нашего горного меда. Такой мед мне нигде больше не попадался. Он пахнет

солнцем.

Они возвращались через скотный двор, со знанием дела беседуя о лошадях и свиньях.

– Тут не видно быка, – сказал Жиль, останавливаясь, чтобы еще раз полюбоваться коровами. – Неужели вам приходится от кого-то зависеть? У вас такое превосходное стадо, я был уверен, что увижу одного из ваших знаменитых короткорогих тисдейлей.

Глаза Генри мгновенно наполнились слезами.

– Мы всегда их держали. Пока не потеряли нашего мальчика. А теперь я боюсь; нельзя, чтоб жене попался на глаза бык. После того несчастья ее узнать нельзя.

– Простите, – поспешно пробормотал Жиль. – Я не знал.

Генри рассказал ему о случившемся.

– Это было там, за лаврами, где молодые деревца. Я посадил их, чтоб не видеть больше этого места. Прежде там была лужайка. Жена так и не оправилась от этого удара, она никогда об этом не говорит.

Он уже не помнил, как всего несколько месяцев назад заподозрил Беатрису в том, что она слишком быстро забыла Бобби.

– *Сгоis bien*¹¹, – сказал про себя Жиль и прибавил вслух. – А я все думал, чем она так напоминает мне мистера Риверса. У него тоже такое лицо... как бы это сказать?.. – точно у человека, который побывал в аду.

– И по сей день оттуда не вышел, – хмуро сказал Генри. – Вы незнакомы с его женой?

– Да нет... Я всегда думал, что миссис Риверс очень больна. Или я ошибаюсь? Мне казалось, она не принимает посторонних.

– Гм. Ну, если б вы на нее посмотрели, вам бы сразу стало ясно, почему он весь седой в сорок лет. Она, видите ли...

Генри вдруг спохватился. Надо быть поосторожнее. Французам, даже самым милым и любезным, нечего поверять семейные тайны. Этот как будто человек вполне приличный, но кто их разберет, этих иностранцев.

К счастью, Жиль словно бы и не заметил, что он умолк на полуслове, и уже заговорил о другом.

– Это и есть беркширская свинья? Я читал об этой породе. У нас свиньи другие – полудикие, тощие, длинноногие, очень подвижные. А эти породистые матки дают хороший приплод?

В саду они увидели Беатрису, она лежала в гамаке под старым кедром, и Уолтер читал ей вслух. Глэдис взобралась к нему на колени, прижалась растрепанной кудрявой головой к его жилету; в подоле она придерживала целую кучу спящих котят, а свободной рукой ласково ерошила волосы дяди. Увидав отца, она подбежала к нему, просунула руку ему под руку и отвела в сторонку.

¹¹ Еще бы (франц.)

– Папа, у дяди Уолтера дома водятся мыши. Подарим ему кошку?

– Конечно, подарим, если только он захочет. А ты уверена, что у него будет время смотреть за котятами? Дядя Уолтер ведь очень занят. Он разве просил у тебя котенка?

– Нет, я хотела сделать ему сюрприз ко дню рождения. С ними хлопот немного. Я думаю, до его отъезда они уже научатся пить из блюдца. И потом, там ведь Повис.

Она подняла на ладони серый пушистый комок.

– Этот лучше всех, правда? Это девочка. Они чистоплотнее, чем котята-мальчишки. Она будет хорошей подружкой дяде Уолтеру; смотри, она совсем такого же цвета, как его волосы. – Глэдис помолчала минуту. – В Лондоне ему, наверно, одиноко.

– Очень может быть, – пробормотал Генри. Он подхватил дочь на руки вместе со всеми ее котятами и усадил в развилину кедра.

– Нет, ей не надо помогать, она лазит по деревьям не хуже белки.

Правда, киска?

Жиль подошел, улыбаясь, и хотел помочь ей спуститься. Она сунула ему котят и, уцепившись за ветку одной рукой, легко спрыгнула на землю.

– Ты сильная, – сказал он.

– Артур сильнее. Он не очень высокий, но Робертс говорит, что у него теперь замечательные мускулы.

– Кстати, а куда девался Артур? – спросил Генри. – Я не видел его с самого завтрака.

– Он сегодня весь день в деревне, – объяснила Беатриса. – Старая миссис Браун делает сидр, и он помогает ей вертеть пресс.

Генри прищелкнул языком.

– Хотел бы я знать, что будет дальше. Неужели этот лодырь, ее сын, сам не мог ей помочь? Довольно невежливо, что как раз, когда приехали гости, Артур весь день где-то бегаёт. Мог бы по крайней мере спросить разрешения.

– Он так и сделал. Мы ведь ждали гостей только к вечеру, поэтому я и отпустила его. По субботам они с Глэдис не занимаются. А сам Браун лежит, у него приступ астмы.

– Тебе виднее, – проворчал Генри. – Сдается мне, Артур скоро будет на побегушках у всех бездельников, сколько их есть в деревне. На днях он нянчил младенца миссис Григг, не угодно ли! Я понимаю, он старается каждому услужить, но, право же, не надо пересаливать. Можно хорошо относиться к своим арендаторам, но не обязательно на них батрачить, этим их уважения не заслужишь.

Уолтер слегка поднял брови. Тот Генри, которого он знал несколько лет назад, не стал бы выговаривать жене при чужом человеке. Но Беатриса, как видно, привыкла к этому, в лице ее ничто не дрогнуло. Зато Глэдис мгновенно вспыхнула.

– Нет, заслужишь!.. Всякий будет уважать человека, который сумел успокоить такого младенца: у миссис Григг он вопит с утра до ночи. Миссис Джонс думает, что это от глистов.

– Послушай, Глэдис. – начал Генри, немало смущенный столь откровенными выражениями, не совсем уместными в устах юной леди. Но глаза девочки так и сверкали.

– Ты всегда придираешься к Артуру! Все говорили, что он очень хорошо поступил, что накопал Уотсонам картошку, когда у мистера Уотсона разболелась поясница. Это просто потому, что...

– Глэдис, – мягко прервала мать, и маленькая злючка, мигом успокоившись, спросила кротко:

– Да, мама?

– Мне кажется, тебе следует извиниться перед отцом, как по-твоему?

Глэдис сморщила было нос, готовая снова взбунтоваться, по тотчас к ней вернулось всегдашнее добродушие и, обхватив обеими руками рослого, массивного Генри, она подпрыгнула и поцеловала его в подбородок.

– Извини, папа.

Он ущипнул ее за щеку.

– Я не сержусь, киска. Мы все рады, что у Артура такое доброе сердце. – Он, смеясь, повернулся к Жилью. – У вас во Франции тоже есть такие сорванцы-девчонки?.. Глэдис, мистер д'Аллейр обещал жить у нас и учить вас с Артуром. Теперь ты можешь стать ученой леди. Надеюсь, ты будешь учиться прилежно и слушаться его.

С минуту Глэдис критическим взглядом откровенно разглядывала незнакомца, потом одобрительно кивнула и вложила в его ладонь крепкий смуглый кулачок.

– Я постараюсь.

– Больше мне ничего и не надо, – сказал Жиль. – А теперь для начала ты сама меня кое-чему научишь. Расскажи, как выглядит ваш пресс для сидра? У нас дома делают не сидр, а вино.

– Хотите взглянуть на пресс? – спросила Беатриса. – Глэдис может вас проводить. Это недалеко – и мили нет, если идти полем.

– Я с удовольствием пошел бы и помог Артуру. Тогда я познакомлюсь и с ним и с тем, как у вас готовят сидр.

– Ну, если вам так хочется, – с сомнением сказал Генри. – Только это ведь пачкотня страшная.

– У меня с собой есть старый костюм. Мистер Риверс посоветовал мне захватить его.

Жиль пошел к себе в комнату. А Беатриса с улыбкой посмотрела на возбужденное лицо дочери.

– Да, можешь идти. Только, если хочешь помогать, надень большой фартук.

Снарядившись для грязной работы, учитель и ученица зашагали полем в сопровождении двух веселых, перемазанных в грязи псов. Глэдис уже причислила нового знакомого к тем, – а их было немало, – кто нуждался в ее покровительстве. Она взяла его за руку, чтобы помочь ему перебраться через изгородь, и пришла в восторг, узнав, что он не боится коров.

– А знаете, некоторые боятся, кто не привык жить в деревне. Мама говорит, что они ничего не могут с этим поделаться, бедняжки. А собак вы любите? Меченый – это Артура, а Пушинка моя. У нее скоро опять будут щенята.

Хотите, я вам дам одного? У Меченого блохи. Пушинка иногда их у него ловит; но мы все равно чешем их гребешком каждый день. Каждый причесывает своего. И еще мы ухаживаем за пони – у нас он общий, на двоих. Его зовут Малыш. На будущий год у каждого будет свой. А как «пони» по-французски?.. Ой, давайте говорить по-французски! Или хоть так – вы по-французски, а я по-английски. А по-латыни вы тоже умеете? Мама умеет. Она иногда говорит с нами по-латыни. У Артура лучше выходит, чем у меня. Вы не будете сердиться, что я глупая?

По-моему, я не очень глупая, но только Артур уж-жасно умный.

Жиль сделал почтительное лицо.

– Вот как? Тогда, пожалуй, хорошо, что ты не такая. Вдруг я не сумел бы учить двух таких учеников! Сам-то я совсем не такой уж-жасно умный, и тогда что бы мы стали делать?

– Ну, как-нибудь справились бы, – утешила его Глэдис. – Мама могла бы помочь вам.

В деревню они пришли очень довольные друг другом.

– Эй, Артур!

Глэдис помчалась вперед, волосы ее рассыпались по плечам, собаки с лаем прыгали у ее ног.

Она схватила за плечи растрепанного мальчика и закружила его в победном танце.

– Отгадывай до трех раз!.. Нет, не то... и не яблочные пирожные к чаю.

Ну, так и быть, скажу. Мистер д'Аллеир будет жить у нас, и мы каждый день будем говорить по-французски! Правда, весело будет? И он умеет разговаривать с птицами, и... Ой, Артур, как ты вымазался! И совсем задохнулся. Сколько же времени ты крутил эту штуку? Сядь скорей, отдохни.

Артур и в самом деле вымазался с головы до пят и, – хоть он ни за что не признался бы в этом даже самому себе, – выбился из сил и обрадовался случаю немного отдохнуть. День был нелегкий, он потрудился на совесть.

Они все уселись рядышком на край ларя. Глэдис извлекла из оттопырившихся карманов передника три больших красных яблока, три булочки и горсть орехов, дала каждому его долю и тотчас принялась жевать.

– Дайте-ка я расколю орехи камнем, пока вы не сломали себе зубы, предложил д'Аллеир.

Не успев догрызть яблоко, Глэдис потребовала немедленно начать уроки.

Она сторала от нетерпения: пускай новый учитель скорее сам увидит, на какие чудеса способен ее любимый Артур. Но хотя мальчик, как всегда, старался изо всех сил, он слишком устал и слишком робел, и потому не мог не показаться безнадежным тупицей и то и дело зевал над французскими глаголами.

– На твоём месте, – сказал Жиль, – я бы улегся тут на свежем сене и соснул

немного. Fais dodo...¹² А мы займемся яблоками, Mademoiselle le Troubillon¹³.

– А что это значит?

– Право не знаю, как сказать это по-английски. Troubillon – это такая штука, которая очень на тебя похожа.

Через месяц Жиль поделился с Беатрисой и Уолтером своим мнением о детях. По его просьбе Беатриса вначале не посвятила его во все подробности истории Артура, чтобы он мог непредвзято судить о мальчике.

Он находил, что Глэдис на редкость неглупая девочка, хотя пока еще не проявляет каких-либо определенных склонностей и способностей. По его мнению, при таком живом уме, веселом нраве и ключом бьющей энергии она будет прекрасно учиться.

– Да еще, – прибавил он, и глаза его весело блеснули, – при ее отношении... к semblables...

– К себе подобным?

– Благодарю вас. Я хочу сказать, она так великодушна. Она, по-видимому, находит, что я глуповат, ведь я так смешно говорю по-английски и так слаб в арифметике и географии. Но она добрая девочка... bonne cotte le pain¹⁴, как говорят у нас крестьяне... и всегда сочувствует бедняге, который старается изо всех сил. Она с величайшим дружелюбием во всем мне помогает; но, боюсь, это только из желания подбодрить меня.

– Наверно, она жалеет вас, думая, что вам тоскливо жить так далеко от дома, – сказал Уолтер.

– Глэдис невыносима сама мысль, что кому-нибудь грустно и одиноко, пояснила Беатриса. – По-моему, она не доставит вам хлопот. Теперь скажите нам, что вы думаете об Артуре.

Жиль сразу стал серьезен.

С Артуром, по его мнению, дело обстоит куда сложнее. Порою, внезапно, как молния, в мальчике блеснет незаурядный ум, а потом он снова становится поразительно вялым, если не просто тупым. Он неизменно старателен, послушен, и прямо жалко смотреть, в какое отчаяние его повергает собственная несообразительность. Вся беда в том, что ему очень трудно сосредоточиться: наперекор всем его стараниям мысли его то и дело уносятся бог весть куда.

– Словно его все время тянет куда-то помимо его воли, – объяснял Жиль.

– Не то чтобы ему не хватало ума – он очень старается понять, что ему говоришь, – но у него ничего не выходит. И я не знаю почему.

– А может быть, это отчасти именно потому, что он уж чересчур старается? – сказал Уолтер.

¹² Баиньки-баю (франц.)

¹³ Мадемуазель Вихрь (франц.).

¹⁴ Добрейшая душа; добра, как хлеб (франц.).

– Отчасти, может быть. Но дело не только в этом. Здесь есть что-то еще, чего я не понимаю. Он совершенно не похож на всех детей, сколько я их видел в своей жизни.

Беатриса кивнула.

– По-моему, тоже. Я не встречала другого человека, до такой степени...

– Она помолчала. – Не могу найти подходящего слова.

– Беззащитного?

Она почти с испугом посмотрела на Жиля.

– Да, пожалуй. Как вам удалось понять это так быстро? И она рассказала ему все, о чем раньше умалчивала, и закончила описанием тяжелой сцены, разыгравшейся на каргвизланском берегу. Она считает, что все усилия Артура сводит на нет то смешанное с ужасом восхищение, которое внушает ему отец.

– И к тому же, – прибавила она, – боюсь, он очень тоскует по матери.

Немного погодя она вновь заговорила о Мэгги Пенвирн.

– Это странно звучит в применении к такому кроткому существу, но меня просто поражает, как велико в ней чувство собственного достоинства, хоть она этого и не сознает. Какой-то природный аристократизм... Рядом с ней начинаешь чувствовать, что ты не слишком хорошо воспитана. И она каким-то образом внушила мальчику преданность, прямо невероятную в таком возрасте.

Это не просто привязанность, какая бывает между матерью и сыном: они двое как будто знают что-то такое, что никому больше неизвестно, у них есть какой-то тайный язык, которому никто из нас никогда не научится.

– А может быть, дело в том, что они оба религиозны до мистицизма? предположил Уолтер.

Беатриса озадаченно посмотрела на них.

– А что это, в сущности, такое – религиозный мистицизм? Ты хочешь сказать, они очень набожны? Что до Мэгги, это, конечно, верно; и она все время говорит с Артуром на этом методистском жаргоне... По-моему, все это ужасное ханжество. Но сама она не ханжа, просто какая-то... не от мира сего.

– Нет, – сказал Уолтер. – Я имел в виду не набожность и даже не благочестие: есть люди, которые в этом не нуждаются, у которых религиозное чувство – природный дар, вот как у отца Артура – дар механика.

– А разве бывают такие? – спросила Беатриса. – Впрочем, очень может быть, только я таких не видала.

– А я видел, – сказал Жиль. – Таким был католический священник, который учил меня латыни, еще в Тулузе, когда я был мальчиком. Я раз увидел, как он смотрит на распятие, и вся латынь вылетела у меня из головы.

Он поднялся.

– Благодарю вас за то, что вы рассказали мне о его родителях, это объясняет многое, что меня тревожило. Бедный ребенок!

ГЛАВА III

После ухода Жилия в комнате вновь воцарилось тягостное молчание, которое брат и сестра хранили вот уже два дня, с тех пор как пришло письмо от доктора Терри. Весь этот месяц они, точно по уговору, ни разу не упоминали о Фанни; Уолтер, по-видимому, не в силах был начать этот разговор, а Беатриса, сдержанная по обыкновению, не задавала ему вопросов. В сущности, пока не пришло это письмо, не о чем было и спрашивать. За последний год брат постарел на десять лет, и вид его говорил яснее слов. Но на этот раз, кажется, полученные им известия еще хуже, чем она опасалась.

– Би, – начал он наконец и умолк.

– Ты получил письмо от доктора Терри. Я узнала почерк. Он пришел к какому-нибудь определенному решению?

– Да. Но я не могу на это согласиться. Он считает, что ее нужно увезти из дома.

– Навсегда?

– Да. В лечебницу для душевнобольных. Он давно подозревал, что, помимо этой ее привычки, тут кроется что-то еще. Поэтому-то он и хотел понаблюдать за ней у себя дома. Теперь он с полной уверенностью засвидетельствует, что она неизменяема.

Сердце Беатрисы бешено забилося от радости, потом она посмотрела в лицо брату, и снова сердце ее медленно, мучительно сжалось. Надежды нет спасительная дверь открыта, но Уолтер не переступит порога. Он останется в своей темнице до самой смерти.

– Можно мне прочесть письмо? – спросила Беатриса. Уолтер поколебался, потом вынул из кармана конверт.

– Возьми, если хочешь. Только не читай начала. Он описывает подробности. Я... я предпочел бы не обременять тебя всеми этими отвратительными мелочами, достаточно того, что я сам живу среди них. Начни с этой страницы.

И она начала читать:

"Трудно сказать, где кончается неуравновешенность и начинается настоящее помешательство. Неполноценная от природы, эта несчастная женщина, без сомнения, долгое время находилась под разлагающим влиянием дурной среды и дурных привычек. Судя по тому, что она рассказывала мне о своем детстве и юности, у нее в ту пору едва ли была возможность бороться с пагубной наследственностью. Поэтому несправедливо было бы чрезмерно винить ее за то, что она такая, как она есть; нам следует примириться с положением вещей и делать все, что в наших силах, а в остальном уповать на милость божию.

Сейчас я не могу с уверенностью утверждать, что она страдает опасным для окружающих умопомешательством в общепринятом смысле этого слова. Но очень возможно, что в ближайшем будущем она станет такою. В связи с этим я должен указать, что ее дурные привычки проявляются все определеннее (возрастающая неопрятность, страсть к сквернословию), и это, особенно в совокупности с обостренной сексуальностью, о которой вы мне рассказывали, представляется мне весьма плохим симптомом. С другой стороны, она может дожить до преклонного

возраста, оставаясь все в том же положении, и у вас так и не возникнет необходимости изолировать ее, – разумеется, при условии, что всегда рядом будет человек, готовый посвятить себя ей и имеющий на нее некоторое сдерживающее влияние. Без такого влияния она не может и никогда не сможет жить на свободе. Итак, дорогой Уолтер, если вы все еще считаете своим долгом оставаться в этой роли, я могу лишь восхищаться вашим постоянством и сожалеть о вашем неразумии. Но если хотите знать мое мнение, я убедительно советую вам не упорствовать, понапрасну принося в жертву свое здоровье, свою работу, покой и свободу, в бесплодных попытках исправить неисправимое. В настоящее время я с чистой совестью могу засвидетельствовать, что она невменяема.

Как вам известно, я уже многие годы придерживаюсь той точки зрения, что нынешняя система содержания душевнобольных – позор для нашей цивилизации. Но до сих пор все мои усилия склонить тех, от кого это зависит, к более гуманному и разумному обращению с этими несчастными оставались тщетными. И сейчас я могу вам обещать только, что если в меру и часто давать надзирателям на чай, ее можно оберечь от излишних жестокостей.

Поскольку вы просили меня высказаться откровенно, я должен признать, что едва ли ей будет хорошо в Вифлеемской больнице или в любом другом заведении подобного рода. Но я не верю также, что ей хорошо теперь – или может быть хорошо где бы то ни было – настолько, чтобы это оправдывало все те страдания, каких стоит вам нынешнее положение вещей".

Беатриса отложила письмо.

– Но это чудовищно, Уолтер! Это не может так продолжаться!

Он пожал плечами.

– Что я могу сделать? Ведь она мне жена.

– Так что же? Если ты женат на одержимой...

– Это не ее вина. Она не может стать другим человеком.

– Ты хочешь сказать, что она не может совладать с собой? Теперь, когда привычка стала сильнее ее, это, пожалуй, верно. Но она с самого начала могла не поддаваться.

– Не знаю. Подумай, что у нее была за жизнь. Совсем одна, в чужом краю, на Востоке, больная, без друзей; и она видела, что другие находят в этом облегчение. Кто-то из слуг в том доме, где она жила, принес ей это снадобье, когда у нее разболелся зуб и она мучилась бессонницей. В другой раз, когда она вынуждена была работать, несмотря на боль, она снова решила прибегнуть к этому средству. Когда она поняла опасность, было уже слишком поздно... Я хорошо понимаю, тут легко попасться.

– Так, значит, она не отпирается?

– Нет. Иногда она даже пробует бороться со своей слабостью, но ее выдержки хватает ненадолго. Однажды она вернула мне деньги, которые я ей дал на хозяйство, и умоляла, чтобы я держал их у себя и сам оплачивал счета, лишь бы избавить ее от соблазна.

– Это было искренне?

– Трудно сказать. В ней два человека, и один, без сомнения, был искрещен, а второй украдкой прикидывал, так ли я глуп, чтобы поверить. Две души в одном теле... тебе этого, конечно, не понять. И слава богу.

Не понять? А та старая тень, ее второе "я"? Что, если бы она не растаяла, а завладела ею всецело? Может быть, это и случилось с Фанни?

Гадареновы свиньи... По крайней мере можно благодарить бога, – если только веришь в бога, – за то, что Уолтер никогда не узнает, какие мысли приходят порой на ум его сестре. Потайная дверь той старой комнаты ужасов вновь захлопнулась, и Беатриса услышала, как Уолтер, коротко, невесело засмеявшись, сказал:

– А на следующей неделе мне пришлось выкупать у ростовщика портрет отца.

– И все-таки ты намерен и дальше тянуть ту же ляжку. Чего ты надеешься добиться? Ты убиваешь себя, и хоть бы она стала от этого на грош счастливее.

Ты же видишь, он пишет...

– Нет, мне никогда не сделать ее счастливой. Но я предупреждал ее с самого начала... – Он не договорил.

– Предупреждал? О чем?

– Я сказал ей, перед тем как мы поженились, что никогда не буду ей... не смогу относиться к ней как муж. Она уверяла меня тогда, что ей довольно моей дружбы, но теперь... Ох, не будем говорить об этом, Би. Для чего тебе слушать все это?

– Прошу тебя, Уолтер, я очень хочу понять. Ты хочешь сказать, что никогда... никогда не желал ее как женщину?

– Конечно же нет. Как могло быть иначе? Она всегда была... физически отвратительна мне, бедняга.

– Но тогда... почему?..

– Почему я женился на ней? Это длинная история. Да и какое это теперь имеет значение? Сделанного не воротишь.

– Что и говорить, это была страшная ошибка. Но разве из-за этого ты теперь должен заживо похоронить себя? Для чего же тогда сумасшедшие дома, если не для таких, как она?

– Би, а ты знаешь, что такое сумасшедший дом? Фанни знает. Она однажды видела это ужасное место, – туда за пенни пускают зевак, и они через решетку смотрят на несчастных узников и глумятся над ними. А если дать сторожу еще несколько пенсов, он, пожалуй, станет дразнить и злить их, пока не доведет до бешенства. Если бы ты видела, что с ней было, когда доктор Терри пригрозил написать свидетельство о невменяемости, ты бы поняла. Если бы ты видела, как она цеплялась за меня, как вся сжалась от страха, как билась головой об стену...

– Пора бы уж тебе привыкнуть к ее выходкам, Уолтер.

– Это не выходки – это страх, самый настоящий страх. Она вся посинела и похолодела, точно мертвая, и по лицу катился пот... – Его передернуло. – Ты же видишь, даже сам доктор Терри не отрицает, что в этих домах ужасно. Как я могу быть уверен, что ее не станут бить, не посадят на цепь? Она... она может вывести из

терпения. А у сиделок в этих лечебницах нелегкая жизнь такая страшная работа, и притом им платят такие жалкие гроши, и все они из самых низов, – не удивительно, что они бывают жестоки. Я не могу обречь человека подобной участи. Не могу.

– А какой участи ты обрекаешь сразу двух людей? Ты забыл о Повисе? Себя ты не жалеешь, но неужели тебе и его ничуть не жаль?

Он отвел глаза.

– Я его умолял оставить меня.

Беатриса гневно вспыхнула.

– Ты сам себя обманываешь. Никогда Повис тебя не оставит. Ты жертвуешь человеком, который тебя любит, ради ничтожной...

– Это не ради нее. Не ради нее я на ней женился, а ради... потому что я хотел остаться верным умершей... Он вдруг рассмеялся.

– Да, а отчасти еще и потому, что она потеряла носовой платок, прибавил он. – Странная штука жизнь, никогда не знаешь, где тебя ждет ловушка.

Он встал, прошелся по комнате, потом снова сел.

– Ну конечно я был глуп. Но мне так важно, чтобы ты поняла. Би, ты знала, что я еще до встречи с Фанни чуть было не женился на другой женщине?

– Нет, милый. Но я догадывалась, что была какая-то другая женщина.

– Помнишь. Фанни нашла у меня в столе рисунок – портрет девушки – и письмо? Мы были помолвлены, но недолго, только месяц. Это не очень много, когда приходится потом жить этим долгие, долгие годы...

Это было в Лиссабоне. Ее звали Элоиза Лафарж. Она была дочерью местного врача, француза, того самого, который вылечил Повиса от ревматической лихорадки. Мы с ним были друзьями. Это через него я познакомился с д'Аллейрами. Отец Жилия был его старый друг.

– Ты писал мне про какого-то доктора Лафаржа вскоре по приезде в Лиссабон.

– Он был очень славный. Теперь его уже нет в живых. Об Элоизе я не мог писать. Я... я думал, что я ей безразличен. И потом мне казалось, что я ни одну девушку не вправе просить войти в такую семью, как наша. Мне было стыдно из-за мамы.

– Очень неразумно. Какова бы ни была твоя мать, ты оставался самим собою.

– Да, и я мог бы помнить о тебе и об отце. Но уж если обжегся, так обжегся, и ожог горит, пока не заживет, что бы ты там ни вспоминал. Я никак не мог прийти в себя после того, что случилось с мамой... и с тобой тоже.

– Со мной? Но я благополучно вышла замуж и рассталась с родительским домом за два года до того, как ты уехал из Лиссабона.

– Да. И я погостил здесь у тебя и уехал, кляня себя за то, что, как дурак, впутался не в свое дело и навредил куда больше, чем помог, когда примчался из Португалии и подтолкнул тебя на несчастный брак.

– Уолтер! Что ты такое говоришь? Кто тебе сказал, что наш брак несчастлив? Уж во всяком случае не я.

– Нет, дорогая, ты бы никогда не сказала. Но это сразу было видно.

После минутного молчания она медленно сказала:

– Кроме тебя, никто этого не видел. И теперь это уже не несчастный брак. Тогда и в самом деле так было, но Генри этого не знал.

– Генри ведь не Риверс. Наверно, не зря мы с тобой дети своего отца.

Я... я чувствовал себя виноватым перед тобой.

– И напрасно. В то время я все равно не была бы счастлива, где бы ни жила и за кого бы ни вышла замуж. Все равно я была бы несчастной и... и отвратительной. Это из-за того, что случилось еще прежде, чем я встретила Генри. Из-за этого мне вся жизнь казалась грязью.

– А мне она казалась беспросветной ночью, и я понимал, что сам я никчемный неудачник. В тот мой отпуск перед поездкой в Вену я часто виделся с мамой. Тогда она уже... далеко зашла. Я рад, что в последние годы ты была избавлена от этого зрелища. Должно быть, это на меня сильно подействовало.

Понимаешь, я отказался от работы, о которой так мечтал, только чтобы доставить ей удовольствие. У меня была какая-то робкая надежда, что я смогу хоть немного повлиять на нее и спасти ее от самой себя. А здесь я видел тебя и эту вечную твою ужасную улыбку. Она преследовала меня. И притом я думал, что я на всю жизнь останусь заштатным канцеляристом при каком-нибудь посольстве. Что мог я предложить своей невесте, какие радости, какие блага?

А потом я узнал, что Элоиза тоже мучилась, думая, будто я к ней равнодушен.

Видно, просто оба мы были слишком молоды и робки.

И вдруг неожиданно мы обрели друг друга. Этому помогла одна маленькая бельгийка, бонна, которая пыталась покончить с собой... из-за несчастной любви, как я понимаю. Кажется, должен был родиться ребенок, а она была совсем одинока и доведена до отчаяния. Этим девушкам, которых богатые дамы берут с собою за границу, чаще всего нестерпимо тяжело живется. Слуги хотя бы водят компанию друг с другом, а гувернантка – и не слуга и не госпожа.

Так или иначе – она бросилась в реку. Я ехал мимо верхом и увидел, как два лодочника вытащили ее полумертвую из воды. Они были глупы и грубы и совсем запугали ее. Я отвез ее к Лафаржам, и Элоиза настояла на том, чтобы оставить ее у себя, пока не удастся переправить ее в Гент к родным. Она просто-напросто спасла эту девушку. Это было так похоже на нее, у нее был особый дар опекать хромых собак и заблудившихся детей. Отец всегда называл ее *Ma petitee soeur de la misericorde*¹⁵.

Ну вот, однажды мы заговорили о том, как светские дамы обращаются с гувернантками. У отца Элоизы была большая практика в аристократических домах, и она знала, чего он там насмотрелся. И она сказала, что если когда-нибудь получит наследство, то потратит его на помощь нуждающимся гувернанткам. «Они видят, как с каждым днем уходит от них молодость, сказала она. – А некоторые с самого начала дурны собою. Они стареют, и никто за всю жизнь не любил их». Тут она заплакала, и

¹⁵ Моя маленькая сестра милосердия (франц.).

тогда... Я тебе об этом писал.

– Я не получала такого письма.

– Оно не было отослано. Я отложил его до последней почты, чтобы Элоиза могла приписать несколько строк... А тут вспыхнула эпидемия оспы, и она умерла. Я нашел это письмо у себя на столе, когда вернулся с похорон...

Так случилось, что я уехал из Лиссабона. Потом был тот год в Вене, а потом, ты помнишь, меня послали в Константинополь. В соседнем доме жил русский князь, что-то вроде дипломатического тайного агента. Там было полно шпионов и авантюристов. Все из-за Крыма. Он привез с собою жену и детей в качестве ширмы, а Фанни была у них гувернанткой. С нею обращались просто чудовищно. Детям позволяли с ней так разговаривать... Я думаю, нужно своими глазами увидеть русских дворян, чтобы понять, что это такое. Может быть, дело в том, что они привыкли к крепостным.

У них была взрослая дочь, которая... А, ей было все равно кто... Она была из тех, которым во что бы то ни стало нужен поклонник, а я в то время оказался под рукой... Понятно, я избегал ее. Ну и, естественно, я был вежлив с Фанни, открывал перед нею дверь и все такое, а однажды проводил ее с зонтиком, когда у нее жестоко разболелась голова, а они без конца гоняли ее по пустякам под палящим солнцем. Мне и в голову не приходило, что кто-то может это ложно истолковать. Фанни было тридцать шесть лет, а выглядела она на все сорок.

Однажды душей, жаркой ночью мне не спалось. Стояла полная луна, и я вышел пройтись по саду и подышать свежим воздухом. Под апельсиновыми деревьями кто-то плакал – отчаянно, навзрыд. Теперь я знаю, что это симптом, с нею часто это бывает. Она скорчилась на скамье, уронила голову на руки. Я спросил, не могу ли я ей чем-нибудь помочь. Она подняла голову, и я понял, что имела в виду Элоиза, когда сказала о гувернантках: «Никто никогда не любил их». Она была вся заплаканная... такая уродливая, жалкая. Она сказала:

«Десять лет я мучаюсь в этом аду, и до вас ни один человек даже не подумал спросить меня об этом».

Я сел с нею рядом, и она стала рассказывать. Ею всегда помыкали, унижали ее. Дочь бедного приходского священника в чопорном и ханжеском городке, – ну, ты представляешь... Потом она пошла в гувернантки. Да и умом она не отличалась. Десять лет провела в России и в Турции и двух слов не могла связать ни на одном языке.

Из-за этой прогулки под зонтиком поднялся шум, непристойным насмешкам не было конца. Она опять заплакала. У нее не оказалось носового платка, и я дал ей свой. Она взяла его, а другой рукой схватила меня за руку, наклонилась и стала целовать мою руку, и без конца повторяла: «Да благословит вас бог». Тут сзади засмеялись, и появились князь с княгиней.

Они поздно засиделись за картами, а дочка видела нас из окна и позвала их потешиться.

Разыгралась гнусная сцена. Ей было ведено уложить вещи и рано утром убираться на все четыре стороны. «Уволена за безнравственное поведение» для гувернантки это равносильно смертному приговору. Она была как побитая собака. Она сказала: «Мне

некуда идти». Тогда княгиня, – право не знаю, откуда светским дамам известны такие слова, – недвусмысленно объяснила, куда ей идти: в порт, в заведение для грузчиков. Старухи, которые уже никому не нужны, идут там по дешевке...

Все решилось в одну секунду. Я увидел... да, я ясно увидел, что на скамье сидит Элоиза и гладит по голове ту маленькую бельгийку. Я сказал:

«Мисс Бейкер удостоит меня чести стать моей женой, а вы сейчас извинитесь перед нею». И они извинились. Вот и все. Не знаю, можешь ли ты это понять.

– Ну конечно я понимаю, милый... Скажи, ты не думаешь, что это была ловушка?

Он ответил не сразу.

– По совести говоря, не думаю. Изредка у меня мелькала такая мысль, но это со зла. Когда человека терпеть не можешь, легко быть несправедливым.

Беатриса кивнула.

– Ну, я ее действительно терпеть не могу, но я тоже этого не думаю.

Она, конечно, воспользовалась, когда увидела, что сама жизнь подстроила тебе ловушку и ты попался. Во всяком случае, теперь не это важно: ты упал в яму и пора уже тебе оттуда выкарабкаться. Если уж ты и думать не можешь о сумасшедшем доме, так, может быть, развод? Без сомнения, после истории с письмом из министерства иностранных дел, и с клеветой, и с Джейбсом, и притом, что могут о ней рассказать доктор Терри и Повис...

– Не могу, Би. Весьма сомнительно, чтобы я мог получить развод, если бы и попытался, тут ведь не было ни измены, ни бегства из-под супружеского крова. И безусловно я не стану пытаться. В лечебницу, где ее будут запугивать и мучить, я ее тоже не отошлю. Мне не так много осталось от Элоизы, но она научила меня не быть жестоким.

– Этому тебя не нужно было учить, дорогой, вероятно поэтому она тебя и полюбила. – Голос Беатрисы звучал нетвердо.

Уолтер продолжал, все еще не глядя на нее:

– Доктор Терри надеется, что когда-нибудь у нас появятся такие лечебницы, где с помешанными будут обращаться по-человечески. Но мне до этого не дожить. Вот что, Би, не будем больше об этом говорить.

– Еще минуту, милый. Может быть, будет немного легче, если у тебя станет посвободнее с деньгами?

– Чем же тут помогут деньги?

– Если б ты мог поместить ее в дом какого-нибудь врача, где она жила бы постоянно, где с нею обращались бы хорошо, но держали под наблюдением...

– Едва ли это возможно; во всяком случае, деньги потребовались бы огромные. По доброй воле никто не станет... – Он замолчал на полуслове, потом прибавил устало:

– Я к этому привык.

Беатриса торопливо прикидывала в уме доходы и расходы.

– Я уверена, – сказала она чуть погодя, – если я попрошу у Генри денег на это, он

даст. Он очень нежно к тебе относится и только на днях спрашивал, нельзя ли как-нибудь тебе помочь.

– Генри славный малый. Поблагодари его от меня. Но вряд ли это возможно.

– А если тебе когда-либо представится такая возможность, ты дашь нам знать?

– Может быть, когда-нибудь. Только ты не тревожься об этом, с тебя довольно своих огорчений. Нам осталось всего несколько часов, попробуем на это время обо всем забыть. Завтра мне надо ехать.

– Понимаю, – сказала она. – Уолтер, пока ты еще здесь, я должна кое-что сказать тебе.

– О маме?

– Да... А откуда ты знаешь?

– Как узнают такие вещи? Я уже давно не видел той улыбки, которая меня так пугала, вот я и подумал – может быть, ты простила маме.

– Простила? Не знаю, это очень трудно. Боюсь, природа не одарила меня милосердием, как тебя. Но дело в том, что я сама ошиблась.

Уолтер молча ждал.

– Как-то в Кейтереме они громко ссорились, – продолжала Беатриса, – и я нечаянно услышала ее слова. Я решила, что она говорит об одном случае. Но теперь я думаю, что это было бы слишком хитро для нее. После нашего разговора в Каргвизиане я думала... Наверное, было какое-то более простое объяснение, не важно какое. Она ничего не подстраивала?

– Нет, никогда. Она просто плыла по течению.

– Да. И вот мне казалось, что она подстроила одну вещь, а теперь я думаю... пожалуй, она об этом и не подозревала. Больше я ничего не могу тебе сказать. Она еще во многом виновата и перед тобой, и передо мной, и перед отцом. Но в тот раз она была ни при чем, а потому я не стану поминать ее лихом.

ГЛАВА IV

Новый учитель оказался мастером на все руки. Он не только превосходно разбирался в изготовлении сыров, в овцах и математике, но и с жадностью глотал любые книги, как французские, так и английские. Беатриса предложила ему пользоваться своей небольшой, но прекрасно подобранной библиотекой, и он часто засиживался за книгой до глубокой ночи. Усталость, непогода – ничто его не пугало, и, в дождь ли, в снег ли, запасшись ломтем хлеба и куском сала, он долгими часами бродил по окрестностям. Время шло, и все чаще его сопровождали оба ученика и целая куча собак. Из этих походов дети и собаки возвращались одинаково перепачканные и одинаково счастливые. Помимо обычных занятий, они непрестанно впитывали множество самых разнообразных познаний.

Сведения о птицах, животных, растениях, умение плести корзины и всякую всячину из веревок, старинные народные предания, рассказанные по-французски, – все

это казалось им не уроками, а развлечением.

Однажды Жиль д'Аллейр постучался к Беатрисе.

– Простите, мадам. Я не помешал?

– Нисколько. Входите. Вам нужна какая-нибудь книга?

– Есть у вас д'Аламбер? Я знаю, у вас есть кое-кто из энциклопедистов.

– Все философы в том шкафу, слева. Он окинул взглядом полки.

– Вольтер, Монтескье, Дидро, Гельвеций... Я вижу, у вас тут есть все, от Руссо до Гольбаха. Она улыбнулась.

– Вы ведь знаете, мой брат человек добросовестный. Много лет назад я как-то попросила его прислать мне несколько образцов современной французской мысли, вот он и прислал. Не стану делать вид, будто я все это причла.

– Но кое-что вы прочли, правда?

– Говоря по совести, вряд ли я хоть одну из этих книг прочла с начала до конца. Я пробовала, но... – Она не договорила.

– Они показались вам слишком трудными?

– Не то что трудными, а... право, не знаю, как вам объяснить.

– Скучными?

– Н– Нет. Но они так неубедительны. Утопические планы строить нетрудно; но чем они прекраснее, тем меньше они, по-моему, подходят настоящим живым людям.

Он круто повернулся к ней, глаза его блестели, в голосе звучало нетерпеливое любопытство.

– Откуда вы знаете? Разве кто-нибудь пытался когда-нибудь осуществить эти планы?

Это было так неожиданно, так непохоже на его обычную сдержанность, что Беатриса посмотрела на него с удивлением. Он тотчас снова стал спокойным и почтительным.

– Прошу извинить мою дерзость.

– Нет, скорее это дерзость с моей стороны. Во всяком случае, я вижу, вы со мной не согласны.

– Я вас просто не понял, мадам. Если б вы объяснили вашу мысль...

– Боюсь, что она того не стоит.

– А все же, может быть вы будете так добры... Какой он настойчивый!

– Если это вас так интересует, – сказала она, – я постараюсь объяснить. Но присядьте же. Он молча повиновался.

– Видите ли, – медленно начала Беатриса, – эти планы духовного возрождения человечества представляются мне всего-навсего красивыми фантазиями. Вероятно, почти все мы хотели бы, чтобы мир был устроен не так несправедливо, но что бы мы делали, если бы он и стал лучше? Наши отвратительные законы и обычаи – лишь отражение нашей собственной сути. Мы от рождения жадны и жестоки. В глубине

души мы вовсе не желаем ни справедливости, ни красоты, они мешают нам дышать. Пусти нас в рай – и мы не успокоимся, пока не обратим его в пустыню.

– У вас есть Артур и Глэдис, и вы можете так думать! Недоверие, прозвучавшее в его голосе, отрезвило Беатрису. Она думала вслух, что может быть глупее! Слегка смущенная, она укрылась за маской шутливого цинизма.

– Ну, дети другое дело. Сейчас, признаюсь, они прелестны. Но ведь и тигрята прелестны, пока у них не выросли клыки. А человек – мерзкое животное.

Подняв глаза, она увидела, что он серьезно и пристально смотрит на нее.

– Мне кажется, мадам, что в глубине души вы не думаете о людях так плохо.

Она чуть не подскочила. Словно голос леди Монктон раздался из могилы:

«Кого это вы хотите обмануть? Своего ангела-хранителя?»

– Нет, – сказала она наконец. – Пожалуй, не думаю... не совсем так... больше не думаю. Но раньше я думала именно так, – прибавила она. – Поэтому, наверно, я и не любила ваших философов и их утопий. Придется как-нибудь снова вернуться к ним.

В следующие три с половиной года Беатриса и Уолтер почти не виделись.

Писал он часто, но в письмах был сдержан и почти не упоминал о Фанни, разве что в ответ на прямой вопрос, да и тогда порой отвечал коротко «все без перемен», или: «ничего нового». Пробовали одно лечение за другим, но все безуспешно, и чтобы оплатить связанные с этим непомерные расходы, Уолтер старался пополнить свои скромные средства, берясь за любую, самую неблагодарную работу.

Во всем, что касалось сестры, он был далеко не так скуп на слова, и его заботливые письма поддерживали и утешали Беатрису, которая очень в этом нуждалась. Ушибы, полученные ею при попытке спасти Бобби, все еще мучили ее, и она часто не могла подняться с постели. Миссис Джонс, по-прежнему ей преданная, стала совсем стара и слаба и теперь была уже не столько помощницей, сколько обузой; и хотя и денег и слуг вполне хватало, вести дом было нелегко. Когда Генри время от времени начинал пить запоем, это было тяжким испытанием не только для Беатрисы и детей, но и для него самого; к счастью, пока это случалось с ним сравнительно редко. Всякий раз этому предшествовали приступы уныния и раздражительности, которые были для всех тягостны, а затем следовала не менее мучительная полоса покаяния и самоуничужения. В промежутках, с помощью тактичных подсказок и напоминаний, он еще справлялся с обязанностями мирового судьи и с повседневными хозяйственными заботами, но все чаще и чаще он выпивал по вечерам и наутро ничего не помнил, и все большая ответственность ложилась на плечи Беатрисы.

Всевозможные усовершенствования в хозяйстве, отношения с соседними землевладельцами, налоги, благотворительность, болезни арендаторов, расходы по имению – нелегко ей было со всем этим справляться. И хотя ей как мог помогал Жиль, а с годами и Артур и Глэдис, она зачастую выбивалась из сил.

Ее недуг постоянно напоминал о себе, но, как оказалось, нет худа без добра. Доктор потребовал, чтобы ежедневно после обеда она проводила два часа в постели, в тишине и покое. И этот вынужденный отдых помог ей вернуться к привычке каждый день читать, забытой за время долгой болезни.

Она опять взялась за труды французских философов, но смотрела на них теперь

иными глазами, и они уже не казались ей ни скучными, ни далекими от жизни.

– Мне кажется, – сказала она однажды Жилю, – прежде я не была к этому подготовлена. Я просто не понимала их.

– Может быть, вы были слишком молоды.

Она покачала головой.

– Вы сейчас моложе, однако вы понимаете.

– Я? Но мне очень повезло. «Энциклопедия» была мни второй матерью. Я сидел на коленях у папаши Гольбаха, пока Дидро с моим отцом вели философские споры.

– Может быть, поэтому вы и стали таким прекрасным учителем?

– Учить может всякий, надо только любить детей. Вот у меня были прекрасные учителя. Всем, что во мне есть хорошего, я обязан им двоим. Им и «Энциклопедии».

– И один из них – тот священник с распятием?

Жиль кивнул.

– Отец Клеман. Это так странно. Мы обо всем думали по-разному: я отвергал все, во что он верил, – я ведь атеист; а все, что мне дорого, он предавал анафеме. Но все равно – мы были друзьями с самого начала. Зная его, невозможно плохо думать о людях.

– А другой? Он просиял.

– Другой... Жан де Карита. Он не учитель по профессии, и у него блестящее положение в севте, – это маркиз Кондорсе. Он математик.

– Как и вы.

– Eh, pas du tout.¹⁶

Он, сам того не заметив, перешел на родной язык и заговорил быстрее и свободнее.

– Что я? Фермер, овцевод, которого немножко обучили математике. Но Жан... Если бы вы его узнали, вы бы поняли. Он объяснил мне, в чем надежда человечества.

– В чем же?

– В просвещении. Вы говорите, человек – мерзкое животное. Но это животное способно совершенствоваться, мадам. Вот если бы вы знали Жана. Он объяснил бы вам то, чего я не умею объяснить.

– Придется мне удовольствоваться тем, что я знаю вас, – сказала Беатриса. – По крайней мере в вас я вижу человека, который верит в человечество. Не стану притворяться, что я разделяю эту веру, но даже увидеть ее в другом – все равно, что вдохнуть ветер с моря.

Восемнадцати лет Гарри окончил школу и поступил в Оксфорд, где вел себя достойнее многих своих сотоварищей по старшему курсу. Он откровенно тяготился науками и мало чем интересовался, помимо спорта и светских развлечений; но его проказы были довольно невинного свойства, и он был всеобщим любимцем. Дик, все

¹⁶ Ну что вы (франц.).

еще учившийся в школе, был много способнее, зато обнаруживал куда менее приятный нрав. В долгие месяцы летних каникул Бартон порой сотрясали грозы, причиной которых были частые столкновения Дика с Глэдис. Однажды девочка пришла к матери вся раскрасневшаяся, гневно сверкая глазами.

– Мне очень неприятно тебя огорчать, мама, но лучше тебе знать правду.

Я только что дала Дику пощечину.

– Ну, дорогая, этого делать не следует, даже если тебя очень обидели.

Глэдис ничуть не смутилась.

– Если ты не возражаешь, мама, не будем говорить про обиду. Я знаю, это очень нехорошо и не пристало настоящей леди, но я все-таки дала ему пощечину и, наверно, опять дам, если придется.

Она подумала минуту и прибавила с надеждой:

– Но, может быть, больше не придется.

Мать с трудом удержалась от смеха.

– Вполне возможно. И я не стану любопытствовать, что это была за обида.

Но, пожалуйста, если можно, впредь постарайся, чтобы тебе больше не приходилось ничего такого делать. Это, вероятно, очень полезно Дику, но не полезно тебе.

Подняв бровь, в точности как мать, Глэдис понимающе посмотрела на нее и кивнула. Они были большими друзьями, и им почти ничего не приходилось друг другу объяснять.

Дик, насколько Беатриса могла видеть, не помнил зла и не сердился на покаравшую его руку, и случай этот как будто забылся, но однажды, неделю спустя, Беатриса услышала под окном гневный голос Гарри:

– Слушай, Дик, хватит, надоело! Ты так изводишь Артура, что на той неделе Глэдис пришлось закатить тебе оплеуху. И я тебе в последний раз говорю: если ты не угомонишься, я так тебя отделаю, как тебе и во сне не снилось.

Беатриса высунулась из окна.

– Дик, ты не зайдешь ко мне?

Он хмуро повиновался.

– Сядь, – сказала она. – Мне очень жаль, но я слышала, что говорил сейчас Гарри. Придется предупредить его, что бы он был поосторожнее, когда окно открыто. Может быть, ты хочешь мне что-нибудь сказать. Дик?

Он насупился.

– Спроси лучше Гарри... или Глэдис.

– Ты же знаешь, я не стану их спрашивать. И знаешь, что, если бы я и спросила, они все равно ничего мне не скажут.

– Тогда спроси Артура.

Никогда еще он так не ершился. В голосе Беатрисы зазвучали вкрадчивые нотки,

которых дети всегда побаивались.

– По-твоему, он скажет скорее других? Как видно, ты еще плохо знаешь Артура. У каждого из нас есть свои недостатки, но, по счастью, доносчиков среди нас нет. – Она помолчала, потом прибавила мягко: – Можешь мне ничего не говорить, если не хочешь. Если ты предпочитаешь, чтобы я забыла то, что услышала, я, разумеется, забуду, – это ведь не предназначалось для моих ушей.

Дик прикусил губу.

– Да нет, пожалуйста, мама, мне нечего скрывать. Гарри и Глэдис всегда на меня нападают, потому что я невысокого мнения об Артуре. Ну что же, это правда; и отец тоже не бог весть какого мнения о нем, если хочешь знать.

Артур размазня.

– Ты уверен?

– Ну, я при этом не был, но мне рассказывали, как он выставил себя на посмешище зимой на охоте – расхныкался над лисицей! Женщинам это, наверно, все равно, но джентльмену не слишком приятно называть братом самого обыкновенного рыбацкого сына, да еще труса. Если уж говорить начистоту, мама, дубина дубиной и останется, как ни старайся ее обтесать.

Беатриса ответила не сразу.

– Да, ты прав, мой сын, – жестко сказала она. – Я вижу, мне это не удастся. Мне стыдно, что я твоя мать.

Он вскочил.

– Мама!

Она тоже поднялась, и минуту они стояли, в молчании глядя друг на друга.

Потом она устало отвернулась, чувствуя, что мужество покидает ее.

– Уйди, пожалуйста. Дик. Я не в состоянии продолжать этот разговор. Я извинюсь за тебя перед Артуром.

Он буркнул что-то и кинулся вон из комнаты, но на пороге обернулся и упрямо бросил ей в лицо:

– Слава богу, отец-то на моей стороне!

Точно оглушенная, она опустилась на стул и вся поникла, бессильно уронив руки на колени. Она рассорилась с сыном, рассорилась нелепо, бессмысленно; лишила себя всякой надежды избавить его от заблуждений, неизбежных при его окружении и воспитании. Бедный мальчик, как он мог быть иным, ведь перед ним только и было, что неутихающая ревность Генри да те понятия о людях и обществе, какие приняты в колледже св. Катберта и среди провинциальной аристократии.

Я потерпела поражение, тупо сказала она себе, я только притворялась, да и то неудачно. За все эти годы я слишком привыкла вежливо лгать; и теперь, когда пытаюсь быть честной, оказываюсь просто грубой. Мне не удалось уберечь ни Артура от насмешек и оскорблений, ни Дика от бесчестья. А теперь, вместо того чтобы помочь мальчику, я только озлобила его... Мне не следовало иметь детей.

Два дня Дик, мрачный и обиженный, избегал матери, а брат и сестра в свою

очередь избегали его. Потом снова гневные голоса нарушили тишину в доме, который еще недавно был таким мирным и спокойным. На этот раз вышел из себя Генри; услышав его яростный крик, Беатриса поспешила в столовую, где он обедал вдвоем с Диком, не пожелавшим ехать с остальными на прогулку в Першорское аббатство. В этот день она чувствовала себя хуже обычного и не вышла к обеду. Отец и сын через стол смотрели друг на друга злыми глазами, между ними на скатерти было разлито вино. Генри весь побагровел. И едва Беатриса появилась на пороге, он крикнул ей, заикаясь от бешенства:

– Слышала ты, что болтает этот выродок?.. Черт побери, Дик, если ты еще раз посмеешь сказать что-нибудь такое о матери, я тебе все кости переломаяю, так и знай.

Дик, казавшийся очень тоненьким и хрупким, стоял перед разъяренным отцом; он совсем побелел, ноздри его вздрагивали. Он был удивительно красив в эту минуту.

– Вот как, сэр? Я в этом не уверен.

Он смерил взглядом отросшее брюшко Генри и засмеялся.

– Нечего сказать, удовольствие возвращаться в этот дом! Гарри тоже был бы рад испытать на мне свою силу. Глэдис готова выцарапать мне глаза, а мама говорит, что стыдится быть моей матерью. Может быть, вы все предпочли бы обойтись без меня? Что ж, я готов избавить вас от своего присутствия.

В лице у него была такая горечь, что у Беатрисы перехватило дыхание.

Бедный, глупый, запутавшийся мальчик, позорит и отталкивает от себя родных и близких и даже не понимает, что делает... Как легко можно его утешить.

Довольно небольшой уступки его уязвленному самолюбию... Нет, с этим покончено. Сын вправе услышать от нас правду, как бы больно это ни было им обоим.

– Дик... – начала она.

– Да– Да, мама, ты это сказала, и я не намерен об этом забыть. А теперь отец тоже, как видно, решил переметнуться. Завтра он, видно, тоже станет заступаться за Артура, – и это после всего, что он мне про него говорил.

– Что? Что такое? – забормотал Генри. – Я говорил про Артура? Что ты болтаешь, щенок?

– Ах так, сэр? – яростно крикнул Дик. – А кто рассказывал мне, как он вел себя зимой на охоте? Ненавижу трусов!

– Я сказал, что у него странные понятия об охоте. Я не говорил, что он трус. Да он и не трус. Когда случается упасть с лошади, он ведет себя не хуже всякого другого мальчишки.

– А как он держался, когда обварил ногу кипятком, вспомни, пожалуйста, – прибавила Беатриса. – Но даже если он был таким, каким ты его считаешь.

Дик, разве из-за этого надо позорить отца и мать?

Дик зло рассмеялся.

– Право, мама, можно подумать, что я сплутовал в картах!

– А по-твоему, то, что ты сделал, менее позорно?

– То, что я сделал? Честное слово, мама, я не понимаю, о чем ты говоришь.

Она прикрыла глаза рукой. Нет, это не его вина. Он и в самом деле не понимает. Вот Генри, тот понял: он так пристыжен, что жалко смотреть.

Она сделала еще одну попытку.

– Подумай, Дик, ведь мы с отцом просто не могли бы сейчас смотреть в глаза Пенвирну, нам пришлось бы признаться, что наш сын, которому он спас жизнь, плохо обращался с его сыном, которого он нам доверил.

Краска медленно залила лицо Дика.

– Мама, я... я не сделал Артуру ничего плохого. Я только...

– Только изо дня в день преследовал и оскорблял его? Гарри и Глэдис не стали бы попусту так сердиться на тебя. Ты уже забыл о Луге Сатаны, Дик?

Наконец-то его проняло; он покраснел до ушей. И она прибавила тихо:

– Но это не значит, что я вправе была накричать на тебя тогда. Извини, Дик.

– Ну, что ты, мама. Я ведь тоже накричал. Но я никогда не думал... Ты меня прости за Артура.

Уже много лет она не видела, чтобы он был так близок к слезам. Вставая, она тронула его за плечо.

– Ну вот. Поддай руку отцу, и забудем об этом. Мы все виноваты.

До конца каникул Дика больше не в чем было упрекнуть. Беатриса намекнула дочери и старшему сыну, чтобы они не поминали старого, и в доме установилось, хотя бы с виду, согласие. Однако Глэдис так и не доверила Дикку своего пони. Он не хотел быть жестоким, от природы он вовсе не был злым, тем не менее из всех детей только ему одному приходилось напоминать, что с собаками и лошадьми надо обращаться ласково. В глазах Глэдис сколько-нибудь недоброе отношение к животным было непростительным преступлением; и на беду Дик ухитрился стать единственным человеком на свете, которого она недолюбливала. Беатриса терпеливо пыталась сгладить эту затяжную вражду, но оказалось, что за жизнерадостной приветливостью дочери скрывается характер упорный и стойкий, как камень.

– Да, мама, я понимаю тебя, и я вовсе не хочу быть недоброй с Диком.

Мне жаль, что я дала ему пощечину. Больше я этого не сделаю и могу извиниться, если он обижен. Но ты бы видела, как он удилами разодрал губу Фиалке за то, что она не шла в галоп. Никто не станет скакать галопом в таком возрасте. И пускай он не трогает Малыша... и Пушинку тоже.

Беатриса не настаивала. Рассказав о семейной ссоре Уолтеру, которому она писала каждую неделю, она прибавила, что из всех своих детей самую горькую неудачу она потерпела с Диком.

"У нас с ним слишком мало общего, я даже не всегда понимаю, что его тревожит. С Гарри у меня тоже не очень много общих интересов, но ему всегда хорошо со мной, и он так мне верит, что мне даже совестно. Он всегда исповедуется мне во всех своих грешках и злоключениях и нимало не сомневается, что я всегда все улажу. Но Дик держится от меня на расстоянии, в чем-то я, должно быть, глубоко разочаровала его.

Прежде я надеялась, что он со временем найдет друга в Генри, ведь их вкусы и взгляды во многом одинаковы. Но он презирает отца. Иной раз он смотрит на Генри совсем как Хам на Ноя.

Артур, кажется, единственный, кого ничуть не задела эта буря. Он, по-моему, даже и не заподозрил, что что-нибудь неладно. Это у него от матери".

"Не кажется ли тебе, – писал в ответ Уолтер, – что Дика мучит ревность?"

Быть может, он привязан к тебе и Глэдис больше, чем ты думаешь".

Беатрису глубоко встревожило это предостережение, и она удвоила свои старания завоевать доверие сына. Но, несмотря на все ее усилия, он ничего не простил родителям и оставался в отношениях вооруженного нейтралитета с сестрой.

– Дайте срок, – говорил Беатрисе Жиль. – В глубине души он понимает, что Артур сделан из лучшего теста, а это нелегко стерпеть в шестнадцать лет, да еще когда ты хорош собой, как молодой бог. С годами он станет умнее.

Но Беатрису это не утешало.

ГЛАВА V

В то лето Гарри и Дик гостили последние недели каникул у своей тетушки Эльси, которая, овдовев, вернулась из Индии на родину. Их отъезд освобождал Жилу от репетиторства, и Беатриса попросила его поехать с Артуром в Корнуэлл, в надежде, что его ученая степень по математике хоть отчасти примирит Билла с неприятной новостью, которую уже невозможно было далее от него скрывать.

– Вам придется объяснить ему, – сказала она, – что Артур добросовестно трудился все эти четыре года и с вашей помощью основательно изучил математику, но что от природы у него нет способности ни к математике, ни к каким-либо точным наукам, и из него никогда не выйдет механик.

– Выдающийся механик из него во всяком случае не выйдет. Мне нетрудно будет доказать это Пенвирну. Куда труднее убедить его, что мальчик сможет выдвинуться на каком-то ином поприще, если только дать волю его природным склонностям. Я в этом глубоко уверен, но что это за поприще, я еще сам не знаю, и нелегко мне будет объяснить полуграмотному человеку то, что мне и самому пока не ясно.

– Да, – сказала Беатриса. – И насколько я понимаю, Артуру тоже это неясно. Я часто спрашиваю себя, не заложен ли в нем какой-то особый талант, который пока еще никак не проявился? Как по-вашему, сам-то он знает, к чему его влечет?

– Если бы он это знал, он скорее доверился бы вам, а не мне.

– А скорее всего, вероятно, своей матери. Это покажется вам странным, но я думаю, что если вы сумеете преодолеть ее застенчивость и вызвать ее на откровенность, она поможет нам. К несчастью, она не имеет никакого влияния на мужа. Он всегда боялся, как бы она не стала поощрять страсть Артура к поэзии.

– По-вашему, Артур и сейчас пишет стихи? – спросил Жиль.

– Я часто об этом думаю. Если пишет, то это для него нечто глубоко тайное и

сокровенное, и я никогда его об этом не спрашиваю.

Он кивнул.

– Это очень мудро и очень похоже на вас. Я уверен, у него незаурядный ум, но есть в его душе запертая дверь, и я пока не нашел к ней ключа. Видно, и вы не нашли, хотя он вам очень предан.

– Мой брат считает, что никто из нас и не найдет этого ключа, пока мальчик совершенно загипнотизирован этой механикой. Если только вам удастся переубедить его отца, который просто одержим этой идеей, вы сделаете для Артура больше, чем кто-либо из нас.

Когда Генри сказали о предполагаемой поездке, он глубокомысленно покачал головой.

– Не завидую я вам, мсье Жиль. Но я так и знал, что этим кончится.

Артур паренек неплохой, но пороха не выдумает, это несомненно. Лучше бы Пенвирн определил его учиться какому-нибудь ремеслу. Во всяком случае, вы им скажите, что мы сделали все, что могли, и впредь охотно сделаем для него все возможное. Жаль, что вы не успеете вернуться ко дню рождения Глэдис.

– Да, – сказала Беатриса. – Боюсь, ей праздник будет ни в праздник, ведь вся наша молодежь разъедется. Генри рассмеялся.

– Ну нет! Вот погоди что будет, когда она увидит своего нового коня.

– Ты уже купил его?

– Нет еще, но уже выбрал. Давно пора было это сделать. Малыш слишком мал ростом для такой длинноногой девчонки, да и слишком стар.

В самом деле, нежно любимый Малыш стал уже сесть, и пора ему было составить компанию Фиалке на сочном лугу, где вкушали почетный и сладостный отдых удалившиеся на покой престарелые бартонские лошади. Все последнее время Генри с детским увлечением подыскивал для Глэдис нового скакуна.

– Я присмотрел четырехлетку. Ну как раз по ней: темно-гнедой меринок, чистокровный, передние ноги в белых чулках, выезжен превосходно. За него просят кругленькую сумму, но он того стоит.

– Не чересчур резвый, надеюсь?

– Нет– Нет, дорогая, кроткий, как ягненок. Только не проговорись раньше времени, мы устроим ей сюрприз.

Рано утром в день своего тринадцатилетия Глэдис, в просторной полотняной тунике, которую придумали для нее мать и Жиль, чтобы не стеснять ее движений, отправилась в сад собирать яблоки. Услыхав от Эллен, что ее ждут на скотном дворе, она помчалась туда вприпрыжку, как мальчишка; волосы ее разметались по плечам, в руке она держала алую розу, поднесенную ей верным рабом и поклонником, Бенни Робертсом. И вдруг остановилась с восторженным воплем:

– Папа!

Генри ждал ее у невысокой подставки, с которой удобней было садиться в седло, держа под уздцы нового коня. Беатриса стояла рядом, поглаживая лоснящуюся шею

лошади, украшенную праздничной гирляндой из ноготков.

Сбежалась прислуга, конюхи, все глядели и восхищались, а из окна кухни, сидя в своем кресле, глядела, сияя, старая миссис Джонс.

– Поди-ка сюда, киска, – позвал Генри. – Погляди, что тут есть.

– Ой, папа! Ну какая прелесть!

Глэдис обхватила обеими руками шею коня и поцеловала его в шелковый нос. Он вскинул голову, заставив ее отскочить.

– Поосторожней, поосторожней, – сказал Генри. – Это тебе не Малыш, дочка. Он молодой, игривый, и он тебя еще не знает. А поцелуи лучше побереги для старика отца.

Вне себя от радости она стиснула его в объятиях, алые лепестки розы скользнули по его щеке.

– Папа, ну какой же ты милый! Я буду так его любить!

– Неплохая лошадка, – сказал Генри. – Мне не стыдно будет поглядеть на тебя верхом на таком коньке. Давно пора начинать, если ты вообще собираешься когда-нибудь стать охотницей. Мы сейчас же закажем тебе амазонку. Первый выезд будет...

Глэдис, нежно обнимавшая пони, подняла голову.

– Я не хочу охотиться, папа.

– Что такое?.. Вздор, вздор! Леди должна уметь охотиться.

– Извини, папа, но я не могу. Это жестоко, я терпеть не могу охоту.

Генри прищелкнул языком. Он был не на шутку раздосадован.

– Да что с тобой, детка? Лисиц надо убивать, как же иначе? Ты что, хочешь чтоб они перетаскали всех кур?

– Нет, папа, не в том дело. Пусть бы их просто убивали, а то еще устраивают погоню, пугают их...

– Надеюсь, ты не набралась от Артура всяких глупостей. Твоя мать, когда вышла за меня замуж, была куда храбрее, а она тогда была такая тоненькая, худенькая. Помню, как она получила боевое крещение – отхватила лисе хвост и глазом не моргнула. Правда, дорогая? От тебя я никогда не слышал таких слов:

«я не могу».

– Она, может быть, и охотилась, папа, но я уверена, что она эту охоту терпеть не могла, – возразила Глэдис.

– Что? Что? С чего вы это взяли, мисс? Она мне никогда не говорила.

– Господи, папа, неужели ты не знаешь, что мама тебе никогда ничего не говорит.

Тут вмешалась Беатриса – разговор зашел чересчур далеко.

– Ты не слишком любезна, Глэдис. Папа столько хлопотал, чтобы доставить тебе удовольствие, а ты...

– А, ладно, ладно! Пусть делает как знает, – угрюмо прервал Генри. – Никто ее не

просит охотиться, если она не желает, другие девочки на ее месте были бы рады.

– Мне очень жаль, что я тебя огорчаю, папа.

Он пожал плечами, выпятив нижнюю губу.

– Да, по правде говоря, для меня немалое огорчение узнать, что у моей дочери может уходить душа в пятки.

– Генри! – крикнула Беатриса.

Глэдис положила свою розу на подоконник и грациозно вспрыгнула на подставку.

– Папа, – сказала она странно кротким голосом, – отпусти, пожалуйста, поводья. Мне хочется немножко попробовать его.

Беатриса кинулась вперед.

– Останови ее, скорей!

Генри не умел быстро соображать. Машинально он выпустил поводья, и Глэдис неожиданно вскочила на лошадь; прежде, чем он понял, что произошло, она уже сидела в седле по-мужски. В тот же миг с диким воинственным кличем она стегнула коня поводьями. Он прижал уши, взметнулся на дыбы и помчался бешеным галопом. Глэдис направила его прямо на живую изгородь.

– Господи! – крикнул Генри. – Она сломает себе шею! Вне себя он кинулся, чтобы схватить лошадь под уздцы, но было уже поздно. По счастью, изгородь только недавно подстригали, а конь был чистокровный. Он сделал великолепный прыжок и перемахнул через препятствие, не задев ни единиц веточки, Глэдис держалась в седле прямая, как стрела, стройные ноги крепко охватили бока лошади, волосы, совсем золотые на солнце, развевались, точно знамя: она карьером проскакала круг по полю, на обратном пути умелой рукой придержала коня и легким галопом въехала в распахнутые ворота, сверкая все еще сердитыми глазами.

– Ну, папа. уходит у меня душа в пятки?

Тут она увидела мать.

Миссис Джонс, на негнущихся ревматических ногах выбежавшая из дому, стояла на коленях подле Беатрисы и подносила к ее губам стакан.

– Приподнимите ей голову, сэр. Ну вот, она приходит в себя. Попробуйте, отпейте глоточек... Да простит вам бог, мисс Глэдис.

Девочка соскользнула с седла и бегом кинулась к матери, в лице у нее, как и у той, не было ни кровинки. Но Генри слишком перепугался, чтобы быть милосердным, – он схватил ее за плечо и отшвырнул прочь; впервые в жизни он поднял на нее руку.

– Будь ты проклята, девчонка, ты убила свою мать!

– Нет... нет! – Беатриса, задыхаясь, протянула руки, – Не пугайся...

Глэдис...

С минуту Глэдис смотрела на нее полными ужаса глазами, потом с громким рыданием повернулась и побежала в дом.

Генри опустил на подставку, прижав руку к груди. Он сильно располнел за последние годы, и сердце у него тоже пошаливало.

Двадцать минут спустя Беатриса постучалась в запертую дверь спальни.

– Это я. Открой мне, девочка.

Все еще заливаясь слезами, Глэдис отворила дверь и в отчаянии припала к груди матери.

– Мама... мама, прости меня. Я больше никогда не буду.

Они сели, обнявшись.

– Не плачь, родная. Я знаю, ты не хотела причинить нам боль. Просто ты вышла из себя и не успела подумать, что делаешь.

Глэдис прижимала к глазам скомканный, насквозь мокрый платок. На нее жалко было смотреть.

– Я просто дрянная девчонка. Я так виновата... Ужасно виновата. Но папа сказал, что у меня душа в пятках.

Еще две слезинки покатались по ее распухшему носу: в ней боролись раскаяние и негодование.

– Он не должен был так говорить, мама. Это несправедливо.

– Да, дорогая. Но и с твоей стороны было несправедливо сказать, будто я никогда ему ничего не говорю.

Девочка подняла глаза. Что-то новое появилось в ее лице, кроме покорности и еще не утихшего возмущения. В эту минуту она казалась не по-детски мудрой.

– Даже если б это и было правдой, – мягко продолжала Беатриса, неужели, по-твоему, это великодушно – сказать ему такое при всех?

– Так ведь... по-моему... Мама, но неужели и ты думаешь, что я трусиха?

На этот вопрос надо было ответить с исчерпывающей полнотой.

– Ничего подобного мне никогда и в голову не приходило, – серьезно ответила Беатриса. – Я всегда считала, что храбрость моих детей – это нечто само собой разумеющееся. Но если ты прибегаешь к столь сильным средствам, чтобы доказать такую простую вещь, я, пожалуй, начну сомневаться.

– Нет, мамочка, не надо! И неужели ты думаешь, что я нарочно обидела папу?

– Нет, я никогда не считала тебя бессердечной; а вот логики у тебя, к сожалению, не хватает. По-твоему, это очень жестоко пугать лисицу, когда люди вздумают поохотиться, а сама ты до полусмерти напугала родителей, когда тебе вздумалось пустить пыль в глаза.

– Я не пускала пыль в глаза!

– Нет? Ни чуточки? У тебя и в мыслях не было, как ты будешь великолепно выглядеть, когда перелетишь через изгородь всем на удивленье?

– Ну конечно...

Глэдис вдруг хихикнула. Ей было несвойственно долго пребывать в унынии.

– А как это было чудесно! Он и правда летел совсем как птица. Мама...

Она вдруг выпрямилась: блестящее будущее внезапно открылось ей.

- Как по-твоему, когда я вырасту, я смогу участвовать в скачках?
- Ну разумеется, нет. Так что лучше выбрось это сейчас же из головы и поищи какой-нибудь другой способ пугать людей, если тебе это уж так необходимо.
- Но Дик ведь собирается скакать, как только ему исполнится двадцать один. Он сам сказал. И Фредди Денвере тоже...
- Они мальчишки.
- Ну и что же? А почему им можно, а мне нельзя? Я лучше их езджу верхом, гораздо лучше. Почему нельзя?..
- Потому что девочкам не позволяют много такого, что можно мальчикам.
- Но почему? Почему все самое интересное только мальчикам? Это несправедливо, мама. Почему так?
- Беатриса тщательно обдумала ответ:
- Мир не мною устроен, девочка, и женскую долю тоже не я придумала. Раз уж ты меня спрашиваешь, могу тебе сказать одно: будь моя воля, я бы все устроила по-другому. Но мир таков, как он есть, и в нем нам приходится жить.
- Бог, вероятно, знает, что делает.
- С неожиданной горечью она прибавила:
- Во всяком случае, он делает, что хочет.
- Она тут же взяла себя в руки. Детям таких вещей не говорят.
- Глэдис серьезно смотрела на нее.
- Артур... – начала она и умолкла.
- Да?
- Нет, ничего. Про душу в пятках... Потому я так и разозлилась. Папа сказал про меня, а думал про Артура.
- Папа знает, что Артур не трус.
- А Артур нет.
- Что нет?
- Не знает. Он думает, что он трус, и Дик тоже так думает. Я потому и взбесилась, что это неправда.
- Конечно, неправда.
- Мысль Глэдис так усиленно работала, что она даже нос наморщила.
- Мама, помнишь, миссис Джонс обварила ему ногу кипятком?
- Помню. Он держался очень мужественно.
- Но ведь он только притворялся, что ему это нипочем, чтобы она перестала плакать. А на самом деле ему было ужасно плохо.
- Ну конечно. Всякому было бы плохо. Сильные ожоги очень болезненны.
- Так вот, понимаешь... То же самое и когда опасно... когда по-настоящему

весело.

– Например?

– Ну когда стреляют, или гроза, или надо скакать без седла, или пройти в лунную ночь по карнизу. Он все это может, но ему от этого только тошно.

Странно, правда? Ему от этого ни капельки не весело.

– А тебе весело?

– Ну да, и всем весело. В прошлом году Дик спросил его, испугался ли он, когда гнедой понес, и Артур сказал, что испугался. Только из-за этого Дик и вообразил, что он трус.

– Дик еще очень многого не понимает.

– Мама, знаешь что? Дик даже не очень виноват. Это все Фредди Денверс, он рассказал всем мальчикам в школе, что Артур трус, потому что он не джентльмен, и Дик ужасно расстроился.

– Вот как? Я поговорю с Фредди Денверсом.

– Нет, пожалуйста, не надо, я тебе это по секрету сказала. И все равно это бесполезно: Фредди такой глупый, он ничего не поймет. Мама, а знаешь, что сказал мсье Жиль?

– Нет, не знаю. Что же?

– Он сказал: «Таким людям, как вы или Монктоны, не приходится рисковать головой, разве что вам самим этого захочется, – все равно вы голодные не останетесь. Вот вы и рискуете для забавы, просто чтобы показать, что вам не страшно. А такие люди, как отец Артура, вынуждены идти навстречу опасности независимо от того, страшно им или нет». Он сказал: «Для них это не забава, а труд». Как по-твоему, мама?

– По-моему, он прав. И по-моему, они больше достойны уважения.

– Артур написал про это стихи – как рыбакам приходится рисковать жизнью, потому что у них дети голодные и никто этого даже не замечает.

– Стихи?

– Ну да. Ты же знаешь, он обо всем пишет стихи.

У Беатрисы на миг перехватило дыхание.

– Вот как! Нет, я не знала.

– Неужели не знала? Он не показывает тебе, потому что думает, что они плохие, но я думала, ты знаешь. Он только что прислал мне стихи ко дню рождения – про то, как я выросла и какие у меня стали длинные ноги и длинные волосы, прямо, как у Аталанты.

– Нет, я не знала, – повторила Беатриса и задумалась.

Ласковая рука вкрадчиво обвилась вокруг ее талии.

– Мамочка, скажи мне... ты сама знаешь, о чем. Тебе правда было очень противно?

– Что именно?

– Вот это... Уф! Отрезать лисе хвост!

– Не помню. Не противнее, чем...

Она умолкла на полуслове и засмеялась.

– Боюсь, мне были противны очень многие вполне естественные и безобидные вещи, дорогая моя. В молодости я была не слишком рассудительна.

В ту же секунду медвежонок стиснул ее в объятиях и чуть не задушил поцелуями.

– Мамочка, я так рада! Ты была бы такая душечка, если б не была всегда такая ужасно рассудительная. Беатриса со смехом высвободилась.

– Как раз сейчас я совсем не чувствую себя душечкой, если хочешь знать.

На мой взгляд, ты возмутительно надерзила отцу и тебе следует пойти и извиниться перед ним.

Глэдис вскочила, она всегда охотно просила прощения.

– Хорошо. А ты пока пойдешь приляг, мама, ладно? Ты такая бледная. Я только сперва причешусь.

– И умойся, пожалуйста, а то ты вся заплаканная.

– Сейчас умоюсь. – Девочка глянула на себя в зеркало и состроила гримасу. – Ну и красавица! Вот бы у меня был такой нос, как у тебя, мама.

Или нет, лучше как у дяди Уолтера – такой аристократический! И зачем только бывают курносые носы?

Беатриса поднялась.

– Ты мне задала сегодня столько вопросов... Можно, теперь я тебя спрошу об одной вещи? Часто ты... вы все... гуляете в лунные ночи по карнизам?

"Как видишь, – писала Беатриса брату, – в этом разговоре я оказалась в невыгодном положении, слишком ясно показав перед этим, что и у меня бывает душа в пятках. Мне не так уж часто случается в критическую минуту позорно падать в обморок. Но если у тебя на глазах однажды уже был убит твой ребенок, этого, пожалуй, хватит на всю жизнь.

Малыши меня пугают. Они думают, в самом деле думают. У Глэдис, как видишь, склонность сперва действовать, а думать потом. Она унаследовала горячий нрав Телфордов и подчас слишком поддается порывам. Но уж когда она задумается, мысль ее не менее ясна, чем у Артура, хотя обычно им же и навеяна и, разумеется, куда менее своеобразна. Артур безусловно редкая натура. А Глэдис, по-моему, просто-напросто хороший, – льщу себя мыслью, что, может быть, очень хороший, – но все-таки совершенно заурядный человечек. И глядя на них, я чувствую, что в мире происходит что-то непонятное мне. Нас с тобой считали умными детьми, и росли мы в семье ученого, – но никогда мы не судили старших так здраво и не разбирались в них так тонко, как эти двое".

На сей раз Уолтер ответил ей не сразу; и когда письмо наконец пришло, оно оказалось коротким и очень сдержанным. Он просил извинить, что заставил ее ждать ответа: последнее время он был очень занят и не совсем здоров.

Это было так непохоже на Уолтера, ведь обычно он вовсе не упоминал о себе.

Беатриса сейчас же написала, прося сообщить подробности. Он откликнулся без промедления, но опять его письмо ничего ей не объяснило. В последнее время здоровье немного подвело его; сегодня ему уже лучше, и ей незачем беспокоиться. Он не писал, что это была за болезнь, серьезная или нет и долго ли он был болен, но Беатриса заметила, что его красивый, ровный почерк стал несколько нетвердым.

ГЛАВА VI

В октябре из Корнуэлла вернулся Жиль со своим питомцем сообщил о долгожданной, с великим трудом завоеванной победе: Артуру разрешено отказаться от бесплодной попытки стать механиком. Жилю пришлось пустить в ход все свое умение убеждать.

– Должно быть, вы выдержали тяжелую борьбу с Пенвирном? – сказала Беатриса.

– Мне кажется, я в жизни не встречал более трагической фигуры, ответил Жиль. – У него был настоящий талант, загубленный недостатком образования, и он утешал себя, мечтая возродиться в сыне, который достигнет всего, чего мог бы достичь он сам. Я пересмотрел все его злополучные модели, они совершенно бесполезны, и, однако, по ним видно, какое у этого человека поразительное чутье к проблемам статики и динамики. Вы знали про его старый матросский сундучок, набитый неоконченными изобретениями в области механики?

– Нет, я видела только чертеж и модели на полке.

– Теперь их там больше нет. Он все сжег – ушел один па берег и развел костер. Потом вернулся, руки серые от пепла, и говорит: «Делайте как знаете, сэр».

– Для Артура это, конечно, ужасно.

– А если бы вы видели его несчастную жену. Но теперь мальчик свободен.

По-моему, лучше ему пока больше не ездить домой, надо дать и ему и отцу время прийти в себя после такого потрясения. Может быть, на будущий год, если будет подписан мир, я возьму его с собой во Францию. Он переменит обстановку, и кругозор его станет шире.

– Посмотрим. А пока совершенно ясно, что ему следует очень серьезно изучать литературу.

Всю зиму Артур упорно занимался. Несмотря на все, что ему пришлось пережить во время последней поездки в Каргвизиан, никогда еще он не был так счастлив и не работал так успешно. И всю зиму он радостно предвкушал, как проведет каникулы на юге Франции.

Весной, когда еще не кончились затянувшиеся мирные переговоры, Жиль получил известие о смерти дяди и должен был уехать домой. Предполагавшуюся поездку в Севеннские горы пришлось отложить. После отъезда Жилия Беатриса, как могла, помогала Артуру и Глэдис в занятиях. Но на ее плечи легло теперь столько новых обязанностей, что она совсем выбивалась из сил. Пока в доме был Жиль, она даже не подозревала, как он ей помогал. Теперь Генри ежечасно нуждался в совете и подсказке. Предоставленный самому себе, он всякий раз что-нибудь забывал и отдавал

работникам такие путаные, противоречивые приказания, что постепенно Жиль взял на себя многое, что вовсе не обязан был делать. Заботы об имении вынуждали Беатрису проводить на ногах куда больше времени, чем позволяло ей здоровье. А у Генри как раз наступила очередная полоса уныния и раздражительности. Только бы это не кончилось запоем!

– На третью неделю после отъезда Жилия тяжелый приступ все учащающихся болей в позвоночнике уложил Беатрису в постель. Однажды утром Глэдис вошла к ней с письмом; адрес был написан коряво, неловкой рукой, явно непривычной к перу.

– Это только что привез верховой из Лондона, мама. Он скакал всю ночь.

Беатриса распечатала письмо.

"Сударыня, – прочла она, – я взял на себя смелость послать вам известие с нарочным. Миссис Риверс сломала себе шею. Нынче рано утром доктор Терри хотел свезти ее в Бедлам в своей карете, а она вдруг отворила дверцу и выскочила. Все кончилось в минуту. Сударыня, если не очень затруднительно, хорошо бы господин француз или еще кто приехал побыстрей и помог мне привезти мистера Риверса к вам, как кончится дознание. Сердце у него ослабло, три раза был обморок, и доктору Терри не нравится, как он выглядит, и мне тоже. Прошу извинить, а мнение мое такое: чем скорей его увезти из этого дома и из Лондона, тем лучше для всех. Только ему одному нельзя ехать в карете. А я буду править.

Прошу прощения за беспокойство. Мой низкий поклон мистеру Телфорду и молодым господам.

Уважающий Ивен Повис".

– Дать тебе нюхательную соль, мама? – спросила Глэдис. Беатриса с трудом села в постели.

– Нет, нет, я здорова. Поди позови отца, Глэдис. Ему нужно сейчас же ехать в Лондон.

– Он не может, мама.

– Он должен. Это необходимо?. Случилась беда, и Повис ждет помощи.

Глэдис закусил губу.

– Я не хотела тебе говорить. Папа полчаса как вернулся. Он много выпил.

Я его только что уложила. Его тошнило. Нельзя ли это отложить на два дня?

Завтра у него целый день будет болеть печень... Нет, мама, не вставай.

Беатриса, стиснув зубы, пыталась подняться. Глэдис попробовала удержать ее.

– Мама, ну прошу тебя!

Беатриса, задыхаясь, села.

– Я должна ехать в Лондон. Помогите мне одеться.

– Но ты не можешь ехать!

– Я должна, Глэдис. Прочти письмо. Кто-то должен помочь Повису.

Глэдис пробежала глазами письмо, потом медленно перечитала его и отложила. На ее лице появилось какое-то новое, властное выражение.

– Пожалуйста, мама, ложись. Плохая будет помощь Повису, если у него на руках, кроме дяди Уолтера, окажется еще одна больная. Помнишь, доктор Джеймс говорил, что получится, если ты не будешь лежать, когда у тебя болит спина.

В Лондон поедет Артур, а мы с миссис Джонс будем ухаживать за тобой и все приготовим к приезду дяди Уолтера.

Беатриса снова бессильно откинулась на подушки.

– Артуру не справиться с этим, дорогая. Он еще мальчик.

– Артур справится с чем угодно, если надо. Я знаю его лучше, чем ты, мама. Лежи смирно, сейчас я его позову.

Она отворила дверь.

– Артур, ты здесь?.. Поди сюда... Да, мама, я сказала ему про папу...

Кому-нибудь надо скорей поехать в Лондон и...

– Подожди, Глэдис, – перебила мать. – Артур, Повису нужно помочь. Тетя Фанни... она неожиданно умерла, а дядя Уолтер опасно болен. Скажи, ты мог бы один поехать в Лондон и помочь Повису привезти его?

– Конечно, тетя Беатриса. Сейчас же поеду. Дайте только я сперва уложу вас поудобнее.

Он приподнял ее, а Глэдис сунула ей под спину подушку. Беатриса покорилась, едва ли замечая, что с ней делают.

– Захвати с собой побольше денег, – продолжала она. – Дай, пожалуйста, мой кошелек, он там, на столе. Глэдис, посмотри у отца в карманах и принеси все, что найдешь. И попроси миссис Джонс приготовить Артуру сандвичей. А Робертс пусть оседлает лошадь.

Через несколько минут Глэдис вернулась.

– В карманах почти ничего нет. У него где-то есть деньги, но я никак не могла его добудиться, так что я просто разбила свою копилку. Артур, твой костюм для верховой езды у меня в комнате; поди туда переоденься, а я пока уложу тебе дорожную сумку. Робертс уже седлает. Он говорит, чтобы ты ехал на Уорик, там сменишь лошадь на почтовой станции. А нашего конька он завтра приведет обратно... Уложить ему другой костюм, мама? Может быть, ему придется пойти на похороны.

И опять сердце Беатрисы сжалось от страха.

– Ты непременно должен где-то остановиться дотемна. Я не хочу, чтобы ты ехал один ночью. В последнее время я не раз слыхала, что на дорогах грабят.

Глэдис кивнула.

– Не бойся, мама, он успеет засветло добраться до Оксфорда или до Банбери, а на рассвете поедет дальше. Утром, когда люди выходят на поля, никакие разбойники носа

не высунут... Артур, завтра, когда приедешь в Лондон, смотри не забудь что-нибудь поесть, прежде чем пойдешь к ним, чтобы Повису не было лишних хлопот.

Беатриса закрыла глаза. Бразды правления, которые она держала так долго, ускользали из ее усталых рук, и их подхватили крепкие руки тринадцатилетней девочки. Что ж, и она ведь когда-то в трудную минуту сумела сама принять решение, а она тоже тогда была совсем еще девочкой с косичкой за плечами.

На другой день Генри, мучимый печенью и раскаянием, бродил по дому, точно провинившийся пес; он был смиренно благодарен жене за снисходительную доброту и горестно заглядывал в беспощадные глаза дочери.

Еще никогда за всю свою жизнь Глэдис ни на кого не была так зла. Она не сказала отцу ни одного резкого слова, но от ее всегдашней дружелюбной улыбки не осталось и следа: она ходила мрачнее тучи, и это повергало отца в такое отчаяние, что на третий день Беатриса решила вмешаться.

– Ты оказалась очень хорошей и разумной помощницей в трудный час, дорогая, – сказала она дочери, – и ты замечательно ухаживала за мною. Но было бы еще лучше, если бы при этом ты была чуточку менее самонадеянной.

По-твоему, сейчас подходящее время обижать папу? Глэдис вся вспыхнула.

– Мама, я... я не самонадеянная!

– Обычно – нет, и обычно ты никого не обижаешь, но от этого папе теперь только тяжелее. Неужели ты не понимаешь, дружок, как это больно, когда человека мучит стыд. Нам всем очень грустно, что он иногда выпивает лишнее, но он ведь не мог знать, что как раз случится беда. Бить лежащего – это на тебя не похоже.

Глаза девочки наполнились слезами.

– Я очень виновата, мама. Я об этом совсем не думала. Наверно, я была ужасно скверная. Но только понимаешь, я...

– Я знаю, детка, ты тревожилась за меня и за Артура. Я все понимаю, но все-таки постарайся помириться с папой.

– Ой, но я так ненавижу... Мама, он... он всегда был такой?

Сделав над собой усилие, Беатриса ответила ровным голосом:

– Нет. Может быть, он никогда и не стал бы таким, если бы я с самого начала была справедливее к нему. Я могла бы тогда предотвратить это, если бы больше думала о нем.

Широко раскрытые серые глаза Глэдис смотрели ей прямо в душу. Беатриса отвернулась, чтобы не видеть этих глаз.

Вот она, цена правды... Теперь конец близости, которая связывала их в последние годы и которой она так дорожила. Какой ребенок сохранит любовь и уважение к матери, сделавшей такое признание?

Ласковые руки обвили ее вокруг нее, нежная щека прижалась к ее щеке. И Глэдис спросила чуть слышным шепотом:

– Мама, мне так хочется знать. Артур думает...

Ах вот что, они говорили об этом.

– Он говорит, что ты, наверно, была несчастлива в молодости... ужасно несчастлива. Это правда, мама?

– Да.

– Так несчастлива, что тебе было не до папы? Артур думает, что и с его отцом так было. Он думает, что вы с его отцом в душе немножко похожи...

Только у его отца все выходит наружу и он бранится и всех обижает и пугает, а ты все держишь про себя. Он думает, если уж на душе что-то есть, лучше чтобы оно вышло наружу.

Осталось ли еще хоть что-то, чего они не поняли бы, эти дети? Все глубоко скрытые душевные раны, и грехи, и стыд – все то, о чем никогда никому не расскажешь – лучше умереть, – все увидели они своими ясными глазами и не осудили ее.

ГЛАВА VII

После похорон Повис и Артур привезли Уолтера в Бартон. Они ехали очень медленно, всячески стараясь избегать тряски. Но, несмотря на все предосторожности, это путешествие было тяжким испытанием для ослабевшего сердца Уолтера, и по приезде его пришлось на руках вынести из кареты и тотчас уложить в постель.

Они привезли письмо от доктора Терри с наставлениями по уходу за больным и с подробным отчетом о случившемся.

Душевная болезнь Фанни приняла новый оборот, и врачу пришлось наконец отстранить Уолтера и взять ее судьбу в свои руки. Вечером накануне ее смерти Повис принес доктору Терри некие доказательства, убедившие его, что ее больше ни одного дня нельзя оставлять на свободе. Рано поутру он приехал в сопровождении сиделки из сумасшедшего дома и забрал отчаянно кричавшую Фанни. По дороге в Вифлеемскую лечебницу она неожиданно попыталась бежать.

Он убежден, что она не собиралась покончить с собой, но она зацепилась подолом за колесо и упала, лошадь, испуганная ее воплем, понесла, Фанни проволочло по мостовой, и она уже была мертва, когда карету удалось остановить. К счастью, смерть была почти мгновенной.

Здоровье Уолтера внушало опасения еще до того, как разыгралась эта трагедия. У него было два сердечных припадков: один в сентябре, другой, очень серьезный, совсем недавно. Это было нечто вроде приступов грудной жабы, для которой характерны внезапность, острые боли и последующая крайняя слабость; причиной обоих припадков, с точки зрения врача, было непомерное душевное напряжение и усталость – результат невыносимой жизни с Фанни. Когда ее внесли в дом мертвую, его сразил третий припадок, а за ним последовали опасные периоды потери сознания.

«Без сомнения, она умерла ужасной смертью, – писал далее доктор Терри, – однако с моей стороны было бы лицемерием скрывать, что сама эта смерть представляется мне величайшим счастьем, и я могу лишь благодарить за это судьбу. Покойница никогда не приносила и не принесла бы ни себе, ни другим ничего, кроме самых бессмысленных и унижительных страданий, и я думаю, что Уолтер еще недолго

выдержал бы свое добровольное мученичество. Сейчас его состояние безусловно тяжелое, но я не нахожу в сердце никаких органических изменений. Если он будет в спокойной обстановке и за ним будет хороший уход, прогноз представляется мне благоприятным. Конечно, потребуется по крайней мере несколько месяцев, может быть даже год или более, чтобы он мог вернуться к нормальной жизни; но организм у него крепкий, и, к счастью, он всегда был воздержан. Я надеюсь, что после того, как он оправится от потрясения, вызванного этой трагической развязкой, общее состояние его здоровья, так же как и состояние сердца, станет несравненно лучше».

Первую ночь Повис просидел в комнате Уолтера, прислушиваясь к его дыханию, готовый в любую минуту подать лекарство. Только с рассветом он позволил Артуру сменить его на три часа.

Утром, когда явился доктор Джеймс, больной спокойно отдыхал и непосредственной опасности уже не было. В полдень Повис, одетый по-дорожному и, как всегда, с видом мрачного презрения ко всему на свете, постучался к Беатрисе.

– Мистер Риверс выпил бульон, мэм, и сейчас задремал, так я уеду, пока он не проснулся. Оно и лучше, не будет лишних споров. Платье его убрано; вот ключи, и список, что доктор велел делать, и капли; а тут я написал, как готовить ему кой-какие блюда, – я заметил, он их больше любит. Вы и сами увидите, ему надо раздражить аппетит, а то он и есть не станет. А если доктор Терри что позабыл в своем письме, так у Артура все в точности записано.

– Но, Повис, неужели вы нас покидаете?

– На время, мэм. Покуда лучше мне не мозолить мистеру Риверсу глаза и не напоминать ему про Лондон. Чем скорее он про все это забудет, тем лучше, так я думаю. А у меня там дела по горло: надо упаковать все книги, и отказаться от квартиры, и ее вещи спалить. Угодно вам, чтобы я прислал библиотеку сюда, мэм?

– Да, пожалуйста. И вообще любые вещи брата или ваши, которые вы хотели бы сохранить. У нас на чердаке места сколько угодно. Но почему вы так спешите, отчего бы вам не переночевать здесь спокойно ?

– Это не важно, мэм. Я не привык залеживаться в постели. И я поспал утром три часа, когда Ар... мастер Артур сменил меня.

– Не называйте его так, Повис!

Она поглядела на него внимательнее.

– Что-нибудь случилось? Может быть, кто-нибудь... Может быть, мы вас чем-нибудь обидели, Повис?

– Бог с вами, мэм, положено ли мне обижаться! Просто... Уж поверьте, лучше мне уехать... Нет, спасибо, не к чему мне тревожить Робертса, тут один фермер едет в Хенли, он меня подвезет. Я там переночую, а завтра утром дойду до перекрестка – багаж у меня невелик – и как раз захвачу лондонский дилижанс. Он там завтра утром проедет.

– Да не можем же мы допустить, чтоб вы шли пешком в такую даль и еще с ношей. Если вы непременно хотите ехать сегодня, Робертс отвезет вас в Уорик, там вы переночуете на постоялом дворе, а утром сядете в дилижанс. Но... мне хотелось бы понять. Вы ведь знаете, что мы здесь всегда вам рады, правда? Вы вернетесь к нам,

когда разберетесь с вещами?

На лице Позиса отразилась странная внутренняя борьба.

– Вы очень добры, мэм, я знаю. Может, попозже и вернусь, если понадобится мистеру Риверсу. И раз уж вы так великодушны – спасибо, я буду только рад, если меня довезут до Уорика. Если что, пока можно писать мне по старому адресу, а потом я пришлю новый, когда сам буду его знать. И уж пожалуйста, мэм, присмотрите, чтобы мистеру Риверсу ни одно блюдо не приправляли кэрри.

– Кэрри? Мне казалось, Уолтер его любит больше всех приправ. Я как раз хотела спросить, как вы его готовите, Сейчас ему, конечно, не следует есть острое, но немного погодя...

– Лучше не надо.

– Вам виднее.

– Ну, я поехал. Премного вам благодарен за вашу доброту... Нет, у меня все есть, что нужно; но все равно – спасибо вам.

Он повернулся, чтобы идти. Беатриса остановила его.

– Присядьте на минутку, Повис. Робертс еще не кончил обедать, а у меня есть к вам один вопрос.

Он повиновался с каменным лицом.

– Что прикажете, мэм?

Она заговорила нерешительно:

– Вы не знаете, Артуру не пришлось увидеть или услышать в Лондоне что-нибудь очень неприятное? Что-нибудь такое, что было бы для него тяжелым ударом?

Какая-то тень промелькнула на замкнутом лице Повиса.

– А что бы это могло быть, мэм?

– Об этом я вас и спрашиваю.

Минута прошла в молчании.

– У вас что-нибудь определенное на уме, мэм?

– Нет, но мне кажется, у Артура что-то есть.

– Вон как? Он что же, говорил вам что-нибудь?

– Нет, и, наверное, не скажет. Но с ним что-то случилось. Скажите, он ее видел? Сначала я подумала, что, может быть, это он впервые видел покойника. Но боюсь, тут кроется что-то еще. А может быть, она была уж очень изуродована?

Повис пожал плечами.

– Не очень-то приятно было на нее смотреть. Но он ее и не видал. Мистер Риверс видел, на свою беду. Хозяйка закричала, и он сразу выбежал. А Артур не видал. Я для верности сперва завинтил крышку, а потом уж впустил его.

– Хорошо, что вы об этом позаботились. Значит... по-вашему, он ничего такого не видел?

– Гм... Кой-что он и впрямь видел, если это называется видеть.

Ясновидец, по-вашему, видит? Взгляды их встретились.

– Право, не знаю, как объяснить вам, Повис, – сказала Беатриса. – Я и сама не понимаю. Артур ни словом, ни взглядом не намекнул мне, что с ним что-нибудь случилось. Но едва я увидела его... нет, не то... едва коснулась его руки, как почувствовала, что он перенес какое-то страшное потрясение. Мы с ним очень близки, и уж не знаю как, но я почувствовала. Вам, может быть, это покажется вздором, но...

– Для валлийца это не вздор, мэм. Это англичане зовут вздором все, чего не могут понять их тупые головы. Но Корнуэлл не Англия. Бог свидетель, Билл и Мэгги дурни отменные, но они дурни не на английский манер. Может, в этом дело?

– Возможно. Насколько я знаю, в моих жилах нет кельтской крови, но вот уже скоро пять лет, как у меня есть сын кельт. И, вероятно, он кое-чему успел меня научить. Странно, в каком-то смысле он больше мое дитя, чем если бы я его родила.

Беатриса помолчала, но и Повис не проронил ни слова. Какое-то непостижимое упорство...

– Может быть, нескромно, что я вас спрашиваю? – сказала она. – Поверьте, я вовсе не хочу ничего выведывать. Я доверяю Артуру. Но он совсем еще мальчик, и мне нестерпимо видеть, как он мучается. Быть может, ему нужна помощь, а он стесняется заговорить со мной или даже хочет поберечь меня.

– Он никогда и не скажет. Ему еще не раз случится знать чужие секреты и помалкивать. Не таков он, чтоб зря болтать языком.

– Я не совсем понимаю вас.

– Знаю, мэм. Вам никогда не приходило в голову, что бывает такое, чего лучше и не понимать? От него так и веяло холодом.

– Простите, – поспешно сказала Беатриса. – Я не догадалась, что это... касается кого-то еще. Если Артур узнал что-нибудь такое, чего ему не следовало знать, я уверена, он постарается забыть это. Пожалуй, и нам с вами лучше забыть, что я начала этот разговор.

– Мне все равно, мэм. Я не хотел никому говорить, но раз уж мальчик понял, мне все едино, кто еще узнает, лишь бы мистер Риверс никогда ничего не узнал. Да и то потому только, что это его убьет. Ему сейчас, сами понимаете, не много надо. Прошу извинить, что я про это поминаю, но он уже натерпелся больше некуда.

– Да, я знаю... Нет, Повис, постойте! Не говорите мне ничего, если вам не хочется. Чтобы вам потом не пожалеть.

Он вскинул голову и посмотрел на нее, – таким она еще никогда его не видела.

– Отродясь ни о чем не жалел. Раз уж это вышло наружу, я не прочь, чтоб и вы узнали, для Артура так лучше. Можете ему сказать, что я вам сам рассказал. Он слишком молод, ему одному такое не по плечу... Доктор Терри писал вам, почему он так поторопился приехать за ней в то утро?

– Подробно не писал. Он сообщил только, что обнаружили новые симптомы и вы принесли ему доказательство, которое убедило его, что ее нельзя больше оставлять на свободе.

– Гм... Стало быть, он не писал вам, что она подсыпала в еду толченого стекла?

– Нет. А разве она это сделала?

– То-то и оно, что сделала. Да еще как ловко, вы бы диву дались. Мистер Риверс знает.

– Так он знает?

– Доктор Терри сказал ему, когда забирал ее, – пришлось сказать. Мистер Риверс не хотел, чтоб ее увезли. Она как вцепится в него, чисто клещ в корову, и ну визжать: «Не отдавай меня, Уолтер, не отдавай!» Ну, вы ж его знаете, сердце-то мягкое. Так что под конец ничего больше не оставалось делать. Я и говорю: «Скажите ему, доктор», – и он сказал. Тут мистер Риверс весь почернел, и руки у него опустились. И эта здоровенная баба, сиделка из сумасшедшего дома, зажала ей рот, а я обхватил поперек туловища, и мы в два счета втащили ее в карету и захлопнули дверцу. Уж если надо что-нибудь такое сделать, так чем быстрее, тем лучше. Она все пробовала кусаться, и больше уж я ее живой не видел.

Беатриса содрогнулась.

– Подсыпать толченое стекло!

– Да, в кэрри. В такой гуще незаметнее, соус все прикрывает, и не блеснет ничего. Еще вернее, пожалуй, было бы в сахарный песок... – Он прервал себя на полуслове, потом прибавил: – Так вот, это они оба знают.

Одно им неизвестно, кто ее надоумил.

Беатриса медленно подняла глаза.

– Вы... дали ей это?

– Дал ей? То есть как, тайком? Вы что, за дурака меня считаете?

– Тогда... я, наверно, не поняла.

– Лучше уж я начну сначала. Вы знаете, что у него уже было два сердечных припадка?

– Да, доктор Терри мне писал: один в сентябре, другой не так давно.

– Тому три недели. В этот раз было совсем худо. Это когда она хотела раскроить ему голову горячим утюгом.

– Хотела...

– Да, мэм. Это она первый раз такое учинила. До того, когда на нее находило, она просто била посуду, рвала его книги, жгла, бумаги, над которыми он ночи просиживал, и все такое. Ну, и ругалась, конечно. Это у нее первое дело.

Я был наверху, протирал окна в спальне, слышу, она подняла крик, да все громче, громче. А он только, знай, твердит одно: «Нет, Фанни, нет». Ну, я понял, что она требует денег на свое зелье, ясное дело.

– На... на эти «турецкие сласти»? Но разве она могла их достать, хотя бы и за деньги? Я думала, за ней такой строгий надзор.

– Это легче сказать, чем сделать. Вы бы только диву дались. Она завела себе приятелей из матросов, они всегда бы ей принесли, были бы деньги. Мы так и не

изловили парня, который был ей в Лондоне посредником, уж больно он оказался хитер. То переправит ей зелье с лентами, то в каблук туфли запрячет, то в засахаренные фрукты, то в корсет – мастер был на выдумки. Но зато и драли они с нее семь шкур. Понятно, ей всегда нужны были деньги.

Потом, слышу, бежит она в кухню. Она, видно, поставила утюг на плиту, хотела гладить какие-то свои финтифлюшки, да за спором про него и забыла. Он у нее, верно, докрасна раскалился. И вот прибежала она с этим утюгом, да и запустила ему в голову. По крайней мере, она метила в голову, но разве какая женщина отродясь попадала в цель. Он сидел в кресле. Утюг пролетел над плечом, самую малость опалил воротник и прожег дыру в ковре. Тут мистеру Риверсу пришлось с ней повоевать. Он мне потом говорил, что она хотела опять ухватить утюг за ручку.

Он отобрал утюг, отнес на кухню и сунул в ведро с водой. И туг-то ему стало худо. Я услышал, что там стычка и она вопит, бегу по лестнице, а тут он крикнул и упал. Вбегаю – он лежит на полу, а она стоит над ним и хохочет.

Так бы и убил ее! Видели вы приступ грудной жабы? Есть у вас понятие, на что это похоже ?

Ну вот, на другой день доктор Терри завел с ним серьезный разговор. И я там был. Доктор хотел тут же ее забрать. А мистер Риверс ему этак сквозь зубы: «Не позволю, пока я жив, чтоб ее в этом аду избивали, и морили голодом, и запирали в темную комнату! Пока жив, не позволю». Уж если он что вбил себе в голову, так упрется, ни дать ни взять ирландский осел. Ну, спорили они, спорили. Никогда еще я не слышал, чтоб доктор так начистоту ему все выложил. "Если дальше так пойдет, говорит, сколько вы еще протянете?" И сказал ему, что раз уж дело так далеко зашло, она того гляди дом подожжет, или отравит кого, или еще чего натворит. И стало быть, она людям опасна и надо ее убрать, по вкусу это мистеру Риверсу или не по вкусу. А мистер Риверс в слезы и давай упрашивать, чтоб дали ей последнюю отсрочку. По следнюю, а там еще последнюю. Говорил я вам когда-то, что так будет семью семьдесят раз... Ну и, понятно, доктор уступил: побоялся, как бы он не довел себя до нового припадка. А после, в дверях, говорит мне: «Что ж, говорит, Повис, я убежден, что это неправильно, но, видно, придется нам покуда оставить все как есть». Болван этакий.

Ну, что тут было делать? Дождаться, пока он помрет? Тогда-то уж ее посадят под замок, да что радости. Вот я и подумал: дам-ка я ей случай и погляжу, ухватится или не ухватится? Ухватилась, да еще как! Ей только того и надо было.

Купил я порошок. Честно и открыто завел его в доме, чтоб очищать ржавчину. Как рукой снимает. Потом на глазах у них у обоих отчистил кой-какие железки, запер этот самый порошок в свой старый сундук, который в кухне стоит, а ключ на цепочке сунул в карман штанов. Я видел, она с меня глаз не сводила, – уж такая она мастерица была всюду соваться да подглядывать, почище всякой сороки. Всегда ей до смерти хотелось узнать, что я там прячу. Увидала, что я положил туда этот порошок, и спрашивает: «Почему этому порошку такое внимание?» А я и говорю: «Боюсь, говорю, ошибиться, еще спутаешь с солью, или с сахаром, или еще с чем, да и попадет в еду. А это, говорю, страшный яд, и узнать его трудно. Я, говорю, видел, как в Индии один офицер от этого помирал – долго помирал, да как маялся, днями и ночами все охал да стонал». А что повара за это дело повесили, про то я ей не сказал. А мистер Риверс обернулся

ко мне и говорит: «Не рассказывайте таких гадостей, Повис». Он думал, это просто болтовня. А я видел, у нее глаза так и сверкнули. Ей это было слаще меду.

Дал я ей дней десять сроку – пусть, думаю, дело доспест.

Еще кой-что чистил при ней этим порошком, чтобы не забывала. Много всякого инструмента у меня в ту неделю заржавело, и пришлось его чистить.

Следующий раз, как она стала клянчить денег, а он не хотел давать, я решил, что время пришло. И стал готовить кэрри. Кэрри я выбрал вот почему: она знала, что я до него не дотрагиваюсь – нутро мое его не терпит; а она хитрая, двоих зараз травить не станет. Потом я постарался, чтоб у меня молоко свернулось, вхожу к ней впопыхах и говорю:

«Молоко, говорю, прокисло. Я сейчас побегу, может еще застану молочницу, а то утром как же без молока; а вы уж будьте такая добрая, помешайте кэрри, чтоб не подгорел, пока я бегаю». Мистер Риверс, как всегда, сидел за столом и писал, а она уж так на него уставилась – ну прямо кобра, честное слово. Тут я скорей побежал за молоком, а ключ свой бросил на кухонном столе, рядом с ложкой. А на крышку сундука капнул маслом. Когда я вернулся, она лушила горох; такая скромная, невинная – совсем кошка, отведавшая сметаны; и ключ на прежнем месте, только по-другому положен. И масло потекло.

Ну, подал я к обеду кэрри. Она не знала, что я приготовил еще другую порцию и запрятал в бельевой чулан. Прислуживаю я за столом, а она сидит и нежничает с ним, и называет голубчиком, и уговаривает есть побольше – уж больно обед хорош. А сама ест холодную говядину. Ну, перемыл я посуду, отнес это блюдо к доктору Терри и говорю: «Боюсь, говорю, нет ли тут толченого стекла». А с утра пораньше он за ней и приехал.

Да, я ее убил так же верно, как если бы своей рукой толкнул ее под колеса. И другой бы раз опять так сделал.

Вам, я вижу, тошно, мэм, да я вас не осуждаю. Убийство нечистая работа.

Но я так смотрю: грязь – она грязь и есть. Говорят, за свой век ее досыта наглотаешься; а расхлебывать пакости этой ведьмы изо дня в день или разом свернуть ей шею и покончить с этим делом – велика ли разница? Но только чтоб человек, который совершил умышленное убийство, торчал у вас в доме и водил дружбу с невинными душами, это вам ни к чему.

Беатриса наконец обрела дар речи.

– Что из всего этого знает Артур?

– Знает, что она сотворила. От хозяйки слыхал, это все на следствии выплыло. Он пришел и спросил меня, верно ли это? И я сказал: «Верно». Он сел и смотрит на меня. Уж не знаю, сколько он там понял из того, что я сделал, но печать Каина он сразу распознает.

– По-вашему, он догадался?

– Он долго глядел на меня, потом взял меня за руку и говорит: «Бедный Повис... бедный, бедный Повис!» Так и сказал.

– А потом что?

– Я ему говорю: «Эй, малыш, чего это тебе понадобилось заглядывать в чужую душу»?

– Он что-нибудь ответил?

– Не сразу. Сперва он только глядел на меня, а глаза синие-синие и видят тебя насквозь, будто весь он в этих глазах, и все держал меня за руку.

А потом... Как по-вашему, что он мне сказал, этот мальчонка? Так тихо, шепотом: «До чего же вы его любите, если пошли на это ради него». Как по-вашему, недурна догадка для парнишки, которому еще и восемнадцати нет?

Да, этот Артур не так глуп, как кажется.

– Больше он ничего не говорил?

– Он не говорил. А я еще сказал кой-что.

– Что же?

– Я ему намекнул: «Молодой человек, говорю, вы на опасном пути. Если вы возьмете такую привычку – читать в чужих душах и о каждом убиваться, как бы вас в конце концов не вздернули на кресте вроде вороны над конюшней, чтоб другим неповадно было». Он и слова не сказал, только поглядел на меня. Он понял.

Повис поднялся.

– Когда мистер Риверс поправится и сможет ехать, пускай известит меня, я за ним приеду. Ваш порог мне переступать не для чего будет, если вы не пожелаете, и я обижаться не стану. Вот только, если позволите, хорошо бы Артур мне писал иногда, чтобы мне знать, как мистер Риверс. А за Артура не бойтесь, мэм, это все ему не повредит. К такому никакая грязь не пристанет.

На том пожелаю вам всего хорошего.

Она протянула ему обе руки.

– Повис, Повис, неужели вы даже не хотите пожать мне руку? Не мне вас судить. Будь у меня ваше мужество, я бы и сама это сделала!

Минуту Повис стоял словно окаменев, только в лице его что-то дергалось.

Потом взял руку Беатрисы и крепко сжал.

– Об этом вы зря беспокоитесь. Спорить не стану, и вы тоже не без греха, на то живой человек. Бывали вы и жесточе камня и поупрямее армейского мула, но вот трусихой вас не назовешь. Если корабль идет ко дну, лучшего товарища мне не надо.

Все еще держа ее руку в своей, он прикрыл ее другою – мягко и бережно.

– Э, не принимайте это так близко к сердцу. Вы ведь не из таких, которые любят поплакать, и мне ненавистно, чтобы вы из-за меня горевали. Ну, тише, тише, ничего. Кто-то же должен был это сделать, так уж лучше пусть я.

ГЛАВА VIII

Первое время Уолтер был вял и ко всему равнодушен, словно оглушенный.

Но лето сменилось осенью, и мало-помалу в нем стал возрождаться интерес к жизни.

– Тебе теперь много лучше, – сказала в один октябрьский день Беатриса.

– И я хотела бы уехать дней на десять. Я уверена Глэдис будет ухаживать за тобой не хуже меня.

– Ну конечно. Ни у одного дядюшки на свете нет такой заботливой племянницы.

Глэдис вполне заслужила эту похвалу, ее преданность не знала границ.

Она не отходила от дяди. Желая утешить и развлечь его, она каждый день приносила ему своих любимых мышей и гусениц и поверяла ему свои бесконечные секреты.

– Да, за тебя я буду спокойна, – сказала Беатриса. – А ты что скажешь, Генри? Ты не возражаешь, если я на некоторое время оставлю дом на миссис Джонс?

– Ну... ну конечно, поезжай, раз тебе хочется. А куда это ты собралась?

– В Лондон за покупками. Нам так много нужно, что лучше уж мне пожить там неделю и закупить все сразу. Мне совсем нечего надеть, и в доме тоже все обтрепалось.

Генри широко раскрыл глаза. И это говорит Беатриса, которую он годами уговаривал отдохнуть и повеселиться, как все люди! Даже в первые годы после замужества она не слишком интересовалась нарядами и развлечениями, а со смерти Бобби предпочитала все заказывать по почте у старых, солидных лондонских фирм.

Он озадаченно смотрел на жену. Его мужскому глазу вовсе не казалось обтрепанным это строгое элегантное платье темного шелка, хотя, конечно, оно было далеко не новое. Ей всегда была свойственна аристократическая умеренность, она покупала только дорогие, но простые вещи, держала их в безукоризненном порядке, и им не было износу. Однажды он со скромной гордостью похвастал Уолтеру, что Беатриса носит свои платья в десять раз дольше, чем жена самого Криппса, и при этом остается элегантнейшей дамой во всем Западном Уорикшире. Но если ей захотелось обновить свой гардероб, он, конечно, будет только рад.

– Прекрасная мысль, – сказал он. – Тебе очень полезно немного рассеяться. Но не лучше ли отложить поездку на месяц-другой? Кончится осенняя пахота, и я тоже смогу поехать. Мы с тобой пожили бы в Лондоне недели две, а то и месяц, побывали бы разок-другой в театре.

Беатриса покачала головой и протянула ему длинный список необходимых покупок.

– Как-нибудь в другой раз, милый, – сказала она с улыбкой. – Это будет совсем не увеселительная поездка. Когда я наконец выберу ковры, гардины и платья, мне полезнее всего будет провести несколько дней в постели.

– По-моему, тебе не следует ехать, мама, – сказала Глэдис, – тебе это не под силу. Разве Робинс и Грин не могут прислать тебе образцы? Ты только измучаешься, и у тебя опять заболит спина.

– Ну что ты, девочка. Ведь с тех пор как приехал дядя Уолтер, я еще ни разу не лежала.

– У тебя такой вид, что если ты начнешь бегать по магазинам, ты непременно свалишься.

– Право же, детка, так будет лучше. Ты бы могла мне очень помочь.

Хочешь? Если ты пересмотришь все свое платье, и папино, и дяди Уолтера, и все постельное и столовое белье и составишь список всего, что нужно заменить, я смогу вернуться скорее.

Глэдис встала и с минуту пристально смотрела на мать.

– Хорошо, мама, – сказала она наконец и, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты.

Прошло две недели, и Беатриса вернулась в Бартон. Она была бледна и, как видно, очень устала, но все, что требовалось сделать в Лондоне, было сделано, как всегда практично и разумно. Она виделась с Повисом, как ей советовал Уолтер, и тот, по ее словам, избавил ее от многих хлопот, взяв на себя покупки всего необходимого для Уолтера и Генри. Вечером, накануне ее отъезда, он принес тщательно упакованные вещи и счета.

– Каков он тебе показался? – спросил Уолтер.

– По-моему, совсем не изменился. Он просил засвидетельствовать тебе свое почтение и сказать, что он сейчас при деле и всем доволен. Он нигде не пропадет, можешь быть уверен.

Однажды утром, вскоре после возвращения сестры, Уолтер принес ей толстую рукопись.

– Я хочу кое-что показать тебе, пока ты отдыхаешь. Это прелестно.

Беатриса отложила в сторону «Утопию».

– Это творчество Глэдис? – спросила она.

– Да. Она разрешила показать тебе, но только тебе одной.

Хотя Беатриса уже давно знала, что девочка все еще сочиняет рассказы о своих вымышленных друзьях из звериного царства, до приезда Уолтера одному лишь Артуру позволено было читать «Книгу Носатиков». На Глэдис редко находила робость, но Носатики были слишком дороги ее сердцу. И только потому, что она глубоко сочувствовала своему бедному больному дядюшке, он удостоился чести проникнуть в их таинственные владения.

Еще совсем крошкой Глэдис привыкла сочинять всякие истории про зверей, а в тот черный год после смерти Бобби, когда она целыми днями была предоставлена самой себе, она снова вернулась к своему детскому увлечению, из которого уже было выросла. С тех пор как в доме появился Артур, она уже никогда не была одинокой, и, не полюби он всем сердцем этих четвероногих и пернатых друзей, созданных ее фантазией, они, конечно, уже давно были бы забыты, как старые и уже нелюбимые куклы. Приключения Носатиков – семейства барсуков, обитавшего на берегу выдуманной речки, протекавшей будто бы тут же, у самого дома, за последние пять лет разрослись в самую настоящую Одиссею. Этому семейству служила и поэзия Артура. К семейным праздникам Носатиков он сочинял песни, баллады или поздравительные оды по-английски, по-французски и по-латыни.

Уолтер положил перед ней большой раскрытый альбом.

– Это и в самом деле хорошо, Би. Не знаю, есть ли у девочки литературный дар, но своих барсуков она знает превосходно. Посмотри, какая физиономия у этого!

Он показал на беглый, но выразительный карандашный набросок: барсук обнюхивает землю перед входом в нору и с отвращением восклицает: «Пахнет лисой!»

– А эта! – Беатриса показала на встревоженную мать семейства, которая старается уберечь чисто вымытый пол от грязных лап своих барсучат. – А этот!.. Нет, Уолтер, ты только погляди на этого папашу-барсука, он явно озабочен тем, что думает о нем его собственный сын.

Рассказы не отличались оригинальностью, зато в рисунках Глэдис бил ключом неистощимый юмор. Все, что рисовал Артур, было гораздо правильнее, но куда менее живо.

– Он не дает себе воли, – сказал Уолтер. – Не то что Глэдис. Но стихи у него очень забавные. Никогда не думал, что он способен пародировать торжественность. Прочла ты латинскую элегию на неудавшуюся стирку?

Уолтер снова вернулся к жалобам мамы-барсучихи.

– И откуда только он это взял: «Doleo super...»¹⁷. Посмотри, как он владеет дактилем. Папе это понравилось бы, и этот замедленный спондей в конце строки.

– А разве французская серенада не великолепна?

– Немного тяжеловата, – ответил Уолтер, – но очень недурна. Английское рондо тоже прелестно. Он, видимо, уже владеет поэтической формой на всех трех языках. А серьезные стихи он все еще пишет, как по-твоему?

– Пишет. Я все время подозревала это, а осенью Глэдис проговорила. Но я не видела ни строчки. С тех пор как четыре года назад ему так досталось за это от отца, он ни разу не заговаривал со мной о стихах; а я тоже не хочу быть навязчивой и молчу.

– Это, пожалуй, напрасно. Может быть, его робость вызвана как раз твоей чрезмерной сдержанностью.

– Возможно. Но, понимаешь, все это связано с давним ужасом, который его всегда преследовал: как бы Пенвирн не совершил чего-нибудь непоправимого.

Мне казалось, что лучше всего молчать, пока время не залечит рану в душе мальчика. Но, может быть, я и ошибалась.

– А не станет ли он поэтом? – сказал Уолтер. – Это многое бы объяснило.

В том, что вообще у Артура замечательные способности, в последнее время не оставалось никаких сомнений. Освободившись от необходимости изучать точные науки, давившей его, как кошмар, он начал делать необыкновенные успехи, нередко поражая учителя легкостью, с которой схватывал основы одной науки за другой. Кажется, одна только математика и не давалась ему. Но с каждым днем становилось очевиднее, что больше всего его влечет литература.

"Я думаю, – писал Жиль с юга Франции, – что будет несправедливо посылать его

¹⁷ Скорбью великой... (лат.)

в Оксфорд, не дав ему по меньшей мере год, чтобы преодолеть все пробелы в его образовании. Он так поздно начал и потерял столько времени понапрасну, что он еще не совсем готов.

– Может быть, вы доверите его на год мне? Семейные дела все еще требуют моего присутствия здесь, но у меня будет вдоволь времени, чтобы руководить его занятиями, а дядя мой оставил превосходную библиотеку. Тетушка окажет ему самый радушный прием. Я уверен, что ему будет с нами очень хорошо.

– Можете ли вы обойтись без него?"

Передавая письмо Уолтеру, Беатриса невесело засмеялась.

– Верней было бы спросить, может ли Глэдис обойтись без него.

– Хотел бы я знать, – сказал Уолтер, – понимает ли Жиль, какой жертвы он от тебя требует?

Она кинула на него быстрый взгляд, но, тут же почувствовав, что этого он и сам не понимает, улыбнулась и покачала головой.

– А зачем ему думать об этом? Его заботит будущее Артура. И он совершенно прав. Даже не говоря о занятиях, год, проведенный на юге Франции, был бы неоценим для мальчика. Прежде всего это помогло бы ему избавиться от застенчивости.

– Думаю, что так, – сказал Уолтер. – Когда чуткого мальчика вырывают из одной среды и пересаживают в другую, ему лучше всего стать космополитом.

Здесь, среди этих уорикширских сквайров, он неизбежно оказывается в невыгодном положении. Я знаю, ты сделала все, что было в человеческих силах, чтобы уберечь его от обидных намеков и от прямых оскорблений, и, конечно, ему стало легче с тех пор, как он научился прилично держаться и правильно говорить. Но я уверен, что на его долю пришлось немало горьких унижений и обид, о которых он тебе ни разу и словом не обмолвился.

– Ты думаешь, я этого не знаю? За все эти пять с половиной лет у меня не было ни одного спокойного дня, я всегда настороже, даже у себя дома. У Дика нет ничего дурного на уме; когда он приезжает на каникулы, он очень старается скрыть свою нелюбовь к Артуру. Но на него плохо влияют сыновья Денверса и семейство Криппс, а теперь еще и Эльси; и, сам того не замечая, он поет с чужого голоса. И Генри тоже.

– Отпусти мальчика, Би, пусть едет. Прожив год среди французских аристократов, он станет увереннее в себе и будет чувствовать себя в любом обществе как рыба в воде. Тетя Сюзанна добрейшая старушка, и для нее все иностранцы одинаковы. Когда он вернется, он сумеет лучше постоять за себя.

– Да, надо его отпустить. Но бедняжка Глэдис будет в отчаянии. И сможет ли она заниматься совсем одна, когда Артур не будет ей помогать?

Какая я ей учительница после Жилия; да потом я и так уже слишком много на себя взяла, ведь Генри...

Она не договорила.

– Может быть, мне к рождеству вернуться в Лондон, Би? – спросил Уолтер.

– У тебя и без того много забот, а тут ты еще который месяц ухаживаешь за мной и,

наверно, совсем измучилась.

– Что ты, наоборот! Для меня такое облегчение, что ты рядом. Ведь по-настоящему ходить за тобой нужно было только в первые дни. А теперь ты мне большая поддержка. Временами мне становится немножко... страшно...

И снова она умолкла на полуслове. Потом продолжала:

– Мне трудно следить и за домом и за фермой. А с тех пор как уехал Жиль, Генри все больше опускается, нечего закрывать на это глаза. На него уже ни в чем нельзя положиться. И я теперь почти ничего не могу с ним сделать. Впрочем, я это заслужила.

– А Гарри не может вернуться, домой и помогать на ферме? – после короткого раздумья предложил Уолтер. – Нужно ли ему кончать Оксфорд?

Беатриса вздохнула.

– Я знаю, от этого никакого толку не будет. Но для Генри это вопрос престижа... и тут еще ревность. Как мне просить его послать в Оксфорд Артура, если его родной сын не кончит курса?

– А что Жиль думает о занятиях Глэдис?

– Он пишет, что нам лучше подыскать какого-нибудь подходящего человека, который мог бы заниматься с нею и помогать мне в управлении фермой. И он предлагает, чтобы Артур жил у них этот год просто как гость, без всякой платы, тогда я смогу позволить себе этот новый расход. Это очень великодушно с его стороны.

– Еще бы, ведь д'Аллейры очень бедны. Но я не уверен, что сумею найти подходящего человека, а если и найду, захочет ли Генри принять его? А главное, чужого человека Генри ни в чем не станет слушать. Би, а тебе не будет легче, если до осени я заменю Жилия?

Она просияла.

– Вот бы хорошо, Уолтер! Я даже сказать тебе не могу, какое это было бы для меня облегчение. Кроме Жилия, ты единственный человек, который может сдерживать Генри. Право, тебе это удастся еще лучше, чем ему.

– И я могу заниматься с Глэдис. Не так хорошо, как Жиль, но не хуже обыкновенного учителя. Я ничего не понимаю в сельском хозяйстве, но Генри понимает, когда он в здравом уме и твердой памяти, и ты всегда можешь подсказать мне, как ему помочь.

– А как же твоя книга?.. Я не вправе отнимать у тебя время. Ты хотел кончить ее в будущем году. Уолтер, как ты думаешь, Повис не вернется, если его попросить? Тогда бы он взял на себя все заботы о ферме, кроме тех, с которыми Генри справляется сам, а ты бы учил Глэдис, и у тебя еще оставалось бы вдоволь времени на твою книгу.

– Это было бы превосходно, но, боюсь. Повис не согласится. Он, мне кажется, и думать не хочет о возвращении сюда. Уж не знаю почему. Правда, он всегда был непостижимо упрям. Но я все-таки попробую еще раз.

– Но ты ведь все равно останешься?

– До лета, а может быть, и до осени, только вот не знаю, не подумает ли Генри, что я злоупотребляю вашим гостеприимством.

Беатриса рассмеялась.

– Спроси его сам!

– Нет, уж лучше ты спроси.

– А зачем? Только вчера он спрашивал меня, нельзя ли тебя уговорить, чтобы ты поселился с нами навсегда. Уолтер долго молчал, прежде чем ответить.

– Генри всегда был великодушен.

На следующей неделе Уолтер вошел к сестре с письмом в руках.

– Я не мог ответить тебе, пока не получил этого письма. У меня есть новости, Би.

– Хорошие? Уолтер, у тебя такое лицо... И в самом деле, она не видала его таким со студенческих лет.

– Великолепные новости. До сегодняшнего дня я не был уверен. Присядь, родная, я тебе все объясню.

Она повиновалась, сердце ее отчаянно билось. Что он скажет? – Когда капитан Кук, вернувшись из своего путешествия, рассказал поразительные вещи об острове Пасхи, все, кто изучает древнее искусство, потребовали, разумеется, чтобы обнаруженные им статуи были изучены и описаны. Три года тому назад сэр Джозеф Бэнкс и еще некоторые его ученые коллеги пожелали встретиться со мной. Нашлись люди, которые решили снарядить туда экспедицию, при условии, что руководить ею будет надежный человек; и кое-кто назвал мое имя.

– Ты не говорил мне об этом ни слова.

– Что же было говорить, когда я все равно вынужден был отказаться.

Разумеется, я ответил, что не могу уехать из Лондона.

Экспедиция так и не состоялась – отчасти потому, что трудно было найти подходящего человека, отчасти из-за недостатка денег. И вот недавно один голландец, у которого огромные плантации в Ост-Индии, предложил дать недостающие средства, при условии, что экспедиция будет не только археологической, но и лингвистической. Он интересуется восточными языками.

Теперь опять хотят снарядить экспедицию, и Джонс сказал им, что, по его мнению, я единственный человек, способный справиться с этой двойной задачей.

– Кто сказал?

– Уильям Джонс. Ты не помнишь, когда-то, много лет назад, я рассказывал тебе о мальчике из Харроу, одаренном редкими способностями к языкам?

– Это тот школьник, который каждую свободную минутку отдавал... арабскому, если не ошибаюсь?

– И персидскому тоже. Он и сейчас еще очень молод, но уже один из крупнейших ученых мира, поразительный ум. Мы с ним уже несколько лет переписываемся. Он первый заинтересовался сравнительной таблицей языков, которую я начал составлять давным-давно – Давно и до сих пор не удосужился закончить, и, видимо, говорил о ней в этом ученом собрании. И вот теперь я получил официальное приглашение. Этот голландец предоставляет нам на два или даже на три года, начиная с будущей зимы, свой корабль с опытным капитаном голландцем и всей командой, – сейчас они отплыли с товарами

в Батавию. Он рассчитывает, что почти весь первый год я буду изучать местные диалекты на островах... После этого я могу отправиться на остров Пасхи и измерить статуи. Его условия таковы, что лучшего и желать нельзя. У меня будет опытный помощник и полная свобода вести работу так, как я сочту нужным. В Батавии к нам, вероятно, присоединится натуралист, а возможно, и астроном.

Беатриса слушала, и ком стоял у нее в горле. Бедный Уолтер!

Обездоленный, все потерявший, он, точно искалеченный ребенок, тешит себя сказками о том, что могло бы быть...

– Сладкие мечты, – сказала она и погладила его руку.

– Почему же мечты?

Ее рука дрогнула и замерла.

– Неужели ты всерьез думаешь ехать, Уолтер? Милый, посмотри на себя в зеркало. У тебя нет сил для такого путешествия.

– Пока нет, а через год почему бы и не поехать? Я ведь не болен, просто очень утомлен. И в моем распоряжении целых десять месяцев, чтобы набраться сил и привести в порядок мою работу о корнуэллском наречии, тогда в случае моей смерти Тэйлор сможет довести ее до конца.

– Это невозможно, Уолтер! Спроси любого врача.

– Я уже списался с доктором Терри. Он советует ехать, если мне этого уж очень хочется.

Она опустила глаза. Ресницы у нее были длинные, за ними никто не разглядел бы ее мыслей. Чуть погодя она спросила самым небрежным тоном, на какой была способна:

– А тебе этого очень хочется?

– Да.

Наступило молчание, в душе отзвучал и медленно замер звон погребальных колоколов.

Она снова услышала голос Уолтера:

– Доктор Терри все понимает. Он знает, что для меня самое лучшее уехать подальше. В южных морях меня не будут преследовать никакие призраки.

– Только дикари, и пираты, и кораблекрушения, и акулы...

– Только. С этим я охотно мирюсь. И потом... Я никогда не говорил тебе... есть вещи, которые не так-то легко объяснить. Я мечтал об этом всю жизнь.

– О чем?

– О неведомом. О неведомых морях, неведомых землях, никому не ведомых племенах – диких, не тронутых цивилизацией.

– Да, правда... Я помню, когда мы были детьми...

– И до сих пор.

Так вот оно что, думала Беатриса, подавляя дрожь, значит все эти годы такой

тесной дружбы она в сущности почти не знала его. Да и что можно знать о другом человеке? Быть может, у каждого есть свое тайное второе "я", которое он прячет от всех? О ее двойнике никто никогда не подозревал. Вот и у Уолтера есть это второе "я": не полузабытый злобный и смешливый демон, как у нее, а просто дикое лесное существо, запутавшееся, точно в силках, в нравах и обычаях глубоко чуждой ему цивилизации. Невольно она провела рукой по густым, серебрящимся сединою волосам брата, словно искала заостренные, поросшие шерстью уши фавна. Уолтер задержал ее руку.

– Послушай, Би, ты понимаешь, каково это – умирать медленной смертью и вдруг снова вернуться к жизни?

– Я знаю, что значит умереть мгновенно и снова очнуться.

– Я умирал медленно... От удушья. Он все еще не выпускал ее руки.

– Пойми, – продолжал он. – Я оставил всякую надежду. Дважды я упустил случай – один раз это было очень давно, – и никак не думал, что счастье улыбнется мне в третий раз .

– А когда был первый?

– Сразу после смерти папы. Один ботаник отправлялся в Гималаи и хотел взять меня с собой. Я чуть было не поехал.

– Я и об этом ничего не знала.

– Никто не знал, только мама. Она просила не говорить тебе.

– Почему?

– Лорд Монктон предложил рекомендовать меня на дипломатическую службу.

– И мама захотела, чтобы ты отказался от той поездки?

Уолтер опустил голову.

– Это был единственный способ ее успокоить. А, не будем вспоминать, все это позади! Помнишь, Би, как мы играли в каретном сарае в Кейтереме? Я всегда был Колумб, или Магеллан, или Васко де Гама. Не Кортес и не Пизарро мне не нужны были завоевания, я хотел неведомого ради неведомого.

– Чаще всего ты был Магеллан. А я – пират.

– Очаровательный был пират – в фартуке, с разлетающимися косичками, с палкой вместо тесака и прыгал неумоимо. А иногда ты была верным матросом, защищала меня от всех и вся и пищала: «Есть, сэр! Есть, сэр!»

– Так вот когда это началось?

– Еще раньше, ты этого и помнить не можешь. Мне было, наверно, лет пять или шесть, когда папа стал пересказывать мне Одиссею. Многие годы у нас с ним была своя особая жизнь, мы водили друг друга в плавание по морям, которых нет на карте. Но для меня все это было правдой.

– Еще бы! Никто не умел так играть с детьми, как папа.

– Для него это была не игра, это было забвение. Должно быть, и у него было что-то такое в крови. Не совсем то, что у меня, не просто тоска по неведомому. В нем было

что-то неистовое, неугомонное, только он задавил в себе это, запрятал. Мне кажется, его это пугало. Может быть, не женись он на маме...

Значит, и отец... А она-то думала, что так хорошо его знает.

– Неистовый и неугомонный, – повторила она, – Я никогда не замечала в нем этого. Он всегда был сама кротость.

– Я видел его таким лишь однажды, какое-то мгновенье. Мы тогда читали «Вакханалии».

– А, понимаю. Мне он не позволял их читать. Я прочла их уже после его смерти, вместе с другими запретными книгами. – Беатриса улыбнулась. – Папа считал, что если женщинам когда-то и приходила охота убежать в горы и танцевать нагими в лунном свете, то молодой девушке не следует знать об этом. Он верил в чистоту женской души, верил до самой своей смерти. А ведь он двадцать четыре года прожил с мамой. Непостижимая штука – ум человеческий.

Она поднялась, подошла к окну, отдернула занавеску и посмотрела в сад.

По лужайке прыгал дрозд в поисках червей. Их, наверно, полным-полно: только что прошел дождь. Уолтер еще что-то говорил, но она больше не слушала. В ушах ее опять звучал озабоченный голос лондонского врача.

– Поскольку вы так настаиваете, миссис Смит, – разумеется, я понимаю, что это не настоящее ваше имя, – я вынужден сказать, что если и делаю для вас исключение, то весьма неохотно. В таких случаях пациент отнюдь не должен знать правду. Но, принимая во внимание семейные обстоятельства и ответственность, о которой вы мне говорили, а также если мне позволено будет сказать, принимая во внимание ваше мужество, я должен признать, что это случай не совсем обычный... Да, боюсь, сделать ничего нельзя... Сколько времени это продлится? Года два, я думаю, может быть чуть больше; но последний год будет... Должен вас огорчить, вам не долго еще удастся сохранять это в тайне. Вам и сейчас следует больше щадить себя. Неужели вы и в самом деле ни одному человеку не можете сказать правду?

Да, не могу. Кроме Уолтера, никогда, и никому ничего нельзя было рассказать. А он уезжает в южные моря.

И нечего стоять тут дура душой. Он догадается, что с нею что-то неладно, а он не должен знать... не должен.

А почему бы не сказать ему? Если он уедет, его убьют – и все.

"Ну конечно. А если ему сказать, он останется. И незачем говорить такие страшные слова – рак... Довольно малейшего намека, и он останется.

И упустит такую счастливую возможность? Единственную. последнюю. Мама обокрала его в первый раз, Фанни во второй...

Ну конечно. Почему бы и нет? Это совсем в духе семейных традиций".

Вот дрозд наконец нашел червяка – отличного, толстого. И тащит его из земли дюйм за дюймом, то дернет, то рванет... Приятно, должно быть, червяку.

Уолтер замолк. Он неожиданно подошел, обнял ее.

– Хорошая моя, я знаю, ты будешь тосковать. Мне так жаль...

Тут он увидел лицо сестры и крепко сжал ее плечи.

– Не смотри так, Би! Родная, лучше я откажусь. Только бы...

Она топнула ногой.

– Опять самопожертвование! Не хватит ли? – Глаза ее сердито сверкнули.

– Не забудь, у меня есть еще и Артур. Ты только подай ему пример, и он тоже выпустит из рук свое счастье, лишь бы Глэдис не скучала без него. Думаешь, мы с ней скажем тебе спасибо? Хватит нам и одного святого в доме!

Уолтер испытующе смотрел на нее.

– Я ведь еще не написал о своем согласии.

– Так пойдя и напиши, и покончим с этим.

– Нет, сперва поговорим начистоту, Би. Я хочу знать правду. Ты в самом деле хочешь...

Она рассмеялась, пожалуй чересчур громко.

– Если уж тебе угодно знать правду, пожалуйста: я хочу, чтобы ты хоть раз в жизни сделал что-нибудь просто для собственного удовольствия. Ты будешь счастлив, а важнее счастья ничего нет на свете.

Уолтер покачал головой.

– Не верю, что ты так думаешь, вся твоя жизнь доказывает обратное.

– Ас чего ты взял, что я довольна своей жизнью? – вскинулась Беатриса.

– Да, в свое время я бог весть что натворила, но...

Она тут же испугалась слишком откровенного признания и поспешила заговорить о другом:

– Гольбах прав. Церковь, религия, нравственные законы сделали человечество преступным и отвратительным, и все потому, что они сделали его несчастным. Душа человека расцветает от счастья, как трава зеленеет в солнечных лучах. Взгляни на Глэдис!

Она вдруг стала очень серьезна.

– Это очень мудро, Уолтер, это единственное, чему меня научила жизнь. Я не верю в бога, я и в дьявола больше не верю, но я верю, что каждый человек имеет право быть счастливым. Смотри же, чтобы никто не отнял у тебя твоего счастья.

Она опять засмеялась, притянула к себе его голову и поцеловала в макушку.

– О вкусах не спорят! Если тебе очень хочется, чтобы тебя подали под соусом какому-нибудь людоедскому вождю, поезжай, пожалуйста, превращайся в жаркое и будь счастлив. Но до тех пор, во всяком случае, оставайся у нас. За это время ты наберешься сил, у Глэдис еще целый год будет хороший учитель, и всем нам будет приятно, что ты с нами. А когда ты вернешься... если вернешься...

Он снова крепко обнял ее.

– Ну конечно я вернусь. И знаешь, что мы тогда сделаем? Слушай, Колибри.

Так прозвал ее отец, когда она была совсем маленькая. В ту пору он еще видел, и

легкие, грациозные движения девочки напоминали ему эту крохотную птичку.

– Да?

– Дай сроку три года, ну, скажем, четыре для верности. Глэдис будет уже восемнадцать. И уж можешь не сомневаться, из нее выйдет весьма энергичный самодержец. Мы передадим ей бразды правления и сбежим только вдвоем, ты да я. Устроим себе каникулы на целых полгода, а куда сбежим, угадай. Объездим все греческие острова. Повидаем все места, которые так любил папа. Разве тебе не хочется поглядеть на Лемнос и на пещеры Сирен?

И на воды Стикса... Она прижалась щекою к его волосам. Что ж, Глэдис, наверно, понравится Эгейское море. Они будут там утешать друг друга.

Она опять поцеловала Уолтера в макушку; потом снова засмеялась, на этот раз совершенно естественным смехом, и легонько оттолкнула его.

– По рукам. А теперь, Уоткин-Магеллан, ты меня пусти, мне надо потолковать с кухаркой. Генри собирается в Стратфорд разузнать насчет дорогого его сердцу турнепса, мистер Юнг прислал ему семена в обмен на молоко, а я тут болтаю с тобой, вместо того чтобы составить список покупок.

Вот напиши-ка им о своем согласии, пока Генри не уехал, тогда письмо успеет к почтовой карете и ты не потеряешь еще неделю понапрасну. Хватит тебе полчаса? Генри скорее заставит ждать самого епископа, но только не лошадь.

ГЛАВА IX

Прочитав ответ Повиса на приглашение приехать в Бартон, Уолтер удивленно улыбнулся.

– Невозможно попятить этого чудака. Я писал ему, что останусь здесь до самого отъезда в экспедицию, и что вы с Генри очень его ждете, и что ты просила передать ему, что будешь ему рада в любое время, и приложил жалованье за три месяца. А он вернул деньги с короткой и не слишком любезной запиской: он, видишь ли, нашел место кондитера в каком-то лондонском трактире и заявляет, что может и сам о себе позаботиться, пока я не соберусь в дорогу. О том, что мы звали его сюда, он даже не упоминает.

Оставшись на какую-то минуту наедине с Артуром, Беатриса рассказала ему об отказе Повиса приехать. Она помогала мальчику укладываться в дорогу.

– Как по-твоему, Артур, может быть Повису неприятно видеть нас с тобой, потому что мы знаем, что он сделал?

– Я думаю, он потому не хочет приехать, что дядя Генри ничего не знает.

Ему, наверно, кажется, что нечестно приезжать сюда. И потом, тетя Беатриса, по-моему...

Он остановился.

– Что же?

– По-моему, Повис... обижается... ужасно обижается. Жалко, что дядя Уолтер так

плохо его понимает.

– Не жалею. Тогда он догадался бы, и это было бы страшное несчастье.

Дяде Уолтеру и без того нелегко.

Мальчик кивнул.

– Да, но Повис... Какая, должно быть, мука так любить.

Тетя Беатриса, я не хочу знать, что он вам сказал, но... что вы сами подумали?

– Я ничего не думала. Я увидела.

– И я тоже, – прошептал он.

– Что же ты увидел, Артур?

– Я... не знаю. А вы?

– Я увидела, что добро и зло неразделимы. – Она прикрыла глаза рукой. – Трудно объяснить. Что-то перевернулось во мне. Понимаешь ли... наши поступки только символы, сами по себе они ничего не значат. Наши побуждения – вот что важно. – Она опустила руку и покачала головой. – Боюсь, это звучит невнятно.

Но я не знаю, как сказать яснее.

Он молча кивнул и взял с полки «Vita nuova». ¹⁸

– Можно?

– Бери что хочешь. Но эта книга, наверно, есть у д'Аллейров. Отец Жилия был большим знатоком Данте.

– На этом экземпляре есть пометки.

– Твои?

– Совсем мало, и карандашом. Я сейчас же сотру, если хотите. Они только в конце, на чистой страничке. Беатриса взяла у него из рук книгу.

– Да это стихи! А прочесть нельзя?

– Вам можно.

Она села и прочла набросанные карандашом строки.

– Артур, – спросила она не сразу, – давно ты сочиняешь стихи?

– С тех пор, как... уже много лет. С того раза в Каргвизиане, когда я сидел над алгеброй. Тогда я думал, что это грех.

– «Дьявольское искушение». Надеюсь, ты недолго так думал?

– Ну конечно.

– Ты никогда не говорил мне, что пишешь. Я тебя чем-нибудь обидела или просто ты стеснялся?

Артур смущенно опустил голову.

– Они были... не так хороши, чтоб вам показывать. И потом... некоторые были о

¹⁸ «Новая жизнь» (итал.).

вас.

– Обо мне?

– Да... Что вы пришли, точно ангел, отворяющий двери темницы. Только я всегда сбивался с размера. И потом есть вещи, которые, можно только думать, а сказать нельзя. Никому. Но написать можно, это совсем другое... Понимаете?

– Понимаю, Итуриэль.

Артур вскочил, захлопал в ладоши.

– Наконец-то! Вы меня уже один раз так назвали, давно– Давно, помните? И я никак не мог вспомнить это имя, помнил только, что оно в четыре слога и кончается на «эль». Итуриэль... как красиво! Что это значит, тетя Беатриса?

Звучит так, как будто это из Ветхого завета, но там я такого не помню.

– Загляни в «Потерянный рай». Впрочем, ты и тогда вряд ли поймешь, почему это имя так подошло тебе. Но боюсь, я не сумею объяснить.

Глэдис отнеслась к предстоящей разлуке с Артуром гораздо спокойнее, чем ожидали ее мать и дядя. Она была явно огорчена, но при этом удивила их своим самообладанием и здравым смыслом.

– Я рада, что он едет, – сказала она. – Тут все воображают, что на него можно смотреть свысока, потому что он когда-то не умел правильно говорить, а он привык и все терпит, и это для него очень нехорошо. Теперь он говорит лучше других, да только они этого и понять не могут. А когда он вернется из Франции, он поставит себя по-другому.

Зима в Бартоне прошла без всяких событий. Здоровье Беатрисы вынуждало к тихой, размеренной жизни, и хоть силы Уолтера понемногу прибывали, он тоже еще должен был беречь их.

Не спеша и не утомляясь, он успевал многое сделать: занимался с Глэдис, приводил в порядок материалы, собранные за годы жизни в Корнуэлле, готовился к экспедиции.

Письма Артура из Франции и письма о нем Жилия отрадно было читать. Артур жил деятельной, богатой впечатлениями жизнью и, по-видимому, был совершенно счастлив: он усиленно занимался, но при этом еще и ездил верхом, лазил по горам, слушал невиданных ранее птиц и заводил дружбу с жителями горных селений. Тетя Сюзанна, вся родня Жилия, старые слуги, прожившие в доме д'Аллейров долгие годы, – все полюбили его. Он, видно, вполне освоился в этой простой и аристократической семье, среди людей, живущих скромно, почти бедно, хорошо знакомых с суровым трудом, но при этом полных достоинства и высокообразованных, – никогда он не чувствовал себя так хорошо и легко среди уорикширских сквайров.

– Среди нас он всегда был точно изгнанник, – сказала Беатриса брату.

– Только не с тобою и не с Глэдис.

– Глэдис просто спасла все. Даже подумать страшно, чем бы это кончилось, если бы не она. Гарри всегда старался изо всех сил, потому что сознавал свой долг перед Пенвирном и не хотел огорчать меня, но он и Артур слишком разные люди.

– Несомненно, и он и Дик чувствовали, что их отцу неприятно присутствие Артура

в Бартоне, хоть он этого не сознает, – заметил Уолтер. – Как по-твоему, прошло это у Генри? Я знаю, он очень старался быть мальчику отцом.

– Он всегда был более чем великодушен, – ответила Беатриса. – С самого начала он делал все возможное, чтобы Артур чувствовал себя как дома. Но в глубине души...

Она вздохнула.

– Ему это тяжело. Он не в силах понять. Он видит, как помогло мне присутствие Артура, а ведь он хочет мне добра. Ему и в голову не приходило, что он ревнует, а между тем это именно ревность. Не за себя, я думаю, но за Бобби. Целый год он терзался страхом, что я никогда не оправлюсь после смерти Бобби. А теперь – в глубине души – боится, что оправлюсь. Если б он знал...

– Ты у меня мудрая, Би, но на сей раз ты ошибаешься. Он ревнует не из-за Бобби.

– Ты хочешь сказать... это он из-за себя?

– Артур ему не сын.

– Бобби тоже не был ему сыном, разве что по крови. Бобби был настоящий Риверс; из него никогда не вышел бы Телфорд.

– Если бы Бобби был жив. Генри, может быть, со временем и убедился бы в этом. А теперь он, по-моему, понимает только одно: что Артуру открыта та часть твоей души, куда сам он никогда не имел доступа.

– Уоткин... тебе она тоже открыта.

– Ну, братья не в счет. Со мной Генри с самого начала примирился. А вот Артур ставит его в тупик. Он чувствует себя отстраненным. А ведь он любит тебя.

Беатриса закрыла лицо руками.

– А я вышла за него не любя, даже не уважая, с одним только... отвращением.

Она уронила руки на колени.

– Странно мы созданы, правда? Я говорила себе, что для него в этом нет беды, лишь бы он ничего не узнал. Вот если бы я любила другого и принадлежала ему и скрыла это, тогда позор! Но не любить никого... родить детей, так и не узнав любви... это хуже прелюбодеяния, это кощунство. Я этого не понимала. Я думала, что чувство долга... я относилась к моим детям, как велит долг.

– Только не к Бобби.

– Теперь я и к остальным чувствую не только это. Я отчасти искупила свою вину перед детьми, по крайней мере перед Гарри и Глэдис. Я могла бы полюбить и Дика, позволь он мне любить его. Но моя вина перед Генри неискупима; он был способен на большее. Я слишком мало спрашивала с него, да и с жизни... А теперь на него, беднягу, находят приступы покаянного настроения, и он воображает, что это он мне не верен, потому что никак не может держаться подальше от какой-то глупой бабенки из Хенли. Сколько шуму мы поднимаем из-за физической измены, как будто это самое важное! Помнишь, Уолтер, как страшно сказано в нагорной проповеди о человеке, который назовет брата своего безумным? Она провела рукой по глазам.

– Геенна огненная... Я уже прошла через нее. А вот жизнь Генри загублена безвозвратно. Теперь, когда я оглядываюсь назад, я понимаю, что он в юности был

такой же, как Гарри, – чистый, доверчивый мальчик.

Она помолчала немного, потом снова заговорила:

– Помнишь, ты как-то сказал мне, что Элоиза научила тебя не быть жестоким? Так вот, Артур научил меня не презирать ни одной живой души.

Наверно, ангелы тем и отличаются: они заставляют людей преобразиться, просто приблизившись к ним. Но я научилась этому слишком поздно.

– Для детей не поздно. Ты их прекрасно воспитала, родная.

– Разве? И Дика тоже?

Уолтер помедлил с ответом.

– Не знаю, есть ли на свете человек, который мог бы хоть чем-нибудь помочь Дику. Правда, я почти не видел его с тех пор, как он был совсем малышом, только те две недели в Каргвизиане да еще последние рождественские каникулы. Но оба раза у меня было одно и то же чувство. Удивительная вещь: он и не глуп, и внешне очень хорош, самый красивый из детей, – но чего-то ему не хватает или, может быть, что-то в нем не получило развития. Может быть, это еще проявится когда-нибудь; старайся не отчаиваться, Би.

– Я стараюсь, – устало ответила она.

Ничто так не мучило ее, как безуспешность всех ее попыток найти общий язык с Диком. На рождество он приехал домой, но как-то неохотно. Ясно было, что он предпочел бы принять приглашение своей тетушки Эльси; траур ее кончился, и она превесело проводила зиму в Лондоне. Дома Дик был вполне мил и доброжелателен, по крайней мере с матерью и дядей, и старался не слишком показывать, как ему приятно отсутствие Артура. Он уже не выставлял напоказ, как два года назад, свое презрение к отцу и не ссорился с Гарри и Глэдис, но все-таки атмосфера в доме была напряженная, и все вздохнули с облегчением, когда Дик уехал в колледж св. Катберта на последний семестр. В апреле ему исполнялось восемнадцать лет, и надо было решить его дальнейшую судьбу.

– Может быть, поступишь в Оксфорд? – спросил Генри. – Теперь это вполне возможно, если тебе хочется, раз Гарри решил бросить ученье. Но тогда пора об этом подумать.

Гарри сам сделал выбор. На пасхе он выйдет из университета поселится дома и будет изучать сельское хозяйство. Не приходилось сомневаться в том, что он выбрал разумно: Оксфорд ничего ему не дал. Сельская жизнь ему по душе, он с удовольствием будет целые дни проводить с отцом. И трогательно было видеть, как он радовался, что может наконец помочь матери.

– Гарри придется обождать с тем чистокровным охотничьим жеребчиком, прибавил Генри, – и, пожалуй, я еще года два не стану огораживать выгон. Но мы оба ничуть не против, сынок, если только ты и впрямь хочешь учиться дальше.

Ответ Дика был для него точно холодный душ.

– Право, сэр, я не думаю, чтобы это дало мне какие-то преимущества.

Гарри, разумеется, дело другое: он наследник. Это неплохо звучит, даже если... Но младшему сыну нужно служить, а я не думаю, чтобы из меня получился учитель или

священник. Я предпочел бы пойти в армию, если вы можете достать мне патент на чин в приличном полку... Может быть, я мог бы поехать с Денверсом в Индию.

Генри обсудил это с женой и шурином. Он был удручен.

– Понятно, я могу купить ему патент на офицерский чин: но что толку?. Я ведь не смогу постоянно его содержать. Ни один офицер не проживет на свое жалованье, как подобает джентльмену. Да, конечно, доходы с Бартона позволяют посылать ему скромную сумму, в пехоте он просуществовал бы прилично. Но больше давать нам не под силу, а ему, видно, хочется в кавалерию. Кажется, он воображает, будто мы можем давать ему столько денег, сколько Монктоны дают своим сыновьям. Он не понимает, что наши средства ограничены. А тут еще придется года четыре содержать Артура в Оксфорде, да налоги, да столько всяких расходов... а времена сейчас трудные.

По окончании лондонского сезона Эльси, проездом в Уорчестершир, где она сняла домик на лето и осень, завернула в Бартон повидаться с Уолтером, пока он еще не уехал в дальние края. Прошло почти пятнадцать лет с ее отъезда в Индию, и вот теперь она впервые навещала родных. Когда она вернулась в Англию, ее радушно приглашали приезжать в любое время, но она всякий раз находила какую-нибудь отговорку. Да и чем мог ее привлечь тихий деревенский дом, поставленный отнюдь не на широкую ногу, которым правила вечно больная Беатриса. И вот она явилась: изящная, неискренняя, одетая с изысканной роскошью и щедрая на изъявления нежных чувств, ибо того требовали приличия.

Она все еще была удивительно хороша, но прелесть шаловливого котенка, отличавшая ее в юности, обернулась каким-то жадным нетерпением, которое заставляло вспоминать о ее матери. Никогда еще Беатриса не чувствовала так ясно, что Эльси ей сестра лишь наполовину. В ней не было ничего от Риверсов.

Глэдис, в которой еще оставалось столько мальчишеского, с детскими руками в царапинах и разметавшейся по плечам рыжевато-каштановой гривой, по-прежнему упрямо ходившая в простых башмаках и полотняных блузах, немало удивила тетю своим видом. Все же Эльси попыталась завязать с нею дружбу, а потерпев неудачу, отнеслась к этому вполне добродушно.

– Пустяки, Би, – сказала она, когда сестра стала извиняться за невоспитанность девочки. – Я и сама была сорванцом в ее возрасте. Через годик-другой она отделается от этой грубоватости и станет очаровательной девицей. Когда она научится выставлять в выгодном свете то, что у нее есть хорошего, она будет просто красотка. Волосы у нее и сейчас великолепны.

Беатриса рассмеялась.

– Хоть бы она для начала научилась ухаживать за ними не хуже, чем за хвостом своего коня! Пока что Глэдис совершенно равнодушна к своей наружности. Когда-то она решила, что курносый нос несовместим с красотой, и направила все свое внимание на другие предметы.

– Но она вовсе не курносая.

– Не такая, как в детстве. Братья ее этим дразнили, когда она была маленькая, и она всегда очень мило это принимала, как некое неизбежное зло.

Мы так привыкли считать ее курносой, что и не заметили, как с годами профиль у

нее стал лучше. Конечно, у нее нос никогда не будет таким изящным, как у тебя или таким аристократическим, как у нашего Уолтера, но бывают носы и похуже.

– Послушайте, – сказал Уолтер, – ну стоит ли волноваться из-за носа при таких глазах?

В последнюю неделю пребывания Эльси в Бартоне приехал из школы Дик, и тотчас как хозяевам, так и гостям стало дышаться легче. Дик явно нравился тетке, а родители давно уже не видели его таким веселым и дружелюбно настроенным. Уезжая в Уорчестершир, Эльси пригласила туда на две недели обоих племянников.

Дик согласился с нескрываемой радостью, Гарри же заколебался.

– Ну конечно мне было бы очень приятно у нее погостить, – сказала он матери. – Это в поместье лорда Кроу, в Суинфорде. И тетя Эльси, кажется, с ним хорошо знакома; она говорит, что нас непременно пригласят поохотиться. Это было бы просто чудесно – участвовать в большой охоте в таком имении.

Суинфорд ведь огромное поместье, почти как у Монктонов. Тетя Эльси очень добра, что хочет доставить нам такое удовольствие. Но ведь как раз в это время уезжает дядя Уолтер, и Глэдис будет очень скучать, пока Артур не вернется. Понимаешь, ее ведь не пригласили. Может быть, лучше Дику поехать одному. А я бы остался с Глэдис... и с тобой... И потом... нужно, чтобы кто-то был с папой, пока не вернулся мсье Жиль.

Беатриса ласково похлопала сына по руке.

– Это очень мило с твоей стороны, дружок, но я предпочитаю, чтобы ты поехал. Дома у нас сейчас не слишком весело, и Глэдис не захочет, чтобы ты отказался от такого удовольствия. А папа с нею считается больше, чем с кем бы то ни было из нас. Что же до меня, ты больше всего поможешь мне, если поедешь с Диком и присмотришь за ним. В Суинфорде, надо думать, соберется весьма веселое общество, а Дик у нас пока еще не слишком взрослый и разумный. Мне за него будет спокойнее, если и ты поедешь. Он обещал быть осторожным за картами и не держать крупных пари. Но он и не заметит, как увлечется, а мы сейчас никак не можем позволить себе какие-либо неожиданные расходы.

– Что ж, мама, – сказал Гарри, – если тебе этого хочется, я, конечно, рад буду поглядеть на Суинфорд.

Неделю спустя Уолтер выехал на Яву. Повис встретил его в Плимуте, непроницаемый, как всегда; оказалось, что он поступил стюардом на корабль экспедиции (как он этого добился, известно было ему одному). Артур и Жиль на обратном пути из Франции заехали в Плимут, проститься.

Вскоре после отъезда Уолтера Гарри вернулся из Уорчестершира; он был один и явно чем-то очень расстроен. На расспросы отца он отвечал уклончиво.

Нет, ничего не случилось. Никто ни с кем не ссорился; тетя Эльси была очень, очень добра. Просто ему захотелось домой.

– А Дик что же?

– Дик ни за что не хотел пропустить большую охоту в Суинфорде. Он вернется на той неделе.

– Я думал, ты и сам захочешь участвовать в такой охоте. И вообще непонятно, почему было не дождаться его и не поехать вместе; а так получается двойной расход.

– Нет, сэр. Один из гостей будет возвращаться через Хенли, и он предложил подвезти Дика в своей карете.

– По-моему, это все-таки странно, – заметил Генри. Ответа не последовало, и, поворчав еще немного, он оставил этот разговор.

Беатриса не задавала никаких вопросов: она знала, что сын в свое время сам придет к ней. Вечером он приоткрыл дверь ее спальни.

– Можно к тебе, мама?

– Конечно, милый. Возьми стул и садись поближе. Вот так. А теперь расскажи, что тебя тревожит.

– Мама, я не хочу... Это не мое дело, но... Я просто не мог больше там оставаться! Мама... она хочет выйти замуж за лорда Кроу.

– Я так и думала, что когда-нибудь она опять выйдет замуж, – сказала Беатриса. – Ничего удивительного тут нет. Она была замужем всего тринадцать лет, и Филипп Денвере был ей не слишком хорошим мужем.

– Я знаю, но... за такого ужасного старика! Ты его когда-нибудь видела, мама?

– Нет, знаю только, что он, должно быть, уже очень стар.

– Ему шестьдесят.

– Да, между ними большая разница. Но ведь и тетя Эльси не так уж молода. Ей тридцать семь, а вдовы средних лет часто выходят замуж за мужчин почтенного возраста.

– Тут дело не в возрасте. Он... мама, она выходит за него ради Суинфорда.

Беатриса помолчала минуту. Юные души чувствительны, надо быть осторожнее и не ранить мальчика цинизмом.

– Люди женятся и выходят замуж по самым разным соображениям, – сказала она, – в этих делах трудно судить друг друга. Когда ты женишься, ты, вероятно, женишься по любви; такая у тебя натура. Но тете Эльси для счастья нужно другое. В Индии она привыкла играть видную роль, привыкла к толпе слуг, к роскоши, к обществу раджей, – и, вероятно, ей трудно теперь превратиться в обыкновенную скромную вдову без особых средств и без всякого положения. Я думаю, случись ей выйти за бедняка, она никогда не была бы счастлива. Суинфорд, должно быть, для нее много значит.

– Но, мама, ты знаешь про его сына?

– Я знаю, что у него есть сын и наследник. Он, должно быть, уже взрослый.

– И даже немолодой... ему, наверно, столько лет, сколько ей. И он не умеет говорить... только бормочет. Он самый настоящий идиот... от рождения.

Его приходится держать взаперти. Мы его видели, мама. Она сказала, что мы...

Мы теперь «свои люди». Ох, мама, он просто ужасный. Как она может пойти на такое? Как она может? – Его передернуло. – Дик считает, что я глуп, но я просто не мог

там оставаться. Не мог! И... мама...

– Да?

– Она хочет, чтобы Глэдис была подружкой на свадьбе. Пожалуйста, мама, не позволяй этого. Тетя Эльси пускай делает, что хочет. Она взрослая и может сама о себе позаботиться. Но я не желаю, чтобы этот старик дотрагивался до моей сестры.

– Хорошо, – сказала Беатриса. – Спасибо, что ты меня предупредил.

ГЛАВА X

На следующей неделе вернулся Дик. Он тоже привез какую-то новость, но сообщить ее своим домашним у него явно не поворачивался язык. Правда, в нем смущение боролось с чем-то похожим на торжество.

– Ну-с, – начал Генри на следующее утро, – пора нам поговорить о твоём вступлении в армию. Я уже обсудил это с твоей матерью и дядей. Если ты непременно хочешь стать солдатом, я сделаю для тебя все, что могу. Но только не обманывай себя: если ты и поедешь в Индию с Фредди Денверсом, то не очень-то сможешь водить там с ним компанию. Он будет в кавалерии, запанибрата со всякими раджами и генералами, а ты – младшим офицером в пехоте, и у тебя только и будет, что твое жалованье, да мы будем присылать понемножку. И не забудь, надежды на повышение очень мало, разве что тебе повезет и ты отличишься в бою. Но все равно, если ты этого непременно хочешь, мы попробуем.. .

Дик сидел и слушал, и затаенная улыбка дрожала в уголках его губ.

– Вам не о чем беспокоиться, сэр, все устроено. Лорд Кроу намерен усыновить меня, и он купит мне патент в любом полку, по моему выбору.

– Усыно... Генри задохнулся.

– Да, сэр. Он хочет, чтобы я стал его сыном. Он поручил мне вам передать, что, если вы согласны, он через геральдическую палату испросит разрешения его величества, и тогда будет составлена бумага по всей форме закона.

Минута прошла в гробовом молчании.

– Стал... его... сыном, – медленно повторил Генри. – Да разве ты... не наш сын?

– Ну разумеется, сэр. Но ведь вы и сами понимаете, это необыкновенная удача.

– Дик! – в ужасе закричал Гарри. – Неужели ты будешь называть этого мерзкого старика отцом? Это же...

Дик пожал плечами.

– Наследник-то ведь ты, а мне привередничать не приходится.

Генри поднялся.

– Есть там кто-нибудь, кого ты собираешься называть матерью?

– Ну конечно – тетя Эльси. Она это все и придумала. Она скоро станет леди Кроу, свадьба назначена на Михайлов день. Право, сэр, вы, кажется, думаете...

Протянув дрожащую руку, Генри остановил его.

– Я думаю... Я думаю, что мой дорогой отец, наверно, перевернулся в гробу. Чтобы мне пришлось услышать, что мой сын пожелал отречься от родной матери... от матери, которая...

Дик тоже вскочил. Он всегда был образцом юной мужественной красоты, – а сейчас, когда так гневно сверкали его глаза и так гордо вскинута была голова в огненных кудрях, с него можно было писать мятежного юного викинга.

– Ах, ради всего святого, хватит, сэр! Что толку в этих разговорах? Я ничего не имею против мамы, да и против вас тоже. Но давайте же смотреть правде в глаза: вы не можете дать мне то, что мне нужно, а когда это хочет сделать кто-то другой, вы подымаете целый тарарам! Я-то думал, вы обрадуетесь, что я устроен: младшему сыну не на что особенно надеяться. Вам хорошо, вы были единственный сын. И Гарри – дело другое. А я должен сам о себе позаботиться. Даже если бы...

– Мама! – Глэдис вскочила и кинулась к Беатрисе. Беатриса точно застыла. Все время она сидела прямая и неподвижная, точно статуя, стиснув руки, сложенные на коленях. Когда дочь коснулась ее плеча, она медленно поднялась и повернулась к двери.

– Ничего, Глэдис. Мне хочется немного побыть одной.

Она вышла из комнаты, странно касаясь рукою стен и стульев, словно вдруг ослепнув. Муж и дети провожали ее взглядами, пока за нею не закрылась дверь. Потом Генри тяжело опустился на стул и обхватил голову руками.

Весь день Беатриса почти не выходила из комнаты. Изредка до ее слуха слабо доносились отзвуки битвы, потрясавшей дом, но в сознание они не проникали. Она ни о чем не думала, ей хотелось одного: укрыться с головой, никого не видеть, остаться одной в темноте.

Среди дня Дик столкнулся на лестнице с сестрой.

– Зайди ко мне, пожалуйста, – сказал он. – Мне надо с тобой поговорить.

Глэдис молча прошла за ним в его комнату, но осталась стоять.

– Послушай, сестренка, – начал Дик. – Так не может продолжаться. Отец и Гарри подняли такой шум, как будто я украл церковную кружку! Что за преступление, если человека усыновят? В нашей семье уже усыновляли, был такой случай. Если папа с мамой могли взять Артура у его родителей, почему бы мужу тети Эльси не взять меня к себе? Надо же рассуждать разумно. Ты, кажется, единственный человек в доме, не лишенный здравого смысла, может быть ты...

– Чего ты от меня хочешь?

– Да просто поговори с ними и попробуй им втолковать, что они все это поняли как-то шиворот-навыворот. Господи боже мой, можно подумать, будто я сделал маме что-нибудь плохое! Разумеется, я люблю маму так же, как все вы.

И я прекрасно отношусь к папе и к Гарри, а вот они вечно ко мне придираются.

И ты мне всегда нравилась, хоть ты и злючка. Но в конце концов мир так устроен, что приходится быть практичным. И потом как будто я хочу совсем порвать с ними! Конечно нет, я все равно буду приезжать и навещать их. Тут просто юридическая

формальность. Я, со своей стороны, очень признателен старику. Пойми, Глэдис, ты одна можешь все это уладить.

– Что уладить?

Дик сел.

– Дело вот в чем. Лорд Кроу хочет, чтобы я принял его фамилию и носил его герб. Я все равно буду младшим сыном... во всяком случае пока жив наследник; у него ведь есть сын. Но он меня обеспечит. Только я еще несовершеннолетний, поэтому он не может меня усыновить без согласия папы, а папа твердит одно: что он ни за что не подпишет бумаги. И теперь еще Гарри подбивает его написать лорду Кроу резкое письмо. Тогда, конечно, все пропало. Кроу разобидится и откажется от усыновления. Если он очень разозлится, он, пожалуй, и помолвку разорвет и оставит тетю Эльси ни с чем, а ведь такая удача бывает раз в жизни, глупо ее упустить. Неужели ты не понимаешь?

– Нет, я понимаю.

– Ну вот, видишь ли, отец тебя всегда слушается. Постарайся ему объяснить, что это просто нехорошо – испортить мне будущее. Ты всегда была его любимицей. Да нет, я ничего не имею против, я вовсе не ревную. Но если бы ты повлияла на него... Я бы попросил маму, только не хочу ее расстраивать. Слушай, Глэдис. Если ты сможешь мне уломать отца, я попрошу тетю Эльси, чтобы ты была ее подружкой на свадьбе вместе с леди Анджелой.

Это дочь герцога, твоя ровесница. Вы будете одинаково одеты и получите одинаковые подарки. Герцогиня тоже там будет, и, может быть, тебя даже пригласят в Четуинд. Да что с тобой, что ты на меня так смотришь? Как будто я прошу тебя сделать что-то плохое!

Глэдис все смотрела на него в упор.

– Дик, – тихо сказала она, – два года назад, когда я дала тебе пощечину, мама взяла с меня слово больше этого не делать. Так что я не имею права тебя ударить. Но ты можешь считать, что получил пощечину.

Она еще дышала чаще обычного, когда вошла к матери. Беатриса подняла на нее потускневшие, безжизненные глаза. Глэдис заговорила не сразу:

– Мама, я должна тебе кое-что сказать. Ты меня извини.

– Что, детка?

Голос Беатрисы звучал, как всегда. Она уже овладела собой, и если ее ждет новое несчастье – что ж, она готова.

– Сейчас со мной говорил Дик. Не спрашивай, что он мне говорил, я тебе все равно не скажу.

– Поди сюда, девочка.

Глэдис хмуро повиновалась, и мать обняла ее. Но она стояла точно каменная, не отзываясь на ласку.

– Ты меня не утешай, я плакать не собираюсь. Но я больше никогда не буду разговаривать с Диком. Никогда, до самой смерти!

Мать притянула ее к себе, погладила по волосам. Девочка стиснула зубы и вдруг заплакала навзрыд.

– Мама, ты же знаешь, мы все не такие, как он, – Гарри, и Артур, и я.

Ты ведь не думаешь, что мы тебя бросим? Ты знаешь, как мы тебя любим.

– Да, я знаю. И не надо так плакать, родная. У тебя остались еще два брата.

Она крепко прижимала к себе девочку, стараясь успокоить ее. Надо будет успокаивать и Генри, и Гарри тоже. А вот для нее нет утешения. И еще предстоит разговор с Диком...

Он пришел к ней вечером – сердитый, обиженный, сбитый с толку; он решительно ничего не понимал.

– Можно с тобой поговорить, мама?

– Входи, Дик... Нет, у меня не болит голова. Садись, милый, и обсудим все спокойно... Нет, отчего же, я не сержусь. Да и за что сердиться? Я хочу только одного: чтобы все было сделано так, как будет лучше для тебя.

Он со вздохом сел подле нее, в этом вздохе слышались и досада и облегчение.

– До чего приятно говорить с человеком, который с первой минуты не кидается на тебя, как бешеный. Сегодня все точно с ума посходили – и папа и Гарри... А уж Глэдис! Право же, мама, она просто понятия не имеет о том, как надо себя вести.

– Мне очень жаль, если она погорячилась. Для нее это был большой удар.

И видишь ли, Дик, она любит меня и любит отца.

– Тебя! Да она готова целовать землю, по которой ты ходишь, и отец с Гарри то же самое. Ну что ж, оно и лучше – тебе вовсе незачем особенно горевать обо мне. Будь я у тебя единственный, другое дело. И потом есть еще Артур. По-моему, он тебя обожает ничуть не меньше, чем они. Еще бы ему не обожать. Так что тебе остается трое преданных детей, даже если ты одного уступишь тете Эльси. У нее ведь своих нет.

Беатриса пристально посмотрела на него.

– Скажи, ты и правда думаешь, что тетя Эльси будет любить тебя больше, чем любила я? Может быть, в этом все дело? Тогда ты совершенно прав, что выбрал ее.

Дик засмеялся, немного смущенный.

– Ты чересчур серьезно на все смотришь, мама! Тетя Эльси ко мне очень мило относится... как ко всем, кроме себя самой. Не беспокойся, она никогда никого не полюбит настолько, чтобы страдать от этого.

– Дик, я должна понять, почему ты это делаешь. Только потому, что лорд Кроу богаче твоего отца – или потому, что мы... я... обидела тебя или разочаровала? Прошу тебя, скажи мне правду. Это моя вина?

Он нетерпеливо тряхнул головой.

– Конечно, нет, мама. Никто и не думает тебя в чем-то обвинять. Папа через каждые два слова напоминает мне, какая ты всегда была прекрасная мать...

– Но мы с тобой знаем, что это не так.

– Ну, почему же... мне тебя не в чем упрекнуть. Я думаю, во всей Англии не найти

матери добрей тебя. Раньше я вообще не задумывался над этим, но, в сущности, в первый раз ты на меня по-настоящему рассердилась только два года назад, когда мы повздорили из-за Артура. Не помню, чтоб ты когда-нибудь всерьез меня наказывала или ругала, даже когда я был маленький. Бобби от тебя иной раз попадало, а мне нет. Может быть, я был тебе не так уж дорог.

У Беатрисы перехватило дыхание. Вот он опять перед нею, вечно обвиняющий призрак, – так давно он погребен и все снова встает из могилы...

Дик пожал плечами.

– Нет, ты всегда была примерной матерью. Но все равно – знаешь, я не слепой: ни разу ты не поглядела на меня такими глазами, как на Артура. Разве это не правда?

– Правда, сын.

– Тогда... почему бы мне и не воспользоваться случаем, раз уж он подвернулся? Что хорошего впереди у младшего сына самого обыкновенного сквайра? Мама, ты понимаешь, что я, по всей вероятности, унаследую Суинфорд?

– Да ведь там есть наследник.

– Да, конечно, – прыщавый идиот, у которого текут слюни. Мы видели, его кормят кашкой с ложечки. У него ни одного зуба нет. Разве Гарри не рассказывал тебе?

– Рассказывал. Но наследник майората остается наследником до самой смерти, каков бы он ни был.

– До самой смерти. Говорят, этому осталось жить год. ну – два, не больше. Он просто... весь гнилой. Слушай, мама, я хотел бы тебе объяснить, только... это очень трудно. Есть вещи, о которых не говорят с дамой.

– А ты забудь о дамах. Говори со мной, как с мужчиной.

– Можно, мама? Вот это хорошо! Правда, я рад. Но... женщины, конечно, ничего такого не знают.

– Некоторые знают. Можешь называть вещи своими именами.

– Ну, тогда слушай. Лорд Кроу хочет настоящего наследника. И трудно его за это обвинять, когда человек оставляет после себя такое великолепное поместье, а оставить некому, кроме какого-то там троюродного брата, которого он терпеть не может. На этом тетя Эльси его и подцепила. Она так и пышет здоровьем, он надеялся, что у него будут от нее дети, пока он еще не слишком состарился. Ну и, конечно, она очень недурна. Понятно, он предпочел бы, чтобы она была немножко помоложе. А она поспешила с объявлением о помолвке, чтоб он не передумал. Тетя Эльси умница: надо думать, в Индии она многому научилась.

– Возможно.

– Так вот, на прошлой неделе она уговорила его показаться врачу. И врач сказал, что это совершенно невозможно... если даже и будет ребенок, так все равно неживой. Понимаешь, он... болен.

– Понимаю.

– Ну, он был просто вне себя. Тогда тетя Эльси и спросила, почему бы ему не получить разрешение его величества и не усыновить кого-нибудь.

Понимаешь? И вот, когда Гарри уехал, старик отвел меня к доктору и велел раздеться донага... и доктор засмеялся и сказал, что если ему нужны здоровье и красота, так вот они, перед ним. И это все решило.

– Понимаю. И я думаю, ты не оказался бы нам плохим сыном, если бы сначала я не оказалась тебе плохой матерью. Ты согласен со мной?

Дик нерешительно помолчал и, посмотрев на мать, мило и довольно естественно засмеялся.

– Говоря по совести, мама, это ведь ничего бы не изменило. Ну да, правда, мне тошно было видеть, что ты так обожаешь Артура... и, в общем, я его терпеть не мог. Я таких не выношу. Но будь я даже твой любимец и старший сын в придачу, я все равно не упустил бы такой случай. Всякий бы так решил!

В конце концов ну что такое Бартон? Всего-навсего несколько сот акров и довольно милый старый дом. Пусть это все достается Гарри. А я получу Суинфорд. Я, наверно, привожу тебя в ужас, мама?

– Нет, дорогой, ты меня успокоил. По крайней мере ты настолько меня уважаешь, чтобы говорить со мной честно и прямо. Можно и мне говорить начистоту? Ты и представить себе не можешь, Дик, как много лет я старалась полюбить тебя и добиться твоей любви. Теперь, когда между нами все кончено, быть может я могла бы по-настоящему полюбить тебя, потому что мы впервые сказали друг другу правду. Скажи, могу ли я что-нибудь сделать, чтобы облегчить тебе этот шаг?

– Вот если бы ты поговорила с отцом... Он не хочет подписать бумагу о том, что он согласен. Глэдис могла бы убедить его, если бы захотела, но когда я попросил ее, она опять заговорила о пощечине... совсем рассвирепела.

Может быть, ты его уговоришь, мама?

– Попробую.

Он вскочил, весь просияв.

– Мама, ты просто великолепна! Я тебя даже люблю, право! И знаешь, когда я получу наследство... Он долго не проживет, доктор сказал это потихоньку тете Эльси. Когда я стану хозяином Суинфорда, я смогу для всех вас много сделать. Не бойся, я вас не забуду. Я хотел бы втолковать это Гарри и Глэдис.

– Не пытайся это делать, дорогой. Вы только наговорите друг другу злых и обидных слов. Просто уходи и живи своей жизнью. Но помни одно, Дик, если когда-нибудь я буду нужна тебе – я твоя мать, мой ли ты сын или не мой. А теперь иди... Ну что ты, конечно я тебя поцелую. Будь счастлив и простим друг друга.

Разговор с Генри вышел долгий и мучительный. Генри был глубоко оскорблен.

– Мы сделали для Эльси все, что могли, – сказал он. – Когда у нее не было крыши над головой, мы приняли ее в наш дом, и отсюда она пошла под венец. А вместо благодарности она сманивает у нас сына.

– Милый, Эльси не могла бы его сманить, если бы он сам не хотел от нас уйти. Нам не удалось заслужить любви Дика. Ведь если он хочет покинуть нас, значит, он нас не любит. Насильно мил не будешь. Что не удалось, то не удалось.

Но ничто не могло убедить Генри. Впервые за двадцать один год их совместной

жизни он отказывался исполнить ее просьбу. Нет, никогда он не даст своего согласия!

– Отложим это до завтра, – сказала наконец Беатриса. – Постарайся уснуть, милый. И пусть тебя утешит, что другие наши дети нам верны.

– Да, – мрачно ответил Генри, – по крайней мере Гарри благодарение богу преданный сын.

– И Глэдис очень преданная дочь.

Она не упомянула об Артуре. Не стоит сейчас раздражать его тем, что он не в силах понять.

Всю ночь она не сомкнула глаз. На рассвете беспокойно задремала, но вскоре услышала осторожный стук в дверь. На цыпочках вошел Гарри.

– Я тебя потревожил, мама? Мне до смерти не хотелось тебя будить, но это очень важно.

– Я не сплю.

Никогда еще она не видела Гарри таким. Веки его покраснели и распухли от слез, лицо осунулось от горя и усталости.

Но рот, всегда немного вялый, сейчас был почти красив: у губ появилась новая складка, выражение кроткой и упрямой покорности, напомнившее ей Уолтера. Гарри сел в ногах постели.

– Мама, Дик уезжает. Папа обещал подписать согласие.

– Папа уже встал?

– Нет, сейчас он спит; я к нему заходил. Он обещал вчера поздно ночью, после... ох, ужасно тяжелый был разговор. Мы спорили за полночь... и наконец папа уступил. Сказал, что ты так хочешь. Но отказался пожать Дику руку. И сейчас Дик хочет уехать, пока все спят. Я случайно застал его у дверей, а то он бы уже уехал. Сейчас он в конюшне, седлает Леди. Он хочет доехать до Хенли, а там оставить ее на постоялом дворе. Мама, невозможно, чтобы он так и уехал, даже не простился ни с тобой, ни с кем. Это просто ужасно...

Голос Гарри дрогнул. Наступило молчание. Беатриса протянула руку.

– Подойди поближе, родной. Ты хочешь мне еще что-то сказать. Говори.

Он подошел и тихо остановился рядом с нею.

– Помнишь, как он мне сказал, что я наследник? Мама! Я никогда об этом не думал. То есть я не думал, что он мне завидует и... родной брат! Я... мне и в голову не приходило, что в нашей семье может случиться такое: чтобы ссориться и завидовать из-за денег и ждать чьей-то смерти... Я боюсь, это убьет папу. Так вот... Мама, я всю ночь ходил и думал. Если это удержит Дика от... от того, чтобы разбить сердце тебе и папе и опозорить нас всех... лучше уж я уступлю ему Бартон. Это будет вполне законно, понимаешь, это ведь не майорат. Если он мне не доверяет, я охотно подпишу бумагу, как только достигну совершеннолетия, что отказываюсь от старшинства.

– Ты сказал ему об этом?

– Да, только что.

– И что он ответил?

– Засмеялся – и все. Но, может быть, ты его уговоришь. Мама, я просто не могу, чтобы он вот так ушел из дому. А если Бартон все равно останется у нашей семьи...

Голос Гарри прерывался. Беатриса приподнялась и поцеловала его.

– Это была бы напрасная жертва, родной. Бартон значит для Дика гораздо меньше, чем для тебя; для него это просто кусок земли, слишком маленький и никак не заменяющий большого богатого поместья.

– Вот и Глэдис так говорит.

– Разве она знает?

– Я ее разбудил и просил удержать его. Но она не захотела его видеть; она заперлась у себя. Она сердится, что я предложил отдать Дику Бартон, говорит, что я не имею права: это все равно как если бы она продала Малыша бродячему торговцу.

– И она права. Триста лет все, кто владел Бартоном, любили его; он по справедливости должен перейти к тебе. Не потому, что ты старший сын, а потому что ты любишь его, как любит твой отец, как любили родители отца и все предки его матери, о которых мы хоть что-то знаем. Даже если бы Дик и согласился, мы не могли бы на него положиться. Мы с папой не имеем права на любовь сына, если мы ее не заслужили, но мы имеем право на то, во что вложили столько труда. На тебя мы можем надеяться. Когда нас не будет в живых и ты станешь хозяином Бартона, дети здесь не будут умирать с голоду и с лошадьми не будут жестоко обращаться... Ну, а теперь иди и попрощайся с Диком. И передай ему, что я его люблю. Да, так и скажи, он поймет. Я не хотела бы сейчас его видеть, если только он не попросит об этом.

Она отвернулась и закрыла лицо руками. По дорожке простучали конские копыта.

Полчаса спустя пришел Генри, опустился на колени у кровати и, весь в слезах, припал головой к ее груди.

Беатриса посмотрела на него. Жалкий, несчастный, с мутным взглядом и обвисшими щеками, он был ей странно дорог. Она провела рукой по редющим выцветшим волосам, по загрубевшей, толстой шее. Когда-то, когда он был в расцвете сил и красоты, стоило ему приблизиться – и ее пробирала дрожь отвращения. А теперь в ее сердце была одна только жалость, и она крепче прижала к себе своего старого младенца.

ГЛАВА XI

Возвратившись из Франции, Жиль и Артур застали весь дом в глубоком трауре. Все избегали говорить о случившемся но тень лежала на всех лицах.

Генри подписал официальное согласие, и в должный срок от нотариуса пришла копия королевского указа, которым Дику разрешалось принять фамилию лорда Кроу и носить его герб. От Эльси пришло длинейшее письмо: она изливалась в нежных чувствах и уверяла сестру, что всегда будет любить и баловать «милого Дика», как если бы он и в самом деле был ей родным сыном.

Он скоро получит патент на офицерский чин в кавалерийском полку, доступном лишь для избранных, и «очень, очень счастлив». В конверт было вложено официальное приглашение на свадьбу Эльси с лордом Кроу.

Беатриса в ответном письме извинилась, что не может приехать на свадьбу, и пожелала сестре счастья. Может быть, Дику хотелось бы что-нибудь сохранить на память о его прежнем доме? – писала она. Она сейчас же пришлет; и она уверена, он согласится с нею, что пока обеим семьям лучше не встречаться. На этом переписка прервалась.

В письме к Уолтеру, которое застало его на мысе Доброй Надежды, Беатриса изложила одни только сухие факты. Она еще не настолько овладела собой, чтобы у нее хватило сил обсуждать случившееся. Ответ пришел весной. К этому времени она уже пришла в себя и могла спокойно его прочесть.

"Мне кажется, – писал Уолтер, – как ни мучителен бил разрыв – это наилучший выход. Он заставил открыто признать то, что, к сожалению, давно уже было очевидно: что Дик духовно был таким же чужим отцу, Гарри и Глэдис, как и тебе и Артуру. Все, что вы – каждый из вас на свой лад – могли ему дать, без сомнения с самого начала было для него совершенно бесполезно, – и это не его и не твоя вина. Генри и дети обвиняют его в предательстве, – что ж, это неизбежно, но, по-моему, несправедливо: мы не можем предать то, чему не были преданы. Дик, мне кажется, так же ни в чем не повинен, как волк, тигренок или первобытный дикарь. На мой взгляд, он стяжатель и хищник по самой природе своей; он силен и по-своему красив, но среди существ более тонко организованных ему не место. Их чувства и нравственные мерки ему непонятны. Вероятно, он всегда чувствовал себя среди вас не в своей тарелке, он так же не мог усвоить то, чему ты старалась его научить, как волк не может питаться травой. Должно быть, больше всего Дика возмущало присутствие в доме Артура, это казалось ему несправедливостью, досадной помехой. Даже если не говорить о материальных выгодах, с Эльси он будет чувствовать себя лучше и легче, чем с любым из вас. Может быть, он и в самом деле станет ей сыном, ведь они говорят на одном и том же языке; и, может быть, он разбудит в ней какие-то человеческие чувства. Мне кажется, в ней еще есть что-то человеческое, хоть оно и заглушено неискренностью и себялюбием.

Ты спрашиваешь, как я живу. Никогда не думал, что я буду чувствовать себя таким здоровым и счастливым; так счастлив я ни разу не был после смерти папы, если не считать тех трех недель в Лиссабоне. Сейчас я принимаюсь за работу, о которой мечтал всю жизнь.

Повис просит «засвидетельствовать тебе свое почтение». Он, как всегда, неоценимый труженик и товарищ, не могу себе представить, как бы наша экспедиция обошлась без него. Иной раз у него бывают приступы черной меланхолии, и тогда от него слова не добьешься, но это быстро проходит. А обычно он здоров, весел и добродушен. Его неутомимость и изобретательность всех поражают".

Беатриса переслала это письмо Артуру, который теперь учился в Оксфордском университете. В следующий приезд домой он вернул ей письмо.

– Мне кажется, – заметил он, – дядя Уолтер хочет сказать, что Дику свойственно, по выражению отца Клемана, «непобедимое неведение».

– Отец Клеман – это друг Жилия?

– Да. Он старый священник, француз, живет в Тулузе. Мсье Жиль еще мальчиком учился у него, а теперь они большие друзья. В прошлом году он приехал к д'Аллейрам. Перед этим он долго был болен, и некому было за ним ухаживать. К нему так плохо относятся в Тулузе, называют его янсенистом, осыпают оскорблениями, угрозами. И тетя Сюзанна уговорила его погостить у нас три месяца. Все мы были ему очень рады.

– Скажи, а что это значит – «непобедимое неведение»?

– Не знаю, может быть я не очень хорошо понял. По-моему, католическая церковь так говорит о людях, чьих взглядов не одобряет, но к кому хочет быть снисходительной; и это значит, что таких людей не следует осуждать, потому что им не дано понять. Знаете: «Они не ведают, что творят». А я думаю, тетя Беатриса, разве мы вообще можем кого бы то ни было осуждать? Мне кажется, все мы так страшно мало понимаем. Наверно, я очень досаждал Дику все эти годы и даже не подозревал этого.

– Ты ничего плохого не сделал, мой мальчик. Это не твоя вина.

– Откуда мне знать, что я мог сделать? Неумышленно конечно. И потом он, наверно, думал, что я становлюсь между ним и вами. Или, может быть, между ним и Глэдис. Если так, не удивительно, что он меня ненавидел. Мне кажется, Глэдис он любил больше всех, во всяком случае он всегда очень гордился ею. И потом... хотел бы я знать... Может быть, Каину казалось, что Ева больше любит Авеля?

– По-твоему, Дик понимает, что значит любить?

Артур задумался.

– Для него это значит не то, что для вас. Но, может быть, каждый понимает любовь по-своему.

– Вот как?

– Я хочу сказать... ведь все люди разные, значит и думают и чувствуют они разное, правда? – Он помолчал в раздумье. – Помните, утром в день вашего рожденья мы с Глэдис всегда бегали искать для вас первые подснежники?

– Как не помнить! Вы приходили к завтраку совсем окоченевшие, все в снегу и в грязи.

– Да, если погода была уж очень плохая, нам удавалось отыскать только крохотные цветочки, побитые морозом. А все-таки это были подснежники. Может быть, и любовь Дика такая: лучшее, что он может дать.

– И потому она драгоценна? Да, об этом я не думала. Хорошо, если бы ты объяснил это Глэдис; может быть, она немного утешится.

Артур покачал головой.

– Глэдис видит только тех, кого она любит. Они заполняют весь мир и заслоняют от нее все остальное. Сейчас она просто не видит Дика самого по себе, она видит только человека, который сделал больно тем, кто ей всего дороже. Дайте ей время.

– Я даю ей все время, какое у меня еще остается. Но мне хотелось бы, чтобы все мои дети стали друзьями, пока я жива.

Проучившись год в Оксфорде, Артур в начале каникул поехал на три недели к родителям в Корнуэлл, а всю оставшуюся часть лета провел в Бартоне. В Каргвизиане он не нашел почти никаких перемен. Правда, его родные теперь ни в чем не нуждались, редкая рыбацкая семья могла бы похвастать таким достатком. Но нрав Билла не стал мягче, и Мэгги по-прежнему была вечно угнетена и подавлена.

– Тут ничем не поможешь, – сказал Артур Беатрисе, – он всегда останется таким. А мама будет просто терпеть и молчать до самой смерти. В Тренансе теперь новая методистская молельня, – по-моему, это ей очень помогает.

Полвилы подвозят ее туда каждое воскресенье, ведь у них теперь есть лошадь и повозка. И отец как будто не против... Нет, он почти не пьет. Но он очень строг с моими братьями и молодыми Полвидами, которые ходят с ним в море, и они его боятся... Я? Нет, я теперь не боюсь; только не хочу огорчить его.

Но, мне кажется, он махнул на меня рукой. И это к лучшему.

После того как Артур возвратился в Оксфорд, Беатриса несколько раз писала длинные письма Уолтеру. В этом году почти все семейные новости отрадны, писала она. С помощью Жилия Гарри понемногу становится настоящим фермером и скоро, можно надеяться, сумеет взять на себя львиную долю заботы по имению, а отец будет помогать, сколько еще может. Это очень важно, ведь пройдет еще несколько месяцев – и Жиль должен будет вернуться во Францию уже навсегда. Гарри очень сдружился с отцом: их сблизило то, что оба они тяжело пережили отступничество Дика, и при этом каждый лучше понял, как глубоко другой предан и ей самой, и Глэдис, и Бартону. Одна только боязнь огорчить «своего доброго сына» способна удержать Генри от попок и беспутства, даже не будь тут Глэдис.

Но, конечно, слово Глэдис значит для него больше, чем чье-либо еще. Ей и шестнадцати нет, но это она заправляет всем домом. Отец и брат – ее покорные рабы; и сама она, Беатриса, хоть это ее и забавляет, не без удовольствия переходит понемногу на роль «пассажира в лодке». Как приятно отдохнуть от вечного напряжения, иметь возможность прилечь, когда чувствуешь себя хуже обычного, и знать, что и без тебя не будет ни пьянства, ни ссор и споров, а в доме и по хозяйству будет сделано все что нужно.

"Ты говоришь, – писала она Уолтеру, – что уже и не надеялся когда-нибудь быть таким счастливым. Вот и я в чем-то счастливее, чем могла надеяться. Ведь несмотря на всю свою слепоту, на все промахи и неудачи, я теперь вижу плоды своих трудов. Глэдис и Артур для меня откровение: я и не подозревала, как великолепна может быть юность.

В прошлый раз я писала тебе, что университетский наставник Артура предлагает ему готовиться к экзамену на степень. Но это еще не так важно, хоть и приятно. Поразительно другое: у меня на глазах возникает душевный облик удивительной, лучезарной красоты, рождается то, что я почти уже осмеливаюсь назвать подлинным поэтическим гением. Этой зимой мальчик прислал мне ко дню рожденья коротенькие лирические стихи, необыкновенно изящные и музыкальные. Стихи о снеге. С месяц назад он показал мне несколько стихотворений побольше. Они еще незрелые и без сомнения не все одинаково хороши. Но в иных местах у меня просто дух захватывало. Особенно один отрывок – ты видишь, как жены рыбаков прислушиваются ночью к завыванию ветра, когда их мужей в море застигла непогода, – мне кажется, эти стихи

не могут не взволновать до глубины души. И в ритме их слышишь жалобу волн.

Глэдис все еще прилежно учится. Жиль через месяц уезжает, во Франции его ждут дела, но он обещает в письмах руководить ее дальнейшими занятиями, и мы с нею будем читать вместе. Это не лучший способ дать девочке образование, но ничего удачнее мы придумать не можем".

Следующее письмо было посвящено главным образом Глэдис.

"Она очень быстро развивается и физически и духовно. В последнее время она нередко с откровенным и веселым любопытством расспрашивает обо всем на свете – от скрещивания животных на ферме и до несовершенств уголовного кодекса. Вчера она заставила меня прочесть ей лекцию ни много ни мало об архиепископе Афанасии, о котором ей писал Артур. Его приводит в ужас мысль, что праведники будут блаженствовать на небесах, в то время как грешники остаются в аду. Он не понимает, как же они могут быть счастливы? Глэдис прочитала мне это место из письма вслух и спрашивает:

«Ты только скажи, мама, а что ты об этом думаешь?»

Пришлось мне сознаться, что, хотя на мой взгляд св. Афанасий «un type peu sympathique»¹⁹, как выражается Жиль, но, по правде говоря, я об этом не задумывалась. Его фанатическое учение, которое наш добрейший мистер Ньюджент благоговейно провозглашает с кафедры, всегда казалось мне не слишком убедительным. Но Артур, видимо, принимает все это всерьез. Что до Глэдис для нее господь бог – просто взрослый дядя, гневливый, но с добрыми намерениями, которому умные дети должны прощать его маленькие слабости. Она всегда рассуждала здраво.

«Люди говорят массу глупостей, которых вовсе и не думают, – заявляет она. – Наверно, бог просто потихоньку протащит всех грешников на небеса, когда ангелы отвернутся, а потом сделает вид, что и сам не понимает, как это они туда пролезли. Совсем как папа, когда поостынет. Помнишь Гуди Томкинс?»

Гуди Томкинс – одна из несчастных арендаторов Крнпса, жалкая полоумная старуха, ужасающе грязная; она ходит по дворам и выпрашивает объедки. Три года назад ее притащили к Генри на суд за кражу дров. Ты ведь знаешь, несколько поленьев – неодолимое искушение для бедняков в старости. Даже у нас в Бартоне иной раз какая-нибудь старуха не устоит перед соблазном, хотя у наших арендаторов за последние пятьдесят лет, с тех самых пор как отец Генри приобрел эту землю, никогда не было недостатка в топливе. Страх перед холодной зимой у них в крови. Никто, кажется, не понимает, откуда это идет.

Генри по обыкновению метал громы и молнии, осыпал старуху угрозами, кричал на нее, приговорил ее к самому суровому наказанию, через десять минут отменил приговор, а вечером послал Уилкинса потихоньку положить дрова на ее крыльцо. Не слишком логично, но в целом, пожалуй, ничего лучшего не придумаешь. Я понятия не имела, что Глэдис знает об этой истории".

В следующем письме, отправленном с уорикширского постоянного двора, снова шла речь о старой побирушке.

¹⁹ Не слишком симпатичная личность (франц.).

"Всегда буду считать, что сегодня – один из самых замечательных дней в моей жизни. Больше месяца мы провели в гнетущем ужасе, в неотступной тревоге. И вот наконец все рассеялось, и мы снова можем дышать.

Я не писала тебе, что Генри уже больше не мировой судья. Он подал в отставку вскоре после того, как от нас ушел Дик, и я не стала спорить. Он так измучился и пал духом, что просто не мог сосредоточиться на делах. Кроме того, при его слабости к вину возникали недоразумения, бывали жалобы.

Конечно, если бы Генри или я могли предвидеть, что вместо него судьей станет сэра Джеральд Крипс, мы бы отнеслись к этому иначе. Случалось, Генри засыпал во время слушания дела забывал имена, путал свидетелей, но по крайней мере он никогда не был бессердечен.

В марте лесник застал Гуди Томкинс во владении Крипса, она забралась в Траффордский лог. Лесник под присягой показал, что она пила фазанье яйцо.

Старуха это отрицала, но призналась, что стащила с изгороди рваную фланелевую куртку. Стояли холода, а ее мучит ревматизм. И Генри и я всячески старались смягчить сэра Джеральда, но он во что бы то ни стало хотел предать ее суду. Кража фазаньего яйца означает материальный ущерб свыше пяти шиллингов, иначе говоря – за это грозит виселица, а судья Энструтер славится своей жестокостью, особенно в тех случаях, когда нарушаются законы по охране дичи и охотничьих угодий.

Гарри вчера привез меня сюда, чтобы я могла сегодня утром быть в суде и просить о снисхождении к Гуди Томкинс. Но еще прежде чем судья сел в свое кресло, я поняла, что надежды нет. Об этом деле велись бурные споры по всему графству, и страсти слишком разгорелись. В зале суда набилось столько народу, что нечем было дышать. На улице собралась разъяренная толпа, судью встретили градом ругательств. Кто-то – к счастью, оставшийся неизвестным даже кинул камнем в его карету. Энструтер вошел в суд совершенно взбешенный и никого не стал слушать, кроме лесника. Гуди втащили в зал, она от ужаса слова не могла выговорить, а он так грубо на нее набросился, что толпа охнула. Несчастливая старуха, петля была у нее уже, можно считать, на шее.

И в самую последнюю минуту случилось чудо. Помнишь старика Бригса по прозвищу «Покайся во грехах», добровольного проповедника из Эбботс Вуда? Он был в этот день старшиной присяжных, и вот он стоит перед судьей и, глазом не моргнув, объявляет Гуди невиновной, наперекор свидетелям и ее собственному признанию. Слышал бы ты, как люди закричали «ура»! Судья пытался водворить тишину, но ничего не мог поделать. О приговоре кричали из окон, и толпа на улице от восторга редела. Впервые за всю мою жизнь мне тоже хотелось вопить от радости.

Когда все кончилось, я подошла пожать руку Бригсу. У него был совсем убитый вид. «Это не шуточки, мэм, – сказал он мне. – Я отягчил свою бессмертную душу клятвопреступлением, как же я теперь в день страшного суда предстану перед господом?» Не успела я придумать какие-нибудь утешительные слова, как вдруг в его глазах блеснула такая озорная искорка, и он говорит:

«Но нельзя же повесить бабку только за то, что ее старые кости боятся холода, – ведь верно, мэм?»

Так что, пожалуй, Глэдис права: пожалуй, люди лучше, чем их верования".

"Хотела бы я, чтобы ты мог сейчас поглядеть на Глэдис, – писала Беатриса брату еще несколько месяцев спустя. – Она мне напоминает дриаду. Я и вообразить не могла, что какое-либо живое существо, попавшее в чудовищные сети созданной нами цивилизации, способно быть таким свободным, непосредственным, вольным, как ветер.

Она всегда была такая, даже совсем еще крошкой. Ужасно независимый пухлый младенец!

Еще задолго до твоего отъезда она выросла из всех платьев. Теперь она такая длинноногая, что за нею просто невозможно угнаться. За этот последний год она сильно вытянулась, стала высокая и гибкая, но мускулы у нее стальные. Она уже выше Артура. Если бы не длинные волосы, ее можно было бы принять за крепкого, но при этом совершенно очаровательного мальчишку.

Знаешь, я начинаю думать, что, несмотря на не очень правильный профиль, из нее выйдет довольно красивая девушка. Рот у нее чуточку велик для безупречной красавицы, но добрый и хорошо очерчен, и она очень грациозна.

Но, по-моему, она все еще совершенно равнодушна к своей внешности. Право, мне подчас даже хочется, чтобы у нее появилась хоть капелька естественного женского тщеславия. Столкновения у нас с нею бывают не часто – по воскресеньям и в редких торжественных случаях, когда я вынуждена настаивать, чтобы она оделась сколько-нибудь прилично.

Трудно поверить, что ей уже шестнадцать лет. В этом возрасте почти все девочки только и думают, что о нарядах да о молодых людях, а она все никак не расстанется со старыми полотняными туниками и блузами, из которых давно уже выросла. С великим трудом я уговорила ее подхватывать волосы лентой, но банты у нее никогда не держатся. Если бы ей только удалось выпросить у меня позволение, она бы повсюду бегала босиком. Среди ночи она удирает из дому, чтобы поглядеть на сову или послушать соловья, на рассвете лежит, растянувшись в сырой траве, и уговаривает воробьев и мышей есть у нее из рук. Миссис Джонс уверяет меня, что девочка непременно «умрет от простуды», но холод, видно, так же ее не берет, как и страх.

Наивность и простодушие Глэдис, конечно, очаровательны, но порой становятся несносны. Бедный Гарри, при всей своей преданности сестре, очень огорчается, а иной раз даже пробует мягко упрекнуть ее за совершенное неумение считаться с тем, «что станут говорить». Недавно он сопровождал приезжих людей очень чопорных и не слишком умных, пожелавших осмотреть нашу старинную нормандскую церковь, и – о ужас! – вместе с ними наткнулся на Глэдис: она сидела в развилине дикой яблони, болтая ногами; один башмак свалился, чулок рваный, платье до колен, распущенные волосы падают ниже пояса, в руках раскрытый Шекспир, а на Шекспире сидит Хитрец – ее любимая белка. Они с Хитрецом по очереди откусывают от одной и той же сырой морковки, и Глэдис читает ему вслух. Что будешь делать с такой девчонкой?"

В последнем письме, посланном в Батавию, Беатриса пере давала Уолтеру вести от Жилия. Он возвратился на юг Франции, преподает в коллеже и пытается, хотя это не легко и даже небезопасно, оградить своего старого друг и учителя от нападков. Отец-Клеман попал в новую беду. На приписываемую кроткому старому священнику янсенистскую ересь власти, может быть, и смотрели бы сквозь пальцы, если бы не его весьма неудобная привычка привлекать внимание общества к невыносимому

положению бедняков, мрущих с голода в трущобах Тулузы. Без сомнения, рано или поздно отцу Клеману не миновать тюрьмы, предлог для ареста всегда найдется;

Беатриса опасалась, что и Жиль в конце концов попадет туда же.

«Он, кажется, не будет особенно возражать, – писал;) она, – лишь бы у него была надежда чего-то добиться. Но старик, – судя по рассказам Артура, он очень славный, хотя, конечно, сдержанностью не отличается, – заслужив ненависть всех тамошних мелких тиранов, не завоевал, однако, доверия народа: и Жиль, став на его сторону, кажется губит единственную надежду – если вообще можно было на это надеяться – осуществить опыт воспитания, о котором он так мечтал. На деньги, полученные в наследство от дяди, он хотел основать маленькую бесплатную школу для мальчиков в одном из беднейших кварталов Тулузы. Ты же знаешь, Жиль полон всяких идей, отчасти своих собственных, отчасти принадлежащих его любимому и почитаемому наставнику, маркизу де Кондорсе. Теперь, когда мы уже не можем обсуждать их вслух, он каждый месяц изливает их в письмах ко мне. Они всегда благородны и нередко остроумны. Но и сам Жиль и его друзья напоминают мне людей, которые строят прекрасные здания на склоне вулкана и не чувствуют, что земля колеблется у них под ногами. Что станет с Францией? Жиль верит, что там произойдет что-то похожее на события в американских колониях. А я боюсь, Уолтер, я трусиха и бесконечно рада, что Артур уже не во Франции. Но ведь и в других странах столько голодных и ожесточенных людей. Что же за мир достанется в наследство нашим детям?»

Отослав письмо, Беатриса с огорчением подумала, что не следовало этого делать. Даже если смутный страх перед будущим, преследующий ее все последние годы, не напрасен, для чего тревожить Уолтера, который с таким трудом обрел наконец душевное спокойствие? Не в его власти исправить несправедливо устроенный мир или смягчить неумолимый гнев тех, кто стал жертвою этой несправедливости. Пусть он забудет обо всем и будет счастлив среди своих размалеванных людоедов. Уж во всяком случае они не более жестоки а свирепы, чем бывают порой люди с белой кожей.

ГЛАВА XII

В ту осень Уолтер несколько раз писал сестре. Он рассказывал о своей работе, об окружающей красоте и удивительных приключениях, делился филологическими теориями и догадками, и каждая строчка дышала счастьем. В одном письме, написанном в ноябре и отправленном из Батавии, он сообщал, что обещанный голландцем торговый корабль уже готов для экспедиции к острову Пасхи, и они рассчитывают отплыть не позже чем через неделю. Потом пришло длинное письмо, написанное в открытом море и отосланное с острова Тимор, куда корабль зашел по пути к проливу Торрес. Теперь, писал Уолтер, у него не скоро будет возможность послать ей весточку. Но пусть она не тревожится: он здоров, как никогда, и наслаждается жизнью. «Даже если я не вернусь, – писал он, – даже если и острова Пасхи не увижу, помни: ради этого последнею года мне стоило жить на свете!»

Следующей осенью, в сентябре, письмо с того же острова Тимор, написанное

чужой рукой на ломаном английском языке, принесло ей известие полугодовой давности: Уолтера больше нет. Он погиб еще в марте, спасая Повиса, на одном из островов Тихого океана. Писал Беатрисе ученый-ботаник, голландец; он сообщал все, что знал о смерти Уолтера.

С корабля увидели маленький скалистый островок, и на берег отправили шлюпку, чтобы наполнить бочонки пресной водой; шлюпка пристала к берегу подле ущелья, пробитого бурным потоком в отвесной скале; Уолтер и Повис высадились на островок вместе с матросами, чтобы набрать оставленных отливом морских раковин. Опасаясь нападения враждебно настроенных дикарей, а то и людоедов, Повис взобрался на крутой утес, с вершины его оглядел островок и убедился, что он необитаем. Спускаясь по головокружительной крутизне, он ступил на камень, который не выдержал его тяжести, и рухнул вниз, в поток.

Уолтер – единственный, кто оказался поблизости – схватил багор, вошел в мелкую воду у края потока и зацепил потерявшего сознание Повиса, когда того несло мимо. Подоспевшие матросы вытащили Повиса на берег, но Уолтер поскользнулся на покрытом водорослями дне. Его подхватило течение, ударило о скалу и вынесло в море. Смерть, видимо, была мгновенной: когда, спустя несколько минут, Уолтера подняли в лодку, сердце уже не билось. Его похоронили там же на островке.

По пути в Индийский океан корабль зашел в Тиморскую гавань, и Повиса, серьезно пострадавшего при падении, поручили заботам местных властей. Теперь он поправляется. Из-за перелома правой руки он еще не может писать сам и просит передать Беатрисе всего несколько слов: рукописи и заметки Уолтера, коллекции и остальные вещи находятся у него, и при первой же возможности он привезет их ей.

Однажды солнечным октябрьским утром, когда Беатриса, промучившись всю ночь, пыталась уснуть, вошла Эллен и сказала, что приехал Повис. Беатриса сейчас же поднялась.

– Проводите его в мою гостиную и попросите подождать, пока я оденусь.

Предупредите миссис Джонс, что я хочу поговорить с ним наедине. Да, Эллен, и задерните, пожалуйста, занавеси на стеклянной двери – те, плотные. Мне сегодня не хочется яркого света.

До сих пор ей удавалось хранить свою тайну. Злокачественная опухоль, образовавшаяся на месте старой раны, росла медленно. Беатриса все еще могла, хотя подчас с большим трудом, скрывать свое состояние от всех, кроме доктора, а с него она взяла слово молчать. Даже теперь, когда уже не приходилось бояться, что Уолтер пожертвует самой большой своей радостью и вернется к ней, она хотела как можно дольше не омрачать горем лучезарную юность своих детей. Для их неискушенного глаза землистый цвет ее лица и смертельная слабость, которой она уже не могла скрыть, означали только одно: у мамы очень усталый вид. Даже Глэдис, самая наблюдательная в доме, ощущала пока всего лишь смутную тревогу. Но будет не так-то легко утаить что-либо от Повиса.

Она вошла в гостиную улыбаясь, впрочем не совсем естественно.

– Здравствуйте, Повис, как поживаете? Я очень рада, что вы наконец вернулись. Вы уже вполне окрепли? Давно ли в Англии?

Повис так же оживленно отвечал, и минуты две-три они играли друг с другом в

прятки, перебрасываясь замечаниями о его путешествии, о голландском торговом порте, о здоровье и успехах детей. После первого быстрого взгляда Повис уже не смотрел ей в лицо. Да, все это был напрасный труд, она могла и не вставать с постели, не устраивать в комнате полумрак. Ничто не обмануло его. И, странное дело, эта мысль почему-то утешала: в кои-то веки можно не притворяться!

Тем временем она изучала его лицо. Он постарел за эти три года, и в жестких щетинистых волосах прибавилось седины. В остальном он, казалось, не изменился, только кисть правой руки осталась изувеченной.

– Я привез вам вещи мистера Риверса, мэм, – сказал он немного погодя. – Там в прихожей сундук, а вот его бумаги и полный список всего. И счета. А это адрес того джентльмена из Королевского научного общества.

По обыкновению он был безукоризненно точен и аккуратен. Все до последней мелочи было записано и пронумеровано в строжайшем порядке.

– Благодарю вас, – сказала Беатриса. – Я позабочусь о том, чтобы переслать бумаги по назначению. А теперь расскажите мне все, что можете, хорошо?

– Как это случилось? Тут я мало что могу сказать, только с чужих слов, сам-то я был без памяти. Когда очнулся, все уж было кончено. Матросы рассказывали, они видели, как он ударился головой о камень. Он, верно, ничего и не понял, дай бог всякому такую легкую смерть... Да, я его видел.

Он будто спал. Нигде ни ушиба, ни царапинки, только затылок разбит.

– А как вы жили на корабле?

Около часа Повис рассказывал, Беатриса изредка задавала вопрос-другой.

– И мне кажется, – сказала она наконец, – я правильно поняла его письма: он, должно быть, был по-настоящему счастлив. Как по-вашему?

– Еще бы! Счастлив, как мальчишка, которого отпустили из школы. В жизни я не видал, чтобы человек так переменялся. И услышал – не поверил бы.

По-моему, он начисто про все позабыл, как будто ее никогда и на свете не было. Даже если, бывало, увидит, как малайцы или китайцы курят свое зелье, только погрустнеет на минуту – и все, не то чтобы весь почернел. Один раз в Батавии какой-то кули взбесился и побежал по улицам – бежит мимо нас и вопит и размахивает огромным ножом. Насилу четверо матросов его связали. Я боялся, что мистер Риверс расстроится, а он только улыбнулся невесело и говорит:

«Это все похоронено, Повис». И это чистая правда, так и знайте: как он уехал подальше от всего, так и излечился. С самого начала это ему помогло. Мы еще и Эддистоунский маяк не прошли, а уж я понял: это плаванье – то самое, чего ему было надо. Да, я знаю, вам-то было тяжело, мэм, но...

– Не так уж тяжело, как вы думаете. Задолго до его отъезда я знала, что никогда больше его не увижу. Даже если бы он остался жив и... Вы видите, я скоро умру.

– Да, мэм.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– Не стоит жалеть меня. Повис. Право же, я не очень огорчаюсь, теперь мои дети

уже почти взрослые и не пропадут. Все началось с того, что бык ударил меня рогами, когда погиб мой мальчик. Разумеется, я была бы рада, если бы это прошло, но раз нет...

Она умолкла на полуслове, но скоро снова заговорила:

– Мой труд, каков он ни был, почти закончен. А вот моему брату не пришлось довести свои работы до конца. Но я уверена: то, что он успел сделать, сделано хорошо, и он был счастлив тем, что он делал. Значит, должна радоваться и я.

– Так вы знали еще прежде, чем он ушел в плаванье, мэм?

– Да, конечно. Первые признаки появились еще три года тому назад.

Доктор увидел, что я и сама знаю, что это значит, и не стал меня обманывать.

Тогда он думал, что я протяну не больше двух лет, но болезнь развивалась медленно.

– А мистер Риверс знал?

– Никто ничего не знал, только доктор да вот теперь вы. Мне... пришлось молчать. Если бы он знал, он бы ни за что не уехал. Я не могла допустить, чтобы он отказался от своего счастья. Разве вы не понимаете?

– Понимаю. И вы до сих пор молчите?

– Они все так счастливы. Я хочу, чтобы мои дети как можно дольше оставались детьми. Очень скоро они станут взрослыми и поймут, что такое жизнь. Но теперь им быстро придется узнать правду – вряд ли это протянется больше двух-трех месяцев.

– Гм... надо полагать, это было не так-то просто. Да, я всегда говорил, что неплохо бы иметь вас товарищем, когда корабль идет ко дну.

Беатриса засмеялась.

– Что ж, и я тоже предпочла бы в этом случае вас всякому другому.

Теперь вот что, Повис: не могу ли я что-нибудь для вас сделать? Я была бы очень, очень рада. Я знаю, брат перед отъездом оставил завещание, и он говорил мне, что вы будете обеспечены. Но, может быть, вам нужно что-нибудь еще?

– Спасибо, мэм. Вы очень добры, что об этом подумали. но мне, знаете, ничего не надо. Мистер Риверс мне оставил довольно.

– Может быть, вы поживете у нас, пока не устроите свою дальнейшую судьбу? Мы были бы вам очень рады.

– Все уже устроено. Я выбрал себе дом .

– Возвращаетесь в Уэльс? Его лицо потемнело.

– Ну нет! Нет, мэм, с Уэльсом я покончил, и с Англией тоже, и с любой землей, над которой поднят британский флаг. В январе отплываю в Америку.

– В Северную Америку?

– Да, мэм. Подал прошение, стану гражданином Соединенных Штатов.

– Значит, вы хотите окончательно там осесть?

– Да, мэм, и куплю себе ферму – маленькую, где-нибудь в горах. Может,

где-нибудь в Нью-Джерси или в Пенсильвании. Я родился на зеленом холме, на зеленом холме хочу и помереть.

– Там вереск не растет, Повис. Он быстро вскинул на нее глаза.

– Это он сказал вам?

– Что сказал?

– Нет, конечно нет. Ему бы и в голову не пришло вспоминать такие пустяки. У него это выходило само собой, а потом он про это забывал.

Повис рассеянно взял со стола часы Уолтера, подержал их минуту, ласково поглаживая пальцами, и снова опустил на стол. Беатриса опять вложила часы в его руку.

– Что вы, мэм, – в смущении пробормотал он.

– Они ваши, – сказала она и, держа его за руку, продолжала: – Пожалуйста, расскажите мне, что он такое сделал с вереском? Или, может быть, вам неприятно?

Повис опустил голову.

– Что тут рассказывать. Я тогда лежал в Лиссабоне в больнице у этих окаянных монахов. Когда очнулся от лихорадки, ни на какую еду мне и смотреть не хотелось, тошно было от этих монахов, и от грязи, и от мерзких разговоров – в супе тараканы, брат такой-то расчесывает свою коросту и толкует мне, что я их всех должен век благодарить, другой брат готов в колодец подсыпать яду, лишь бы сквитаться за... Ладно, это все ни к чему. Я был бы не прочь, если б кто-нибудь из них и мне подсыпал яду. Семнадцать лет бился, работал до кровавого пота, чтоб вылезти из ямы и стать человеком, – и на тебе, все начинай с начала, остался без последней рубашки и кормлюсь подаянием!

Тут он и явился. Первый раз, как я его увидал – то есть, когда уже в память пришел, – он принес такой, маленький пудинг в нарядной белой посудинке и серебряную ложку, завернутую в кружевную салфетку. Это был подарок от докторовой дочки. После она мне всегда посылала лакомые кусочки.

Он так и не узнал, что я едва не запустил ему в лицо этим пудингом, только силы у меня тогда было, как у слепого котенка. Лежу и думаю: ну-ка подойди поближе со своими нежностями, благородный джентльмен, я тебе подпорчу твою красоту, хоть бы мне после этого пришлось испустить дух. До чего же я его ненавижу! «Вы очень великодушны, сэр, – говорю ему, – только мне милостыня ни к чему».

Он так это удивленно поглядел на меня, даже глазами похлопал, будто я ему задал трудную задачу, и говорит: «А это, говорит, не милостыня, это драчена с миндалем». Я и опомниться не успел, как мы оба с ним расхохотались.

Доел я эту драчену, он взял ложку, вымыл и говорит:

«Оставьте ее у себя, будете знать, что она чистая».

А через неделю он приходит и просит сделать ему такое одолжение: не выучу ли я его валлийскому языку. Это еще вам на что, спрашиваю. А он говорит: "Я люблю разные языки, и мне говорили, что ваш валлийский язык очень красивый. И потом, говорит, мне хочется читать вашу прекрасную древнюю литературу. Ну, знаете, когда всю жизнь только и слышишь, как твой родной язык обзывают тарабарщиной..."

Стал он приходить три раза в неделю по вечерам. Иногда рассказывал мне про старую латинскую книгу, которую он тогда читал, – целая книга, и все про Уэльс. Ее написал один валлиец много сотен лет назад. «А знаете, говорит, вы первые из всех народов в Европе начали чистить зубы. У вас, говорит, и у ирландцев были уже поэты и музыканты, когда мы были совсем еще дикие».

– Один раз принес он мне сливочный сыр. Их привозят с гор, и завернуты они в мох или там в листья. Развернул я сыр, а во мху лежит вереск, махонькая веточка. Когда болен, все примечаешь... Но мне и в мысль не пришло, что он видел. В первый же понедельник приносит он мне целую охапку вереска. Это он пошел на рынок, разузнал, откуда привозят эти сыры, и на все воскресенье ускакал верхом в горы, чтобы нарвать вереска. Положил его мне на кровать, так, будто между прочим, и говорит: «Как это называется по-валлийски?» Я сказал ему слово, он спрашивает: «А как это пишется?» – и повторил раз, другой, а потом говорит: «Да ведь это означает „радость сердца“! Какое, говорит, чудесное имя для цветка». Он решил, что это я ему сказал наше название вереска. Слепой, как крот. В языках-то он отлично разбирался, а в людях мало что смыслил.

– Да, мало.

Когда Беатриса овладела собою настолько, чтобы не дрожал голос, она спросила мягко:

– А не будете вы тосковать один в чужой стране?

– Я буду не один. Беру с собой жену.

– Вы женаты?

– Нет еще, но скоро женюсь. Она молодая вдова, родом из Сомерсетшира, все годы, пока мы жили в Лондоне, она на нас стирала. Жизнь у нее была тяжелая. Мужа забрали в матросы и убили, когда она ждала своего первенца.

Мистер Риверс был к ней очень добр, когда ее малыш умер, и она этого не забывает. Ну, на прошлой неделе, почти сразу как приехал, отправился я в Лондон и выложил ей все начистоту. В конце этого месяца и обвенчаемся.

– Я от души рада за вас, – сказала Беатриса. – Если вы обрели любовь, она будет вам утешеньем в вашей утрате. Лицо Повиса вновь потемнело.

– Любовь? Нет, мэм. Хватит одного раза. Она женщина богобоязненная и будет мне хорошей женой, а я ей буду хорошим мужем. Но любовь... любовь зарыта в могиле для бедных тому уж без малого сорок лет.

– Да, да, я знаю. Он мне говорил.

– Не такой уж я дурень. Бывало, мне нравились женщины, и я им в свое время нравился – белым, и черным, и коричневым, не взыщите за такие слова.

Только это не любовь.

Повис пожал плечами.

– Она это понимает. Ей нужен дом, и дети, и муж, чтоб было кому ее защищать, всякой женщине этого хочется. А мне нужна порядочная чистоплотная женщина, чтоб смотрела за домом и ходила за коровами, покуда я работаю в поле и на конюшне. И мне нужен сын.

Он посмотрел на нее, гордо вскинув голову. Однажды она уже видела его таким.

– Вы этого не поймете, мэм, и он бы тоже не понял. Вам, благородным, кой-чего нипочем не понять. Я не так уж стар – еще шестидесяти нет, и крепок, как в тридцать, покуда не надо бежать в гору. Не хуже всякого другого могу родить здорового сына. Мне нужен сын, чтоб родился свободным человеком и даже не знал, что такое благородные господа-дворяне. Я хочу оставить после себя сына, который никогда в жизни никого не назовет сэром.

Взгляд, сверкавший, точно лезвие ножа, погас. Прежняя хмурая усмешка опять появилась на его лице.

– Вам-то, конечно, все это кажется чепухой, мэм. Может, оно и так. А вот Билл, тот понял бы про что я толкую, хоть он и размазня. Артур нет, ему вовек не отличить, кто барин, кто не барин, для него все едино – все христианские души. Вот поэтому такие, как Артур, – опасные люди. Пожалуй, что господь бог и сам это понимает. Может, потому он таких не больно много сотворил... Ну, что-то я, кажется, становлюсь болтлив, вы уж, верно, думаете, что хватит.

Беатриса не дала ему договорить.

– Нет, нет! – горячо возразила она. – Кроме вас, у меня никого не осталось, кто бы меня понял, только с вами с одним я и могу говорить. Глэдис еще девочка, Артур же... Вы правы, Артур остается Артуром. Есть вещи, о которых серафиму не скажешь. Разве вы не видите, что я живу одна со своими мыслями... с черными мыслями. Когда вы уедете, я умру с ними – одна.

Она закрыла глаза рукой. Потом снова заговорила:

– Неужели, по-вашему, я не понимаю, сколько зла богатые причинили бедным и что должны чувствовать бедняки? Неужели вы думаете, что я у вас с Пенвирном так ничему и не научилась? А знаете, что сейчас начинается во Франции? Мсье д'Аллеяр пишет мне о том, что происходит у него на глазах. На улицах Парижа люди умирают от голода. И это не только во Франции. А у нас, в Англии? Видели вы, сколько теперь нищих бродит по дорогам?

– Это не ново, мэм. Удивительно только, что благородные господа стали это замечать.

– Поневоле приходится замечать, Повис: год от году становится все хуже.

Солдаты, изувеченные на войне, семьи, оставшиеся без крова... все идут мимо день за днем, день за днем. и просят подаяния. Посмотрите на их лица! Мир полон отчаявшихся людей... людей, в чьих душах гнев. Везде что-то зреет, вскипает где-то глубоко внизу, чтобы прорваться... Чем все это кончится?

Резней? Поможет ли это кому-нибудь?

– Может быть, и нет. – медленно ответил Повис. – Мне трудно вас понять, мэм, для меня это больно мудро.

– Давайте поговорим откровенно, – сказала Беатриса. – Я знаю, что мы, те, кто владеет землей, не имеем на нее права. Ведь откуда пошли почти все большие поместья? Достались они грабежом, а сохраняли их мошенничеством и обманом: да и с маленькими именьями часто было то же самое. Даже Бартон куплен на деньги, вырученные от торговли рабами. Но если вы всех нас уничтожите, что вы поставите на

наше место? Разве это наша вина, что мы родились господами? А мой брат? Он никогда никого не оскорбил, никому не причинил зла. Скажите, Повис, неужели даже ему вам неприятно было говорить «сэр»?

Губы Повиса вдруг судорожно покривились.

– Ему – хуже всего. Эх, что толку объяснять? Все равно вы не поймете.

Он был мне как сын, вот что, а я для него был просто добрый пес. – Он засмеялся. – И еще не всегда добрый. Зато он всегда был сама доброта.

Доброта и терпенье. Как говорится: «Милосердный человек милосерден и к своей скотине»... и даже к своему лакею.

– Не надо так. Повис! Это кощунство. Он отдал за вас жизнь.

– Верно, мэ. А по-вашему, надо бы наоборот. Что ж, тут я с вами согласен. Мне куда приятней было бы отдать жизнь за него.

– Он это знал. Он сказал мне однажды, что вы готовы умереть за него.

– Еще бы. Только господь бог нас не спрашивает. Видно, полагает, что это не нашего ума дело... Я вас замучил, мэ. Что ж, больше мы с вами не увидимся, одно только хочу вам сказать: я рад, что был с вами знаком, и горжусь, что пожимал вашу руку, хоть вы и благородная леди. И если у меня будет дочь, я...

Стеклянная дверь распахнулась. В комнату хлынул солнечный свет.

– Можно к тебе, мама? Посмотри, что... Ох, простите! Я не знала, что тут кто-то есть.

Глэдис как вкопанная остановилась на пороге. Для воспитанной молодой леди, которой уже минуло семнадцать лет, она выглядела довольно странно.

Сучья ее любимой дикой яблони окончательно изорвали тунику, из которой она давным-давно выросла, с плеча свисал лоскут, обнажая руку, в которой была высоко поднята ветвь, усыпанная мелкими алыми яблоками. По плечам в беспорядке рассыпались пронизанные солнцем волосы. В этом пламенеющем снопе кое-где еще светилась совсем детская золотая прядка. Ни уродливые старые башмаки, ни свежая царапина на подбородке не меняли дела: на пороге стояла самая настоящая дриада.

Она стояла неподвижно и смотрела на Повиса. Тот с серьезной улыбкой повернулся к Беатрисе.

– Ему было бы приятно на нее поглядеть. «Гвлэдис, лесной дух», называл он ее, и сразу видно почему.

– Поди сюда, Глэдис, – сказала Беатриса. – Это Повис, лучший друг дяди Уолтера.

Глэдис положила свой тирс, подошла и молча подала руку Повису. Он снова повернулся к Беатрисе:

– Ну, я пойду, мэ. Спасибо вам за все.

– Это я должна вас благодарить. Мы не забудем друг друга.

– Да, мэ.

Он пожал им обеим руки; потом помедлил, задумчиво глядя на Глэдис.

– Вы его крестница, и у вас хорошее валлийское имя, хоть его здесь и не совсем

правильно пишут. А ведь это я его выбрал. Позвольте старику благословить вас, если вы не против.

Глэдис наклонила голову. Лицо у нее стало строгое. Повис на миг коснулся искалеченной рукой ее волос, пробормотал что-то по-валлийски и вышел.

– Мама, – сказал Гарри, – может быть, послать за Диком?

Он стоял на коленях подле ее постели. Генри только что в слезах вышел из комнаты. Был апрель, вся спальня заставлена яркими весенними цветами, но их аромат бессилён был заглушить дыхание близкой смерти. Для всех, кто любил Беатрису, минувшая зима была нестерпимо тяжела, но теперь ее страдания скоро кончатся. Если она хочет еще что-то кому-то сказать, надо говорить скорее, пока не слишком терзает боль и не оглушил опиум, пока еще ясен разум.

Беатриса покачала головой.

– Нет, родной, оставь его в покое. Я не хочу его тревожить.

Губы Гарри дрожали.

– Мамочка, ты твердо решила? Это так ужасно... Ох, я знаю, он был скверный, отвратительный. Но подумай только: глубоким стариком он непременно вспомнит, что ты и умирая не простила ему.

Она широко раскрыла глаза, как будто слова сына ее удивили и чуть ли не позабавили.

– Простила? Милый мальчик, ты не так понял. Я только не хочу его беспокоить. Разумеется, я простила бы ему все что угодно. Но мне нечего прощать.

Глэдис вдруг засмеялась недобрым смехом, который сразу оборвался, почти как рыдание.

– А ему нечего помнить. Не будь сентиментальным глупцом, Гарри. Неужели ты до сих пор не понял, что Дик у все равно? Если бы ты и послал за ним, он бы не явился.

Гарри в ужасе поднял на нее глаза.

– Глэдис, этого не может быть! Неужели ты и правда думаешь, что он отказался бы прийти... даже теперь?

Она пожала плечами.

– Особенно теперь. Ты разве не знаешь, что во вторник его совершеннолетие? И что он – наследник Суинфорда? Там кругом будут флаги и гирлянды, и все и каждый будет ему низко кланяться, и угождать, и поздравлять, – и ты думаешь, он откажется от такого удовольствия только потому, что у него умирает мать? Плохо же ты знаешь Дика.

– Даже если бы он и приехал, – сказала Беатриса, – он приехал бы неохотно, и вы сердились бы на него за это. Я не хочу, умирая, видеть вокруг злобу и ожесточение.

Она взяла сжатую в кулак руку дочери и поглаживала ее, пока стиснутые пальцы не разжались.

– Пусть он будет счастлив на свой лад, дети, и забудьте, если уж вы не можете

простить. Ничего, Глэдис. Ничего, дочурка. Ты меня любишь за двоих.

Теперь иди. Мне надо поговорить с Гарри... Хорошо, дай мне капли. Спасибо, родная. Поди и утешь Артура.

Глэдис на миг прижалась щекой к худой, иссохшей руке и вышла из комнаты. Гарри, все еще стоя на коленях у кровати, смотрел на мать жалкими преданными глазами.

– Слушай, Гарри. Отца я оставляю на тебя. Он добрый и очень любит вас, но он слабый человек. Один он с собой не сладит. Удерживай его от вина и от женщин, которые заставляют его пить. Ты единственный из всех моих детей похож на отца, каким он был в его лучшую пору. Но воля у тебя сильнее, и он уважает тебя.

Он ответил смиренно:

– Я сделаю все, что только смогу. Но Глэдис в десять минут добьется от папы большего, чем я за целую неделю. Она должна была родиться мужчиной, мама. Она умнее меня.

Беатриса обвила рукой шею сына.

– Глэдис очень сильная: папа всегда будет ее слушаться, пока она здесь.

Но она не вечно будет здесь. Когда она выйдет замуж, она уйдет к мужу. Когда ты женишься, твоя жена придет к тебе. Передай ей, что я благословляю ее и что ты был мне хорошим сыном. Теперь еще одно. Если ты когда-нибудь снова увидишь Дика, скажи ему от меня – только смотри, слово в слово, – что я желала ему счастья и что я знала: в том, что произошло между нами, я больше виновата, чем он.

Гарри громко зарыдал.

– Мама, что ты говоришь! Я не могу этого слышать! Как ты можешь так думать хоть одну минуту! Это неправда!

Он совладал с собой и продолжал спокойнее:

– Слушай, мама, вот что мне сейчас сказал отец. Он сказал, что ты была лучшей в мире женой. И неужели, по-твоему, я не понимаю, что ты была лучшей в мире матерью?

С минуту Беатриса лежала молча, потом улыбнулась и поцеловала сына.

– Ты славный мальчик, Гарри, и очень великодушный. Теперь иди, мне надо уснуть.

Утирая глаза рукой, он на цыпочках вышел из комнаты. Она проводила его взглядом, губы ее кривила усталая, насмешливая улыбка.

Ну, хватит откровенности и предсмертных исповедей. Если уж ты всю жизнь носила маску, придется и умереть в маске. Эта по крайней мере тебе к лицу... и ты носила ее не без изящества.

...Лучшая в мире жена и мать. Таково семейное предание, оно останется после ее смерти и перейдет к детям Гарри. Муж, который был ей страшен, как чудовище, ненавистен, как насильник, которого она презирала за глупость...

Сын, чье младенческое прикосновение было ей нестерпимо и мерзко до дрожи...

Вот как они думали о ней все эти годы. И теперь, когда она научилась по-настоящему их любить, они не видят разницы.

Дик... бедный Дик. Пустой, жадный, ничем не замечательный Дик, знал ее куда лучше. Йэху, но честный и трезвый йэху, он не был обманут. Если б еще раз увидеть его, один только раз, пока она жива.

Нет, больше она его не увидит.

Внезапно в ней проснулась нестерпимая тоска по Дику, страстная, звериная тоска, раздиравшая сердце, как недуг раздирал ее плоть. Не его никчемная привязанность была ей нужна – только бы взглянуть на это великолепное животное, которому она дала жизнь, ощутить прикосновение его руки, услышать веселый, звонкий смех, полюбоваться блеском его золотистых волос.

Материнство... странная, непостижимая вещь... нечто безрассудное, ужасное и бесценное, уходящее корнями... куда?

«Билл Пенвирн, я родила тебе детей, верно? Ты был жесток...»

Как знать, что приходилось терпеть Мэгги в ту пору, когда зачат был Артур? И все же он – Артур...

Плотское желание... Нет, тут ты глубоко ошибалась, ошибалась с самого начала. Ты видела в этом только алчность йэху, первобытную дикость и грязь.

Карстейрс и кляп во рту... йэху, бесчисленные йэху... они алчут, они валяются и барахтаются, плоть к плоти, – и возникает жизнь. И это все?.. Все ли?..

Но это не любовь... Кто это сказал? Ах да. Повис. Повис знал какую-то иную любовь. И Уолтер... Уолтер и Элоиза – они тоже... Что же это такое, что так и осталось ей неведомо?..

Не все ли равно теперь, когда твоя плоть гниет заживо? Скоро ты умрешь, и вся эта жалкая путаница уже не будет иметь никакого значения...

Вот опять начинается боль. Ах, забыть, забыть обо всем. Уснуть... уснуть, пока еще можешь.

Она проснулась. Не вдруг, а понемногу прояснилось сознание, и она лежала, не открывая глаз, и прислушивалась к тишине. Ничего не видя и не слыша, не ощущая никакого прикосновения, она знала: рядом кто-то есть.

Медленно она раскрыла глаза.

Сними обувь твою... ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая...

Артур и Глэдис стояли подле нее, рука в руке.

Долго она лежала, глядя на них, и они не шевельнулись. Здесь, в торжественном сиянии, озарявшем их лица, было перед нею то, чего она никогда не знала.

Глэдис наконец заговорила:

– Мама, мы хотим сказать тебе. Артур и я... когда мы станем взрослыми...

Они опустили на колени, и она положила руку на их прекрасные склоненные головы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ О СВЯЗИ ЭТОГО РОМАНА С «ОВОДОМ»

Спустя два года после смерти Беатрисы Артур, который почти уже окончил курс в Оксфорде, заявил, что переходит в католическую веру, и должен был оставить университет, не получив диплома. Отец потребовал, чтобы Глэдис разорвала свою помолвку; но она отказалась повиноваться. Когда отец стал настаивать, она хоть и с сожалением, но без колебаний оставила родной дом, продала ожерелье крестной матери, ибо других средств не было, сообщила из Лондона в нежном письме отцу о своем замужестве и последовала за Артуром на юг Франции, где он вместе с отцом Клеманом должен был учить детей в школе, основанной Жилем в трущобах Тулузы. Генри вычеркнул имя дочери из завещания и беспробудно записал.

Она терпеливо ждала, уверенная, что, став дедом, он простит ее. Но во Франции разразилась революция. После года счастливого замужества по дороге в замок д'Аллепров, где Глэдис должна была стать матерью, она оказалась в гуще сражения, и роды начались прежде, чем ей удалось достигнуть надежного крова.

Неделю спустя здоровая, полная сил молодая женщина умерла от родильной горячки на грязном постоялом дворе. Весть об этом застала Генри на исходе очередного запоя, и с ним случился удар.

Во время террора Жиль погиб вместе с другими жирондистами, но Артур после многих страшных испытаний бежал в Англию с трехлетней дочерью и бездомным больным отцом Клеманом. Одиноким, с подорванным здоровьем, не зная, где преклонить голову, Артур вернулся в Корнуэлл. Мэгги уже не было в живых, а Билл не захотел его видеть. Наконец брат Джим помог ему получить место смотрителя маяка на одном из островов Силли – на такой одинокой, голой, открытой всем ветрам скале, что местные власти посмотрели сквозь пальцы на его веру, лишь бы маяк не остался без присмотра. Они потребовали только, чтобы он не выставлял напоказ свои «папистские замашки» и не смущал округу.

Остаток жизни он мирно провел на этом островке, зарабатывая скудный хлеб для себя и двух своих близких, учил дочь, нянчился с парализованным стариком и сочинял мистические стихи, большая часть которых умерла вместе с ним. Спустя полвека после его безвременной смерти связка рукописей, изгрызенных мышами и поврежденных сыростью, случайно отыскалась на одиноком маяке. Лишь немногие стихотворения еще можно было разобрать, и некоторые оказались незаконченными, но три крохотных жемчужины в конце концов нашли свое место в антологиях и остались навсегда среди не самых крупных, но все же классических созданий английской духовной поэзии.

Глэдис Пенвирн провела счастливое детство, окруженная чайками и буревестниками, если не считать двух печальных лет в монастырской школе, где она никак не могла освоиться и чувствовала себя точно в ссылке. Не то чтобы с нею плохо обращались: монахини не были умышленно жестоки, а ее, неизменно кроткую и послушную, наказывали не часто. Но их бездушное механическое благочестие пугало и отталкивало девочку, и ее обрекли на остракизм, постоянно ставя в пример другим девочкам. Она избежала полного одиночества только благодаря подруге постарше, неизменно выступавшей в ее защиту.

«Глэдис не виновата, – горячо доказывала Дженнифер. – Ну что же ей делать, если она от рождения такая хорошая? Это все равно что родиться горбатой. Ее жалеть надо».

Когда Дженнифер окончила школу, двенадцатилетняя Глэдис стала чахнуть и, опасаясь за здоровье девочки, ее отослали домой, на маяк, к отцу, который стал к тому времени францисканцем третьего ордена, и к старому священнику, больше уже не встававшему с постели. Под крылышком этих двух добрых созданий она достигла отрочества. Оба они были аскетами, но жизнь девочки старались сделать не столь суровой, а если она и знала неудобства и лишения, то они были не навязаны ей насильно, а дарованы как милость. Прекрасные дамы Смирение и Бедность были желанными и почетными гостями на маяке.

Гарри, унаследовав Бартон, передал поверенному семьи Риверс крупную сумму для своей племянницы и просил представителя фирмы постоянно сообщать ему о ее судьбе и здоровье. Но, исполнив этот свой долг, он не пожелал иметь ничего общего с человеком, который отступничеством и черной неблагодарностью (с точки зрения Гарри) опозорил и убил его сестру и разбил сердце отца.

Артур, отвергаемый им снова и снова, до последнего своего часа не терял надежды на примирение. Но Гарри, во всем остальном доброжелательный и разумный, был одержим ненавистью к «папистам» и французам. Несмотря на воспоминания, одинаково дорогие обоим, сквайр, владевший поместьем в Уорикшире и исповедовавший протестантскую веру, и поэт-католик, сочинявший стихи на скалистом островке, не поддерживали друг с другом никаких отношений и тем дали возможность преемнику мистера Уинтропа, когда финансовые дела его запутались, безнаказанно присвоить доверенные ему деньги.

В семнадцать лет неожиданно осиротев и оставшись без гроша за душой, Глэдис поселилась у Дженнифер и ее мужа. Роберт Уоррен начинал свою нелегкую карьеру врачом в британской колонии в Ливорно. Они с Дженнифер были бедны как церковные мыши, и несчастья преследовали их, но они предложили ей свое гостеприимство, пока она не найдет работу. Только когда девушка приехала в Ливорно, чтобы зарабатывать кусок хлеба среди тамошних приверженцев протестантской веры, весьма практических в делах земных, и она сама и Дженнифер с мужем поняли, какая это трудная задача. Глэдис основательно знала латынь, посредственно – французский язык, изучила труды отцов католической церкви и как святыню хранила в памяти множество стихов; сверх того она могла предложить отрывочные сведения из орнитологии, умела готовить лишь самые скромные и незамысловатые кушанья, обладала рассеянностью прирожденного мистика и внешностью то ли феи кельтских лесов, то ли средневековой святой. О том, что такое пол, о кокетстве и нарядах, о мыслях и чувствах обыкновенных мужчин и женщин она не имела ни малейшего представления.

Собственная беспомощность, отчаяние и добрый совет отца-исповедника толкнули ее в западню: едва ей исполнилось восемнадцать, она согласилась выйти замуж за пожилого судовладельца Бертон, который хотел было сделать ее своей любовницей. Поначалу и досадуя и забавляясь, а затем в совершенном восторге, он предложил обручальное кольцо первой и единственной девушке, которая искренно не могла понять его намеков.

Пять лет спустя налетевшая, как буря, трагическая страсть захватила ее и Монтанелли, но еще перед тем ее успели достаточно просветить. Среди многого другого она поняла, почему все ее четверо детей родились мертвыми и почему доктор Уоррен шепотом благодарил за это небеса.

В двадцать четыре часа она воздвигла неодолимую преграду между собою и Монтанелли. Он тотчас добровольно отправился с опасной миссией в Китай, а Глэдис нашла прибежище в покаянии и благочестивых делах и в свою очередь вступила в третий францисканский орден. Овдовев, она посвятила себя уходу за больными бедняками и своему сыну, которого старалась воспитать в той же духовной отрешенности и полном неведении жизни, которые загубили ее собственную юность.